SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Удивительно знакомый и в то же время чужой мир. Мир, где не было Второй мировой, и где в 2020 году высокотехнологичные армии корпораций спорят за мировое господство с владеющими магией аристократами. Там ему было тридцать пять. Здесь нет и пятнадцати, зато проблем на все сто — ненависть неожиданных родственников, перечеркнутый бастардной перевязью герб, презрение окружающих и запретный дар, применение которого грозит смертной казнью. Еще и в школу надо идти.

- Angel Delacruz
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Послесловие

Angel Delacruz
Варлорд. Драго. Том II

Глава 1

— Свет мой зеркальце, скажи, да всю правду расскажи… — негромко произнесла погруженная в думы царевна, невидящим взглядом глядя сквозь собственное отражение в зеркале.

Повинуясь неясному импульсу, она вдруг сфокусировала взгляд на самой себе, словно впервые заметив. Хмыкнув, немного неуверенно и даже словно стесняясь собственных желаний, Эльвира, все еще не выходя из глубокой задумчивости, положила руки на шею, запустив ладони под волну длинных волос. И грациозно выгнулась, потянувшись вверх, к самому небу.

На несколько секунд, по-прежнему глядя отражению в глаза, Эльвира замерла на мысочках, отбросив все мысли и просто любуясь собой.

Потом чуть подбоченилась, перенеся вес на одну ногу и положив ладони согнутых рук на талию.

Поменяла опорную ногу, изогнувшись в другую сторону. Подняла правую руку, опять запуская ладонь в длинные локоны. И еще сильнее изогнулась в талии, так что линия бедер стала еще круче и привлекательнее.

Чуть погодя Эльвира легко приподняла, сгибая в колене, одну ногу и наклонилась, подарив отражению чувственный воздушный поцелуй. Тут же выпрямилась, деланно смущенно потупившись, опустив плечи и скрестив перед собой опущенные руки.

Смущение демонстрировала сама себе недолго — почти сразу вздернула подбородок, выполнив холодно-надменный взгляд. Чуть опустила подбородок, исполнив взгляд маняще-загадочный. Смутилась уже по-настоящему, и тут же повернулась к зеркалу спиной, оборачиваясь, глядя дерзко и с вызовом. От этого смутилась еще сильнее, но почти сразу звонко рассмеялась. Вновь подняла руки, запустив в густые локоны, заставляя подняться волну волос и подмигнула своему отражению.

Определенно, она сама себе нравилась. Особенно с распущенными волосами.

Убрав рассыпавшиеся локоны за спину, Эльвира вернула себе серьезность. Практически замерев, лишь то и дело проводя рукой по своим густым, платинового цвета волосам, царевна еще долго стояла перед зеркалом. Размышляя ни о чем и сразу обо всем. И еще немного отстраненно любуясь собой.

Эльвира сейчас по-настоящему наслаждалась моментом — потому что последние месяцы ей практически не удавалось побыть в одиночестве и дать волю эмоциям.

Быть магом-менталистом — это значит ограничить себя в

возможности одиночества. А когда вокруг череда важных событий, тяжелее вдвойне — эмоции других людей громче, чувства ярче, и все это приходиться пропускать через себя. Без возможности закрыться — иначе это может сказаться на потенциале возможностей мага-менталиста.

Любая остановка на пути развития ментата может оказаться катастрофой. «Если ты устал, ты можешь сесть и отдохнуть. Но тогда ты никогда не станешь первым» — как говорил знаменитый дон Эрнесто Гевара, один из идеологов создания Трансатлантического союза.

Именно поэтому хороших ментатов так мало.

Особенно тяжело Эльвире пришлось в последние полгода, когда ее размеренная жизнь (размеренная, как оказалось в сравнении) буквально сорвалась в галоп. Царевне было настолько тяжело постоянно присутствовать в центре событий, не закрываясь и не заглушая возможностей своего восприятия, что всегда бесстрастная и внешне невозмутимая девушка несколько раз находилась на грани нервного срыва. Она не спала бесчисленное количество ночей, пытаясь убежать и от себя, и от навязчивых мыслей, и от череды преследующих ее слепков эмоций, шепчущих ей со всех сторон и понемногу сводящих с ума.

Осознавая, что граница безумия уже близко, Эльвира сознательно шла на риск и не ограничивала свое восприятие.

«…Но тогда ты никогда не станешь первым»

Помог царевне, как ни странно, ритуал Кровавого союза. Связь, возникшая с Артуром и Валерой, вышла на первый план и заглушила все остальные факторы, и преследующие Эльвиру в астрале тени. Кровавый союз оказался словно якорем, остановившим ее на краю надвигающейся бури океана безумия.

Обретя крепкую связь, вышедшую на первый план восприятия, Эльвира словно получила свою личную тихую гавань. Она как будто задышала полной грудью, сбросив с плеч тяжесть сонма преследующих ее духов астрала, а также избавившись от навязчивого шепота слепков чужих эмоций и чувств.

Кроме всего прочего здесь, в городе-крепости «Кузнецкий острог», где тренировались боевые маги рода сибирских князей, повсеместно стояли ментальные заграждения. Так что душа Эльвиры, освобожденная от тяжести чужого присутствия, буквально пела, отдыхая.

Сейчас, когда в невероятно насыщенном событиями ритме жизни появилась передышка, Эльвира просто наслаждалась тишиной и спокойствием. Немаловажным фактором было еще и то, что здесь, в Цитадели рода, Эльвира чувствовала себя в полной безопасности…

Едва заметный отголосок чужой силы, краткий и едва ощутимый всплеск, заставил ее насторожиться. Отбегая от зеркала, царевна на ходу скинула легкую ночную рубашку и подбежав к гардеробу, торопливо облачилась в костюм боевого мага. Одновременно с этим разгоняя восприятие и входя в первую ступень скольжения.

Мир поблек, спектр зрения изменился — теперь она видела все в лиловых тонах — под цвет стихийной силы, заполнившей сиянием глаза. Дальше все произошло невероятно стремительно.

За окном, словно упав с неба, мелькнула подернутая темной дымкой тень, и послышался скрежет когтей. Незваный гость в буквальном смысле упал сверху, зацепившись за стену, а сейчас пытался открыть окно. Эльвира ему помогла — сработала на опережение, сформировав ментальный щит. Только сформировав его, она усилием толкнула конструкт вперед, выбивая раму полностью.

Темная тень за окном, вопреки ожиданиям царевны, не улетела прочь. Избегая удара щитом, тень отпрыгнула, а потом словно нашла точки опоры — прямо в воздухе! Темным росчерком неизвестное существо запрыгнуло обратно на вырванный ударом щита вместе с рамой подоконник, так что снова послушался скрежет когтей.

И тут же неизвестный гость попал в фиолетовые плети ловушки, которую сформировала Эльвира. Сеть сжалась, и темный, подернутый черными лоскутьями Тьмы гибкий монстр забился в рычании, пытаясь высвободиться.

Не удалось — он оказался крепко зафиксирован фиолетовыми жгутами. Да и бился недолго — почти сразу волей царевны влетел в комнату. Снеся стол и несколько стульев, он остановился только от удара в стену, по-прежнему сжимаемый силовыми путами.

Раздался грохот и звук рвущегося холста — сверху сорвалась картина в тяжелой раме, накрывая незваного гостя. И, через мгновение, черный ягуар — а это стало понятно, когда ушли маскировочные клочья Тьмы, замер. Сидя у стены, частично накрытый упавшей и порванной картиной, связанный фиолетовыми плетьми ловушки оборотень с немым вопросом смотрел желтыми глазами на Эльвиру. Голова зверя, после падения картины прорвала холст упавшей картины прямо на увешанном наградами мундире предка царевны.

— Валера? — остолбенела царевна. — Ты дурак? — не нашла она ничего лучше для комментария ситуации.

Персидская династия с Сибирскими князьями уже не первый годы находились далеко не в лучших отношениях.

Несостоявшийся поход на Бал Дебютанток должен был стать лишь первым шагом к установлению дипломатических отношений — от которых, впрочем, никто особо многого не ждал. Поэтому, если бы кто поймал Валеру на территории цитадели, в самом центре владений сибирских князей, это могло иметь очень и очень серьезные последствия. А могло бы и не иметь — если бы Валеру просто убили.

Впрочем, еще ничего не кончилось. Эльвира буквально кожей ощущала как уходят считанные секунды. Оставшиеся до того, как в ее апартаменты залетят гвардейцы княжеского рода, братья и охрана.

Фиолетовый хлыст дернулся, и безмолвного персидского принца — который еще не до конца обернулся из формы черного ягуара в человеческий облик, вихрем занесло под кровать.

— Там сиди! — крикнула Эльвира, торопливо срывая с себя костюм боевого мага, и опять накидывая недавно отброшенную прочь ночную рубашку. Успела, причем в самый последний момент. Запахнула пояс она, когда дверь ее апартаментов распахнулась от удара.

Но первый же заскочивший в комнату гвардеец получил в шлем китайской фарфоровой вазой. Вазой династии Мин — очень подходящей к ситуации, потому что вазы династии Мин в большинстве имели высокие и узкие горлышки, за которые было удобно хватать одной рукой. Вторая рука Эльвире была нужна не меньше — она при броске удерживала халат, чтобы тот не распахнулся.

— Прочь! Все прочь! — истерично, срываясь на визг, закричала Эльвира.

Вторая ваза династии Мин полетела в шлем ошеломленного происходящим гвардейца, который забежал в апартаменты царевны следующим.

Эльвира между тем, под недоуменными взглядами группы быстрого реагирования, смела со стола скатерть с поздним ужином (или ранним завтраком), разбивая в пыль графин с лимонадом. И хлестнула фиолетовой плеткой по потолку, оставившей на лепнине заметный след.

— Я сказала прочь! — возвращая себе внешнее спокойствие сказала Эльвира, не обращая внимания на сыплющуюся с потолка штукатурку.

Несмотря на легкомысленное одеяние в виде одной ночной рубашки, выглядела Эльвира по-настоящему царственно. И ошеломленные ее криками гвардейцы почти моментально, активно толкаясь в проходе плечами, покинули апартаменты.

Сама Эльвира в этот момент мысленно выругалась, потому

что увидела лежащий почти в центре комнаты сапог из экипировки боевого мага, забытый и не убранный ею во время переодевания.

Едва сапог, от удара босой ноги царевны, полетел под кровать к Валере, как вместо гвардейцев в комнату забежала сама ее высочество Софья. Сибирская княгиня была готова ко всему — глаза ее горели алым пламенем, а руки опутывали алые же лоскуты.

Запретная Магия Крови, которой сибирская княгиня — достигшая во владении ранга магистра (неподтвержденного, конечно же), пользовалась лишь в критических ситуациях.

— Мама! — продолжая разыгрывать истерику, бросилась шею княгини Эльвира. — Мама, я его… а он… с этой шлюхой!

— Кто? — смаргивая с глаз кровавые лоскуты избыточной силы, ошарашенно выдохнула княгиня, которая теперь даже не знала, что и думать.

— Он! С ней!!! — тонко протянула Эльвира, срываясь в вой истерики и пряча лицо на плече матери.

Княгиня, которая впервые видела дочь — знаменитую своим хладнокровием, в подобном состоянии, просто опешила. Гораздо в большей степени, чем получивший фарфоровой вазой в голову гвардеец.

Опешила, но очень быстро пришла в себя и собралась с мыслями, начав задавать вопросы. Эльвира же еще четверть часа не могла прийти в себя, разыгрывая истерику оскорбленных девичьих чувств. Не выдав никаких имен — ни таинственного «его», ни «этой шлюхи». И виртуозно найдя на все заданные вопросы ответы без ответов.

Зашедший же на огонек сибирский князь, который в момент тревоги был в отъезде, сразу был выпровожен княгиней.

«Жениться тебе надо, барыня» — услышала Эльвира глубокомысленное от князя, сказанное из глубины коридора.

Отец, как и мать, был глубоко потрясен поведением царевны — чье хладнокровие уже стало притчей во языцех в кругу одаренных старой аристократии Российской Империи.

Эльвира же, так и не признаваясь о ком плачет, и какую шлюху готова задушить собственными руками, постепенно заканчивала с драмой. И чуть поуспокоившись, попросила оставить себя одну.

Когда крайне озадаченная княгиня ушла, Эльвира выгнала прочь и готовых восстановить окно, а также привести в порядок комнату специалистов из службы эксплуатации цитадели. Выгнала, благо в апартаментах у нее было сразу пять комнат и две спальни, так что небольшая неприятность в одной из спален

на общий комфорт влияла не сильно.

И только когда все лишние люди покинули разгромленные искусственной девичьей истерикой помещение, Эльвира вернулась в спальню.

— Можешь вылезать, — своим обычным голосом произнесла Эльвира.

Валера легко выкатился из-под кровати, показал царевне ее сапог, который она недавно пнула под кровать, и демонстративно поставил его рядом с гардеробом. И только после этого как ни в чем ни бывало уселся в кресло.

— Весьма впечатлен, — поджав губы, сообщил он Эльвире.

— Ты совсем дурак? — выдохнула она. — Ты понимаешь, что тебя охрана убить могла, что если бы тебя…

С каждым словом Эльвира повышала голос. Валера, упруго поднявшись, в два шага оказался рядом и приобнял царевну за плечи.

— Ой ладно, все ведь получилось.

— Пошел ты! — попыталась вырваться Эльвира. — Ты хоть представляешь, как я испугалась? Тебя же могли убить, идиот!

Эльвира снова попыталась вырваться, но Валера снова ее удержал. Царевна рванулась раз, другой — уже не так активно, а после просто уткнулась лицом Валере в плечо. Постояв так немного, она все же вырвалась и отошла к окну.

Несколько долгих минут прошло в тяжелом молчании.

— Э-эль, — нарушил долгое молчание Валера. — А ты действительно так сильно за меня переживала?

Эльвира не ответила. Закрыв глаза, она разжимала и сжимала кулаки, пытаясь не дать злости уйти.

— Ты зачем пришел?

— Хотел тебя видеть.

— Если серьезно?

— Хотел тебя видеть, — вздохнул Валера.

Сейчас, когда они оба отдали последние крохи энергии Артуру, связь Кровавого союза между ними практически не ощущалась. И как раньше, без подпитки, они не чувствовали друг друга так хорошо, полно и объемно.

— А теперь давай по делу, — уже полностью вернула себе Эльвира прежнее хладнокровие.

Еще раз деланно-тяжко вздохнув, Валера достал таблетку ассистанта и нажатием вывел на прикроватном столике проекцию небольшого экрана. Поколдовав с виртуальной клавиатурой, Валера через глубинную Сеть зашел на портал «Мессалина».

Промотав списки разделов, он вошел в «Истории» — причем Эльвира мимоходом отметила, что у него на портале платиновый

уровень доступа. Заметила, но заострять внимание на этом не стала.

— Смотри, — произнес Валера, и включил воспроизведение.

— Хей-хей-хей, ребята, Занзибар на связи и с ва-а-а-ами… Голдбой! — прозвучал жизнерадостный голос. — Сегодня мы заваливаемся на закрытую вечернику категории три икса, на которой конечно же нельзя вести съемку. Но когда меня это останавливало, ахах! Знаю-знаю, котаны, за это вы меня и любите!

Трансляцию вел чернокожий молодой парень, с глазными имплантами золотого цвета с белыми вертикальными зрачками. Широко улыбаясь, он показывал полный рот также золотых зубов; с золотым напылением были и его дреды.

— Снимать мы с вами, парни, будем на интересный артефакт, который охрана даже не подумала у меня отобрать, потому что он древний как поделки Николы Теслы, если вы знаете такого чувака, ахах! — сообщил ведущий трансляцию золотой чернокожий.

Валера включил ускоренное воспроизведение, и голос парня, ведущего трансляцию, слился в быстрое бормотание. Поймав момент и ткнув в интерактивный экран, Валера вернул видео нормальную скорость.

— …как вам такое, котаны? Вы когда-нибудь участвовали в чем-либо подобном? — заговорщицким тоном спрашивал золотой ведущий. — Сейчас мы с вами подойдем поближе, и…

Ведя трансляцию, Голдбой повернул камеру своего древнего ассистанта так, что было видно его лицо и часть ландшафтного парка. Он сейчас находился у края бассейна, в котором резвились десятки одетых в тематические костюмы, а также вовсе неодетых самых разных людей.

Эльвира, наблюдая за происходящим, отстраненно подумала, что якобы тайная съемка мероприятия происходит с санкции организаторов, и является не более чем рекламой вечеринки. Потому что ни один из серьезных гостей, который на вечеринке категории «Н+++», или как их называли в разговорном — три икса, до сих пор в объективе камеры не засветился.

Еще Эльвира, в гимназии прослушавшая курс скрытого наблюдения, прекрасно видела, как замыливаются в видео некоторые моменты, и как уходит в сторону объектив. При этом понимая, что девайс в руках Золотого мальчика отнюдь не древний, а самый что ни на есть современный. И даже движениями видеокамеры скорее всего управляла нейросеть через импланты Голдбоя, имея при этом связь с системой контроля лиц особняка.

Присматриваясь к происходящему, отмечая мелкие детали, Эльвира собралась было спросить у Валеры, зачем он ей все это показывает. Как вдруг на видео послышались громкие возбужденные голоса — выбивающиеся из ритма веселья. А чуть погодя раздались выстрелы. Голдбой, испуганно выругавшийся, присел даже, не зная куда бежать.

Он настолько испугался, что замер, оцепенев. И поэтому сумел рвано и обрывками заснять, как стреляющий из пистолет-пулемета молодой черноволосый парень, в расстегнутой и накинутый на голый торс куртке городского охотника, под всеобщий шум и гам вдруг взлетает в воздух, оседлав тело бесчувственного корпората. Причем корпората в полной броне. И корпората из ЧВК Карателей Легран — успела заметить Эльвира мелькнувшую эмблему.

Видео явно было собрано и обработано в редакторе — из доступных, отснятых Голдбоем обрывков. И Эльвира увидела, как черноволосый парень в полете выпустил очередь — прямо в землю, и вдруг исчез.

Как сквозь землю провалился — даже подняла брови Эльвира. Не понимая, как вот так можно пострелять и пропасть. Но ответ нашелся через десяток секунд. Потому что парень возник в поле зрения снова, причем опять прямо из земли: поодаль от Голдбоя вылетела стеклянная панель, а следом появился яркий красный аэроскутер, который оседлал рисковый незнакомец. Причем вылетел из подземного гаража аэроскутер брюхом вверх, просто с презрением относясь ко всем законам гравитации.

Под удивленные комментарии Голдбоя, который заглушая общий шум уже орал практически не переставая, аэроскутер с беглецом свечой ввинтился в небо. Но едва он покинул купол безмолвия, как тут же рядом с ним оказался конвертоплан — с размытой стелс-системой силуэтом. Аэроскутер завис на месте, явно попав под контроль, но водитель за считанные секунды сумел избавиться от чужого захвата.

Аэроскутер, исчезая из поля зрения, камнем рухнул вниз, уходя от конвертоплана. И уходя из зоны видимости объектива видеокамеры. Валера сразу же снова ускорил воспроизведение.

— Короче тут важного нет, все за кадром происходит, а этот золотой перец просто удивляется произошедшему, — пояснил Валера под ускоренное щебетания Голдбоя. — А вот сейчас они покидают вечеринку, — вновь на пару секунд остановил воспроизведение Валера, и Эльвира наблюдала, как Голдбой с друзьями, возбужденно обсуждая произошедшее, садятся в белый с золотом лимузин.

— Теперь смотри, самая мякотка, — произнес Валера, стараясь максимально удобно развернуть проекцию для Эльвиры.

Царевна в это время наблюдала, как лимузин выезжает из ворот усадьбы и плавно повернув, выкатывается на дорогу. Это была машина с водителем, а перегородка с салоном была открыта — так что Голдбой вел трансляцию, повернув камеру так, что снимал свое лицо и вид из лобового стекла.

Из-за этого он и смог снять, как аэроскутер вернулся. Причем картинка была дополнена камерами лимузина — проекция получилась трехмерная и очень подробная. Так что Эльвира теперь смотрела на происходящее уже не в склеенных обрывках рваного видео, а в хорошем объемном качестве. И видела, как появившись в поле зрения, камнем рухнул с неба аэроскутер — уже не красный, а черный от копоти.

После экстремально резкого снижения потрепанный аэроскутер выпрямился над дорогой и почти сразу же встал на дыбы, причем на скорости. Черноволосый парень в этот момент оттолкнулся от ножных упоров и рухнул на асфальт, покатившись, а разогнавшийся аэроскутер врезался во выехавший из-за угла навстречу фургон. Микроавтобус от такого удара, смявшего ему кабину, брызнул стеклом и кувырнулся через капот, приземлившись на крышу.

Молодой водитель аэроскутера в это время уже поднялся на ноги и подбежал к своей поврежденной машине. Выправив аэроскутер в пространстве, он запрыгнул на сиденье и неожиданно подняв нос, заставил почерневшую машину свечкой устремиться вверх.

Мелькание черного — это Голдбой выходил из машины. Поддержка камер лимузина пропала, действие вышло из их зоны, но почти сразу изображение вернулось — камера теперь смотрела в небо. Где раздался яркий взрыв: вертикально взлетевший вверх аэроскутер вспух ярким пламенем. Камера в этот момент вернулась на спрыгнувшего с аэроскутера водителя, вновь получив дополнение с камер лимузина и возвращая режим наблюдения из 2D в 3D.

Голдбой, который до этого момента истерично комментировал произошедшее, словно что-то почувствовал. Он умолк, и затаив дыхание наблюдал, как водитель аэроскутера вдруг сделал жест, называемый «бесстыжий средний палец», смачно поцеловал его подушечку, и показал сначала в небо, а после переадресовал жест перевернувшемуся фургону.

На все про все у незнакомца ушло пара мгновений. После этого он вдруг очень быстро оказался рядом с лимузином — водитель которого, почувствовав неладное, попытался уехать от

него задом.

— Он так от бабушки в Новочеркасске семечками торгующей только бы сбежать сумел, — не удержался и прокомментировал происходящее Валера.

Мелькнула золотая ливрея вылетевшего на улицу водителя и лимузин, взвизгнув резиной, уехал.

— Сейчас еще будет, смотри, — негромко произнес Валера.

Действительно, из-за забора усадьбы послышались звуки. Вслушиваясь, Эльвира поняла — раз выбитые ворота, два выбитые ворота, три… хруст стены?

Слушать было непросто, из-за возбужденного голоса вновь кричащего, мешающего слова и мысли Голдбоя. Но еще несколько секунд и Валера — явно готовясь заранее, увеличил и тут же остановил изображение. Так, что на чуть размытой, в увеличении, картинке, удалось увидеть как неизвестный парень покидает особняк. Только аэроскутер в этот раз у него был белый, а спиной сидела довольно интересная — судя по длинным голым ногам, женщина.

Валера воспроизведение больше не включал.

— А дальше? — поинтересовалась Эльвира, которая даже немного начала болеть за черноволосого беглеца.

— А дальше бада-бум и на видео никакой конкретики, — прокомментировал Валера, включая воспроизведение. Действительно, над особняком полыхнуло взрывом, и Голдбой — завизжав от испуга, спрятался в кустах.

— Он потом еще раз в эфир вышел, — отключая проектор и убирая ассистант, прокомментировал Валера. — Сказал, что этот отморозок выжил, вернулся в гараж, забрал там еще один аэроскутер, уже зеленый, вернулся за потерянной девушкой, забрал ее и скрылся в неизвестном направлении.

— И? — сдержанно поинтересовалась Эльвира. — Личность его установили?

— Нет, он в маске был. В простой маске, даже без чужой личности.

— И? — еще раз повторила вопрос Эльвира.

— И… — в недоумении только и развел руками Валера. — Смотри: чудеса на виражах — чек. Сексапильная полуголая девка за спиной — чек. Вот это, — тут Валера выставил средний палец и смачно поцеловал подушечку, — тоже чек!

— Ты хочешь сказать, что это Артур? — все также спокойно спросила Эльвира.

— А ты сомневаешься?

— Я даже не знаю, что он мог забыть на Занзибаре. Почерк, конечно, похожий, но…

— Я тоже не знаю. Но мне кажется, что если это он, ему нужна будет наша помощь.

На долгое время в комнате повисло молчание.

— Если мы туда поедем вдвоем, и если это действительно Артур, то… это будет гораздо хуже, чем пресс-релиз о том, что мы знаем где именно Артур находится.

— Но…

— Но если мы с тобой вдвоем поедем… допустим, в Якутию, никто ни о чем не догадается.

— А зачем нам в Якутию?

— Помнишь, когда вы с Артуром менялись лицами? Ты в его роли поехал в Архангельск, а он с Анастасией в Петербург, под твоей маской?

— Да, но…

— Но если мы сделаем так вдвоем, это довольно быстро вскроется. Поэтому завтра я свяжусь с Николаевым, он вызовет нашу команду на внеочередные сборы, и уже оттуда я под чужой маской отправлюсь в Занзибар, осмотрюсь там, — ровным голосом произнесла Эльвира.

— Хорошо. Только на Занзибар поедешь не ты, а я.

— Почему это? — вскинулась Эльвира.

— Потому что Артур опять влез в какой-то блудняк, и там наверняка будет опасно.

— И?

— И я за тебя волнуюсь.

— А я значит за тебя не волнуюсь?

— А ты волнуешься?

— Дурак ты, — только и вздохнула Эльвира.

— Подожди. Ты что, серьезно за меня волнуешься? — подошел ближе к смущенно опустившей глаза царевне Валера.

— Валер.

— Эля.

— У меня к тебе есть один, очень важный вопрос, — медовым голосом произнесла Эльвира, глядя на принца ангельским взглядом.

— Слушаю тебя очень внимательно, — вообще никоим образом не почувствовал надвигающейся опасности Валера.

— Зачем тебе платиновый аккаунт на портале Мессалина?

— Э…

— Не мнись, пожалуйста, а ответь сразу.

— Эль, нам с тобой очень много нужно организовать, потому что Артур явно в опасности, и…

— Артур не маленький мальчик, и на откровенную, как вы говорите, дичь, не способен. У него, конечно, все как обычно в

динамике событий, но я не думаю, что он настолько идиот, что будет спускаться к акулам без клетки, выходить на дуэль на мечах без меча против заведомо более сильного противника, или прыгать с парашютом без парашюта. Если на видео он, то все что я только что видела — вполне в пределах его нормы изменения окружающей реальности под свою манеру решения проблем и вопросов. Минутка, который ты мне сейчас уделишь, роли не сыграет. Ну так что, зачем тебе именно платиновый аккаунт на портале Мессалина?

Глава 2

Если честно, глянув из проема двери вниз и оценив расстояние к полету, я подумал было, что не готов прыгать.

Вот вообще не готов.

Правда, происходило все в динамике, а за спиной у меня стоял Войцех. Который еще до того, как я отказался от плана возвращения, и открыл рот сообщить что в общем-то могу и второй раз в небоскреб через стоянку зайти, отправил меня в полет.

Ему проще — у него в имплантах отображается дополненная реальность. И подходящий для выброски из конвертоплана момент он увидел раньше, чем я успел сообщить, что отказываюсь от самого плана выброски.

Мелькнули в воздухе огни небоскребов, показалось даже, что увидел собственную… спину, так скажем. Полет продолжался совсем недолго — по лицу хлестнули ветки высоких декоративных кустов, а после ступни ударили в землю. Перекатом, гася инерцию прыжка, я укатился в сторону, сминая кусты. Вылетел из конвертоплана не вертикально вниз, так что погасить удар получилось, и прокатился достаточно далеко.

И остановившись, так и остался лежать на спине, раскинув руки. Вдруг накатил нервный смех, который я не мог сдерживать. В сознании непрерывно пульсировала фраза-окончание старого анекдота: «…а теперь смертельный номер! Прыжок из-под купола цирка в стакан воды без страховки! — Гомики, гомики, куда вы меня несете?!»

Таким меня, услышав смех, и нашла Николетта.

Я, по эмоциям, почувствовал ее приближение. И, опять же по эмоциям, почувствовал ее крайнее напряжение. Но никак не мог успокоиться и перестать смеяться — слишком сильное впечатление произвел на меня полет. Высота, конечно, не самая большая, мы примерно с такой при штурмовой высадке прыгали не раз. Правда есть одно но — тогда я все же был в бронекостюме, с активными системами и поддержкой экзоскелета.

Рассказал бы мне кто еще год назад, что я буду сознательно, ну почти сознательно, прыгать из быстролетящего конвертоплана на небольшую террасу верхнего этажа небоскреба… Как хорошо, что год назад мне никто настроение не портил и об этом не рассказал.

— Вот это прикол, — не удержался я от комментария, все же справившись со смехом. — Помоги подняться, пожалуйста, — глянул я снизу вверх на Николетту.

Девушка присела рядом, и аккуратно взяв меня под локоть и за плечо, не очень умело потянула.

— Ох-о-хох… что ж я маленьким не сдох, — чувствуя, что организму в целом не очень хорошо после полета, выдохнул я.

Но себя жалеть было некогда — вроде бы ничего не сломано, отделался только ссадинами и сильными ушибами. Но боль отошла на второй план — постепенно я все сильнее и острее чувствовал, насколько напряжена Николетта.

Чувствовалось, что она буквально опустошена, и даже как мне показалось находится на грани истерики (опять). А вот то, что она едва сдерживалась, чтобы не заплакать — совершенно точно, глаза на мокром месте.

— Как у тебя тут, все под контролем?

Николетта хотела что-то сказать, но вместо слов прерывисто выдохнула. Она вдруг шагнула вперед и разрыдавшись, уткнулась мокрым лицом мне в шею, обнимая и крепко прижимаясь.

Словно выплескивая накопившийся ужас и страх Николетта громко, не стесняясь меня, рыдала. Я при этом чувствовал, как крупно дрожит эта хрупкая девушка. И еще чувствовал ее облегчение — усиливающееся по мере того, как она все крепче прижималась ко мне, словно не желая отпускать.

Подождав немного, пока она придет в себя (и сам я приду в себя), аккуратно потянул Николетту за собой и отвел ко столу. Усадив на стул, погладил ее по волосам. И, мне кажется, именно от этого движения она окончательно, более-менее, пришла в себя.

Не отпуская Николетту, одной рукой — левой, живой, продолжая держать за плечо, я протянулся за стулом (правой) и сел рядом. После этого взял ее ладонь, опять же левой, живой рукой, и заставил Николетту второй ладонью накрыть мою руку. Правая все равно не годится, тем более что она сейчас немного почерневшая после взрыва. Я ее даже спрятал за спиной, чтобы не отвлекать девушку, которая этого пока не заметила.

«Ты как?» — чуть сильнее я сжал руку Николетты.

«Уже нормально, спасибо»

И только ответив, Николетта вдруг поняла, что мы только что обменялись фразами с помощью мыслеречи. Широко раскрыв глаза, она в изумлении посмотрела на меня. Но я сделал успокаивающий жест, мол все хорошо и даже отлично.

Причем сделал этот жест машинально правой рукой. И проследив за движением, Николетта увидела черную, сожженную биокожу и контуры мышц под ней.

— Все в порядке? — произнесла она испуганно.

— Да.

«Все просто тип-топ, Томми» — подсказал внутренний голос.

«Рассказывай» — заглушая его, произнес уже я мысленно, обращаясь к Николетте.

«Доминика наказала меня за то, что я помогла тебе попасть на последний этаж башни и не сообщила ей»

«А почему ты ей не сообщила?»

«…?»

Удивление Николетты было настолько велико, что она в изумлении глянула на меня широко открытыми глазами

«Ладно, прости. Впредь буду более полно проговаривать нюансы. Как она тебя наказала?»

«Морально уничтожила»

«Только морально?» — почувствовал я некоторую недосказанность.

«Пыталась не только»

Николетта закрыла глаза, и у меня перед внутренним взором мелькнула, обрывочно, произошедшая сцена. Как вживую ощутил жжение на щеках пощечин от Доминики, увидел ее злой с прищуром взгляд, холодную надменность. Услышал жесткую отповедь с рассказом о том, как саму Доминику кидали со скалы, обучая плаванию.

Картинки передаваемых Николеттой мыслеобразов — за исключением жжения щек от пощечин, были не очень четкими. Но как Доминика заставляет материализоваться астральную копию кулона-инклюза, в попытке через боль подчинить Николетту, я примерно понял — наблюдая происходящее словно через мутное стекло разбитой бутылки.

«Вариант того, что кто-то разрушил астральную копию инклюза отпадает», — прокомментировала Николетта.

«Нет», — просто ответил я.

«Нет?»

«Нет. Он просто становится менее вероятным. Нельзя исключать даже того, что это именно Доминика разрушила инклюз. А когда ты не умерла, она решила просто проверить его работу. Это, конечно, маловероятно, но сбрасывать со счетов даже такой вариант мы все равно пока не будем»

Столь долгая и связанная в мыслеречь фраза далась мне довольно непросто. Даже в голове зашумело, и я отпустил ладонь Николетты. Пытаясь справиться с шумом в ушах, и остаться в вертикальном положении.

Все же мой организм после приземления пострадал, а умственные нагрузки сверху здоровья не добавили. Мыслеречь же утомляет не меньше, чем разгрузка вагонов, тем более при нашей не слишком хорошо налаженной с Николеттой связи.

Она как раз хотела было что-то спросить, но я уже вытащил

руку из ее ладоней. И только после этого Николетта, забыв о своих переживаниях, вдруг осмотрела меня, словно новым взглядом. До этого момента она, будучи занята переживаниями и погруженная в свой страх и потрясения, не сильно замечала мой внешний вид. А вот сейчас внимание обратила. Ну и да, было на что внимание обращать — куртка на голое тело, черная кожа руки и многочисленные ссадины.

Да и вообще я уже не такой бодрый парень, что улетал отсюда несколько часов назад.

— Поможешь мне маску снять?

— Помогу. Садись, тебя еще надо в порядок привести.

Повинуясь уверенным движениям успокоившейся девушки, я лег на диван, положив ей голову на колени. И украдкой наблюдал за ней снизу вверх, пока Николетта сосредоточенно, с помощью льда, снимала с моего лица маску.

Но после этого встать Николетта мне не дала. Принесла сразу два портативных медкомплекта, браслет первого одела на руку, второй на ногу. Медицина здесь оказалась с сюрпризом — один из комплектов был с магической составляющей. Поэтому пары минут не прошло, как я был свеж и бодр. И внешне неотличим от образца паручасовой давности — второй комплект был без магической составляющей, зато привел в порядок мою почерневшую руку.

— Ты вообще чем там занимался? — ткнула Николетта пальцем в небо, когда широкий браслет 3D-принтера, восстанавливающего искусственную кожу, пиликнул оповещая о завершении процесса.

— Если будет интересно, завтра расскажу, на острове. У меня крайне много дел, даже не знаю, когда получится все успевать. Отвернись, пожалуйста, попросил я ее, потому что уже торопливо переодевался в свой корпоративный мундир.

— Эм… — снова смутилась Николетта. Причем снова до такой степени, что щеки ее ярко заалели.

— В чем дело?

— При планировании успевания всех своих дел держи в уме, что завтра вечером мы с тобой должны присутствовать на благотворительном вечере в особняке сэра Джона Холдена.

— А что нам там делать?

— Я не знаю.

— Чувствую в словах твоих недосказанность я, — перешел я на манеру речи мастера Йоды.

— Мне бы… — выделила это «мне бы» интонацией Николетта, — очень хотелось, чтобы ты сопровождал меня на благотворительном вечере в качестве моего кавалера.

Вот как. Неожиданно. Хотя… неожиданно, но в принципе, ожидаемо. Учитывая, что Доминика играет в одну только ей ведомую игру. При этом умело — определенно умело, двигая фигурки по полю.

— Для меня это будет большой честью, сеньорита, — вслух сообщил я Николетте, после чего она ожидаемо зарделась еще сильнее.

— Есть еще кое-что.

— Что?

— Как сказала сеньора Романо, когда ты станешь варлордом, ты подпишешь контракт на мою охрану. А еще ты уже зачислен в службу внутренней безопасности корпорации на должность старшего оперативного специалиста. И в твоих обязанностях значится статус моего личного телохранителя. Тебе, кстати, уже пришло сообщение на ассистант.

— Ты прочитала? — глянул я на личный и персонифицированный ассистант, который на время вылазки оставлял здесь.

— Нет, мне сеньора Романо об этом сказала, а звуки оповещений твоего ассистанта я слышала. Он такой один, от отдела кадров. Перепутать сложно.

Комментировать ничего не стал, только вздохнул. Не сразу поняв, в чем дело, но потом ка-а-ак поняв.

То есть теперь, получается, с получением мною задания на личную охрану, или Николетта должна постоянно сидеть дома, чтобы я мог решать свои дела, либо же она должна постоянно ходить со мной.

Интересное кино.

Но был во всем этом еще один, весьма интересный момент.

— Служба внутренней безопасности, значит, — не особо скрывая удивления, протянул я.

— Что такое? — почувствовала мое удивление Николетта. — Ты чем-то… озадачен?

— Да. Тем, что это служба внутренней безопасности корпорации.

Причем не просто служба внутренней безопасности. Охранники на входе, так-то, тоже СВБ корпорации.

Озадачен я был тем, что получил назначение в оперативный департамент, причем старшим специалистом. А это уже очень серьезно. Потому что оперативный департамент, насколько я знаю иерархию корпорации — это неприкасаемые опричники и эскадроны смерти в одном флаконе.

— Я озадачен тем, что назначен в оперативный департамент, причем старшим специалистом. Это же какими нужно обладать

связями…

— Сеньора Романо — оперативный советник руководителя службы внутренней безопасности африканского направления. Оперативный департамент филиала «Занзибар» находится в ее прямом и непосредственном подчинении.

«Йобушки-воробушки» — подсказал, едва не закурлыкав от крайнего изумления, внутренний голос.

С его удивлением я был полностью согласен. Сегодня просто вечер удивительных, вот до глубины души удивительных, историй.

— Теперь все ясно… — протянул я задумчиво, начиная осознавать, что являюсь фигурой в игре Доминике, но поле игры, как оказывается, выше на порядок чем то, которое я себе представлял.

Оперативный советник руководителя службы внутренней безопасности африканского направления — Доминика ведь, по должности, вполне могла присутствовать на памятном и для меня, и для всей корпорации Некромикон совещании в Хургаде.

Вдруг ощутив эмоции Николетты, я перевел на нее взгляд.

То, что я задумался о насущных проблемах, и практически пропустил мимо ушей информацию о том, что я теперь ее кавалер, явно задело девушку за живое.

Я хорошо почувствовал тщательно, и с трудом скрываемую, не очень успешно правда, обиду. Также хорошо почувствовал тщательно и также с трудом скрываемые, и также не очень успешно, привязанность и надежду. И какое-то… наивное слепое доверие, я бы даже сказал.

«Мы в ответе за тех, кого приручили»

И опять глаза на мокром месте, да что ж такое.

Шагнув ближе, я снова взял Николетту «живой рукой», активируя возможность мыслеречи.

— Не волнуйся и не переживай. Слушай меня и сеньору Романо, и проблем больше не будет, — вслух произнес я.

«Делай с этого момента все так, как нужно сеньоре Романо. За исключением тех случаев, когда я скажу обратное. И все будет отлично, ни одна акула тебя никогда больше не обидит»

Это я уже произнес параллельно тем словам, которые говорил вслух.

— Хорошо, как скажешь.

«Я все поняла»

Николетта, молодец какая, также высказалась параллельно — и мысленно, и вслух. Очень способная юная дама. Вот очень способная. Интересно что будет, когда она еще и стихии коснется.

«А если ты будешь меня слушаться, то вскоре станешь той

акулой, которая сама кого-хочешь может обидеть»

«Хорошо»

— Хорошо, — эхом ответа Николетта вслух. — Массимо…

— Да?

— А зачем ты избил Келли-Хьюза?

— Кого избил? А, этого…

Я уже, если честно, и забыл о том полупокере, которого немного поучил вежливости в туалете.

— Ники, — неожиданно для себя использовал я уменьшительно-ласкательное имя.

— Макс, — неожиданно для меня (и для себя) также по-иному назвала меня Николетта.

— Ники, ты ведь знаешь, что это мир жесток и несправедлив?

— Знаю, — кивнула, поджав губы, девушка. — Теперь знаю, более чем хорошо, — с горечью произнесла она.

— Этот мир несправедлив. И этот мир делится на тех, кого можно, и на тех, кого нельзя. Знаешь, в одной деревушке жил Джон, который всю жизнь строил дома и ковал мечи. Но стоило ему один раз уединиться с овцой за сараем, и никто и никогда больше не назвал его ни строителем, ни кузнецом.

Николетта — святая душа, даже не поняла, о чем вообще речь. Пришлось объяснять:

— Стоило Джону однажды уединиться с овцой в укромном месте и вступить с ней в противную природе половую связь, и быть при этом замеченным, как после этого никто никогда не называл Джона ни строителем, ни кузнецом. А называли его…

— Я поняла, — прервала меня вновь зардевшаяся Николетта.

— Мир жесток и несправедлив, а корпоративный мир жесток и несправедлив на несколько порядков больше. И если бы я не объяснил этому педику, в чем он не прав… В будущем я мог бы стать кем угодно, пусть даже спасителем вселенной, но в корпоративной памяти навсегда остался бы бегунком, который по щелчку может принести два мохито. Я показал, что меня не можно, меня нельзя. Понимаешь?

— Да. А откуда ты знаешь, что Келли-Хьюз гомосексуалист?

— А откуда я знаю? — удивился я. — Я не знал.

— Ну ты же сказал, что он педик.

Вообще-то я хотел сказать не педик, а другое слово, созвучное с три-два-раз, но вовремя удержался.

— В русском языке педик — это не половая ориентация, а характеристика состояния души. Педиков душой, так скажем, полно и среди гетеросексуалов.

— Ясно.

— А откуда ты об этом узнала? — поинтересовался я.

— Сеньоре Романо уже нажаловался покровитель Келли-Хьюза.

— Мне стоит ждать проблем?

— Не знаю. Не думаю. Он не настолько высоко на…

— Отлично. Тогда пойдем, у нас действительно много дел.

Николетта ошиблась: когда мы покинули переговорную, оказалось, что проблемы нас уже ждали. Четыре человека в корпоративных костюмах, среди которых я заметил Рея Келли-Хьюза и скуластого элегантного молодого человека. Так, не четыре человека, а два — остальные двое с ними были неасапиантами. Явно взяли вместо охраны, чтобы больше голова в унитаз ни у кого случайно не попала.

Ни у кого, кроме меня наверное — если по их плану.

— Вот он! — произнес обиженный мною «коллега» по корпорации.

— Сударь и… полусударь, — отдельно кивнул я Келли-Хьюзу. — Вы, предполагаю, желаете со мной поговорить?

— Ты правильно понимаешь, — спокойно и степенно кивнул мне весьма элегантного вида скуластый молодой человек, в глазных впадинах которого белели импланты с зеленым трилистником Некромикона. Серьезный товарищ: у него в форме одежды присутствовал галстук, который обычным серым винтикам корпорации не полагался.

Птица, так сказать, высокого полета.

И из-за отсутствия у меня очков дополненной реальности я не мог посмотреть ни его статуса, ни даже имени.

— Без проблем, как раз переговорная свободна, — улыбнулся я ожидающей нас парочке. — Николетта, подожди пожалуйста нас здесь, я быстро обсужу с господами…

Прервался на полуслове. Потому что створки лифта с мелодичным звоном полностью раскрылись, и из дверей вышла сеньора Романо, собственной персоной. И следом за ней из лифта вышла…

Тут мне потребовалась вся выдержка, потому что следом за Доминикой из лифта вышла Эмили Дамьен. В строгом, причем простом корпоративном костюме, без каких-либо знаков отличий высшего руководства корпорации.

— Что именно ты собрался обсуждать? — вместо приветствия поинтересовалась Доминика, услышавшая мои последние слова.

При этом Доминика ни жестом, ни взглядом не выдала даже намек на наше недавнее с ней, так скажем, весьма плотное общение.

— Сеньора Романо, мое почтение, — коротко поклонился я. — Мы с коллегами по-разному смотрим на вопрос влияния

половых отношений на служебные, и в данный момент я готов предоставить на их суд свои аргументы.

— Не сегодня, — покачала головой Доминика. — Драго, хочу напомнить, что у вас, как у личного телохранителя Николетты Агилар, достаточное количество других, более важных дел. Госпожа Дамьен, — повернулась к подошедшей Эмили Доминика. — Позвольте представить: Драго Младич, тот самый многообещающий молодой человек, о котором я вам рассказывала.

— Мадам Дамьен, — пожал я протянутую руку.

— Драго, у вас сегодня весьма много дел, поэтому прошу оставить на будущее дискуссию о влиянии половых отношений на служебные, — произнесла Доминики. При этом она смотрела мне прямо в глаза, и я вдруг почувствовал, как от ее грудного голоса у меня приливает кровь к… и к щекам, и к сердцу тоже, в общем.

Даже жарковато стало, если честно. Настоящая роковая женщина.

— Как вам будет угодно, сеньора Романо — еще раз коротко поклонился, покладисто соглашаясь я. И взглядом показав, что ничего не забыл. Причем особого усилия для этого мне не потребовалось.

Едва улыбнувшаяся Доминика, вместе с молчаливой и сосредоточенной Эмили Дамьен, направились дальше по коридору. Сопровождаемые незаметными до этого момента телохранителями. И, провожаемые нашими взглядами, проследовали к открывшимся перед ними дверям большого совещательного зала.

Двойника такого же зала, в котором я недавно завалил шесть человек из высшего руководства корпорации в Африке, Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Среди которых была и Эмили Дамьен, чья голова — очень хорошо это помню, взорвалась в кровавые брызги.

— Ладно, парни, в другой раз, — подмигнул я всем сразу, сделав жест ручкой.

— Стоять! — окликнул меня старший в компании. — Ты что думал, вот просто так возьмешь и уйдешь?

«Дядя, ты дурак?» — едва не поинтересовался я.

Судя по тому, как именно Доминика не смотрела на скуластого молодого человека, он не особо важная — даже несмотря на мундир, персона. И игнорировать ее слова — признак отнюдь не большого ума.

С другой стороны, это может быть и испытанием от Доминики. Если уж ее бросали со скалы в детстве для того, чтобы научить плавать, не думаю что к обучению других людей она

подходит с излишними сантиментами.

Остановившись и прикрыв глаза, я глубоко вздохнул, а после наклонился к уху Николетты.

— Подожди пожалуйста минутку. У нас будет мальчиковый разговор, тебе лучше это не слышать.

Николетта — молодец. Хотя она и разволновалась до перехваченного дыхания, но внешне этого никак не показала. Кивнув мне, двинулась в сторону дивана. Я же, резко развернувшись, вернулся к приоткрытой двери помещения, откуда мы только что вышли. И встав в проходе, открыл дверь приглашающим жестом.

Элегантный скуластый молодой человек и Рой Келли-Хьюз, переглянувшись, быстро прошли в помещение. Молодцы какие — сделали это настолько быстро, что я успел захлопнуть дверь перед самым носом сопровождающих их неасапиантов.

Мое действие вызвало приступ быстрого удивления — которое, впрочем, не переросло в слова. Хотя элегантный скуластый молодой человек даже открыл было рот. Но он не успел ничего сказать, потому как получил удар в печень и согнулся пополам.

Рей Келли-Хьюз при виде этого оцепенело замер, но почти сразу побежал в сторону. Не по своей воле, правда — это я схватил его за загривок, и разогнав, направил в стену. Взметнулись руки, раздался шлепок лица в витражное панно и неожиданно для себя потерявший сознание Рей Келли-Хьюз мешком рухнул на пол.

Я уже был рядом с его элегантным покровителем. Тот уже — за пару секунд, пришел в себя, вставая в оборонительную стойку. Организм у него определенно усилен, раз так быстро справился с болевым шоком. И явно мой первичный успех связан с тем, что я застал его врасплох, используя фактор неожиданности.

А еще это значит, что дальше можно ждать проблем.

Впрочем, проблем я ждать не стал. Тем более что решение пришло довольно быстро — если он накачан усилениями, не драться же мне здесь с ним. Хорошо, что вокруг наблюдалось очень много тяжелых подручных предметов. А как гласит широко известная в узких кругах, и одинаковая в двух мирах поговорка: «Чтобы вступить на поле боя в рукопашную схватку, боец должен потерять винтовку, пистолет, нож, пехотную лопатку, выйти на ровную площадку без единой палки или камня, а после этого найти на этой ровной площадке второго такого же дурака»

В общем, когда немного выбивая сознание из колеи, в голову друга Рея Келли-Хьюза прилетела массивная пепельница, он этого определенно не ожидал. Бросал я правой рукой, так что пятки

элегантного молодого человека элегантно взлетели вверх, а сам он упал навзничь. Ковролин удар смягчил, но еще несколько секунд у меня оказалось.

В пару скользящих шагов оказавшись рядом, я перевернул потерявшего всю элегантность молодого человека на живот. Резким рывком сдернул с его плеч пиджак, скатывая рукава наполовину — спутывая движения рук. После этого подхватил его и пробежавшись вместе, приподнял его, разворачивая и перехватывая за удивительно крепкую белоснежную рубашку. Поднимая так, что он приземлился задницей на парапет ограды, свесившись спиной вниз. И единственным сейчас, что его удерживало от падения, оказался галстук, который держал я.

Как раз за те секунды, которые я потратил на построение всей этой композиции, скуластый и уже совсем не элегантный молодой человек пришел в себя. Он попытался потянуться ко мне руками, но получилось не очень удачно — они были спутаны за спиной спущенным пиджаком.

— Ты кто вообще? — поинтересовался я.

Ответа я не получил, поэтому на миг ослабил зажим хвата галстука. Так, что собеседник резко отклонился назад на десяток сантиметров. И совершенно по-девичьи взвизгнул, только сейчас осознав, что за спиной у него почти полкилометра полета вниз, на твердый асфальт.

— Зовут тебя как? — повторил я вопрос.

— Итон Харди-Боулз, — в этот раз ответил собеседник. Чем вызвал у меня взрыв искреннего смеха.

— Как-то твои боулз не слишком харди, — доверительно сообщил я ему, намекая на его почти девичий взвизг. — От меня ты что хотел?

— Эм… Ам…

— Короче так. Если я тебя еще раз увижу на расстоянии прямого взгляда, если ты целенаправленно ко мне подойдешь, или отправишь ко мне своего полупокера, ты узнаешь, что люди не летают. Это ясно?

— Да.

— Бывай, — отпустил я оппонента, и он рухнул вниз.

Я, правда, контролировал процесс — упасть совсем он не мог. Потому что сидел на парапете, и был зацеплен за край согнутыми в коленях ногами. Ну и за лодыжки я его придержал. Так что рухнуть вниз Итон Харди-Боулз рухнул, но полет его длился недолго — до того момента, как он, словно маятник, не ударился спиной о парапет с обратной стороны. Испуганный визг оборвался, и Итон так и остался висеть вниз головой, зацепившись за парапет согнутыми в коленях ногами.

По коленям я его и похлопал. Итон что-то верещал снизу испуганно, но я не вслушивался. Не упадет — так долго можно висеть, я в детстве сам проверял.

Еще раз ободряюще похлопав испуганного Итона по колену, я развернулся и быстро оказался рядом с Келли-Хьюзом. Нажатие в нужные точки помогли ему очень быстро прийти в себя.

— Ну-ну-ну, никто не обещал, что будет легко, — сообщил я Келли-Хьюзу, ослабляя нажим. — Другу своему помоги, — показал я в сторону ног на парапете.

Охнув от ужаса, Келли-Хьюз сплюнул кровь и сопли. И, надо отдать ему должное, сразу попытался подняться, чтобы помочь своему покровителю. Подняться не получилось, так что первые метры в сторону парапета он преодолел на четвереньках.

Досматривать операцию по спасению я не стал и вышел из переговорной, аккуратно закрыв за собой дверь.

— Все хорошо? — моментально оказалась рядом со мной взволнованная, но хорошо это скрывающая Николетта.

— Все замечательно, — оглянулся я по сторонам в поисках неасапиантов. Вдруг расстроятся от вида приведшего их сюда Итона. Но неасапиантов рядом больше не было, а узнавать куда они делись, я даже не стал.

— Пойдем, — потянул я за собой Николетту.

У самых дверей лифта меня отвлекла вибрация ассистанта. Первый раз такой звуковой сигнал — и достав девайс, я увидел, что это пришло оповещение корпоративной почты. Меня прямо сейчас ждали на складе, для того чтобы выдать шесть комплектов индивидуальных комплексов экипировки пехотинца «Warrior-M2000».

О подобной модели бронекостюмов, если честно, я даже и не слышал. Но если судить по пиктограммам обозначения, это легкая пехотная, с усилением, броня, причем со штурмовым вариантом оружейных модулей в комплекте.

Таких бронекостюмов, особенно учитывая штурмовой вариант оружейных модулей, для усмирения городских банд должно хватить с запасом. Подобная броня — это как танк Т-72Б3 в чистом поле против туземцев с копьями. Запас технологического преимущества в несколько тысяч лет, так сказать.

И все это значит что? Правильно, это значит, что оперативность получения мною брони связана с намеком от Доминики насчет Кигунгули. Что — намек, звучит совершенно по-иному, учитывая известную мне теперь должность Доминики в Некромиконе.

Вот только почему, интересно, комплектов шесть?

Войцех, Василий, Гек, Патрик и я. Шестой боец — Чумба, но ему бронекостюм будет только мешать.

Так шестой зачем тогда?

Запрос на экипировку, по моему указанию, выполнял Войцех. Неужели он думает, что у меня есть лишние кредиты, чтобы просто так их выкинуть в трубу? Хотя если с бронекостюмами помогала Доминика, платить мне придется скорее всего не деньгами.

Но все равно — один запасной? Зачем, не понимаю…

Обо всем этом я думал, спускаясь на лифте вниз. Николетта ехать домой не хотела — хотя спорить не стала. С трудом, ощутимым усилием переборов себя, она отпустила мою руку и села в конвертоплан воздушного такси.

Я же задержался с получением двенадцати транспортировочных кейсов, в которых умещались шесть бронекостюмов и оружейные модули к ним. Забрать бронекостюмы нужно было сейчас — ведь к понедельнику каннибалы по плану Легран уже будут зарегистрированы в ООН как отдельная народность в лице племени Гамамбилу. А это значит, что в таком случае Кигунгули нам не видать — это раз; и два — нас и из Полигона просто выметут поддерживаемые карателями каннибалы.

Это уже не обычная уличная разборка за сферы влияния, это очередной раунд в необъявленной войне корпораций. В общем, проблему с каннибалами нужно решать, и делать это нужно как можно скорее.

А как ее решать?

Правильный вариант решения, который я сейчас вижу, только один: если нет каннибалов и их племени на Занзибаре, значит нет и проблемы. А двенадцать ящиков с доспехами и оружейными модулями от бронекостюма «Warrior M2000», вполне подходящий инструмент для реализации такого решения.

Для, так скажем, оперативного решения проблемы — если вспомнить мою новую должность в корпорации «Ncr.com»

Глава 3

Двенадцать транспортировочных кейсов сдоспехами и оружейными модулями индивидуальных комплексов экипировки пехотинца «Warrior-M2000» в Гелендваген влезли с трудом. Последний, для того чтобы закрыть заднюю дверь, пришлось забивать ногой. Ну и обзора справа не осталось — сразу два кейса на пассажирском месте мешали. В общем, случись что, я сейчас не быстрореагирующий боец с ограниченным полем зрения. Но, к собственному облегчению, до Полигона доехал без проблем.

Уже подъезжая к воротам нашего коттеджа-базы, увидел, как с окрестных улиц в мою сторону торопливо бегут стайки юных наблюдателей. А вот ошивающиеся вокруг Васины «рядовые улиц», и оставшиеся на территории рабочие наоборот, постарались разойтись по сторонам. Наверное, это они все из-за того, что я люблю бампером на скорости ворота открывать — подумал я. И предполагаю, что не ошибся.

Во дворе меня встречал Патрик. Он сейчас здесь за старшего в доме и по району, а Чумба за ним ненавязчиво присматривает. Ненавязчиво, потому что бурбона видно не было, а он рядом был. Пока мутант сам не показался в поле зрения, я увидел лишь тень движения: выходя из дома и перемещаясь по двору, Чумба двигался на грани скольжения.

Все остальные, из «высшего командного состава группировки», все еще летали на дорогущей прогулке над Занзибаром. Вернее, все они уже не летали, а ужинали в ресторане «Небо 114».

Подумав обо всем этом, я погасил некоторое беспокойство жадности. Все же посещение ресторана на сто четырнадцатом этаже небоскреба дорогое удовольствие. Тем более что… вот за эти мысли мне стало стыдно, но ничего с собой поделать не мог, и мысли никак не прогонялись. Тем более что, если Вася и его избранница войдут во вкус, они могут покушать так, что пробьют дыру в бюджете не хуже, чем торпеда в борту транспортного корабля. И Василию потом ничего и не предъявишь — получил задание пустить пыль в глаза, задание выполнил. А если я попытаюсь ему объяснить, что такое задание можно выполнять экономично, он просто не поймет. Не потому, что хитрый, а просто потому, что вот такой он, Василий Ндабанинга.

Но гораздо более Василия, в плане ресторанного счета, который может быть золотым, беспокоила Васина подруга. У нее, предполагаю, очень хорошие зубы. Почему зубы? Потому что с плохими зубами такую… хм, корму, не наешь. Так что если Вася

будет торпедой в борт корабля моего бюджета, то его подруга сейчас, на пике беспокойства за кошелек, представлялась мне настоящим хтоническим монстром, могущим этот самый корабль бюджета просто разжевать и увлечь на дно…

С ассоциациями я переборщил настолько, что мне стало уже по-настоящему стыдно за свою веру в людей. Но, с другой стороны, всем донимающим меня даже не мыслям, а мыслишкам, я был искренне рад. Потому что они подтверждали, что я, со всеми архидемонскими и божественными делами, еще не тварь бесчувственная. А человек, и на обычные человеческие эмоции не только право, но и возможность имею.

Пока имею.

С такими мыслями я открыл заднюю дверь Гелика и начал доставать из машины транспортировочные кейсы.

— Варриор? — осмотрел пиктограммы на металлическом ребристом контейнере Патрик.

— Ну… ну да, Варриор. А что? — кивнул я, и вопросительно посмотрел на ирландца, в голосе которого мне послышалось явное удивление.

— Все в порядке, — пожал он плечами, доставая очередной ящик. Его бесцветные глаза уже ничего не выражали.

Втроем — я, Чумба и Патрик, выгрузив контейнеры из машины, начали заносить их в дом, схватив по одному. И, как раз к этому моменту, над двором завис конвертоплан в яркой раскраске, быстро спускаясь. Тяжелая туша качнулась на посадочных ногах, откинулась широкая кормовая аппарель, и из комфортабельного чрева машины выгрузилась прибывшая невеликая, но респектабельная компания. А нет, не вся — Войцеха с ними не было: последними вышли Василий и его блестящая во всех отношениях дама, и аппарель поднялась.

Василий со своей дамой, кстати, тяжеловато вышли. Явно хорошо и плотно поужинали в ресторане — вновь начал грызть оболочку веры в людей червячок сомнения.

Неожиданно со всех сторон раздались громкие крики. Я даже было вздрогнул от неожиданности, но почти сразу понял, что выкрики — восхищенные и приветственные. Это население Полигона, немалая его часть, собравшаяся за забором, встречало Василия и его леди.

Червячок сомнения переобулся и начал грызть в другую сторону.

Вот как так? Работаешь, придумываешь, планируешь, рискуешь жизнью, свободой и разумом, собираясь приводить криминогенный район в благополучный вид и вести людей к возможности простого житейского счастья, претворяешь планы в

жизнь… а любят все не тебя, а Василия, который просто добавил яркости в наряд, нанес татуировку белого черепа на лицо и мелькает пред народным взором чаще всех.

Причем не просто его любят, горячо ведь любят — судя по крикам. Меня же наверняка запомнят не как благодетеля и проводника во тьме, а как опасного со всех сторон странного деятеля, который только и делает, что выбивает или ворота или мозги уважаемым людям.

Обидно. Тяжела и неказиста жизнь простого кардиналиста, как сказал бы чиновник из команды кардинала Ришелье. Чиновник, обеспечивающий благоденствие, покой и процветание французского королевства, чью деятельность никто не замечает, отдавая все внимание гуляющим по улицам и кабакам вечно пьяным гасконским горцам в ярких мушкетерских плащах. Ладно, что-то меня опять на лирику потянуло. С недосыпа и недоедания, скорее всего.

«А они в ресторане вкусно и плотно поели, а тебе сейчас сублимат грызть. С вишневым вкусом…» — подсказал внутренний голос. От упоминания вишневого вкуса сублимата — а других почему-то у нас в запасах не было, меня едва не перекосило.

Так, стоп. Хватит — собрался я, волевым очищая голову от сторонних мыслей.

В лицо дохнуло воздухом — это спутница Василия, сверкнув блеском изумрудного платья, отправилась прочь. Остальные уже, даже не спрашивая, подхватили кейсы с бронекостюмами. Когда я, также взяв один из кейсов, зашел в дом, в холле уже все было разложено — по два ящика рядом, с доспехами и оружейными модулями.

— Ты где это… удивительное произведение искусства нашел? — поинтересовался у меня Гек, как раз опустивший на пол один из ящиков.

Я, с некоторым усилием, сдержал раздраженный комментарий насчет зубов дареного коня, которые надо брать пока дают. Сдержался только потому, что Гек, который совсем недавно заживо гнил в виртkапсуле без надежды на освобождение, сейчас попробовал исполнить шутку. И это, если честно, радует больше, чем раздражает его намек. Да и слов он сейчас за одни раз сказал количественно едва ли не больше, чем произнес за первый месяц, пока жил в усадьбе Юсуповых-Штейнберг.

— Где нашел, там больше нет, — нейтрально ответил я, осматриваясь. — Где… моя новая подруга? — спросил я у проходящего мимо дядюшки Абрама.

— Войцех занимается. Сказал, отвезет в надежное место.

Интересно, что за надежное место. Но ладно, раз Войцех сказал, значит сделает.

Пока заносили последние транспортировочные контейнеры, я двинулся вдоль ряда уже принесенных, раз за разом касаясь ладонью крупных кружков с эмблемой Некромикона. Система идентификации сканировала мой отпечаток, и раздавался щелчок — замок кейса открывался. Несколько движений — открыть меню, выставить возможность настройки доступ по биометрии для другого человека, будущего оператора индивидуального комплекса пехотинца: пока все комплекты были настроены только на меня.

Остановившись у очередного ящика, лежащего рядом с окном, увидел входящего во двор Войцеха. Одиннадцать кейсов были уже в холле, последний лежал на земле рядом с машиной — и его-то поляк и подхватил, занося в дом. И когда последний занесенный в дом транспортировочный кейс стукнул ребристой поверхностью в пол, Войцех высказался на польском, обращаясь ко мне. В большинстве слова были непечатные, и все непосредственно касались бронекостюма «Варриор».

— Нормальный доспех… в данной ситуации, — прикладывая ладонь к сканеру на очередном ящике, произнес я, обращаясь к расстроенному Войцеху.

Действительно вроде нормальный бронекостюм — открывая доступ, в меню я уже походя посмотрел более подробную информацию. Да, это была модифицированная версия старой модели, полувековой давности. С производства давно снятая, поддержка прекращена три года назад. Поэтому, предполагаю, нам их и подогнали — незарегистрированные костюмы, которые невозможно отследить.

Штабс-капитан Измайлов, помнится, для того чтобы получить возможность скрытых действий, украл бронекостюмы со склада Легиона, который в свою очередь взял их трофеем у бельгийской Свободной армии. И после этого уже Измайлов поменял прошивку доспехов и оружия. У нас для подобных финтов не было ни времени, ни возможности — рядом ни склада Легиона с левой броней, ни Накамуры.

А Доминика предоставила нам списанные комплексы, давно затерявшиеся в глобальной системе учета и контроля вооружений. Так что мы сейчас будем сразу незаметны для средств объективного контроля без усилий и лишних дополнительных движений.

— Поколение четыре два плюс, штурмовая комплектация и новая прошивка, боевую эффективность можно даже на пятое поколение натянуть, если против манекенов в тире воевать, —

добавил я, обращаясь к Войцеху чуть погодя. Говорил, словно бы оправдывая переданный нам… третий сорт, который не брак, прямо скажем. Если уж начистоту.

— Да они древние, как дерьмо мамонта… — прокомментировал Войцех, после чего последовало еще пара фраз на польском, с таким смыслом, что все развалится, прежде чем мы во всем этом даже до тира дойдем.

Чем он так недоволен, понять не могу? У него что, к костюмам «Варриор» личная неприязнь, как у Шкипера к датчанам?

— Войцех, дареному коню в зубы не смотрят, против каннибалов…

— Дареному? Знаешь, сколько каждый стоит?

— А мы что, за них деньги платили?

— Вообще-то да.

— Так. Мы это за деньги покупали, — полуутвердительно произнес я.

— Да, приобретаем в лизинг. Романо сразу счет выставила, первый платеж уже ушел.

— Эм. И сколько… тысяч двести тридцать? — прикинул я максимальную планку.

— Почти угадал. Четыреста двадцать.

— Сколько?!

— Четыреста двадцать. Это штурмовой комплект, как заказывал, также надбавка за отсутствие транспондеров и скорость получения.

«Сколько-сколько?» уже на польском, из-за состояния крайнего удивления, переспросил и возмутился я.

— Четыреста двадцать тысяч кредитов, — еще раз повторил Войцех. — Ты чего нервничаешь? А сколько ты думал будет стоить индивидуальный штурмовой комплекс пехотинца здесь, в жопе мира?

Я только руками развел. Настроение, кстати ухудшилось, уровень раздражения на весь мир повысился.

— Как моя подруга?

— Все нормально, в надежном месте.

— В…

— В надежном и комфортном, легко доступном. Все в порядке.

— Хорошо. Да, кстати, а шестой эквип нам зачем?

— Затем, — произнес дядюшка Абрам, который уже стоял рядом с последним ящиком. — Ты еще долго тут удивляться будешь, или таки наконец откроешь мне ларец?

— А… это, вы тоже что ли участвуете?

— Участвую в чем?

Отвечать я не стал, только ткнул указующе в один из ящиков и после многозначительно покрутил пальцем вокруг своей оси, показывая, что «вот в этом во всем».

— Нет, я просто решил эту консерву примерить, — саркастически хмыкнул дядюшка Абрам.

— А вы… умеете?

Дядюшка Абрам только вздохнул, и посмотрел на меня как на болезного.

— Чтоб ты знал, я почти в таком же, — перевел взгляд он взгляд на Войцеха, — древнем как дерьмо мамонта, начинал службу в разведроте бригады Гивати. Только они тогда не имели индексом «2000М» и по эффективности лишь ненамного превосходили железные рыцарские доспехи. Ты вот без визора, с прицельной планки умеешь стрелять? Попадая при этом в цель, что немаловажно?

Без визора стрелять и попадать куда нужно, я умел — нас этому Андре в первую очередь обучал, так-то. Но сообщать об этом я не стал.

Когда открыл доступ, дядюшка Абрам довольно быстро перенастроил на себя допуск в интерактивном меню. И снова, уже как подтвержденный владелец бронекостюма, положил ладонь на идентификационный круг сканера. Я коротко глянул на него, на его уверенные движения, из которых исчезла кряхтящая старческая неторопливость.

И даже замер, задумавшись. У меня вдруг возникло неожиданное предположение — а не посланник ли Астерота дядюшка Абрам? Потому что по своим возможностям старый еврей недалеко отошел от космического танцора; правда, действуя чуть более старомодными методами. Если Элимелех выполнял требуемое вскрывая Сеть, то дядюшка Абрам делал это, используя более традиционные связи.

Да ну нет, бред — отогнал я возникшую догадку. Астерот все же не дурак, не думаю, что он стал бы связываться с Абрамом Сергеевичем Либерманом. Это я, так скажем немного ошарашенный был после смерти от рук демонессы, контракт подмахнул не глядя. Со старым евреем подобный номер просто бы не прошел.

Усмехнувшись забавным мыслям, присел рядом с последней, предназначенной мне парой контейнеров. С негромким шипением крышка кейса с доспехами отошла в сторону. Внутри, в специальных выемках, исключающих тряску и трение, расположились элементы брони.

Первым делом достал контактный костюм. Который

выглядел… ну, немного устаревшим. Нет, это была вполне функциональная вещь, с системой терморегулирования и медицинского контроля, но пятьдесят лет, разделяющие костюм Варриор и костюм Шевалье, к которому я привык как ко второй коже, заметны несмотря на модификацию.

Самостоятельно под тело контактный костюм не подстраивался. Пришлось повозиться с настройкой. Судя по раздающимся вокруг кряхтящим и недовольным возгласам, проблемы в этом возникли не только у меня. У всех, кроме дядюшки Абрама, который с этой древней системой был знаком. Мда. Я даже зашипел, перетянув плечевую стяжку, и возвращая все как было — стопоров на уровень натяжения в контактном костюме просто не было.

Неподалеку выругался Войцех, выдохнул сквозь стиснутые зубы, скрывая секундное раздражение, Гек. Мы сейчас (все, кроме дядюшки Абрама) оказались в положении жителей двадцать первого века, которым вместо калькулятора предлагались счеты, увиденные впервые в жизни. Хотя нет; мы даже, наверное, оказались в положении инженеров, которым для работы вместо компьютера с Автокадом рабочее место оснастили кульманом и выдали карандаш с точилкой.

Вдруг громко, с надрывом закричал, даже почти завизжал Вася, который перетянул себе паховые стяжки контактного костюма. И едва-едва, судя по децибелам крика, его ошибка не закончилась печальными последствиями. Но Войцех стоял рядом, быстро помог Василию избежать трагедии, вернув все обратно как было.

Когда с настройкой контактных костюмов и подгонкой основных элементов брони было закончено, дело пошло веселее. Все же костюмы Варриор относились к модернизированной серии: нейрошунты подключения к личным терминалам и прошивка здесь современные. Ну как современные — судя по индексу «М2000» сама базовая операционная система двадцатилетней давности.

Вот с нейрошунтом, кстати, возникла некоторая проблема. Не именно с ним, а вообще; личного терминала у меня нет. Можно, конечно, и без него, но это значительно — «не думай о долях секунды свысока», увеличивает время отклика. Кроме отсутствия личного терминала, еще у меня нет способности к скольжению. Которое дает не только невидимую взгляду быстроту движений, но и возможность остановки времени. Своеобразную тактическую паузу, чтобы в растянувшемся мгновенье обдумать ситуацию и иметь возможность принять оптимальное решение.

А предстоящая операция — это ведь не короткое

боестолкновение в ограниченной локации с известным противником, как было на турнире. Это уже вполне взрослая акция, без искусственных ограничений. И поэтому я не могу на себя принять командование: слишком дорого может стоить один единственный миг промедления.

Обо всем этом я и думал сейчас, облачаясь в бронекостюм. Немного повозился с щитками бедер — до того момента, пока не въехал, что самостоятельно разъемы на место не встают, и иногда требуется не просто грубая, а очень грубая сила. С этим пониманием дело сразу пошло — кирасу, наплечники и нарукавники надел уже довольно быстро.

В отличие от Шевалье комплекс Варриор был помассивнее и потяжелее. Но у меня и не было нужды экономить энергоресурс, чем мы занимались во время турнира. Поэтому я включил поддержку экзоскелета, и давящая на плечи тяжесть моментально ушла.

Закрепил на голове ободок визора, после надел шлем. Здесь грубой силы не потребовалось — видимо, при модернизации конструктивную особенность исправили. Легкое нажатие, и услышал щелчок закрывшихся стопоров держателей шейной системы и горжета. Мигнуло, затухая, голубое свечение от дополненной реальности визора, и я сразу оказался в полнейшей темноте. Прошла секунда. Вторая, третья…

Четвертая и пятая. Шестая. Я уже было потянулся выбивать обратно стопора шлема, чтобы через меню транспортировочного кейса пытаться разобраться с проблемой, как вдруг перед глазами пошла рябь помех. Ну да, поколение четыре два плюса, различие между Варриором и Шевалье в загрузке операционной системы как разница загрузки системы с носителей HDDи SSD.

Десяток секунд перед глазами рябили помехи, после чего появилась полоса загрузки. Потом вторая, третья, четвертая-пятая-шестая. После этого мне было предложено выполнить настройку костюма и интеграцию оружейных систем сейчас или сделать это позже, в процессе. Выбрал сейчас, конечно же. Походил, побегал, попрыгал — с активным, а также с отключенным экзоскелетом. Рядом со мной настраивали подобным образом бронекостюмы остальные.

Периодически прямо перед глазами вылезали окна оповещений, что при соединении индивидуального комплекса пехотинца с личным терминалом через нейрошунт мне будет доступен полный функционал доспеха. Назойливое сообщение все появлялось и появлялось, реагируя на каждое действие, поэтому я его уменьшил у убрал в самую дальнюю возможную точку на периферии зрения, сделав максимально прозрачным. Так хоть и

мозолит глаза, но в ненужный момент не выскочит.

Надо бы, конечно, покопаться в настройках и вообще это оповещение выключить, но времени нет и разбираться не хочется. К тому же из меня такой знаток глубоких настроек, что как бы не получилось «ой я тут нажал что-то и все исчезло».

Настройка бронекостюма у меня оказалась закончена у последнего. У всех остальных подключение осуществлялось через нейрошунт, и против моих минут заняло секунды, так что остальные все уже оружие собирали.

В ящике неожиданно-ожидаемо оказался модульный комплекс АЕК. Неожиданно потому, что стало приятно — как старого знакомца встретил. А ожидаемо, потому что модульный оружейный комплекс АЕК — модель экспортная, стоит не только на вооружении Армии Конфедерации, но распространена и по всему миру. Тем более здесь, в Африке. И здесь, в Африке, АЕК даже на флагах нескольких ЧВК, территорий и протекторатов изображен.

Ящик же я не узнал потому, что это был стандартный комплект поставки. Мы же, когда участвовали в турнире, свою экипировку хранили в одном кейсе, куда умещались и доспехи, и оружие. И как понимаю те транспортировочные контейнеры, которые мы получили каждый перед началом турнира, были или какой-то отдельной модификацией, или вовсе собраны отдельно под турнир.

Ну да, в пользу второй версии говорило то, что у нас даже боекомплекта в транспортировочных ящиках не было. А здесь, когда поднял крышку кейса с оружейной системой, увидел полный набор: ударный дрон, четыре ствола разной длины, две ложи с прикладами, прицельные планки и тактические рукоятки. Самое главное, взгляду открылся блок 30-мм гранатомета, и отдельный отсек с двумя носимыми боекомплектами к каждому модулю. У нас такого не было: штурмовой стрелково-гранатометный комплекс для использования в турнире нам не полагался, из-за специфики арен проведения. Сейчас же никаких ограничений, кроме законов божьих и человеческих, как я их сам понимаю нет, так что губы мои растянулись в невольной улыбке.

В общем, полный комплект поставки. Ну, теперь заживем.

В несколько движений собрал штурмовую винтовку, снизу добавив еще и гранатомет. Привычная конструкция заметно изменилась, но никаких проблем не возникло — я сейчас с поддержкой экзоскелета, мне сейчас передается лишь незначительное ощущение тяжести. Легкое, как ощущения от поворота руля автомобиля с гидроусилителем.

Потяжелевшая в спарке с гранатометом штурмовая винтовка

отправилась за спину, на магнитные крепления, а я собрал себе еще пистолет-пулемет, также отправив его за спину. А потом достал, убирая обратно в ящик, и на это место закинул длинный контейнер с ударным дроном. Вот, так правильнее. После принялся распихивать по местам крепления уже снаряженные магазины и кассеты с гранатами. Боеприпасов, как водится, много не бывает — их или еще мало, или уже не унести.

В этот момент шипение настройки смолкло, и я наконец оказался полноценно интегрирован с костюмом. Сразу же меня в дополненной реальности нагрузило немалым количеством телеметрии и показателей, которые буквально заполонили всю область зрения. Конечно, если смотреть сквозь, большая часть всего этого информационного яркого безобразия пропадала, но все равно глядел на мир как через разноцветное плавящееся марево.

Открыв меню настроек, начал приводить поле зрение в удобоваримый вид, а не в кошмар неподготовленного человека, который видит рейдовый интерфейс про-игрока в ММОРПГ. Убрал вообще почти все, кроме показателей сохранности щитов первых двух уровней защиты. Показатели сохранности жидкой наноброни контактного костюма не выводил: если первые два уровня защиты будет не в порядке, я это уже без напоминания почувствую. Да и операционные мощности нужно экономить — судя по времени отклика на мои действия, быстродействие систем костюма… неидеальное, так скажем.

После того как минимизировал объем данных перед глазами, подтвердил сохранение изменений. Вновь перед глазами появились полосы загрузки — после принятия изменений началась настройка тактической сети. Десяток секунд, и первым перед взором появилось окно отряда, с шестью (включая мою) иконками фигур. Все бледно-синие в ореоле темно-синего, что говорит о максимальных показателях заряда батарей, сохранности щитов и уровня здоровья.

Под каждой фигурой можно было прочитать позывной. Я усмехнулся, потому что дядюшка Абрам, Войцех, Патрик и Гек в качестве позывного подтвердили фамилии, а вот Василий выбрал имя. И подписи под иконками получились: Немец, Либерман, Ковальский, О’Брайан, Василий. И читая, я как анекдот представил: собрались как-то немец, поляк, ирландец, еврей и русский…

Анекдот закончился, когда к моей иконке, появившейся чуть позже, система автоматически подтянула фамилию — Младич. Теперь уже не так явно выглядело все, просто отряд. Хотя… Драго Младич сам по себе тот еще анекдот: «…заходит как-то в бар

параноидальный шизофреник».

Пока я думал о всякой ерунде, загрузка интерфейса тактической сети завершилась, после чего появилась связь. И вдруг громко, в полной тишине, окружавшей меня до этого, прозвучали первые слова. Это было настолько внезапно, что я даже вздрогнул от неожиданности.

— …интовок много, но эта — моя.

Резко обернувшись, я увидел, что Вася стоит на коленях у транспортировочного кейса с оружием и держит на весу, на вытянутых руках, собранный стрелково-гранатометный комплекс. И монотонно повторяет явно заученные слова:

…моя винтовка — больше, чем оружие.

Это человек, такой же как я.

Я должен научиться владеть ею также, как владею своей жизнью.

Без меня моя винтовка бесполезна.

Без моей винтовки бесполезен я.

Мы с моей винтовкой знаем, что эффективный огонь — точный огонь.

Побеждает не тот, кто стреляет первым, а тот, кто первый попадает.

Поэтому я должен стрелять из винтовки метко.

Должен стрелять точнее чем враг, который пытается попасть в меня.

Моя винтовка — мой лучший друг.

Она — моя жизнь.

Я и моя винтовка знаем, что счет ведется не на количество выстрелов, а на количество убитых.

Я и моя винтовка, мы станем частью друг друга.

И мы будем убивать.

Перед Господом я повторяю этот символ веры моей.

Amen.

Василий закончил молитву, с резким стуком выбив стопор, сложил приклад и забросил винтовку за спину.

Остальные на Василия внимания не обращали. Ясно почему — они его молитву даже не слышали. А я ее слышал, потому что у меня командирский статус, и я слышу переговоры всех членов отряда.

— Василий, — произнес я.

— Да, босс, — вздрогнув, обернулся Вася.

— Это вот что сейчас такое было?

— А… я в общей сети, да?

— Нет, просто я как командир тебя слышал.

— Это молитва, босс.

— Я понял, что это молитва. Ты откуда ее взял?

— Хефе научил, босс.

Теперь все стало понятно. Мои слова, когда-то сказанные в шутку — на тренировке команды, во время получения бронекостюмов Шевалье, Андре записал и сохранил. И заставлял заучить эти слова новобранцев. Когда обучал те самые «человеческие организмы», которые погибли, защищая мир от вторжения демонов. И о чьем подвиге почти никто до сих пор не знает. Вот такой вот привет от Андре, неожиданный.

Так, ладно. Делом надо заниматься, и вдумчиво. Потому что если я сегодня облажаюсь, то о подвиге отряда варлорда Артура Волкова в Инферно никто никогда и не узнает.

Настройка бронекостюма наконец закончилось, и в дополненной реальности перед взором появилась метка о доступных разведданных. Зацепив взглядом, я раскрыл сообщение и увидел полную информацию о дислокации каннибалов в Кигунгули. Всерьез изучать разведданные пока не стал, смахнул пока в сторону. В принципе, у меня и так — стараниями Войцеха и его «друга Вальдуша» эта информация была.

Зато с появлением этой информации подтвердилось предположение, что Доминика определенно знала, на что намекала, говоря мне о планах насчет Кигунгули. Даже не намекает, а завуалированно направляет и показывает, что мне делать и куда идти.

Подобное со мной происходило, когда я только оказался в этом мире. Только тогда я вообще не ориентировался, что происходит. Сейчас же ситуация изменилась — осознавая, пусть даже примерно, цели игроков, я представлял происходящее на поле. Да, не очень приятно чувствовать себя сейчас инструментом в чужих руках, конечно. Но… наши пути пока ведут в одну сторону, а развилку — первую, я уже и сам вижу.

Маша Легран. Личное знакомство с которой — мой сильный козырь в рукаве.

Открыв в дополненной реальности меню командира отряда, создал предварительно боевую задачу — оставив пустыми большинство строк, утвердив лишь состав отряда. После этого нашел опрометчиво убранные с глаз разведанные, подтянув их и прикрепляя к боевой задаче. И после этого, зацепив взглядом пиктограммы бойцов отряда, выбрал иконку Войцеха, передавая ему командование операцией. Поляк, увидев перед собой сообщение, на пару мгновений замер, а после повернулся ко мне.

— Либерману надо отдать, — произнес он.

— Что ему отдать? — не сразу понял я.

— Командование операцией.

— Дядюшке Абраму?

— Да. Я простой отставной жандарм, а он уже командовал разведротой и гонял по пустыне эфиопов и легионеров еще тогда, когда нас с тобой даже в проекте не было.

— Он же сказал, что служил в разведроте, не командовал?

— Он сказал «начинал служить». Ты его биографию не знаешь разве?

— Эм… да нет, глубоко не копал.

Если честно, вообще не копал. Просто положился на мнение Моисея Яковлевича, что «…Аб-бгам Сег-геевич очень уважаемый и г-газностогонне газвитый человек, с весьма обшигх-х-х…. с весьма обшиг-х-х-гх-хными связями в самых газных сфегах».

Ну да, а ведь кстати: только сейчас вспомнил, что, рекомендуя мне дядюшку Абрама, Моисей Яковлевич, как мне сейчас очевидно, явно волновался и хотел многое рассказать. Я тогда, правда, как обычно торопился и даже слушать не стал. А зря.

— А зря, — словно эхом моих мыслей повторил Войцех.

— В пару слов?

— Опасный он человек, если в пару слов.

— Понял. Ладно, с этим позже. Передавай ему командование операцией.

Кивнув, Войцех замер, и через пару мгновений положение меню отряда изменилось, и командирский отсвет в отношение боевой задачи получила пиктограмма дядюшки Абрама. Тот никак не отреагировал, продолжая держать наизготовку стрелковый комплекс и водя стволом из стороны в сторону, периодически его опуская и поднимая. Явно настраивал прицел и отображение информации в дополненной реальности во время положения оружия наизготовку.

Еще примерно несколько минут потребовалось всем, чтобы интегрировать бронекостюмы с оружейными комплексами. Я, как обычно — из-за отсутствия личного терминала, оказался последним. Так что, закончив, все молча и терпеливо дожидались меня.

И когда я наконец закончил настройку, прошел в центр комнаты. Остальные встали рядом, образуя круг. Лишь Чумба маячил позади и в совещании-брифинге принять участие не мог — мы сейчас все уже в глухом режиме брони, общаемся посредством таксети.

Но Чумбе участвовать и нет необходимости. Во-первых, бурбону просто неинтересно обсуждение, а во-вторых, все что ему

нужно — убивать. А когда и как это нужно будет делать, я скажу и покажу.

Глава 4

На некоторое время повисло молчание. Все ждали моих слов. Я же говорить не начинал — тема сложная. Думал, осматривая всех. Была такая возможность — несмотря на то, что забрала шлемов глухие, тактическая сеть дорисовывала лица.

Надо кстати это дело отключить. Надо вообще все лишнее отключить, чтобы в ненужный момент система не подвисла. Даже несмотря на модернизацию не думаю, что бронекостюм Варриор сможет выдавать боевые возможности на максималках.

Надо будет отключить, но потом.

— Сейчас попрошу всех слушать, и думать над услышанным. Считайте это не брифингом постановки задачи, а совещанием. Мне очень нужно ваше мнение.

Выдержав паузу, для осмысления остальными сказанного, я заговорил. Начав издалека:

— Однажды ученый рабби Иосиф Соловейчик разговаривал с учениками и один из них задал ему странный вопрос: разрешено ли пить молоко вместо вина на Седер Песах? «Тебе запрещено пить по состоянию здоровья?» — спросил рабби. «Нет, просто вино для меня сейчас — слишком дорого». Вместо ответа рабби дал ученику двадцать пять долларов, и ученик ушел. И когда он ушел, другие ученики начали задавать вопросы: «Рабби, почему ты дал ему двадцать пять долларов? Ведь пять долларов для покупки вина было бы более чем достаточно. — Если он собирался на Седер Песах пить молоко, — ответил рабби Соловейчик, — это значит, что у него нет денег на мясо, так как еврейский закон запрещает есть мясо с молоком. А это в свою очередь значит, что сейчас у него нет денег не только на вино, но и на мясо, и на все остальное. Я дал ему достаточно денег для того, чтобы он купил не только вино, и смог отпраздновать Седер Песах как следует».

Никто пока (кроме дядюшки Абрама, который наверняка знал золотые правила еврейского бизнеса) ничего не понял. Но понимание мне пока и не было нужно. Завладевая вниманием слушателей серьезными проблемами, я заговорил, конкретизируя:

— Вы все сегодня видели мадам Жаклин, мою новую подругу и клиентку. Сейчас она преследуема каннибалами из Кигунгули за то, что, так получилось, случайно увела их деньги. Большие деньги. Наша задача — защитить мадам Жаклин, выбить каннибалов из Кигунгули, а после раздать призы всем сочувствовавшим, — многозначительно посмотрел я на Войцеха, намекая на «друга Вальдуша».

Войцех только многозначительно усмехнулся. Так, похоже друг Вальдуш свое уже получил — судя по улыбке Войцеха, сомнений в этом у меня не возникло. Когда он успел только? Ему и Жаклин надо было в надежное место определить, и с Вальдушом получается разобраться…

Спрашивать об этом не стал. Просто выдержал паузу, и довольно подробно рассказал всем о том, что узнал от Жаклин. И конкретно насчет ее деятельности, и более широко — по каннибалам, которые уже через несколько дней собираются стать частью мирового сообщества, будучи признанными Колониальным комитетом ООН. Что, в свою очередь, подарит нам таких соседей, который с поддержкой от ЧВК Карателей Легран просто выкинут нас с Полигона. И когда подробно рассказал обо всем этом, озвучив наши перспективы, вернулся к озвученной в самом начале совещания притче.

— Рабби, как вы помните, дал своему ученику не пять долларов, которых хватило бы только на вино, а двадцать пять, чтобы ему хватило на празднование Пасхи. Потому что сороковое золотое правило ведения бизнеса по-еврейски гласит: «Иногда надо дать больше, чем достаточно, если ты действительно хочешь дать достаточно». Поэтому, руководствуясь данным правилом, я думаю, что нам стоит разнести каннибалам будки так, чтобы их просто не осталось на этом острове. И думаю, это та самая черта, только лишь за которой мы сможем дать достаточный ситуации ответ.

Некоторое время стояло молчание, после чего дядюшка Абрам покачал головой.

— Если мы вынесем с острова каннибалов, превратив их в кровавый фарш, ты приобретешь очень серьезного врага в лице Карателей Легран.

— Я договорюсь.

— С кем?

— С Машей Легран, напрямую.

— Ты думаешь, Маша Легран — это вся корпорация?

— Нет, но….

— Представляешь, сколько усилий им потребовалось, чтобы провести признание Гамамбилу в Колониальном комитете? Причем вряд ли этим занималась сама Маша, с которой у тебя судя по всему есть знакомство, это плод работы всей корпорации СМТ. Ты это понимаешь?

— Понимаю.

— А ты, если таки уничтожишь каннибалов, просто превратишь в прах труд сотен людей. Причем труд, на который затрачено наверняка немало ресурсов — ты хоть представляешь,

сколько стоит купить решение в Колониальном комитете?

— Представляю.

— Как думаешь, простят тебе такое? Безотносительно Маши, с которой ты порешаешь вопрос.

Об этом я, кстати, думал. Недолго, но очень плотно — в те моменты, когда время было. Пока, например, плыл к яхте по ночному океану. И додумался до того, что прекрасно понял заинтересованность Доминики в том, чтобы именно я поскорее разобрался с каннибалами. Потому что тогда я гарантированно оказываюсь на противоположной стороне баррикад от ЧВК Легран.

Понятно, что с Машей я могу договориться, поэтому подобное положение дел меня не особо пугало. Но с точки зрения Доминики, которая не знает о моей более чем тесной связи с Машей, я оказывался полностью в зоне ее контроля. И варлорд Драго Младич — после уничтожения каннибалов, становится управляемой пешкой корпорации Некромикон. Потому что если варлорд Драго Младич лишится поддержки корпорации Некромикон, после всех своих действий, дня не проживет.

И да, я прекрасно осознавал, что уничтожение каннибалов — пощечина корпорации «СМТ». Даже не пощечина, а сокрушительный удар сапогом по… по самому больному. По репутации, по деньгам, по затраченному времени.

Но иных путей для себя сейчас я просто не видел. Или они, или я.

— Ты вот книгу умную купил, про правила еврейского бизнеса. А тридцать первое золотое правило ты читал? — поинтересовался между тем у меня дядюшка Абрам.

— Я только названия всех глав просматривал, так скажем.

— Так как оно звучит, помнишь?

— Нет, я хорошо только сороковое запомнил.

— Тридцать первое правило звучит так: «Не оскорбляйте врагов своих». Пересказывать не буду, прочитаешь потом сам, раз уж книгу купил — не пропадать же инвестициям. Но кроме золотых правил, по этому поводу еще Макиавелли говорил. Внимательно слушаешь?

— Да.

— Макиавелли завещал: «Даже когда государь считает нужным лишить кого-то жизни, он может сделать это, если налицо обоснование и очевидная причина, но он должен остерегаться посягать на чужое добро, ибо люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества».

Откровением услышанное для меня не стало. Имущественные отношения даже в протекторатах подчиняются правилом Первого

мира; кто-то здесь живет, а кто-то делает здесь деньги. Так что соблюдение ряда правил, даже в игре без правил — одно из фундаментальных условий. И именно это, необходимость нарушения правил, и вызвало необходимость у Доминики к привлечению к уничтожению каннибалов стороннего исполнителя. Меня, как варлорда Драго Младича, пусть пока и необъявленного.

Все это я прекрасно понимал. И, если бы у меня была всего одна жизнь — жизнь Драго Младича, я сейчас и не собирался бы подобным образом лезть на рожон. Но я сейчас, без пяти минут, раскрытый Артур Волков, и некоторые последствия действий и решений мне просто не важны. Некоторые потенциальные последствия решений для меня сейчас даже слишком незначительны — точь-в-точь как для идущего вперед носорога, который плохо видит, но это не его проблема.

Необходимость как-то объяснить все это вызвало новый приступ раздражения. С которым я справился.

— Это все понятно, — сдержанно кивнул я, обращаясь к дядюшке Абраму. — Но других путей для себя сейчас я не вижу. И, наверное, поэтому вас здесь всех и собрал. Рассказывая все подробно, потому что надеюсь услышать что-то умное, — все же не сдержался и съязвил я.

— Давай попробуем, — усмехнулся дядюшка Абрам. — Гекдениз, есть что сказать?

— Я не очень понимаю стратегических целей. Но рассуждая тактически, согласен с Олегом в том, что каннибалов надо вынести с острова и забыть.

— Ты еще и Олег? — удивился дядюшка Абрам.

— Долгая история, — только отмахнулся я.

— Ясно. Василий?

— Эм… А…

Василий замялся, но сказать так ничего и не смог.

— Василий, я таки в тебе не сомневался, — подколол его дядюшка Абрам. — Войцех?

— Я не знаю, что и как в данной ситуации лучше делать, — сразу и откровенно ответил поляк. Чем, судя по сопению, очень смутил Васю, который словно бы говорил: «А что, так можно было?».

Теперь пришел черед дядюшки Абрама, на которого все и посмотрели.

— Племя Гамамбилу признано ООН? Еще нет. Действуют в племени сейчас правовые нормы и законы? Тоже нет. Пока ты занимался погрузочно-разгрузочными работами, — намекнул дядюшка Абрам на то, что именно я привез бронекостюмы, — и

пока господа вкусно кушали, я немного поузнавал обо всей этой громко свистипердящей ситуации по знакомым. В общем, племя Гамамбилу теперь — официально, отдельное подразделение ЧВК Карателей Легран. В корпорации это уже проведено по штату, остается только признание Колониального комитета, чтобы де-факто превратилось в де-юре. И знаешь, почему устранение каннибалов на острове — задача, порученная твоей прекрасной сеньорой нашей пусть небольшой, но респектабельной компании?

— Предполагаю.

— Не знаю, что именно ты там предполагаешь, но не только поэтому. А потому, что большая часть воинов племени сейчас в тренировочном лагере Карателей на Мадагаскаре. Здесь, в Кигунгули, осталось не более десяти бойцов. С бронекостюмами, тех кто с камнями и палками я в расчет не беру. Могут быть еще инструкторы-неасапианты, числом не больше четырех. Остальные, около двух сотен — гражданские, женщины и дети. На то, чтобы выгнать каннибалов с острова, теоретически даже одного Василия может хватить. Почему же каннибалы сейчас так беззащитны?

— Почему?

— Я предполагаю, — даже для убедительности поднял палец в небо дядюшка Абрам, — наша акция согласована с обеих сторон. Уничтожение, изгнание, и даже возможный геноцид племени каннибалов, в данный момент выгодны и Некромикону, и СМТ. Размен фигурами, только тебя с доски чуть позже уберут. Повод к этому ты сегодня заработаешь.

— Согласен, — быстро проанализировав услышанное, кивнул я. — Я это тоже подспудно понимаю. Но что делать?

— Мы можем легко зайти к ним в гости, прямо сейчас, и поменять вождя племени. Поставив во главе каннибалов хоть Чумбу.

— У Чумбы племя свое есть, не получится.

— Тогда Василий. У вождя две дочки, выбирай любую…

После этих слов послышался сдавленный возглас.

— Не надо меня замуж за дочек вождя, — сообщил испуганный Василий, который моментом из грозы улиц превратился в испуганного молодого человека.

— Так замуж и не пойдешь, — сообщил я ему.

Василий широко улыбнулся, вновь возвращая себе грозный вид.

— У него же дочки. На дочках женятся, а не замуж выходят.

Улыбка с лица Василия пропала.

— Босс… прошу вас, не надо.

— А кого еще? Ты за свою благоверную что ли боишься? Так

сделаешь ее старшей женой, в чем проблема?

— Босс… прошу, не надо, пощадите… — Вася, судя по виду, готов был упасть на колени.

— А кто тогда?

Гек? Из него вождь… Сам дядюшка Абрам? Ему вера запрещает.

Все взгляды скрестились на Патрике.

«Мне вообще безразлично», — примерно так ответил ирландец, что мы все сочли за согласие.

— Для того, чтобы сделать все легитимно, после объявления Драго варлордом тебе нужно будет принести ему вассальную клятву, — уточняюще произнес дядюшка Абрам.

— Без проблем.

— Если у нас все получится, — обернулся ко мне дядюшка Абрам, — то ты так и так будешь договариваться с Легран. Только уже не как тот человек, который уничтожил титанический труд десятков и сотен людей, оскорбивший своими действиями целую корпорацию, а как деловой партнер и возможный союзник, потому что еще ничего сломано не будет. Таким образом ты решишь проблему без эскалации напряженности.

А еще — подумал я, — это поставит меня в довольно сложное положение. Потому что племя каннибалов станет словно доской, балансирующей между двух корпораций — Некромиконом и СМТ.

— Племя будет не очень согласно выбрать нового вождя.

— Ну мы же их хорошо и убедительно попросим. Не зря у нас целых шесть, пусть и древних как говно мамонта, — неодобрительно глянул дядюшка Абрам на Войцеха, — бронекостюмов Варриор с полным боекомплектом.

— Хорошо, действуем так. Если что, для плана В возможность есть всегда.

Послушав согласное молчание, я продолжил.

— Мы заходим в Кигунгули, убиваем всех неасапиантов, если найдем, остальных по возможности вырубаем, переключаясь на нелетальный режим стрельбы. Убивать каннибалов только в случае опасного крайней необходимости. После подавления направленной активности ведем переговоры и ставим своего вождя. Так?

— Так, — только и кивнул дядюшка Абрам.

Последние сборы, и контрольная проверка работы систем всех бронекостюмов заняли еще несколько минут. После чего мы выдвинулись — на своих двоих, по серой зоне. Передвигались довольно быстро, с поддержкой экзоскелета это было несложно.

За главного на Полигоне, вернее за главную, оставили благоверную Василия. Юная, но весьма внушительного вида

мадам уже переоделась, сменив изумрудное платье на экипировку городского охотника. С белым демоном на спине, надо же. И, судя по повадкам и стати, оставить ее здесь вполне разумное решение. И вот это вот… то, что мы ее оставили за главную, мне очень понравилось. Потому что это хороший признак — от прямой вертикали управления Полигоном я уже отошел. Есть я здесь, нет, процессы идут, работа и жизнь на месте не стоит.

И это хорошо. Потому что сам я в это время могу заниматься серьезными делами.

Ну а если у остающейся здесь за главную дамы Василия (не помню даже, как ее зовут) возникнут проблемы, то для авторитета и для страховки с ней остается Чумба. Убивать бурбону, по новому плану, больше никого не требовалось, и его присутствие в логове каннибалов стало необязательным. Что меня, кстати, радовало.

Не доходя примерно километра до границы района Кигунгули, разделились. Расходясь в стороны, растянувшись в линию на триста метров, практически одновременно вышли на позиции по меткам, расставленным дядюшкой Абрамом.

Сам Либерман, как я начал его называть про себя, был в паре с Геком. Войцеху и Патрику, как самым умелым и опытным боевикам, предполагалось действовать каждому в одиночку.

Я оказался в паре с Василием — мы составили самое слабое звено отряда, и нам полагались второстепенные задачи поддержки. Причем понимал я и принимал это даже без внутреннего протеста, вполне осознавая справедливость решения. Потому что Василий — это Василий. Он непредсказуем. Сам же я — без личного терминала и поддержки нейроинтерфейса, в традиционном боестолкновении боец так себе. Против только «вчера» облаченных в броню каннибалов, я решаю, конечно, а вот против неасапиантов — если они есть, уже лишь с большой долей удачи.

Но даже несмотря на возможное присутствие неасапиантов, числом до четырех, предстоящая задача выглядела донельзя простой. Нам даже не было нужды кружить по всему району, выискивая боевиков и авторитетов каннибалов, рискуя пошуметь слишком громко и получить в ответ реакцию полиции.

Каннибалы, контролирующие район Кигунгули, располагались обособленно. В большом, авангардной архитектуры двухэтажном здании, бывшем научно-исследовательском институте морской флоры, сейчас отданном для нужд переселенного племени. Которое, кроме всего прочего, еще получило все квоты на ручной труд в припортовом районе. И, вследствие этого, кроме обеспечения работы порта присело не

только на весь мелкий криминал в не просвечиваемой оком большого брата зоне, но и оказалось на контроле некоторых контрабандных маршрутов. Имея с этого, весьма и весьма неплохой доход — Жаклин, которая увела у племени наверняка лишь небольшую часть черной кассы, подтвердит.

Так что сейчас наше внимание было сконцентрировано только на здании исследовательского института. И вопрос с реакцией полиции на шум в здании, как и обещал «друг Вальдуш», был уже решен. Праздник у людей, фейерверки, шум, гам. Бам, бам, племенной барабан — мысленно, немного нервничая, сбился я с мыслей.

Оказавшись на позиции, мы с Васей почти одновременно сняли со спин небольшие контейнеры, также одновременно открыли крышки и активировали каждый ударные дроны, которые еще могли выполнить роль камикадзе. Небольшие, но массивные и тяжелые квадрокоптеры моментально ушли в небо, исчезнув из поля зрения. Зависнув над зоной обнаружения вокруг научно-исследовательского института и ожидая своего часа.

Как только ударные дроны ушли вверх, из специальной кассеты на предплечье у меня самостоятельно вылетело пять небольших, чуть больше стрекозы, миниатюрных дронов-разведчиков. Каждому уже был назначил сектор слежения, и по сигналу Либермана я дал команду к началу сканирования.

После этого сразу же переключил в приоритетный вид меню наблюдения с дронов-разведчиков. Перед взором сразу, поверх реального вида, нарисовалась создаваемая наблюдением трехмерная модель здания бывшего института. Синяя штрихованная модель, с красными метками замеченных оборонительных турелей, и фигурами вооруженных людей. Над каждой из фигур уже появилась метка цели.

Всего караульных обнаружилось четыре человека — двое устроились под пальмой у западного крыла, неподалеку от въездных ворот, и судя по виду тянули один косяк на двоих. Третий дисциплинированно расхаживал по крыльцу главного входа, а последний располагался на крыше. Спал под вентиляционным коробом, рядом с зенитно-ракетной турелью. Спал причем, сняв бронекостюм, для пущего удобства. Идиот — только и вздохнул я.

Неасапиантов видно не было. Отправлять сейчас дронов-разведчиков в здание — вариант поднять тревогу, если у них более-менее современные системы обнаружения и защиты стоят. Видимо, поэтому дядюшка Абрам принял решение к началу действий: все же несмотря на присутствие пусть даже четырех неасапиантов, преимущество — из-за фактора внезапности, у нас

подавляющее.

Мне пришло командирское оповещение необходимости заряжания ЭМИ и свето-шумовых гранат. Быстро перезарядив гранатомет, сменив трубчатый магазин на четыре гранаты, я увидел, как все остальные пиктограммы меню членов отряда окрасились отсветом готовности. Еще несколько секунд ожидания — каждый их нас получил метку новой позиции, синхронизированной с ходом течения операции после начала атаки.

— Готовность десять секунд, — послышался голос Либермана. — Пять, четыре… — чуть погодя начал он отсчет. Пауза вместо слова «три», специально сделанная для того, чтобы в случае неготовности кто-то мог вставить свой комментарий.

— …два, один. Огонь.

Выпустив на двоих восемь гранат, мы с Василием сменили магазины, и сорвались с места, уже на бегу включая стелс-режим. Ощутимо загудело, по всему костюму прошла легкая вибрация, визор показал мне реальность в холодных тонах. Все, я в режиме призрака — и когда остановлюсь, меня даже не факт, что сможет заметить человек с пяти-семи метров. Электроника же меня заметить точно не сможет, потому что над и в самом здании, занятом каннибалами, продолжали взрываться гранаты. И ЭМИ, и дымовые, и свето-шумовые.

Перепрыгнув через забор, мы с Василием помчались к укрытию по меткам.

«…!» — только и выругался я, потому что визор мигнул красным, и перед глазами появился сразу десяток, не меньше, сообщений об ошибках системы. За спиной что-то громко затрещало, пахнуло горелой изоляцией, появилась тяжесть в руках и ногах, а сообщения об ошибках системы продолжали стремительно наслаиваться друг на друга. И их уже было не десятки, а сотни.

Ухватив главное, я аварийно вышел из стелс-режима. Наслоение оповещений об ошибках пропало, но перед глазами в дополненной реальности творилось форменное и мутное безобразие. Хорошо, что перед взором сохранялась трехмерная модель здания: приоритет в показе модели с разведывательных дронов сохранился. И я сейчас ориентировался в пространстве как пилот заходящего на посадку в плотных облаках. Представляя где верх, где низ, а где посадочная полоса только по приборам и меткам проекционного дисплея.

Несмотря на проблемы с бронекостюмом, скорости я почти не потерял, и плюхнулся на колено на позиции лишь чуть позже Василия. Уткнул приклад винтовки в землю и одну за другой

выпустил в небо еще две серии гранат.

Происходило для меня все уже практически в полной тишине — система активного шумоподавления после сбоя работала криво, и я сейчас слышал только свое дыхание. Быстрая замена пустого картриджа магазина гранатомета, и на место встает последний, четвертый. С кумулятивными гранатами — для неасапиантов, которые могут быть здесь.

И едва я сменил магазин, как вдруг раздался предупреждающий сигнал зуммера. В дополненной реальности справа, на периферии зрения, появилась красная стрелка, показывая направление на замеченного противника. Обернувшись, я увидел яркие контуры силуэтов — один во внутреннем дворе, еще двое в глубине здания, если судить по элементам трехмерной модели института. Их заметили дроны-разведчики, которые с началом нашей атаки залетели внутрь.

Я успел только рассмотреть силуэты неасапиантов, как ближайший, во дворе, вдруг на некоторое время исчез в яркой вспышке — это к нему приземлился ударный дрон-камикадзе. Я это видел краем глаза — потому что уже стрелял по меткам других целей, прямо через стеклянные стены. Люблю авангардную архитектуру — не нужно пробивать метры бетона.

Стрелял не только я — оба замеченных неасапианта уже упали и дергались под настоящим дождем из пуль. Поднялся только один, но тут же лег обратно, а после исчез в яркой вспышке: залетели управляемые гранаты.

Вдруг мне в голову и плечо, сзади, словно молотом ударило. Удар был настолько силен, что я пролетел вперед несколько метров — и летел под аккомпанемент гула активных щитов. Так гудит прибывающий поезд; но гудели щиты ровно до того момента, как я со всего размаха полета врезался в стену здания. Уже падая, развернулся, и выпустил в выделенный таксетью сектор предполагаемой стрельбы весь магазин. И только после этого появился еще один красный силуэт с меткой. Как появился, так и исчез — у отрядной иконки Патрика появилась метка убийства.

— Драго! Статус?! — сквозь возникшие скрипящие помехи, разбавившие полную тишину, послышался в переговорнике голос Либермана.

— Активен, — ответил я, пытаясь подняться.

— Драго! Статус?!

Не слышит. Из имеющихся в наличии вариантов починить связь я имел всего один вариант, им и воспользовался — ударив кулаком себе по шлему. Надо же, получилось — шум помех пропал, замеченное сообщение о потери исходящей связи

исчезло.

— Статус — активен!

Вася лежал неподалеку — барахтаясь как упавший на спину жук, пытаясь подняться. Живой, но хорошо ему прилетело — отметил я искореженную попаданиями кирасу. Сильнее, чем мне — иконка его в меню отряда желтая, второй щит поврежден.

И все это из-за того, что у меня вышла из строя стелс-система — мельком отметил я. Именно поэтому четвертый неасапиант обнаружил нас раньше, чем мы его. Мысль мелькнула краем, потому что операция между тем продолжалась. Судя по отметкам в тактической сети движение в самом разгаре — фигурки перемещались, статусы менялись, появлялись новые метки целей. И опять все это происходило почти в полной тишине: к звуку собственного дыхания у меня добавился противный звон в ушах.

«…!» — в полной тишине, и уже в полной, кромешной темноте.

Свет вокруг словно выключили. Сердце забилось где-то в горле, я запаниковал, не понимая, что происходит. При этом осознавая, что если сейчас попаду в поле зрения противника, мне конец.

Кромешная темнота не уходила, и машинально подняв руки, я ощупал шлем. И сразу понял, что с ним не все в порядке. На затылке рваные края, как будто дыра там немалого размера.

Все, откланялся? Шальная пуля только что прилетела? — в полной темноте и полной тишине мелькнула пугающая мысль, от которой заледенели даже мысли.

Но тут же, перед глазами, вызвав самую настоящую бурю чувств, появилась серая пелена помех. Бронекостюм просто ушел в ребут, не выдержав выпавших на его долю испытаний. Появились полоски меню, после чего перед взором все вновь заполнили десятки информационных окон.

Да что ж такое, мои настройки не сохранились что ли? — подумал я, емко это дело прокомментировав.

— Драго! Статус?! — вновь услышал я голос дядюшки Абрама.

— Активен! — вновь доложил я.

«…!» — снова свет погас.

В этот раз перезагрузки системы ждать я не стал. Выбил стопоры, сорвал шлем. Оставшись с непокрытой головой, поправил ободок визора, и загрузил безопасный режим бронекостюма, ограниченный лишь основным набором функций. После помог подняться все еще барахтающемуся, оглушенному Васе, и вместе с ним мы наконец добежали до входа в восточное крыло здания института.

В этот момент лично моя задача поменялась — Либерман, видимо оценив и мое состояние, и состояние Василия, поменял приоритеты. Вася теперь уходил на резервную позицию, а мне предстоял путь на крышу, к зенитно-ракетной турели.

Включив магнитные держатели, я забрался по металлическим балкам полусферы восточного крыла на второй этаж. Причем лезть пришлось осторожно — попаданием мне разворотило еще и левый наплечник. Так, что он теперь топорщился ломаным гребнем, как элемент фэнтезийной брони. Только вот я не в фэнтези, и при таком гребне на наплечнике развернуть себе лицо острым металлом неосторожным движением очень легко. Учитывая, что я без шлема, а усилие от экзоскелета препятствие в виде моей головы даже не заметит.

— Freeze! Freeze! — то и дело слышал я, как в здании кричат Войцех и Патрик, а иногда даже Гек. Выстрелов практически не раздавалось — после того, как умерли неасапианты, противников у нас просто не было.

Оказавшись на крыше, осмотрелся, не слишком торопясь. Отсутствие шлема как-то располагало к осторожности. Моей задачей сейчас было занять пусковую установку зенитно-ракетного комплекса. Ответственный за нее каннибал чуть шевелился под вентиляционным коробом, где совсем недавно спал.

К нему в гости совсем недавно свето-шумовая граната прилетела, так что во внешний мир он не скоро вернется. Стянув пленному руки и ноги пластиковыми наручниками, я уселся в кресло кабины оператора мобильного зенитно-ракетного комплекса. Некоторое время мне потребовалось, чтобы освоиться с управлением.

Зенитно-ракетный комплекс представлял из себя вращающуюся кабину турели, с обоих сторон которой был прилеплено по длинному вытянутому контейнеру для четырех ракет. Спереди оператора защищал массивный бронещит, на внутреннюю поверхность которого транслировался экран радара и показания систем обнаружения. В теории так должно было быть — потому что сейчас ни одна ракета не была заряжена, а сам зенитно-ракетный комплекс находился в состоянии гибернации. Что я довольно быстро исправил, найдя штабель ящиков под тем же вентиляционным коробом, где лежал связанный оператор комплекса. Воткнул в контейнеры все восемь ракет, после чего поставил установку в режим поиска и сканирования.

И после этого у меня появилось время посмотреть в тактической сети расположение отряда. Вася все еще приходил в себя, лежа пластом. Дядюшка Абрам поменял позицию,

переместившись в западное крыло. Войцех, Патрик и Гек методично шли по коридорам и сгоняли всех каннибалов в главный зал здания. Лазейки к отступлению закрывали ударные дроны, висящие по периметру здания. Парочку беглецов дроны напугали, заставив вернуться обратно в окна, откуда те выпрыгнули.

Периодически до меня все же доносились и звуки стрельбы. Судя по всему, устрашающей, поверх голов — потому что отметок целей в таксети даже не появлялось.

Свою задачу я выполнил, новых не было. Так что я теперь только и делал, что слушал переговоры и резкие выкрики снизу. Ну и гребень наплечника чуть подправил, полностью не сбив, но хотя бы убрав опасность травмирования.

Вскоре на крыше появился Гек. Глянув на меня через глухое забрало, он только головой покачал. Ну да, когда в полной броне, и без шлема — выглядит такое интересно. Особенно с крылом развороченного пулями наплечником. Гек сменил меня за пультом турели, а сам показал вниз. В сторону центра здания, где, судя по силуэтам фигур, в большом зале холла уже выстроились все члены племени, согнанные из своих кроватей.

Опять голосовая связь пропала — догадался я. Связь пропала, но визуально таксеть работала — для меня в зале уже была приготовлена метка. Метка места, где нужно встать для беседы с пленниками. Мне это — прямое указание места, не очень понравилось. Приказы не оспаривают, но из-за врожденной вредности заходить внутрь по-человечески я не стал, и спустился в холл прямо с крыши.

Разбив короткой очередью одну из стеклянных секций, и дождавшись пока осыпается стекло, спрыгнул вниз. Связь, кстати, после того как я спрыгнул, заработала — услышал голоса общения отряда.

Мое появление поучилось довольно эффектным — понял я, оценив вид собравшихся каннибалов. Которые каннибалов как-то и не напоминали — я как-то подспудно ожидал увидеть дикарей в набедренных повязках, с костями в носу и обглоданными окороками (как в мультиках показывают) в руках. Нет, все присутствующие были в обычной гражданской одежде, большинство в рабочих комбинезонах, несколько человек частично в бронекостюмах. Либо не успели экипироваться, либо же их заставили снять энергоблоки и избавиться от оружия. А может и то, и другое. Было и несколько человек, которые выглядели обычными офисными работниками.

Вполне обычные люди, а по меркам криминального района протектората — так вообще выглядят цивильно. Ну а то что

людей едят, так это особенности их культуры — невесело усмехнулся я.

— Всем привет. Меня зовут Драго Младич, и я новый хозяин Полигона. Мы с вами соседи, а с соседями, как известно, надо жить дружно…

Вдруг из собравшейся толпы раздался рев и сразу два человека — один в неполном бронекостюме, второй в классическом костюме — только без галстука и босой, попытались броситься на меня. Вновь я осознал происходящее постфактум — потому что Войцех успел раньше: грохнула короткая очередь, и оба нападающих разделились на несколько кусков.

АЕК, в отличие от других видов оружия, в рамки гуманитарных конвенций не попадает. К тому же стреляем мы сейчас пулями, предназначенными для противников в бронекостюмах. Так что при попадании в обычное человеческое тело остаются вовсе не аккуратные дырочки входных отверстий.

В общем, после короткой очереди Войцеха два бесформенных тела одновременно упали на пол, и под каждым из них начала натекать приличных размеров лужа густой крови.

— …с соседями, как известно, нужно жить дружно, — не моргнув глазом, продолжил я. — Но вчера вечером, ни с того ни с сего на меня напали и пытались убить бойцы вашего племени, находящиеся на службе у Карателей Легран. В результате нападения я догадался, что добрыми соседями мы уже не являемся. А значит, я должен вас рассматривать как врага…

Говоря, я сделал несколько шагов вдоль выстроившихся каннибалов.

— Олег, стой на месте, пожалуйста, — послышался в переговорнике голос Войцеха.

А, ну да. Я же ему сектора перекрываю, и, если кто бросится сейчас, он уже не только непосредственно нападающих остановит, а тут просека из тел возникнет. И метка, выставленная для меня для произнесения речи не просто так…

Отдохнуть мне нужно, определенно. Котелок уже вообще не варит, элементарные к пониманию вещи просто ускользают.

Я, стараясь двигаться не слишком торопливо, вернулся на место и продолжил.

— У вас сейчас два варианта выбора. Первый: я понимаю, что вы — мои враги, и поступаю с вами соответственно. В этом случае пощады не будет никому, я просто уничтожу ваше племя. Второй — вы становитесь моими подданными, а после, возможно, и друзьями. Выбирайте.

Некоторое время стояла тишина.

— Главный здесь кто?

На мой вопрос никто не ответил. Взгляды собравшихся указали мне на сухопарого чернокожего мужчину в пижаме, которого можно было считать главным. Но он в подобном определенно признаваться не хотел.

— Они в курсе твоих дипломатических методов, — сообщил мне Войцех.

«Чего?» — не сразу понял я, задав вопрос взглядом. А потом вспомнил бвана Ибову, и вдруг понял.

Закинув винтовку за плечо, я поднял руки в миролюбивом жесте.

— Я все сказал. Или вы остаетесь моими врагами, и все умираете. Либо же вы становитесь моими поданными и друзьями, и мы с вами живем дружно. Выбирайте. И… Абрам Сергеевич Либерман, — обернувшись, показал я на дядюшку Абрама, который уже пришел в здание. — Прошу любить и жаловать. Договаривайтесь с ним. Если не договоритесь, к переговорам придется вернуться мне.

Развернувшись, я вернулся к тому месту, откуда спрыгнул. Прошел, хрустя стеклом под подошвами, оценил показатели энергоблока, готовность систем костюма и чуть присел. А после подпрыгнул, одновременно на всю врубая компактные ракетные ускорители. Получилось — вернулся обратно на крышу.

Одновременно я услышал два комментария — на польском, и на идише. Что сказано, не понял, но перевода и не требовалось — и Войцех, и дядюшка Абрам сообщили мне, что я в действиях не очень осмотрителен.

— Опасность — ничто. Имидж — все, — только и ответил я.

Ну да, риск был — если бы я не попал в выбитую ранее секцию, причем без шлема, вид я бы приобрел совершенно нетоварный. Но я же попал, все нормально закончилось. Победителей не судят, а наливают им шампанское.

Отправив Гека вниз, вновь занял место за пультом турели. Между делом дав команду через интерфейс на ввод стимуляторов — что-то адреналиновый отходняк подоспел, глаза уже понемногу слипаются и мысли путаются.

Долгая ночка получается — уже сколько всего произошло, и еще ничего не закончилось. Да и вообще как-то закрутился в калейдоскопе событий — постельная баталия с Доминикой, жертвоприношение Николетты, полет к Линдену, чудеса на виражах, захват базы каннибалов…

«Отдохнуть тебе надо, Юрий Венедиктович», — подсказал внутренний голос.

Я бы с радостью. Вот только некогда отдыхать — парировал я.

«Так на том свете тогда отдохнешь» — не стал сдавать позиции внутренний голос.

Напугал ежика голой жопой — только хмыкнул я. Был я уже на том свете… И чуть было не оказался там снова, уже навсегда — вспомнил я удар, бросивший меня недавно вперед на несколько метров.

Да, действительно надо отдохнуть. Настолько утомился, что разум как-то теряет пластичность, выискивая простые решения без сложных путей. И хорошо, что сегодня, когда я принимал решение, рядом был дядюшка Абрам. А если бы его не было?

Договорились с каннибалами, кстати, без меня быстро. И даже все формальности без меня уладили. По итогу переговоров Патрик О'Брайан занял место военного вождя племени (который трагически погиб, оказывается — именно он был одним из тех, кто на меня бросился).

Кроме того, ко всеобщей народной радости Патрик брал в жены сразу обеих дочерей мирного вождя племени. Договор подтвердили в присутствии вызванного нотариуса, бракосочетание назначили на завтрашний вечер — как раз до заседания Колониального комитета, и после того, как я объявлю себя варлордом.

Пока шли переговоры, я успел сделать еще кое-что. После третьей перезагрузки костюма смог наконец добиться работы системы, пусть и в безопасном режиме, с надетым шлемом. И после этого спустился вниз. В поиске — и в одной из детских комнат нашел то, что мне было нужно: разноцветные фломастеры и листок бумаги.

Художник из меня не очень хороший, но требуемый рисунок я изобразил. Это был черный щит, в котором расположился косой белый крест. И на этом кресте я нарисовал красного человека вниз головой. Листок аккуратно сложил, потом свернул и убрал в пустой контейнер из-под сгинувшего миниатюрного дрона разведчика — из пяти только два вернулось. Потом подумал, достал лист и дописал снизу по-русски: «Брак — с народом!».

Чтобы уж наверняка.

Вернулся на крышу как к тому моменту, как над крышей завис прибывший с Мадагаскара конвертоплан. Двигалась машина медленно и аккуратно — и сообщение наше они получили, да и Гек на подлете включил захват цели. Восемь ракет в упор — без шансов, так что лишних движений не последовало.

И пилот конвертоплана Карателей сохранял спокойствие, и приземлил машину по указаниям вышедшего в эфир дядюшки Абрама. Который представился по всей форме, и попросил командира группы выйти одного и без оружия.

Командир прибывшей на переговоры группы Карателей оказался человеком. Невысокий чернобровый француз, похоже гасконец, буравил меня внимательным взглядом темных глаз. Ему сложенный в несколько раз лист бумаги со своим корявым рисунком и отдал.

— Для Маши Легран. Не смотреть, передать быстро и лично, — только и сказал я, после чего жестом велел озадаченному быстротой переговоров карателю убираться с глаз.

Маша умная девушка, надеюсь мои художества она прекрасно поймет.

Глава 5

На Полигон вернулись только утром. Причем не в полном составе — Патрик и дядюшка Абрам остались в здании института. Патрик разбирался со своими будущими подданными, а дядюшка Абрам — с найденной документацией и архивом племени. И, судя по его: «да это — просто бомба!», — нашел он весьма много полезного.

Вникать я даже не стал. Бомба и бомба, мне уже абсолютно индифферентно, я спать хочу. Единственное, что сделал в ту сторону — отправил к ним в Кигунгули Чумбу. При наличии рядом мутанта-бурбона не думаю, что у кого-то появятся мысли пересмотреть итог ночных переговоров, да и им наверняка будет спокойнее.

Когда снял и убрал в кейсы бронекостюм, решил пару текущих вопросов Полигона, солнце уже взошло. Времени поспать даже не осталось — только душ принять. У меня сейчас по расписанию первое занятие с Николеттой на гребаном острове, который специально для нас Доминика оборудовала и накрыла куполом, чтобы скрыть следы магического возмущения.

Вот не могла она организовать все это на денек позже, а?

Глаза слипались, ноги и мысли словно ватные. Хотелось мне сейчас только одного — лечь и поспать. Но человек разумный занял вершину пищевой пирамиды, потому что умеет пойти наперекор своим желаниям. Поэтому собрав волю в кулак, я отправился к Николетте «на работу». Пару часов, утренняя усталость пройдет и расхожусь — это всегда так работает.

Когда доехал до виллы Николетты, действительно стало полегче. Но зевал так, что казалось сейчас вывихну себе челюсть. К сожалению, моя прилежная ученица уже была готова.

Вот могла она проспать, и пока собиралась бы, я бы полчаса покемарил?

Николетта, ожидая меня, стояла на крыльце. Легкое летнее платье, широкополая соломенная шляпа, пляжная сумка. Картину портил только большой баул с трилистником Некромикона — наверняка там корпоративная форма, по функционалу сходная с комбинезоном боевого мага.

Я, кстати, на Николетту немного засмотрелся. И вдруг почувствовал, как гелик во что-то врезался. По каменному скрежету почти сразу понял, что не повезло садовому вазону, который я сшиб с постамента скулой бампера.

Перепарковываться даже не стал, лениво. Апатия какая-то, и в мыслях, и в теле.

— Прости, — сдерживая зевок, вылез я из машины. — Готова?

— Готова, — только и ответила Николетта, внимательно глядя на меня. Я, как джентльмен, подхватил ее баул, после чего мы с ней двинулись в сторону пристани.

Пока грузились в катер, Николетта молчала. Я тоже; мысли у меня, после ночной операции, причем сразу двух, путались. Очень хотелось кушать и совсем не хотелось кого-то учить. А самое что печальное, у меня с собой не было стимуляторов. Забыл. Не подумал.

В катере, легко режущим носом невысокую волну, я некоторое время сидел и рулил — причем довольно долгое время. Крутил руль, направляя нос по полоске на экране навигатора, пока не понял, что активирован автопилот. Впрочем, своей ошибки не показал, сделал вид что так и задумано.

«Все под контролем, ручная работа».

Николетта, даже если и заметила происходящее, тактично сделал вид, что не заметила.

Откинувшись в кресле, я попытался поспать, но из-за волнения в кресле меня колбасило. Спать не получалось — сижу словно в едущем по плохой дороге автобусе, качает из стороны в сторону.

Пытка ожиданием прибытия продолжалось довольно долго, но удивительный вид немного сгладил впечатление от дороги: место для занятий Доминика нам предоставила в поистине райском месте. Небольшой, накрытый куполом безмолвия островок, голубая лагуна, окаймленная пляжем с белоснежным песком, яркая зелень сразу за линией пляжа, бунгало на берегу — все как с картинки туристического проспекта.

Припарковался я, вернее сам катер на автопилоте, на выдающейся далеко вперед от пляжа пристани.

— Так, мы, наверное, сразу… — когда сошли на берег начал я говорить, осматриваясь.

— Ты завтракал?

— Да, давай найдем место для занятий…

А я завтракал? Нет, я не завтракал. А если позавтракать, может мысли чуть пободрее начнут шевелится?

Николетта остановилась и долгим взглядом посмотрел на меня.

— Нет, я не завтракал, но если здесь есть кофемашина, то я бы не отказался…

Не дожидаясь окончания фразы, Николетта подошла ближе. Почти вплотную. Вырвав у меня свой баул, она бросила его на доски пирса. После схватила меня за руку и развернувшись, уверенно пошагав к бунгало и потянув за собой.

— Пошли.

— Куда?

— Знаю я тут одно место, с замечательной кофемашиной, — произнесла Николетта, вызвав своей фразой у меня совершенно противоречивые чувства.

Пока я вспоминал старый мир, эхо которого прозвучало в воспоминаниях фразой «…знаю я тут одно место с офигенными циркулями», Николетта привела меня в бунгало. Прямо в спальню. И подвела прямо к огромной, поистине королевской размера кровати, застланной белоснежным бельем.

— Ложись, — подвела Николетта меня к кровати.

— Но… нам нужно сегодня изучить ранги одаренных…

— Раздевайся и ложись. Ранги подождут. Весь мир подождет. Ты выглядишь как зомби, даже не спорь.

Противиться я не стал — потому что при одной мысли о том, что прямо сейчас я могу поспать, в ногах появилась слабость, а на плечах ощутил всю тяжесть нависающей сверху атмосферы.

Когда, сбросив костюм городского охотника, закрыл глаза и рухнул на кровать (в такой последовательности), почувствовал, как Николетта накрыла меня тонкой простыней и поцеловала. А может, мне это уже приснилось.

Глава 6

Хм. А почему я не дома?

Открыв глаза, некоторое время я просто лежал и всматривался в потолок бунгало. После повернул голову на подушке, посмотрев сначала вправо, потом влево. И задержался взглядом: через прозрачные, едва трепещущие занавески, огораживающие выход на террасу, хорошо было видно райский пляж.

В комнату проникал солнечный свет, но жарко мне не было. Вокруг приятная и комфортная прохлада, которую обеспечивает климат-контроль. И это хорошо — за окном уже ближе к полудню, и под прямыми солнечными лучами можно расплавиться. Если бы я спал в комнате без климат-контроля, проснулся бы сейчас ватным, потным и совершенно разбитым. Зато сейчас… чувствую себя отдохнувшим, большое спасибо Николетте за это.

Я свеж, бодр и смело готов к новым свершениям. И это не шутка. Более того, стоило банально отдохнуть, и я словно начал смотреть на окружающий мир шире, словно постигнув новую ступень восприятия.

«Я люблю тебя, Жизнь, и надеюсь, что это взаимно!» — мог бы повторить я следом за поэтом, но не стал. Так все хрупко, лучше не давать повода мирозданию испортить себе настроение. Конечно, я совершенно, абсолютно не суеверен, но через плечо поплевать мне никогда сложно не было. Особенно когда знаешь, что карма…

Воу-оу, ну-ка стоп — остановил я поток мыслей.

Карма.

— Это же, — в картинке воспоминаний широким взмахом показал на сонм лиц фон Колер: — Все те, кто решил отказаться от изучения темных искусств. И все они погибли не больше, чем через девяносто дней после принятого решения.

А я ведь, как ни крути, от темных искусств отказался.

Фон Колер тогда сказал «в течении». Астерот мне тоже сказал, что «в течении». В течении полугода я, по его замыслу, должен стать одним из влиятельных лиц в корпорации Некромикон. Вопрос. Попадаю я под правила кармы, нагоняющей элиминировавших дар одержимых, или нет?

«Подожди немного, и в твоем доме будет играть музыка, но ты ее не услышишь», — с узнаваемыми интонациями киноцитаты подсказал внутренний голос.

— Ну вот что ты опять начинаешь, так хорошо ж сидели, —

недовольно пробормотал я себе под нос, отвечая назойливым и неприятным мыслям.

И вдруг как-то… легче сразу стало. Да и действительно, чему быть, тому не миновать. Работа не волк, в лес не убежит. Не стоит у меня сегодня на работу, а стоял, имел бы я ее….

Так, ладно, это уже немного из другой оперы.

Вновь устремив взгляд в потолок, широко, до слез в глазах, зевнул. Зажмурился, и не открывая глаз пошарил по столику рядом с кроватью и нащупал ассистант. Еще раз широко зевнул, и посмотрел на экран краем глаза — сообщений нет. В смысле срочных сообщений. Так-то, приходящих без звукового оповещения, писем выкатился целый список. Скользнув взглядом по первым строчкам и темам, только вздохнул. Как всего много.

Начал проглядывать сообщения сверху простыни, читая уже не первичные и предварительные запросы, информирования и попытки согласований, а сами собственно результаты деятельности моей команды. Деятельности всех тех, кто остался на Полигоне и в Кигунгули, когда я после захвата базы каннибалов по важным и срочным делам отбыл в бунгало, чтобы поспать.

Так-так-так, ну и что они там все без меня наделали?

В первую очередь мне открылся список приказов, весьма странных. К примеру, найм ЧВК «Барбарианс» для охраны грузового порта и прилегающих территорий, планируемая встреча с полицейским руководством района…

Это вообще про что? А, вот про что — нашел я основоопределяющее сообщение: собравшийся рано утром на внеочередное заседание совет директоров грузового порта «Кигунгули» утвердил Абрама Сергеевича Либермана временно исполняющего обязанности генерального директора.

Хм. Вспомнился дядюшка Абрам, который на выходе из института пытался мне что-то втолковать, рассказывая о найденной в документах племени самой настоящей бомбе. Ну да, рвануло так рвануло — аж рано утром все правление собралось. Что там такое нашлось, что за пару часов дядюшка Абрам стал главным человеком в порту?

В принципе, я догадываюсь что. Не зря же сюда, на Занзибар, Скрипач переехал после нашего с Самантой вояжа на его африканское сафари. Здесь ведь довольно интересное место, и здесь — как ранее в Высоком Граде, сходится очень много самых разных интересов, не попадающих под нормы законов и общечеловеческой морали. А порт в таком месте — определенно точка фокуса.

Наверняка дядюшка Абрам раскопал какой-то аналог

Восточного кулинарного клуба, что позволило ему сразу взять руководство порта за нежные и уязвимые места. Так что они не то что кашлянуть, моргнуть теперь боятся — будут делать все, что он пожелает. Дядюшка Абрам, кстати, желал узнать, не хочу ли я стать и.о. директора? Нет спасибо, кушайте сами, у вас прекрасно без меня все поучается — быстро ответил я ему.

Сам заварил, сам пусть и разбирается, мне и здесь хорошо.

Ну и да, оперативность его действий просто поражает — старый еврей действительно из тех людей, с которым лучше не связывать. Интересно, если он настолько хорош, почему таксистом в Полесье работал? Для души? Хм, почему бы и нет. Я вот, в прошлой жизни, тоже пару раз для души в ночь выезжал, было время… Правда, когда мне приятная на первый взгляд и почти трезвая юная сударыня заднее сиденье и бардачок пассажирской двери щедро заблевала, практику я эту прекратил.

Следующей важной новостью шло сообщение, что совет племени Гамамбилу утвердил Патрика О'Брайана единственным вождем племени, после того как «мирный вождь» сложил с себя все полномочия. Интересно, с чего бы? Вроде по-другому договаривались… Но сложил, так сложил. Так, еще пара подписанных приказов — тоже о сложении полномочий, только уже членами совета директоров порта… Они там что вообще, полностью революцию решили сделать? Долой министров-капиталистов, Занзибар будет свободным! А не, не будет — тут же в правлении назначена Жаклин Петреску, причем с совмещением двух должностей.

Короче ладно, будь что будет, я верю в дядюшку Абрама.

Воу, еще одна новость: заместитель начальника полиции Джанктауна Вальдуш Дрозд трагически погиб в результате несчастного случая. Войцех не простил, значит. Ну да, одно дело подрядить таскать каштаны из огня, совсем другое — подвести под монастырь, куда нас Вальдуш и вел. Погиб он, кстати, поскользнувшись на кафеле в ванной и замотавшись в занавеске, которая его удушила.

Ужасно, просто ужасно.

Так, что еще… закончен монтаж и подключение десяти премиум-капсул для первой команды Полигона, получено приглашение на прием в городскую администрацию, на торжественный обед в общество Красного Креста, есть сразу четыре запроса от репортеров на интервью… Это пусть Гек, это пусть Гек, это пусть Гек, и это пусть тоже Гек решает — смахнул я всю эту выборку.

Вдруг подумал о том, заварившуюся кашу уже не остановить, воскликнув «Горшочек, не вари!». В результате порадовался, что

вся команда справляется без меня. С одной стороны. С другой — все то, что я говорил Войцеху и дядюшке Абраму недавно об эвакуации, уже неактуально. Все, коготок увяз, просто так теперь никому из нас отсюда не уйти.

Положив ассистант на место и закрыв глаза, откинулся обратно на подушку. Блаженно потянувшись, позволил себе долго, очень долго — не меньше минуты, просто ни о чем не думать. Погрузился обратно в полудрему еще не до конца ушедшего сна.

Никто меня не тормошил, никому прямо сейчас я не нужен, просто лепота.

Позволив себе отдохнуть душой и разумом, все же впустил в сознание воспоминания вчерашнего дня и планы дня сегодняшнего, после чего соскочил с кровати.

Осмотрелся. Еще раз осмотрелся, рассматривая уже не обстановку, а разглядывая сдержанно отсвечивающую пламенем татуировку на плече. Выглядит, конечно, не так огненно, как после появления, и вполне может пойти за живую татуировку. Но все равно знающим магию людям лучше не показывать.

Обошел все комнаты. В бунгало никого не было, но на столе меня ожидал легкий завтрак. Перехватив остывшую яичницу с беконом, пару фруктов и запив все это дело соком, выглянул в окно. Николетту заметил сразу — девушка загорала поодаль на песке, рядом с линией воды. Судя по влажным волосам, недавно купалась. А судя по белой коже, загорать она позволяет себе нечасто. Хм, интересно, не опасно ли ей так загорать с такой белой кожей? Как бы к вечеру она страдать не начала…

Николетта лежала на животе, прямо на песке, игнорируя шезлонг и полотенце. Она читала книгу, изящно изогнув спину и болтая в воздухе ногами. Лежала ногами к воде и головой ко мне, опираясь на локти. Девушка, судя по всему, так погрузилась в чтение, что я практически не чувствовал ее эмоций. И не ощущал ее внимания — похоже и она меня, мой взгляд, еще не почувствовала.

Поняв, что задержал изучающий взгляд на Николетте (очень уж ракурс волнующий) больше, чем нужно, отвернулся от окна. Ну, отвернулся бы вернее, если бы она в этот момент не поднялась. Загорала Николетта топлесс. И едва оказавшись на ногах, потянулась к небу, навстречу солнечным лучам. Зажмурившись, она широко расставила руки и даже приподнялась на цыпочки.

Очень, надо сказать, интересное зрелище получилось.

Замерев на несколько секунд, Николетта встряхнула влажными волосами, взъерошив их, и опустила взгляд вниз.

Внимательно рассматривая свою небольшую грудь, она выборочно стряхнула с нее прилипшие песчинки. После чего развернулась, и легким шагом довольного жизнью человека направилась к воде. Купаться.

Выдохнув, я наконец отошел от окна. В прет-а-порте принтере, так кстати здесь оказавшемся, напечатал себе серферские шорты. Выйдя из бунгало, постоял на крыльце некоторое время, глядя на купающуюся Николетту. Она, заметив меня, приветливо помахала рукой, приглашая составить компанию.

Песок на пляже пусть и белый, но уже горячий — и быстрым шагов преодолев полосу пляжа, я забежал в воду. Нырнул, проплыл несколько метров под водой — с открытыми глазами, наблюдая блики солнца сверху и идеальное дно. И не менее идеальную Николетту: она нырнула мне навстречу. Так, что мы сейчас, под водой, оказались лицом к лицу, почти столкнувшись.

Поймав ее руки, я поднялся на ноги. Здесь было не глубоко — по грудь. Поднялась и Николетта — мы оказались с ней близко, вплотную. Руки невольно легли девушке на талию, лицо ее оказалось совсем рядом. Николетта доверчиво прижалась и закрыв глаза потянулась вперед, к неизбежному поцелую.

Неизбежному, но несостоявшемуся — я уклонился, и мы просто обнялись. И вот тут Николетта наконец не выдержала; все защитные барьеры сломались — я снова читал ее, как открытую книгу.

Уже чувствуя и понимая, что в момент, когда я любовался ею из окна бунгало, Николетта прекрасно чувствовала мое внимание. Просто хорошо это скрыла. И решила сделать все здесь и сейчас, выполняя задание Доминики. Якобы выполняя задание Доминики — я же сам сказал Николетте об этом: выполнять все задания сеньоры Романо, если я не говорю обратного.

Николетта сейчас, чувствуя, что ей не удается скрыть мысли и эмоции, просто готова была и сгореть, и провалиться сквозь землю от неловкого смущения. Только из-за того, чтобы не посмотреть мне в глаза, она еще крепче прижималась, ткнувшись мне в плечо и зажмурившись от стыда.

Но, как и в прошлые разы, мое совершенное спокойствие постепенно помогло успокоиться и ей. Так некоторое время и стояли, слушая эмоции друг друга.

— Почему? — негромко произнесла Николетта.

— У меня есть невеста, ты же знаешь.

— Но Доминику ты ведь трахаешь.

— Это другое.

— Это другое?! — и в голосе, и в чувствах Николетты

сквозила нескрываемая и горькая обида.

— Да, это другое. Доминика мне безразлична, в отличие от тебя.

— Конечно-конечно, рассказывай. Я видела, как ты на нее смотрел.

— Как я на нее смотрел?

— С вожделением.

— Я и на пасту-карбонару, и на тальятелле с креветками, и на шашлык смотрю с вожделением. Не говоря уже о шаверме. Понимаешь, о чем я?

— То есть я не шашлык, — все еще терзаемая горькой обидой, произнесла Николетта.

— Мне сложно выразить это словами… Но ты ведь сама все понимаешь.

Николетта вдруг совершенно и полностью успокоилась. Настолько успокоилась — на контрасте с бушующей только что бурей эмоций, что я даже удивился. В то же время у нее появилось желание мне что-то сказать. Неукротимое желание, которое она все же сдерживала.

— Говори, не молчи, — подтолкнул ее я.

— Ты все равно будешь моим, — не удержалась Николетта.

— Я твоим?

— Или я буду твоей, если тебе так больше нравится.

— Вообще-то непринципиально. Но… откуда такая уверенность?

— Богиня сказала. Нам суждено быть вместе, отныне и вовеки веков, — произнесла Николетта и тут же добавила, отстраняясь: — Не оборачивайся пока, мне надо одеться.

Смотреть, как она возвращается на берег я не стал. С места нырнул и поплыл в сторону границы купола безмятежности. Полежав в мягкой воде южного океана, вернулся на берег. Николетта уже устроилась под навесом, еще и облачившись в длинную хлопковую рубашку. Ну да, не зря я удивлялся ее смелости, когда она лежала, загорая.

Сейчас девушка уже не выстраивала никакой композиции, вела себя совершенно естественно, не пытаясь закрывать собственные эмоции. Жестом предложила мне освежающий лимонад, от которого я не отказался. И немного обсохнув, завалился на горячий песок рядом с Николеттой. Не в тени, подставив лицо яркому солнцу. Я, черт возьми, на юге уже сколько времени нахожусь, и ни разу на пляж не выбрался позагорать до этого момента. Неправильно это, исправлять надо.

Через некоторое время Николетта, видя, что я не собираюсь уходить из-под прямых лучей солнца, взяла крем для загара, и

принялась меня натирать. Медленно, с толком и расстановкой, избегая касаться живой стихийной татуировки.

— Давай на спину, — потянула меня Николетта, после чего намазала кремом от загара мне спину и плечи.

— Тебе?

— Нет, спасибо, — внешне спокойно, но внутренне с целой бурей эмоций ответила Николетта. Вновь на первый план вышло смущение и стыд, но справляясь с ними, Николетта вдруг направила мысли в другую сторону, сжав мою руку.

Спокойствие. Уверенность. Удовлетворение. Задавленный и подавленный, но никуда не ушедший страх.

Я сейчас ощущал ее эмоции и мироощущение, которое изменилось после того, как Доминика пыталась ее подчинить. Да, страх у Николетты никуда не ушел, но к нему добавилась уверенность. И меня это, если честно, радовало. Пусть даже уверенность в ней живет только тогда, когда я рядом.

И я вдруг понял, что она хочет, но не может сказать вслух: пока я рядом, ей спокойно, и она чувствует себя в безопасности.

«Мы в ответе за тех, кого приручили»

— Все будет хорошо. Не волнуйся, — просто сказал я Николетте.

— Обещаешь?

— Да.

— Хорошо.

Следующие пара часов оказались самыми безмятежными за очень и очень долгое время. Мы еще несколько раз искупались, загорали, пили безалкогольные коктейли, играли в пляжный волейбол и просто дурачились, словно забыв обо всем. Да, кремом от загара Николетту я все-таки намазал.

Ближе к обеду, когда солнце начало уже припекать по-взрослому, перешли в бунгало. Быстро приняв душ, я переоделся в рабочую корпоративную форму. В такую же, кстати, оделась и Николетта. Так что мы сейчас напоминали двух агентов в неподходящих декорациях.

Впрочем, подходящие декорации нашлись. Место для обучения было подготовлено: в бунгало обнаружилось помещение без окон, с большим столом с рабочей областью и интерактивными экранами, куда можно было выводить справочные материалы. Несколько движений в меню настроек визуализации окружения, и вот мы уже в безликой комнате, которая ничем не отличается от рабочих помещений небоскреба, оформленных в корпоративном стиле.

Немного посидели в молчании, словно выключаясь от яркой реальности за границей кабинета, и переходя в рабочее

состояние.

— Готова?

— Всегда готова, — кивнула Николетта.

— Поехали тогда, — активировал я рабочую область на столешнице.

И начал со входа в глубинную Сеть. Вводный урок в основы элементарной магии на словах объяснять мне совершенно не хотелось, поэтому я зашел на одно из зеркал сайта «охотников за магами». И, использовав одноразовый пароль, скачал нужные мне для лекции файлы.

Сайт со столь одиозным названием был создан студиосами-одаренными и функционировал уже более полувека. Это было собрание шпаргалок для обучающихся первого-второго года, и большинство тех, кто сейчас занимался цензурой в Сети, сами когда-то пользовались, да и продолжали пользоваться этим сайтом.

Скачанные файлы, я прогнал их через систему защиты, после чего открыл, активировал первую проекцию.

— Роза Владения, — показал я Николетте на появившуюся на столешнице шестнадцатилучевую звезду, которая пока была черно-белого цвета. — Огонь, Вода, Земля, Воздух. Жизнь, Смерть, Свет, Тьма… — начал я перечислять, указывая на каждый луч. Не по часовой стрелке показывая, а в шахматном порядке, перепрыгивая с одного луча звезды на другой, в противоположностях.

Одновременно моим касаниям каждый луч расцветал собственным цветом. Перечисляя стихии, наблюдая за игрой света звезды, я вдруг запнулся, почувствовав у Николетты невысказанный вопрос.

Как просто общаться, когда нет эмоциональной связи. Рассказываешь себе и рассказываешь, а собеседник молча и внимательно слушает. Но я сейчас очень отчетливо почувствовал интерес Николетты, ее желание спросить и невозможность из-за этого полностью сконцентрироваться.

— В чем дело?

— Огонь, Тьма, Земля, Жизнь, Вода, Свет, Воздух… — последовательно показала на крупные лучи звезды Николетта, игнорируя более тонкие. — Они по размеру больше, чем эти. Это значит, что эти стихии самые сильные?

— Нет. Это уже особо ничего не значит. Эта схема составлялась лет пятьдесят назад, и с того времени не менялась. Но какое-то время да, считалось, что адепты Элементарной магии сильнее адептов магии Универсальной. Пока это утверждение не было опровергнуто.

— Адепты Универсальной магии сильнее?

— Все зависит от ранга и уровня умения одаренного, — покачал я головой, и в пару жестов привел Розу Владения в иной вид отображения: теперь все шестнадцать лучей были одинакового размера. — На самом деле, слишком мало людей прошли до конца пути, так что репрезентативной выборки не получится. И с категоричной уверенностью что-то о магии может утверждать лишь незнающий человек. Встретишь такого, сразу гони в шею.

— Поняла, — кивнула Николетта.

— Так, а на чем я остановился?

— Огонь, Вода, Земля, Воздух. Жизнь, Смерть, Свет, Тьма… — начала перечислять Николетта, показывая на вершины лучей, повторяя недавно озвученную мною последовательность.

— Ах да, базовые пути. И универсальные: Душа, Дух, Кровь, Флора, Фауна, она же Подчинение, и Астрал, — вернув Розу Владения в привычный вид, показал я по оставшимся тонким лучам.

— А эти? — указала на два неназванных тонких луча Николетта.

— Пустые элементы, как в таблице Менделеева, — усмехнулся я.

— В таблице Менделеева же не пустых элементов.

Здесь в его таблице пустых элементов нет? Надо же.

— Были. Не суть, — только отмахнулся я. — Теперь, еще, чтобы ты понимала. Это… — указал я на Розу Владения — это… так скажем, очень примерная модель. Магия с людьми чуть больше сотни лет, и до сих пор эта тема, тема классификации Магии скорее неизвестна, чем известна. У каждой из владеющей страны в Большой Четверке есть своя классификация, и своя модель. Роза Владения же… она официально непризнанна ни в одной системе обучения, но ее мало того, что используют довольно часто, так и изучают везде параллельно с утвержденной программой.

— А по какой модели учился ты?

— Как раз по ней. Личный наставник систему магии и рангов объяснял мне именно по этой модели.

— Личный наставник? — внимательно посмотрела на меня Николетта.

Очень даже внимательно.

— Эм. Да, а что?

— Ты не тот, за кого себя выдаешь. Максим Аверьянов, член клана Власовых, жил и учился в Елисаветграде, и получал образование в Елисаветградской гимназии имени барона

Александра Витгефта, с первого по третий год обучения. Никаких личных наставников у него не было.

«Да блин», — только мысленно и сказал я.

— Да, ты многого обо мне не знаешь.

— Тебя и не Массимо зовут?

— Да меня как только не зовут.

— Но можно, я буду называть тебя Массимо?

«Можно Машку за ляжку, боец», — тут же ввернул внутренний голос.

— Не можно, а нужно, — улыбнулся я. — Ладно, вернемся к…

— А ты мне расскажешь… — замялась Николетта.

— Расскажу что?

— Ты расскажешь, что ты такой? Настоящий?

— Обязательно. Но потом.

— Когда?

— Когда придет время, это же очевидно, — на пару мгновений почувствовал я себя Астеротом.

— Хорошо. Я вся внимание.

— А… мм… а на чем я остановился?

— Непризнанная модель обучения владения даром и классификация системы магии и рангов, изучаемая параллельно с…

— Ах да. Смотри, смысл в чем…

Чуть приподняв над столом проекцию Розы Владения, я ее раскрыл. Раскрыл, потому что объемный интерактивный элемент состоял из трех, словно положенных друг на друга звезд. Которые сейчас из одного цельного рисунка образовали сразу три уровня.

Первые две, верхние звезды, были одинаковые по размеру. Четырехлучевая Элементарная звезда: Вода-Огонь-Воздух-Земля, и также четырехлучевая звезда Происхождения: Свет-Тьма-Жизнь-Смерть.

Третья звезда, самая нижняя, была восьмилучевой, Универсальной. Ее восемь лучей были тоньше, чем у других звезд — чтобы при наложении трех звезд друг на друга получалась видимая фигура. Лучи Универсальной звезды символизировали Кровь, Астрал, Душу, Дух, Флору и Фауну(называемую иногда Подчинением), а также два не идентифицированных пока направления.

— Теперь внимание. Все, что я сейчас говорю, может не соответствовать действительности. Потому что человечество на пути изучения Магии совсем недавно. А путь к успеху, как известно, это не прямая дорога, а извилистая тропа от неудачи к неудаче. Ошибок на пути освоения Магии было сделано великое

множество, можешь в этом не сомневаться, так что…

Тут я вспомнил Марьяну Альбертовну, которая, достигнув одного из самых высших возможных рангов на выбранном пути, оказалась несостоятельной в мощи и умении по сравнению с другими одаренными, достигнувшими подобного уровня.

— …так что любое знание ни в коем случае не воспринимай как догмат. Это тупиковый путь. К примеру: долгое время, около пятидесяти лет, считалось что Элементарные пути ведут в большему силе и могуществу, чем пути Универсальные… что?

— А Происхождение? — показала Николетта на звезду со Светом, Тьмой, Жизнью и Смертью.

— А что Происхождение?

— Ты сказал, что есть элементарные пути, а есть универсальные. А Происхождение?

— Аа… Происхождение… — замялся я.

Об этом — о том, что Николетта сейчас самый настоящий чистый лист, tabula rasa, я как-то забыл. Хотя сам недавно был в таком же состоянии. Да и сейчас, если честно, не слишком далеко в знаниях ушел.

Подумал, как объяснить Николетте в двух словах. Потом подумал, как объяснить в трех словах. И понял, что даже в четырех словах объяснить никак не получится.

— Пока отложи в сторонку все что я сказал. Начнем с истоков.

На столешнице, повинуясь моим командам в виртуальном меню, появился силуэт человека. Почти в полную величину, встав в самом центре сложенных звезд Розы Владения, которая сейчас снова стала неактивной, черно-белой.

— Homo sapiens, — представил я силуэт Николетте. — Физическая форма. Обычный, так скажем, человек.

Продолжая показывать, я активировал функции меню и полупрозрачный манекен наполнила сетка темно-красных линий, а в груди сформировалось плотное свечение.

— А вот это уже необычный человек. Вот это, — показал я на сетку линий, — энергетические каналы. — А вот это, — показал я на плотное свечение в груди, — психоэнергетический центр физического тела, если по-научному. Средоточие силы. Или еще, как его ошибочно называют, Источник.

— Ошибочно?

— Неточность в определениях возникла оттого, что положения и определения Стихийного пакта составляли люди, от магии в большинстве своем далекие. Чиновники, не одаренные. Ну, в принципе ничего нового, обычно так всегда все и происходит. Ошибочно же Источник назван потому, что обычно

реки впадают в океан, а не вытекают из него. А активация Источника позволяет принимать в себя потоки стихийной энергии, а не отдавать их. Понимаешь разницу?

Разницу Николетта понимала.

Дав некоторое время ей рассмотреть изображение-макет человека одаренного, я подтянул ближе меню управления проекцией Розы Владения, выводя ее из спящего режима. Некоторое время две проекции интегрировались друг с другом, после чего мигнули, объединяясь. Проверяя, я покрутил звезду под манекеном, глядя на сияние разных путей — все работает.

— Итак. Итак…

Сложно было подбирать слова, чтобы за сжатое время объяснить весь путь элементарной магии.

— Итак, с самого начала. Четыре основные стихии. Четыре элемента — Земля, Вода, Воздух, Огонь. Четыре базовых элемента, давших название Элементарной школе магии. Первые описанные и классифицированные четыре элемента, ставшие доступные к освоению Владеющим. Вставшим на, как это называется, Путь Элементов. Путь Элементарной магии, или элементарный путь, как его сейчас называют. Но!

Подняв палец, я даже паузу сделал, и активировал лазурное сияние вокруг манекена.

— Самый главный, и упускаемый многими момент. Сейчас ты видишь перед собой квинтэссенцию и базис Элементарной магии: пятый элемент. Эфир. Он же Лазурь, он же Азур, он же — по-научному, биополе человека. Или, попросту говоря, человеческая душа. И именно мутация, можно даже так сказать, души — наличие в ней превышающей средние значения доли Эфира, Пятого элемента, Лазури, Азура, отличия биополя, делает возможным для человека разумного владеть даром.

— Одаренные — мутанты?

— Следующая модель эволюции. Называй как хочешь, суть не меняется.

— Спасибо, звучит действительно красивее.

За что спасибо?

А, ну да, она же теперь тоже одаренная. Кому понравится считать себя мутантом? Зато следующая ступень эволюции — это звучит гордо.

— Пожалуйста. Итак, одаренные, после активации Источника… именно после активации Источника, не после его Инициации, запомни, это важно, могут работать со стихиями. А именно — черпать энергию стихий из мира. Запоминай: сила стихийного мага — это размер энергии, которую он может сохранить и усвоить для использования. Запомнила?

— Сила стихийного мага — это размер энергии, которую он может сохранить и усвоить для использования, — повторила Николетта.

— После активации Источника, как правило это происходит в самом раннем детстве, владеющий элементарной магией одаренный может взаимодействовать со стихийной силой. С любой стихийной силой, доступной ему в данный момент. Если очень грубо — он становится энергетическим сосудом.

— Почему это грубо?

— Насколько глубоко и широко может принять в себя энергию этот сосуд, настолько и будет велика сила одаренного. Это факт, но некоторые одаренные из Элементарной школы его интерпретируют в меру своей испорченности и часто обижаются, вплоть до дуэли. Особенно если интонациями позволить себе выделить намек на широту и глубину, размер, диаметр и прочее сосуда.

— Ясно. Подожди…

— Жду.

— То есть до инициации Источника, до пятнадцати лет, одаренные может оперировать всеми стихиями?

— Теоретически.

— А практически?

— Если кто-то так и делает, я об этом не знаю.

— Но это возможно?

— Еще раз, повторю: человечество на пути изучения Магии совсем недавно. И двигается не по прямой дороге, а по извилистой тропе от неудачи к неудаче. Ошибок на пути освоения Магии было сделано великое множество. Сейчас, через сто лет после файербола герцогини фон Валленштайн, во всех странах пришли к тому, что ребенок после активации Источника касается только одной стихии. Пробовали развиваться во всех, но ничем хорошим это не закончилось. Несколько человек даже погибли во время Инициации.

— В чем заключается Инициация?

— Ты инициируешься в одной стихии, отвергая другие.

Зацепив макет человека одаренного, я потянул его чуть вперед, перемещая — так, что он продвинулся, становясь на луч звезды «Огонь». Лазурная аура души сразу поменяла цвет на красно-оранжевый, цвет пламени.

— В мире есть десятки, а может даже сотни одаренных, что достигли доступных человеку вершин владения, максимальных на данный момент, но при этом силой уступают простым середнячкам. Освоение магии — это всего одна попытка, и один путь. Путь, длиной в целую жизнь. Любой поворот не туда может

завести в глухой тупик. И…

Так, стоп.

Вот оно… Эмили Дамьен, глава Дома Лаллен. Что, если…

Озарение пришло настоящей вспышкой. Что если создаваемый многоголовым монстром корпораций homo bionicus — это продукт как раз таких, вчерашних владык мира, кого на повороте обходит более способная молодежь? Что если это следующая ступень эволюции, которую они же сами и хотят занять?

«Этот мир будет принадлежать нашему поколению» — говорила мне Ольга, и говорила не один раз. А если старшее поколение не хочет отдавать силу и власть? Кто вообще в здравом уме пойдет на это? Дорогу молодым, страны завтрашнего дня — это все отмазки в пользу бедных. Идиотов в мире сильных нет, самостоятельно никто с властью не расстается. Планы завтрашнего дня в завтрашнем дне навсегда и останутся, а реальность определяет день сегодняшний.

Никто из одаренных не умер своей смертью. И вся старая аристократия, которая правила этим миром, просто через десяток лет отойдет в сторону и отдаст власть? Держите, ребят, вы молодые, вы сильнее, вас больше, а мы, кхе-кхе, пойдем на пенсию, в крикет поиграем…

Не смешно даже. Если появление магии, как я только что сам сказал, мутация души, то почему-бы не продолжить…

— Массимо? — осторожно позвала Николетта.

— Ах да, прости, — отогнал я мысли озарения. — На чем я остановился?

— Ты хотел мне сказать, что я самая прекрасная девушка на свете, — быстро произнесла Николетта и моментально покраснев, спрятала взгляд.

«Я перед тобой только что обнаженная красовалась завлекающе, чего мне теперь стесняться», — сказали мне ее мысли, чувства и эмоции.

— Да, поспорить с этим будет непросто, — начал было я, думая, как бы ответить на это помягче — и не отрицая, и не соглашаясь.

Мне с Самантой проблемы не нужны, я себе не враг. Но Николетта умная девушка, помогла мне сама:

— До моего вопроса ты озвучивал связь величины внутреннего резерва от прочности энергетического каркаса…

— Да. Энергетический каркас, как ты видишь, расположен по всему телу, затрагивая в большинстве все органы, в первую очередь — глаза.

Я сделал паузу. Мне вдруг стало интересно, догадается

Николетта или нет. Она это почувствовала, и задумалась, рассматривая проекцию одаренного.

— Вспомни особенности своего взросления, и попробуй сделать из этого вывод, — помог я ей.

— Если сила одаренного зависит от прочности энергетического каркаса, получается… это причина того, что одаренные не пользуются имплантами, которые прочность каркаса нарушают?

— Умничка, я в тебе не сомневался. И именно поэтому ты росла в чистом состоянии. Как настоящий представитель старой аристократии, не используя никаких усовершенствований организма, не говоря уже о нейросетях. Так, ладно, элементарную суть ты поняла. Теперь рассмотрим интересующий тебя путь Происхождения, — я чуть повернул отвел назад манекен и повернул его, так что с направления развития Огонь он сдвинулся в сторону Жизни. И тут же оранжевая аура души сменилась аурой зеленой.

— В Происхождении два пути, на которые можно встать самостоятельно. Это Жизнь и Смерть — Лечение и Некромантия. На этих двух путях, в отличие от путей элементарных, не так важен потенциальный размер Источника, поэтому их часто выбирают грязные дети…

— Грязные?

Черт. Ну да, табула раса же.

— У любой одаренной женщины наиболее сильный лишь первый ребенок. Остальные могут рождаться даже вообще без силы. Именно поэтому каждый второй и последующей ребенок появляется в результате так называемого тройного оплодотворения через митохондриальную ДНК. Это генетическая коррекция, гарантирующая дар владения, но при этом ограничивающая его лишь шестым рангом владения.

— Так это получается, что одаренным в перспективе грозит стагнация и даже вымирание?

— Нет. Правило первенца относится только к женщинам. Не к мужчинам. Поэтому вырождение одаренным не грозит.

— Почему? Не очень понимаю.

— Соотношение мужчин и женщин по статистике — один к четырем. Но по факту среди одаренных соотношение еще меньше, потому что война по традиции забирает мужчин больше, чем женщин. И в данной ситуации, когда есть ограничивающее женщин правило первенца, не действующее на мужчин… Дальше объяснять нужно?

— Полигамия?

— Ну… неофициально во всем мире, официально у атлантов.

— Поняла. Это ведь серьезная проблема, — задумчиво произнесла Николетта. — Но я о ней даже не слышала.

— Еще бы. Об этом вообще мало говорится в общественном пространстве. Тот же, кто об этом говорит, не среди своих, долго не живет. Среди своих же… выгодные партии разбираются еще до рождения. И ситуация, особенно в национальных кланах такова, что если первенец не похож на мужа, муж как правило вопросов насчет этого не задает. Потому что первенцы генетической коррекции не подвергаются. Я сам немного насчет этого знаю, но сила первенца зависит от потенциального ранга отца, а не матери, чистота происхождения которой…

Тут я замолчал.

— Массимо… — отвлекла меня от раздумий Николетта.

— Ах да. И чистота происхождения значения не имеет…

Я снова запнулся, погрузившись в мысли.

Чистота происхождения. Школа Происхождения.

Очень часто, отвечая на вопросы, сам получаешь удивительные ответы. Расцвет школ Происхождения, и появление универсальных школ началось после того, как начались эксперименты по генетике и евгеники. До этого все одаренные могли оперировать только элементарными стихиями.

Это важно. Надо запомнить, и подумать над этом на досуге.

— Да-да. О чем я? А, вспомнил…

Вернувшись вниманием к манекену, я вернул его в центр звезды. Так, что зеленое поле эфира перекрасилось обратно в лазурь, а чуть погодя наравне с ним тело объяла серая аура.

— Астральный план, — пояснил я для Николетты. — Кроме идущих по традиционным элементарным и универсальным путям, есть еще те, кто встают на путь Света и Тьмы. Их называют одержимыми, или озаренными. Они — суть одаренные, но не до конца принадлежащие этому миру. И одержимые, и озаренные могут пользоваться стихиями, но с ограничениями…

Тут я замялся, но про исключения в виде себя и Николаева говорить все же не стал. Рано еще Николетте такие вещи знать.

— Но с ограничениями, — повторил я. Продолжая предметно размышлять о путях Происхождения, я сейчас говорил, просто отстраненно пересказывая ранее слышанное от фон Колера:

— Для одержимого Тьмой или озаренного Светом доступная к использованию сила не ограничена. Энергетический каркас в этом не участвует, и порог использования энергии и сила ее применения зависит только от умения и концентрации в обуздании и контроле почерпнутого объема энергии. Кроме того, отсутствие необходимости целостности энергетического каркаса дает возможность одержимым использовать импланты. Это

довольно общеизвестная в узких кругах информация, но подобная практика не распространена лишь по причине нежелания одержимых привлекать к себе внимание.

— Ты одержимый? — вырвала меня вопросом Николетта из параллельных мыслей о путях Происхождения.

— Что?

— У тебя рука бионическая, но ты, я видела, сформировал…

— Нет, я не одержимый.

— Но тогда как?

— Это уже высшая математика, об этом позже. Я исключние из общих правил, а мы сейчас по основам.

— Хорошо, прости. Продолжай, пожалуйста.

— А на чем я… а, вспомнил. Заканчивая эту ветку рассказа. Эфир в древнегреческой мифологии считается верхним слоем неба, обиталищем богов. Догадалась? Вижу, что догадалась. Впервые термин homo deus, человек божественный, был применен в двадцать втором году, по итогам битвы при Вердене. Но сразу после Великой войны и подписания Стихийного пакта это название одаренных людей попало под запрет. Почему?

— Чтобы не провоцировать гнев народных масс?

— Сразу видно, что не просто умничка, а умничка из Италии.

— Почему?

— В корень зришь. Да, именно для этого. За последние сто лет ни один из одаренных еще не умер своей смертью… а это значит что?

Николетта задумалась.

— Это значит, что добро пожаловать в божественный клуб.

Я дал некоторое время Николетте обдумать услышанное. По мере того, как она осознавала свою новую реальность, в ней просто бушевали эмоции.

Несколько минут прошло в молчании, после чего я вернулся к Розе Владения. Озвучивая собственную настолько простую, но столь удивительную догадку.

— В общем, с Элементарным путем все понятно — на то он и элементарный, встань и иди. С Происхождением также понятно: не ты выбираешь Происхождение, а Происхождение выбирает тебя.

Николетта, как ни странно, все поняла. Это мне полгода потребовалась, а она на лету схватывает.

— Теперь подходим к третьему пути. Долгое время ошибочно считалось, что Элементарные пути ведут к большей силе, чем Универсальные. До того момента, как некоторые универсалы не достигли вершин могущества.

— Например?

— Например Александр IV Миротворец, самодержец Всероссийский и президент Российской Конфедерации. Итак, давай про универсализм, — акцентировал я внимание на проекции фигуры, которая вновь оказалась расцвечена красно-оранжевым пламенем души.

— Луч указывает путь. К примеру, ты выбираешь Огонь, и движешься прямо по этому пути. Ты знаешь, что такое туннельное зрение?

— Да.

— На машине ездишь?

— Да.

— За рулем.

— Да.

— В смысле сама, без автопилота, на машине, нажимая педали и…

— Я некоторое время выступала в Формуле-3, вторым пилотом в Скудерия Феррари.

— Оу.

— Это было в пятнадцать лет, и я быстро закончила, поменяв автогонки на парусный спорт.

— Хм. Окей. Значит, ты представляешь, что такое туннельное зрение. Смотри, по аналогии. Когда ты в состоянии покоя, поле зрения составляет сто двадцать градусов. При скорости сорок километров в час, поле зрения сужается до сорока пяти градусов, при ста километрах — до двадцати градусов.

— Хороший гонщик всегда сохраняет боковое зрение.

— Это уже уровень магистра, мы сейчас говорим об основной массе владеющих даром. Обсуждаем большие числа и статистику, а не частности.

— Поняла.

— Когда ты… хорошо-хорошо, не ты, а среднестатистический одаренный начинает изучать одно из направлений Владения, скорость у него маленькая. Он двигается по своему пути медленно, шаг за шагом, и угол зрения у него не уменьшается. Но с каждым следующим шагом скорость вырастает. Понемногу, исподволь и незаметно — пока идущий на первых рангах. Но после четвертого-пятого каждый последующий ранг дается с большим трудом и с более ограниченными возможностями. Так, к этому мы еще вернемся… И чтобы досконально понять особенности пути, тебе нужна система рангов. Смотри.

Когда я нажал на луч Огня, Роза Владения ушла на второй план, а перед нами появилось разветвленное изображение ранговой лестницы с пиктограммами разных конструктов. И каждая ступень ранговой лестницы делилась на три части.

— Цветовая дифференциация каждого ранга — бронзовый, серебряный и золотой уровень, была внедрена совсем недавно. До этого момента уровень владения считался только по рангам, не классифицируя внутриранговое умение.

— Это… как-то связано со скоростью обучения?

Я уважительно посмотрел на Николетту. Мне, чтобы догадаться, потребовалось весьма много времени, она же улавливает все на лету.

— Да. Лестница рангов называется лестницей не просто так. Движение по рангам, первый-второй-третий — это путь вперед. Развитие внутри каждого ранга, бронза-серебро-золото — это путь вверх.

У каждой ступени ранга три уровня владения. Считай, как локальные Формула-3, Формула-2 и Формула-1 на каждой ступени. И там и там трассы и болиды, и там и там общий принцип одинаков, но разница принципиальна. Да, — уловил я во взгляде Николетты вопрос, — она принципиальна на высоких, выше пятого, рангах. На детских уровнях, до третьего-четвертого, это почти незаметно. Третий золотой ранг примерно равен пятому бронзовому, в общем и целом. Но вот дальше… Разрыв увеличивается, причем начинается стремительный экспоненциальный рост. Шестой бронзовый ранг и шестой серебряный — это уже небо и земля. В равных условиях первый не победит никогда. И очень много одаренных уткнулись в потолок шестого бронзового ранга только потому, что не изучили полностью горизонтальные пути лестниц. А если ты на пути развития прошел, переходя на следующий ранг с бронзового умения, то золотой уровень на пятом-шестом ты не никак возьмешь.

Некоторое время потратил, рисуя схемы и показывая Николетте различия в конструктах; детально объяснял нюансы освоения магии и отличия бронзовой, серебряной и золотой дороги на выбранном пути. И только когда Николетта полностью поняла картину развития, продолжил.

— Есть еще один немаловажный фактор: скорость. Некоторые сознательно выбирают не золотой путь, имея цель потолок в виде шестого бронзового ранга.

— Почему так?

— С каждым следующим рангом время, или даже время и возможности организма, оставшиеся на изучение ранга следующего, уменьшаются. И средний пласт одаренных учат везде, во всех странах Большой Четверки, по устоявшейся программе. Поднимая до пятого золотого, максимум до шестого бронзового ранга при наличии потенциала. И только избранные

могут рассчитывать даже не на прохождение, а на саму возможность, на шанс подготовиться к прохождению всей лестницы, до седьмого-восьмого ранга. Что возможно только в том случае, если на каждом ранге ты брала золотые уровни владения даром.

— Это связано с туннельным зрением, которое ты упоминал?

— В том числе. Да, есть такое, что чем выше скорость перехода по рангам, тем более уже у тебя окно возможностей. Большинство сознательно идет очень быстро по рангам, не достигая ни в одном уровне серебряного. Все только по серебру и бронзе, чтобы получить гарантированную бронзу на шестом ранге.

— Гарантированную?

— Непреодолимый порог развития — восемнадцать лет, до этого момента нужно успеть.

— А я, мне ведь же уже… Прости, поняла, мы сейчас о базовых вещах.

— Да. Чем шире одаренный изучает способности и тренирует применение конструктов, шагая последовательно с первого ранга и выше по ступеням бронза-серебро-золото, тем у него выше шансы и больше возможностей, но при этом меньше времени. И набрав большой потенциал, можно запнуться на пути, а на второе совершеннолетие, когда возможности Источника останавливаются с ростом организма, остаться на невысоком уровне. Вечная надежда — так называют таких одаренных, не успевших к вершине пути. Так что да, многие выбирают гарантированную бронзу шестого ранга. Но это не главная причина.

— А какая главная?

— А подумать?

— Хм… происхождение?

— В точку. Право по рождению. Не забывай, что большинство одаренных не принадлежит себе в полном смысле слова. Даже родная стихия выбрана им уже родителями или главами кланов. Почти все одаренные живут согласно положениям Стихийного пакта, и роль очередного рядового юнита клана или рода как правило заранее расписана. Лучше гарантированная синица в руках, чем журавль в небе, так что на эксперименты сейчас идут очень немногие.

— То есть одаренные выбора не имеют?

— Имеют. Знаешь, почему в национальных кланах так много элиминировавших собственный Источник?

— Это те, кто решил рискнуть и пойти своим путем развития, но не смогли вытянуть…

— Именно так. Замахнувшись на великие дела, пошли своим путем, к восемнадцати годам не взяли планку и добровольно-принудительно отказались от дара, освобождая путь другим. Потому что количество одаренных в каждом клане жестко регламентировано.

— Это в национальных кланах. А в старой аристократии?

— Не так все жестко, но… остаться слабым, при возможности стать гарантированно сильным. Пусть и не самым сильным, но не каждый идет на такой риск.

— Ясно.

— Отлично. И вот с этим знанием возвращаемся к Универсальным и Элементарным направлениям пути развития. С Элементарными довольно понятно — в каждой стихии есть своя Школа, к примеру школа Холода. Но направления не статичны, — я покрутил все три звезды. — К примеру…

Тут я задумался о допустимом к озвучке примере.

Их у меня было, но… Вот, допустим, Валера. Его оборотничество — это симбиоз трех направлений: Тьма, Дух и Астрал. И в результате возникает его возможность превращаться в оборотня, используя замещение астральной проекции.

Или, опять же допустим, Эльвира — которая развивается в направлениях Тьма и Душа — она же Менталистика.

— Так, ладно, смотри. Есть одаренные, которые не выбирают Путь. Это их Путь выбирает — когда они становятся одержимыми, или озаренными. А есть универсалы, как, допустим… допустим как… как, допустим, тот же самодержец Александр IV. Он, как понимаю, оперирует Воздухом, а универсалом стал, потому что развивался в… не знаю я, в чем он развивался. У нас в классификации Розы Владения нет электричества…

— Может это один из неназванных лучей?

— Может.

Тут я подкрутил Розу Владения, выставив два луча рядом: Воздух и один из неназванных лучей.

— Если этот неназванный луч электричество, как вариант, почему нет. Либо же… а что такое вообще молния, как она возникает, ты знаешь?

— Это электрический разряд в дождевой туче, между облаком и землей, либо между соседними облаками. Причиной электризации выступает сила притяжения, возникающая вследствие трения сконденсированных капель или льдинок, из которых и образуется туча.

Оу. А я вот и не знал этого. Это в каком, в восьмом классе проходят? Впрочем, неважно — я все равно похоже во время этого урока или в футбол играл, или на девчонок пялился.

— Тогда путем развития русского царя может быть путь Воздуха и Воды, либо же сразу три луча — Воздух, Вода и вот этот, неназванный, который может быть Электричеством. Тем более, что — я тебе говорил уже, Розе Владения как модели уже много лет. Сюда вполне можно подтянуть физику, в частности термодинамику. У меня просто нет доступа к более современным моделям, которые используются в учебных заведениях для одаренных. Но это, в принципе, и не важно. Потому что тебе предстоит развиваться только как адепту Огня.

— Без выбора.

— Да.

— Почему?

— Потому что это Огонь, детка. Он не терпит ничего рядом. Огонь и только Огонь.

— Ты тоже развивался только в одном Огне? — явно что-то почувствовав, спросила Николетта.

Я только вздохнул.

— Я развивался вот здесь, — показал я ей на направление Тьмы. — Вот с этим Огонь можно сочетать, потому что Школа Тьмы «Разрушение» строится как раз на базовом Огне. Но тебе это не грозит, ты не одержимая.

— А ты?

— Я сейчас тоже не одержимый.

— Сейчас?

— Я тебе обязательно все-все расскажу. Но потом, потому что в данный момент это не главное. Главное в том, что ко второму совершеннолетию каждый из одаренных уже достигает практически вершины своих возможностей. Именно с этим связано раннее воспитание, и недетское обучение. Вот только… — я специально сделал паузу.

— Вот только мне уже девятнадцать.

— Да, и ты стала Аватаром Огня, пройдя стихийную инициацию. Инициацию, которая случилась раньше, чем Активация твоего Источника. А это значит…

Тут я задумался.

— Что это значит? — после долгой паузы поинтересовалась Николетта.

— Не знаю я, если честно, что это значит. Но могу уверенно предположить: очень может быть, что, когда ты выполнишь все условия первого бронзового ранга, и запустишь поток энергии в Источник, ты встанешь на Путь освоения стихии. И с этого момента у тебя будет очень мало времени. То есть ты будешь ограничена в развитии собственных энергетических каналов.

— Насколько ограничена?

— Я не знаю. Я сам впервые на этом пути, и что впереди, просто не представляю.

— Но ты меня не бросишь?

— Я тебе уже говорил, что нет.

— Прости пожалуйста, но я просто очень волнуюсь, и мне важно это слышать.

— Хорошо, прощаю.

— А сейчас, получается, у меня внутри энергии нет?

— Сейчас нет. У тебя инициированный, но не активированный Источник. Когда у одаренного есть стихийная энергия внутри, у него сиянием подсвечены глаза — ты же видела одаренных.

— А глаза не могут просто так засиять, а потом вернуться в обычный вид?

— Нет. В Источнике стихийная энергия или есть, или нет. Чтобы энергия в Источнике оказалась, ее нужно набрать, как правило это делается в Месте Силы. Такое место нам кстати желательно бы найти — я не хочу рисковать, и учить тебя черпать энергию из обычного ог…

— Массимо.

— Да, — прервался я, видя волнение Николетты.

— Когда я разговаривала с Доминикой… я смотрела на нее через оранжевую пелену. И Доминика испугалась. Мне кажется, я даже почти уверена, что в тот момент у меня вспыхнули пламенем глаза. Но это же, как ты говоришь, невозможно, я же еще не набирала энергии в Источник. Но это случилось, и именно из-за этого она решила преподать мне урок. Массимо?..

— Ты… — я даже сразу не нашелся, что сказать.

— Я.

— Ты смотрела на нее через оранжевую пелену.

— Да.

— То есть перед взором у тебя была пелена?

— Да.

— Оранжевая.

— Да.

Красно-оранжевая, как будто ты смотришь через языки пламени?

— Да!

— Так, стоп. Ты смотрела на Доминику, через красно-оранжевую пелену, и по ее эмоциям поняла, что во время этого она видела, как вспыхнули пламенем твои глаза?

— Говорю же тебе. Да!

— А еще раз можешь так сделать?

Николетта зажмурилась и спрятала лицо в ладонях. Судя по

эмоциям, она пошла простейшим путем — просто пережила случившееся заново. А из-за своего высокого уровня эмпатии получилось у нее это прекрасно. И когда Николетта отняла руки от лица и посмотрела на меня, глаза ее горели ровным отсветом пламени.

Видел я такое уже однажды.

Подобное демонстрировал Николаев. На тот момент в моем восприятии — простой драгунский полковник. Простой полковник из Академии, который пришел нам читать лекцию о боевой эффективности огненной стихии.

— Ну… — протянул я, задумчиво глядя на Николетту.

Пауза и мой тон ее взволновали еще сильнее. Огонь из ее взора моментально ушел, и Николетта теперь смотрела на меня прежним взглядом.

— Могу тебя поздравить.

— С чем?

Я даже не сразу нашелся что сказать, сам еще не понимая, какое сокровище попало мне в руки. Николетта, чувствуя мои эмоции, сама не сдержалась и улыбнулась.

— Массимо, так ты скажешь?

— Одаренный элементарной и универсальной школы… в базовой, так сказать комплектации… Одаренный, обычный одаренный, если его Источник наполнен силой, всегда смотрит на мир через призму собственной силы. Глаза не сияют, но радужка отличается цветом. Ты же сейчас продемонстрировала, что для того, чтобы касаться силы, Источник тебе не нужен. И это значит что?

— Это значит что? — прошептала взволнованная Николетта.

— Это значит, что ты принадлежишь к считанным единицам в этом мире, кто может пользоваться стихийной силой без ограничений. Не знаю, почему так — либо ты уникум от рождения, либо же твои энергетические каналы подправила богиня, возвращая тебя к жизни. Так что скорее всего ты, как и я, выходишь за малое число тех, кому плевать на условности рангов и путей.

— А тебе на это тоже плевать?

— Абсолютли.

— Расскажешь?

— Конечно.

— Но потом?

— Умничка, ты опять обо всем сама догадалась.

— Но ведь это сейчас связано непосредственно со мной!

— Нельзя исключать вариант, что у тебя все же будет слишком мало времени. Вдруг это не то, что я предполагаю, и ты

пользуешься остатками стихийной силы, оставшимися в тебе после превращения в аватар Огня. Поэтому не расслабляемся, план обучения не меняем. Скажи сама, для чего.

— Предполагаю, что сейчас мне нужно будет выучить все конструкты, полагающиеся каждому рангу пути Огня, для того, чтобы, как только я вступлю на путь освоения, я не теряла времени если вдруг этого времени у меня окажется мало.

— Умница, я тебе об этом уже говорил. Вот и приступай. Сколько тебе времени понадобится?

Николетта раскрыла ранговую лестницу Пути Огня, просмотрела все иконки и пиктограммы различных конструктов.

— Полтора часа.

— Нужно заучить все полностью.

— Полтора часа.

— Так мало?

— У меня хорошая память. Хочешь, расскажу тебе по памяти рассказ Джека Лондона «Неукротимый белый человек»?

Вот это был запрещенный прием, мне даже стыдно стало. Николетта это почувствовала, и торжествующе, но при этом очень легко и по-доброму улыбнулась.

— Все, понял, полтора часа. Но можешь не торопиться.

— Ты хочешь уехать?

— Нет. У меня просто много дел, нужно ими заняться.

— Хорошо.

Николетта покладисто кивнула, после чего я открыл ассистант и смахнул ей файлы по Розе Владения, строению человека божественного и лестнице рангов. Сам после этого ушел в другую комнату — разбираться с отрядом варлорда.

Все уже было подготовлено, поэтому я только подтвердил отправку заявки в Гильдию наемников. Вот так буднично, со стаканом лимонада в руке, и в форме Некромикона, сообщил что объявляю себя лордом-полевым командиром.

Заявка ушла. И, что радует, отказ сразу не пришел. Не признаваясь себе, что нервничаю, я ждал, ждал, а потом увидел, что сообщение о приеме моего заявление пришло, принято и внесено в реестр.

Это еще не победа, но уже что-то — сдержанно подумал я, стараясь не сглазить. И, отстранившись от разных мыслей о путях Происхождения и невероятных способностей Николетты, долго и вдумчиво читал нормативные документы. Со всевозрастающим интересом.

В прошлый раз регистрировал отряд я в налоговой зоне Российской Конфедерации, сейчас же делал это как налоговый резидент автономного дистрикта Занзибар. И правила игры здесь

отличались. В самые разные стороны отличались, и плохих сторон здесь и сейчас было больше, чем тогда.

Но, в принципе, я не сильно расстраивался — опыт уже есть. Тем более что не думаю, что бухгалтер от дядюшки Абрама будет хуже, чем от Моисея Яковлевича. Который, в случае с отрядом варлорда Артура Волкова, помог немного дать по рукам жадным всеззагребущим рукам налоговой службы Конфедерации. Ух, даже спокойно думать об этом не получается — при одном упоминание о величине налогов включается реактивная тяга и…

«Спокойствие, только спокойствие», — посоветовал мне внутренний голос.

«Я спокоен!» — с надрывом крика, точь-в-точь как следователь в фильме «Изображая Жертву», ответил я внутреннему голосу.

Со спокойствием, кстати, действительно возникли некоторые проблемы: налоги протектората были во многом жестче, чем в Конфедерации. Местная власть словно бы говорила: «Да, мы охамели. И что?»

С другой стороны, здесь думаю и дела-проблемы-вопросы гораздо легче решаются. Порешаются даже. Строгость законов, как обычно в таких пограничных местах, компенсируется лазейками возможностей их неисполнения. Поэтому без особого расстройства лишь отметил несколько моментов, которые необходимо держать на контроле, и подтвердил биометрической подписью согласие соблюдать законы, будучи варлордом.

После дежурных окон с сообщениями об окончании первичной регистрации мне предстало уже знакомое управленческое меню, которое необходимо было заполнить прямо сейчас. И первым пунктом в регистрационной форме значился герб.

Времени было не так много, а мыслей в голову шло на удивление мало — все думал о роли Школе Происхождения в происхождении и величине возможностей универсалов. Все же как все просто, как все лежит на поверхности… А Николетта, это же самородок самый настоящий, с ее возможностями… С ее возможностями ее могут очень быстро прибрать к рукам или попробовать убить, так что нужно быть начеку постоянно, и… и герб еще придумать нужно.

Мысли в голове путались, время уходило. Не придумав ничего лучше, путаясь в догадках о путях развития одаренных, решил заняться копированием. Все равно в прошлый раз сидел больше часа, крутил-вертел так и сяк, а на выходе получился герб Старков. В этот раз значит кота мучать не будем, сразу будем делать Ланнистеров. Возьмем… вот, испанский щит, фон сделаем

красный, на котором поместим золотого, вставшего на дыбы льва… Так, стоп. Ланнистеры Ланнистерами, но это для меня одного понятно, для остальных это уже какая-то Англия откровенная получается. Нужно что-то более нейтральное. Что? Да не вопрос.

Щит сменился на английский, фон стал черным, и на черном фоне появился красный дракон. Не зря же меня Драго Младичем назвали, верно?

Создал нечто похожее на герб Таргариенов. У них вроде многоголовый дракон вокруг себя крутился, у меня же дракон на гербе вышел обычным, классическим. Змей Горыныч трехголовый, а не колесо драконье. Заимствовал у Таргариенов также и девиз: «Пламя и Кровь».

Смысл, правда, девиза в этом мире совсем не тот, что был в мире моем, но это и неважно. Причем то, то я официально не отношусь к одаренным, позволит мне вкладывать в девиз истинный смысл. Пламя и Кровь, и все на черном фоне. Вот такая вот шутка юмора, доступная немногим. Практически английский юмор.

Теперь оставались считанные мелочи: утвердить фонд оплаты труда и модель расчета премиальных, назначить официальный день празднования отряда, небесного покровителя и отправить запросы в геральдическую комиссию.

Ну и форма одежды, конечно же.

С формой вопрос решился на удивление просто. Я, как сотрудник Некромикона, запросил возможность использования корпоративной лицензии в рабочих целях. И мне эту возможность предоставили — причем я даже запрос не успел отправить, как ответ пришел. Интересно, это из-за моей принадлежности к оперативному департаменты, или из-за крыши в лице Доминики? Наверное, второе. Даже не наверное, а наверняка — все же деньги немалые, такие мгновенно не согласовываются. Вот, а говорят, что роковые женщины несут одно лишь несчастье. Смейтесь в лицо тем, кто так говорит, я вон сколько денег сразу благодаря Доминике сэкономил…

Правда, парадная и полевая форма отряда варлорда Драго Младича точь-в-точь повторяла форму службы безопасности корпорации. Даже герб Некромикона остался — из-за использования лицензии, так что щит с красным драконом крепился поверх трилистника биологической опасности.

Ну да ладно. Не очень-то и хотелось эксклюзива, зато бесплатно.

Решив вопрос с формой, настал черед небесного покровителя. В прошлый раз я опять же довольно долго серфил в Сети, прежде

чем нашел Святого Лонгинуса. Сейчас же… что я знаю о религии? Мало что. Например: «…и произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона. Дракон и Ангелы его воевали, но не устояли, и не нашлось им места на небе»

Таким образом, небесным покровителем отряда стал Архистратиг Михаил. В прошлый раз делать подобное я как-то постеснялся, решив не шутить с вечностью, а сейчас… я недавно Баалу средний палец на полном серьезе показывал, чего мне теперь бояться.

День празднования отряда — установил сегодняшний, пятое марта.

Ну и последнее — название. Тут я надолго задумался. Поочередно отметая один за другим варианты, понимал, что топчусь на месте, и нужно бы поспешить. Но название — дело такое, что ерунду не впишешь.

Молодые драконы? Херня, не верю. Белый Отряд… угу, в черных плащах. Тоже херня. На колени Алени? Отличное название, молодец. Даже вот так: мо-ло-дец.

Ну, соберись, голова, подумай.

Мягкие лапки?

Я сказал подумай!

Так, Таргариены. А кто у нас Таргариены? Бурерожденные? Угу, подходит. Прямо сейчас заплачу кровавым пафосом. Лисички-сестрички? У Таргариенов ведь нормально все было с… как там в меня Аверьянов оскорблением бросался? Инцест дело семейное?

Как назло, умные мысли в голове кончились, и ни одной поблизости не наблюдалось.

Хм. А если… не белый, отряд, а Черный? — подумал я на уже границе отчаяния интеллектуального бессилия, и ввел название: «The Black Company».

Да и нормально, — боясь спугнуть успех, подтвердил я заполнение формы регистрации. Все, все готово. Теперь только ждать рекомендации от Эмили Дамьен, обещанного Доминикой, и окончательного подтверждения регистрации в Гильдии наемников.

В прошлый раз сделали все на месте — рекомендации и подтверждение было выдано от адвокатской конторы «Лазерсен и Лазерсен», поэтому и действовать как варлорд я мог сразу. Сейчас же только ждать. Ну и собираться на благотворительный вечер, конечно же — на который нам, судя по времени, уже пора.

Как раз подтверждая мои мысли, чуть скрипнула дверь, открываясь, и я почувствовал внимание Николетты.

— Массимо, нам пора.

Она, кстати, к предстоящему вечеру уже подготовилась — корпоративный наряд сменила на вечернее платье.

— Да, да, иду, — поднялся я, и замер, глядя на Николетту.

— Что-то не так? — моментально спросила девушка.

— Э… да все в порядке.

— А что… тогда? Что-то не то? — заволновалась Николетта, ожидаемо покраснев.

— Выглядишь божественно, — не покривил я душой.

Выглядела Николетта действительно неотразимо привлекательно. На ней было простое черное платье, закрывающее шею (и красный яхонт), но оголяющее спину и плечи; длинные до локтей перчатки. Волосы собраны в удивительной красоты и сложности прическу, с вплетенными в локоны черными розами. Дополняли образ легкие туфельки на каблуках, с поднимающимися до колен ремешками, и рубиновый блеск капель сережек.

Я в отличие от Николетты, с нарядом сильно не изощрялся. Остался в своем корпоративном мундире. Правда, мундире не совсем простом, а с эмблемой оперативного департамента корпорации: тот же зеленый трилистник биологической опасности, только расположенный на щите, за которым скрещены два меча. С одной стороны, светить себя оперативником, лишний раз привлекая внимание, не хотелось. Но с другой — это напрочь отвадит остроумных шутников по типу Келли-Хьюза.

На улице нас, кстати, уже ожидал конвертоплан с эмблемой Некромикона — как раз только-только приземлившийся прямо у порога бунгало.

— А мы куда летим вообще? — спросил я, когда машина утвердилась на песке, качнувшись на посадочных ногах и навстречу нам начал опускаться пассажирский трап.

— На благотворительный ужин.

— Это я помню. А что именно, где конкретно, когда закончится?

— Особняк сэра Джона Холдена. Благотворительный ужин, который дает Илона Маевская. Закончился скорее всего под утро, это специфическое мероприятие.

Илона Маевская. Что-то сильно знакомое.

— Илона Маевская… Это вообще кто?

— Хозяйка арт-галереи и прожекта «Творческий центр Илоны Маевской». Она поддерживает авангардных художников по всему миру, довольно известная в мире искусства человек. Своеобразно известная, слышал про инсталляцию с бананом?

— Это когда деньги из казны отмывали?

— В смысле деньги отмывали?

— Э… говоря про банан, ты имеешь в виду инсталляцию, когда прибитый к стене банан продали за сто тысяч золотых рублей?

— Да.

— Ну так после ФСБ нахлобучила российского чиновника, который эту сотку провел, и по слухам его самого прибили гвоздем к стене, причем за… — замялся я.

— Причем за… — заинтересованно протянула Николетта.

— За интересное место, в общем.

— Надо же, а я бы и не подумала. Мне казалось, что авангардизм просто в моде.

— Угу, в моде. Особенно когда можно от казны ручеек отщипнуть, — задумчиво пробормотал я.

Мысли же были заняты другим. Илона Маевская. Где я это имя слышал?

Во время полета даже не особо в окно смотрел, и Николетте отвечал невпопад, вспоминая. Как раньше было просто, когда из-за ментальных способностей вся моя память была словно разложенный по полкам архив — нужно если что, сходи да возьми. Сейчас, потеряв эти способности, стало гораздо сложнее.

Но я справился. Уже когда конвертоплан опускался на посадочную площадку, вспомнил все. Все, и даже чуть-чуть больше.

Илона Маевская. Это имя звучало в компании с другими. Три имени, которые я под свист паяльной лампы услышал в пахнущем кровью пыточном помещении. Три имени, которые назвал мне Филипп Горбунов, литературный критик в миру и живодер в тени.

Три имени: Валентин Скрипач, известный меценат; Андрей Шилов, бывший член команды Арены, в которой кроме него были еще трое — Гекдениз Немец, Степан Мотов и Олег Ковальский. И Илона Маевская. Покровитель высоких искусств, помогающая авангардистам.

Действительно, кто их, этих авангардистов, считает? Они в высоком мире искусства как собирающиеся на Воробьевых горах в Москве владельцы спортивных (р-р-рын-рын-рын!) байков — каждый год новые.

Три имени трех людей, которые — со слов Горбунова, причастны к человеческим жертвоприношениям, совершаемых для создания порталов для вторжения демонов. Уже состоявшегося вторжения, в ходе которого Ордой демонов управляли контролеры из клана Юсуповых, а безопасность их обеспечивали неасапианты из корпорации Некромикон.

И я сейчас, весь из себя такой красивый, и с обворожительной

спутницей, уже приземлился в стенах замка, и шагаю по откинутому трапу конвертоплана прямо на благотворительный ужин, организовываемой Илоной Маевской.

Единственная мысль, который меня посетила — как хорошо, что Николетта заставила меня выспаться сегодня днем. Потому что едва вспомнил кто такая Илона Маевская, как возникло стойкое ощущение, что шагаю я сейчас прямо в банку с пауками. И еще кроме этого понимания спину холодило плохое, даже можно сказать поганое предчувствие.

Что-то сейчас определенно будет.

Глава 7

Спустившись по трапу, мы с Николеттой сразу прошли вперед, по указанию дежурившего на площадке неасапианта из персонала. Который выглядел очень необычно: он был облачен в нечто похожее на средневекового вида, но эргономичные доспехи. Толстая, черного цвета кожа, высокий ворот куртки и наплечники отороченные черным же мехом. Кроме того, у встречающего неасапианта глазные импланты были белесые, с вертикальными зрачками — и в целом, впечатление он производил. Не оставался незамеченным, как минимум — даже для тех, кто уже привык не обращать внимания на персонал.

И еще, когда неасапиант подошел ближе, я заметил у него выглядывающую из-за плеча рукоять меча. Надо же, совсем атмосферно здесь. Вечеринка предстоит определенно тематическая — это я уже мысленно хмыкнул.

Пристально и внимательно оглядывал провожатого потому, что больше особо нечего оглядывать было: посадочная площадка оборудована на верху невысокой и массивной каменной башни. И огорожена высоким — почти в человеческий рост, парапетом. С краю площадки, куда нас и вел неасапиант, виднелся зев прохода лестницы, к которой мы уже подошли.

Первые ступени были хорошо видны, но вот дальше темнота непроглядная. Я уже было хотел напрячься, но провожатый неасапиант, ступив на первую ступень, поднял руку — на которой загорелся серебристый шарик. Никакой магии, просто небольшой дрон с подсветкой.

В этот момент послышался нарастающий гул двигателей. Я обернулся — доставившая нас на место машина уже поднималась в воздух. И, судя по отсвету бортовых навигационных огней среди низких облаков, наш конвертоплан убывал, чтобы освободить место посадки для следующего в очереди. Ну да, вот уже следующая машина на посадку заходит — увидел я приближающуюся темную тушу другого конвертоплана.

Услышал гул двигателей еще и поодаль. Очередь на посадку не одна — увидел я через проем ближайшей бойницы, как еще один конвертоплан выныривает из облаков поодаль, слева.

— Макс, — шепнула Николетта, потянув меня вперед. Я выставил локоть, она подхватила меня под руку, и мы ступили на лестницу. Сопровождаемые светом серебристого огонька, преодолели два десятка массивных каменных ступеней, и вышли из башни в парк. И, не сговариваясь, задержались.

Сопровождающий нас огонек пролетел вперед, на насколько

метров, после тоже остановился. И словно нетерпеливо застыл в воздухе, чуть подрагивая в ожидании. Мы же с Николеттой идти вперед пока не торопились, осматриваясь. Смотреть был на что: замок сэра Джона Холдена впечатлял.

Как размерами, так и антуражем — он, как и вилла Доминики, был создан и встроен в ландшафт острова. И, возможно, также скопирован с какого-то места на земле: скалистые берега, поросшие вереском окружающие холмы и квадратный, угловатый замок напоминали скорее пейзаж туманного Альбиона. Совершенно не вписываясь в представление об африканском ландшафте. Причем туманного Альбиона в прямом смысле — над головой висели тяжелые, хмурые облака, а внизу, там, где волны бились о клыки скал, белели рваные клочья лоскутного тумана.

Из ярких цветов вокруг — только призрачный, серебряный свет огонька-провожатого, да ярко-алая помада Николетты. В остальном вокруг царило темно-серое царство. Нависающая сверху густая хмарь облаков, лежащий в распадках и над морем белесый туман, влажно-блестящая серебристая трава, темный силуэт замка поодаль. Мы как будто оказались в film noir, в «черном фильме», ожившем ночном кошмаре.

И, как и фильм жанра нуар, происходящее определенно имело свой сценарий. Людей в парке вокруг, прибывших на благотворительный вечер, было довольно много — посадочных площадок, похоже, больше чем две. Одиночки, пары, небольшие компании — все шли с разных концов парка, направляясь в сторону замка.

Но несмотря на это, все равно возникало чувство одиночества в этой серой пелене. Да, вдоль дорожек парка были устроены умные светильники — направленно подсвечивающие идущих людей. Но светом призрачным, словно глушащим всю яркость окружающего мира. И только когда мы подходили к кому-то ближе, люди словно выныривали из мглистой пелены. Мне это напомнило Изнанку мира — только там все еще глуше и мглистее, что ли.

Некоторых людей вели за собой провожатые-огоньки, кто-то шел в сопровождении неасапиантов. Которые, все как один, были облачены в эргономичные черные доспехи, и вооружены мечами.

Подавляющее большинство встреченных гостей-мужчин были, как и я, в строгих корпоративных мундирах. Девушки в основном в платьях неярких, больше склоняющихся к серому и темному. И почти у каждой украшения или помада ярких, красных оттенков. Выделяющиеся в серой гамме словно капельки крови.

— Дресс-код? — поинтересовался я у Николетты, кивнул на

одну из дам, которая была практически в таком же, как и сама Николетта платье, и также с рубиновыми сережками.

— Да, — просто кивнула она. — Тема благотворительного вечера — фантасмагория. Ты превью вообще читал?

— А… конечно не читал.

Впрочем, то что я не читал превью вечера, некритично. В дресс-код я легко вписался. Вот за что люблю форменные мундиры — в них можно приходить практически на любое официальное мероприятие.

— Зря, что не читал.

Да я уже понял, что зря, спасибо что сообщила, — машинально мысленно ответил я, блеснув сарказмом. И только после понял, что Николетта мой ответ, пусть он и был беззвучным, хорошо услышала.

Странно. Я вроде не громко думал… Хотя, если прислушаться к ощущениям, я сейчас эмоции Николетты ощущаю гораздо сильнее, чем раньше. Это так мое беспокойство влияет, или место особенное? — еще раз оглянулся я на серую лоскутную мглу вокруг. Появилось желание отсюда уйти, но… к сожалению, желание невыполнимое. Сейчас только со скандалом если, а это я всегда успею. Извиняющееся сжав руку Николетты, я повел девушку дальше, за встрепенувшимся и полетевшим вперед серебристым огоньком.

И шагая по тропинке, обратил внимание, что творящаяся вокруг фантасмагория дополнена очень плотными, так скажем, климатическими эффектами — я уже почувствовал на лице легкую морось. И это ведь не работа распылителей у газонов, это все по-настоящему: замок сэра Джона Холдена накрывает магический купол, обеспечивающий не только безмолвие, но и климатическое соответствие местности окружающей картине. Причем соответствие настолько серьезное и идентичное, что я даже не знаю, сколько на все это угрохано магических ресурсов.

Так, стоп. Это важно.

— Массимо, нам туда, — негромко произнесла Николетта, потянув меня в сторону воротной арки в стене, ведущей во внутренний двор крепости. Сопровождающий нас огонек, в ответ на ее импульс движения, встрепенулся радостно и быстро полетел вперед.

— Минутку, — произнес я, и повел Николетту в другую сторону. На смотровую площадку на скалистом утесе.

Огонек почти сразу остановился и крупно задрожал, словно расстроившись от того, что мы не идем за ним. Подлетев к смотровой площадке, он замер на ее границе, снова чуть вибрируя в ожидании. Глянув на светлячка-провожатого, и

убедившись, что он просто ждет, без особой пока истерики, я облокотился на каменный парапет.

«Пара минут», — мысленно сказал я Николетте, на мгновенье сжав ее руку.

Выдохнув, постарался очистить голову от ненужных мыслей. И наблюдал за тем, как свинцовые волны бьются о скалы внизу. Черно-серые волны северного моря — даже намека нет на южную лазурь, которая начинается через пару сотен метров, ну километр максимум. Там, где заканчивается магический купол.

Причем в том, что купол магический, у меня сомнений нет — обычной системой ландшафтного микроклимата подобного эффекта не добьешься. Просто не перенесешь с таким идеальным соответствием на берег Занзибара кусочек Бискайского залива и промозглую погоду Северного моря.

Бискайский залив, сэр Джон Холден.

Раз сэр, значит сей господин скорее всего подданный британской короны. Это значит, что помимо право частной собственности приватность происходящего здесь сохраняет экстерриториальность особняка. Здесь — территория Короны, а не зона юрисдикции администрации протектората.

Так. И что это значит? Черт его знает, что это значит.

Ладно, давай сначала — сказал я сам себе. Магический купол. Призрачный замок — даже коротко оглянулся я на темные башни в пелене тумана. Темные башни замка, который накрывает магический купол.

Купол, под которым собралась элитная корпоративная тусовка. Зачем собралась? Прибыла к Илона Маевской. Которая ведет благотворительный вечер. Под куполом. Магическим. Который закрывает замок Джона Холдена от внешнего внимания.

Закрывает.

В мои мысли закралось нечто отвлекающее. Слишком уж направленные эмоции от Николетты. Обернувшись, я посмотрел в огромные, распахнутые в удивлении глаза девушки.

«Ты слышала все?» — с помощью мыслеречи спросил я.

«Да».

Причем за руку я ее сейчас не держал, и никаких усилий для мыслеречи не прикладывал. Здесь и сейчас наше общение вышло на иной, качественно выше уровень.

Почему?

Доспехи. Доспехи неасапиантов, и холодное оружие. Вот оно!

Я вспомнил рейд в Инферно, который мы — спасая мою сборную команду по практической стрельбе, совершили вместе с сэром Галлахером и гурками. Которые, все как один, были облачены в техномагические доспехи — потому что

высокотехнологичные девайсы в Инферно просто не работали.

Это место… — оглянулся я по сторонам. Оно похоже на форпост. Похоже на Изнанку мира, но в том то и дело, что никакой Изнанки мира здесь нет.

Магический купол закрывает замок не только снаружи, но и изнутри. Здесь словно вакуум создан, и это место остальному миру не принадлежит. Эдакий кусочек мертвого мира в мире живом. Дипломатическое представительство мира Инферно на планете Земля.

При этом. Скрипач не только замечен в продаже права на убийство одаренного — устраивая сафари для корпоративной элиты. Он еще, как мне захлебываясь соплями и слезами сообщил литератор Филип Горбунов, повязан с Маевской в деле человеческих жертвоприношений.

Так, чувствую, я уже совсем рядом.

Последний вопрос. В Инферно, когда орда демонов атаковала врата, направляли ее одаренные из клана Юсуповых. А безопасность одаренных обеспечивали неасапианты Некромикона. А как неасапианты Некромикона попали в Инферно?

Правильно, через открытую кровью жертвоприношений дверь. Так может эта дверь, дверь в Инферно, быть открыта в этом замке?

— Да к гадалке не ходи, — пробормотал я себе под нос.

Вот только что-то я еще во всей этой схеме упускаю. Что-то очень важное. Вот только что?

Николетта, которая все время пока я лихорадочно думал, молча (большое ей спасибо за это) стояла рядом. Почувствовав, что я немного расслабился, сжала мой локоть. Я посмотрел на нее, а она глазами показала в сторону входа.

Да, пора идти.

«Ты же мне расскажешь, что это за Инферно и что за жертвоприношения?» — щекоча губами ухо, беззвучно прошептала она.

«Да».

«Как обычно потом?»

«Да».

«Завтра?»

«Да, давай завтра», — машинально кивнул я.

— Ты знаешь такое слово как «маньяна»? — уже вслух поинтересовалась Николетта.

Еще бы я не знал такого слова. Маньяна — завтра по-испански. Довольно часто употребляется в смысле «никогда».

«Я же вам сказал завтра приходить, что вы все сегодня

приходите?» — повторил внутренний голос.

— Завтра, — кивнул я, почувствовав вину перед девушкой.

«Если доживем», — попробовал я подумать не слишком громко. Но не получилось — Николетта услышала, и прочувствовала. Она как раз хотела шуточно и колко мне ответить, но после моего невольного комментария осеклась. И испугалась, уже нешуточно.

Мне же действительно очень уж сильно не нравится все вокруг происходящее. Как бы нас с Николеттой сейчас на сафари не отправили. Как с Зоряной полгода назад, и как с Самантой совсем недавно.

Вот только в первый раз я был настолько глуп, что прошел по категории «дуракам везет», ну а уже в случае с Самантой мы вдвоем кому угодно могли будки разнести. Там даже беспокойства не было никакого. Самая опасность — беседы с принцессой о судьбах мира, а не эти вот охотнички.

— Завтра. Хорошо, я поверила, — кивнула между тем Николетта.

Она напряглась. Мысли, которые я пытался скрыть, не прошли бесследно — и мое беспокойство и напряжение передались девушке.

— Завтра. По запросу. Все будет так, как ты захочешь, — попытался я ее успокоить.

— Как скажешь, — неожиданно крепко и доверчиво прильнула к мему плечу Николетта.

И только сейчас я понял, насколько сильно она боится. Место сказалось — удивившись искреннему доверию девушки, я, как бы это сказать… обратил на нее внимание. Больше, чем обычно. При этом гораздо глубже прочувствовал ее ранее скрытые эмоции. И понял, что никаких иллюзий Николетта не питает — она прекрасно помнит эмоции Доминики по отношению к ней. Помнит, что Доминика смотрит на нее как на инструмент, а не на живого человека. И свыклась, живя с этой опасностью… Сейчас просто более остро все это чувствует.

Так, стоп.

Место вокруг проклятое, жертвоприношения — а может быть Николетта ягненком на заклание?

Эти мысли у меня (все же полгода тренировок зря не прошли) получилось скрыть. Даже последнее предположение. Правда для этого пришлось применить запрещенный прием.

«…!» — мысленно и очень громко выругался я параллельно с тем, как подумал о возможном жертвоприношении Николетты.

— Что? — отреагировала она на мое внезапное ругательство.

— Да костюм узкий, прищемил немного… — поморщился я.

— Что прищемил?

— Да неважно, все уже нормально, не обращай внимание.

Ладно, бывало и хуже. Огонь ко мне вернулся, удача (я надеюсь) все еще со мной, за спиной у Николетты богиня Кали… А как она у нее за спиной, если место изолировано от мира? Нет там никого здесь и сейчас. Кали — богиня этого мира, в мертвом мире ее сила не работает.

Ладно, неважно. Все равно прорвемся — пообещал я сам себе.

Так как на смотровой площадке мы задержались, в парке людей почти не осталось. Несколько заходили в арку ворот замка, больше не видно никого. Мы последние, и светлячок уже выражал возмущение по этому поводу. И очень натурально показал радость, когда мы все же вернулись «на маршрут» с прежней скоростью. И в сопровождении провожатого мы двинулись в сторону арки в крепостной стене, где уже скрылись практически все прибывшие гости.

Не знаю, что за сумрачный гений проектировал этот замок, но то, что он гений — это точно. Потому что по мере приближения к крепостной стене замок словно нависал над нами. Все настолько продуманно, что из-за плотных лоскутьев тумана создавалось впечатление, что мы шагаем прямо в пасть чудовищу, которое простирает над нами свои загребущие когтистые лапы.

И еще с каждым шагом, приближающим меня к замку, я все сильнее чувствовал эманации смерти. Очень… очень сильно чувствовал. Как будто тысячи людей рядом беззвучно кричат от нестерпимой боли. Даже словами ощущение не передать, от которого холод по позвоночнику стылый. И теперь уверен — портал Некромикона в Инферно именно здесь. Может быть даже самый главный портал Некромикона в Инферно.

И именно поэтому Занзибар — на первый взгляд жопа мира даже среди протекторатов, если уж говорить открыто, так важен для Некромикона. И не только для: именно поэтому сюда вдруг намылились Томми из ТРТР, ЧВК из корпорации Ганзы, которая является инструментом Европейского Союза. Именно поэтому сюда в срочном порядке заходит и СМТ, а если точнее — Карателя Легран. Причем заходит, выбирая любые пути — ведь якшаться с каннибалами тот еще… зашквар, по-другому и не скажешь. Который я на себя взял — хмыкнул я. Поднял, так сказать, не глядя.

И Ганза со своей ЧВК ТРТР, и СМТ со своей ЧВК Карателей очень вовремя сюда заходят. Последние понятно почему — скорее всего потому, что Маша смогла вытащить информацию из позвоночника тысячеликой Рыбки, или даже ее оживить.

Почему тогда Ганза возбудилась? Либо получили

информацию после Хургады, когда Некромикон с падением одной из своих башен закачался, либо же действуют втемную, направляемые заинтересованными людьми.

Вот оно. Совсем недавно я думал о том, что упускаю совсем важное. И сейчас это догадка совсем рядом — только руку протяни. Поймать ее мне показалась настолько важным, что я снова приостановился, придержав Николетту. И обернулся, чтобы дрожащий светлячок не мозолил глаза и не сбивал с мыслей.

«Некромикон» — транснациональная корпорация. Эмили Дамьен — бывшая глава Дома де Лаллен, из новой знати. И находясь в правлении корпорации, лоббирует в Некромиконе она интересы Трансатлантического союза. Европейской его части, не североамериканской. Интересы которой — европейского лобби, в первую очередь ставит и СМТ. И обе эти корпорации вообще, по сути, две руки одного целого; я прекрасно помню, как рассказывала мне Маша о происхождении корпораций. О том, что Некромикон — это искусственно созданный французами в Африке конкурент для СМТ.

С этим ясно, дальше. Доминика Романо. Она из Флоренции. И ей насчет меня, в чем постепенно становлюсь все более уверенным, подсказал Алессандро Медичи. А Аллесандро Медичи — даже в роли аватара Астерота, это средиземноморская Торговая республика Амальфи, прямой конкурент Ганзы.

Вот что-то совсем важное рядом, причем важное, и такое элементарное. Совсем рядом, но все никак мне это не ухватить. Причем простое до невозможности — из разряда восточных мудростей, по типу «если хочешь научиться плавать — иди и научись плавать».

— Макс… — потянула меня за руку Николетта. Обернувшись, я увидел, что от ворот — к которым вел перекинутый через ров мост, к нам уже спешит неасапиант.

В парке мы уже точно остались последними. Опаздываем. Светлячок, кстати, улетел. Не справился с заданием. Бедный, как бы на утилизацию не отправили.

Светлячок улетел, а мы с Николеттой пошли навстречу к вежливо, но убедительно просившему нас поторопиться неасапианту. Также в черном наряде средневекового ополченца. Только за спиной у этого уже не меч, а компактный арбалет, а на бедре колчан с болтами.

Шагая к воротам, на ходу я пытался все же загарпунить так и непойманную догадку.

ТРТР — Транспортная полиция протектората Танганьика. Это частная военная компания корпорации Ганза, которая родом из Европейского союза. Внешне может показаться что там немцы на

первых ролях, но на геополитике в гимназии нам доказали, что в Ганзе в первую очередь старая аристократия Бенилюкса рулит.

СМТ, Некромикон — корпорации-опора Трансатлантического содружества. Причем европейской его части. Франция, Испания. Одни новая знать, вторая старая аристократия. Если оценивать то, что видно. Если смотреть глубже, то здесь как минимум еще итальянцы из Торговой республики — Флоренция есть Флоренция.

И все три корпорации — Ганза, Некромикон и СМТ, входящие в десятку могущественных корпорация мира, собрались сейчас вокруг Занзибара, как будто обхватывая остров словно щупальцами.

Остров, который с недавнего времени контролирует пробританская администрация. Которая, кстати, опять же недавно вытеснила немцев. Эти-то понятно, почему не в теме — хотя вся остальная Старая Европа уже в сборе. У тевтонов исторически сложилось, что пока они педантично собираются и пытаются досконально понять, что вообще вокруг происходит, все их обгоняют на поворотах.

Догадку, кстати, я так и не поймал. Потому что громада крепости все сильнее нависала над нами. Подавляя и архитектурным решением, и усиливающейся аурой когда-то состоявшихся здесь смертей. У меня даже голова побаливать начала — словно от очень громкой музыки. Громкой, но беззвучной.

Неасапиант шел впереди, и вот уже мы с Николеттой зашли в длинный проход под стеной. Здесь все было освещено настоящими коптящими факелами, пламя которых отбрасывало на кладку стен причудливые тени.

И с каждым шагом мысли о разделе сферы интересов корпорациями и контролирующей их европейской знатью уходили на второй план. На первый же выходила неиллюзорная опасность моего здесь появления. Если кто-то уже знает, что я — Артур Волков…

Кричи не кричи. И никакая Фортуна не поможет. Понимание этого провело морозцем по спине. Причем мне не то чтобы страшно… нет, мне все таки страшно. Но страшно не за себя. Я сейчас боялся за Николетту.

— Смело мы в бой пойдем… — начал я параллельно мыслям напевать себе под жизнеутверждающий мотив. Пытаясь подбодрить самого себя и загнать страх далеко на задворки сознания, чтобы Николетта его не почувствовал.

А боялся я уже серьезно. Потому что понимал, случись что — у меня может не получиться выполнить свое обещание ее

защитить. И Кали не поможет — богини здесь, в этом форпосте мертвого мира, просто нет. Она сюда не придет.

— …чертям рогатым запросто мы жопу надерем…

Сюда и Елизавета, моя ангел-хранительница, наверняка не придет. Нет, Елизавета так и так не придет — наши души связаны Тьмой в астрале, а Тьма осталась в кукри, но все равно. Даже захоти Елизавета сюда просто прогуляться, ей путь закрыт — здесь ни Изнанки, ни астрала.

— …сам Христос нам за командира, мы спецназ — истребители вампиров…

Ритмичный текст древней песни вокально-инструментального ансамбля Юрия Хоя помогал сосредоточиться и погасить волнение. На ходу, глядя на тени пламени на стенах, я попробовал мыслить логически.

Почему я переживаю за Николетту? Потому что ей грозит серьезная опасность.

А почему ей грозит серьезная опасность? Она — кандидат на жертвоприношение?

Определенно. Но сегодня? Сейчас?

Если хорошо подумать… Если хорошо подумать, то вряд ли сегодня. Слишком уж много вокруг самых разных людей, а серьезные дела так не делаются. Серьезные дела, я про жертвоприношения, любят тишину.

Так, а зачем мне мыслить логически? У меня ментальные способности — в части эмпатии, здесь, на туманном утесе, вернулись. Причем даже вернулись в более выраженной форме, чем раньше. Может послушать, что мне говорит предчувствие?

Послушал. Предчувствие говорило, что Николетте сегодня ничего не угрожает. Но почему тогда так погано на душе, как в душный день перед грозой? Вот-вот, и что-то жахнет с неба. Громко и раскатисто.

Изгибающийся проход в широкой воротной арке между тем вывел нас во внутренний двор. Здесь были люди — много людей. Был и лоскутный туман; что, вкупе со светом яркой луны (выглянувшей из-за облаков пока мы в проходе шли), создавало дополнительный призрачный, фантасмагоричный ореол происходящему.

Но большинству присутствующих, судя по стоявшему в колодце стен внутреннего двора гомону, было не в первой присутствовать в подобной обстановке. Я чувствовал ауру всеобщего… не спокойствия, но возбужденного предвкушения. Слышался женский смех, негромкие возгласы, сдержанное хихиканье и звон бокалов. Вдруг гомон усилился, раздался пронзительный удивленный возглас, и головы присутствующих

одна за одной поднялись вверх.

— Прелестно, — только и выговорил я.

На зубце парапета донжона сидел волколак. Антропоморфный волк — не думаю, что это настоящий оборотень. Оборотнями ведь могут стать только владеющие даром. Это, скорее всего, мутант. Специально созданный — вспомнилась мне практика подпольных боев, популярная в Занзибаре.

Зверь, когда его заметили, поднялся на задние лапы, широко раскинув и подняв передние. Даже отсюда, с брусчатки внутреннего двора, я видел его блестящие на лунном свету внушительные когти-кинжалы. Волколак вдруг, раскрыв широкую пасть, завыл на луну. Громко, пронзительно, вкладывая в вой животную злобу и неутолимую жажду.

Одновременно с воем волколака заскрежетали когти. Это с края крыш близлежащих строений сорвались сразу восемь гарпий, которых я до этого и не замечал, приняв за каменных гаргулий.

Гарпии обладали женскими телами — на взгляд отсюда, снизу, в человеческой части привлекательными. Но вместо волос у них были змеящиеся ленты (или гибкие суставные наросты, или вовсе плетки змей), а руки переходили в широкие перепончатые крылья.

Вот эти твари, в отличие от человековолка, без магического вмешательства точно не обошлись. Все же чтобы летать, обладая женским телом и подобными перепончатыми крыльями, одного желания мало. Физика будет однозначно против. Определенно кто-то из одаренных руку приложил к созданию этих тварей.

Пришедшая на ум догадка вспыхнула сверхновой. Та самая догадка, рядом лежащая в засаде, простая до элементарности. Просто обескураживающая своей простотой.

Тысячеликая Алиса-Линда-Бланка говорила мне, что без участия специалистов в ментальной магии перенести личность на цифровой носитель пока не получается. И это воспоминание, при взгляде на магически созданных гарпий, последним кусочком паззла легло в канву происходящего вокруг. Происходящего в корпоративной цитадели, закрытого от всего мира магическим куполом.

Некромикон, чтобы организовать подобное, должен иметь очень и очень сильных покровителей в мире одаренных. Невозможно наладить подобное сотрудничество без ведома контрольных органов и заинтересованных лиц — потому что все, касающееся стихийной силы, максимально зарегулировано. Это не просто высокий уровень покровительства… Это небесный

уровень. Самый что ни на есть Олимп — иначе, без высочайшего позволения, здесь бы давно все напалмом выжгли. Это уровень покровительства короны, определенно.

Вот только короны какого государства?

Волколак между тем закончил выть на луну и опустился на четыре лапы. Со скрежетом когтей по штукатурке он спрыгнул на покатую крышу рядом с нами. Приземлились и гарпии — по крышам окружающих строений, показываясь во всей своей нечеловеческой красе. Раздались испуганные возгласы дам, внешне беспечные комментарии мужчин. Но по метнувшемуся эху эмоций окружающих я почувствовал — окружающие в большинстве напряглись. Все же соседство не очень приятное, пусть нас вооруженные мечами и арбалетами неасапианты условно защищают.

Волколак не атаковал. Я и не ждал, но все равно наблюдал за ним внимательно. Прыжок, еще один, и монстр скрылся в чердачном окне. Гарпии, поочередно выдав громкий пронзительный вой, также взмыли в воздух и приземлились на свои места.

— Их не возьмет автомат, но кол наш осиновый отправит их души в ад, — пошептал я себе под нос.

Мне по-прежнему не было страшно за себя — при нужде я все здесь вокруг огнем залью. Но вот смогу ли я при этом спасти Николетту? Этот вопрос очень сильно меня волновал, и как мог, я старался скрыть от девушки свое волнение за нее.

— …Клыки поломаем, рога обломаем, и дохлые ребра мы им, хм, переломаем…

— Если вам дороги жизнь и рассудок, держитесь подальше от темных мест! — неожиданно послышался зычный голос со стороны арки портала.

Очень, очень знакомый голос.

— Дорогие гости, сэр Джон Холден приветствует вас в своей скромной обители! — почти сразу же раздался громкий голос герольда.

Обернувшись, я увидел шествующего со стороны ворот Скрипача, окруженного толпой свиты. Гости расступались перед ним, и он с компанией раскланивался, двигаясь к широкому крыльцу донжона. Когда Скрипач проходил мимо нас, он неожиданно послал Николетте воздушный поцелуй. В этот момент позади него с громким скрежетом опускалась металлическая решетка, закрывая проход в арку ворот.

Миллиардер-меценат Валентин Скрипач — он же сэр Джон Холден? Ну, а почему бы и нет? Британская корона, если это выгодно, часто награждает рыцарским званием людей самых

разных, причем иногда весьма сомнительных достоинств.

Шествующий мимо встречающей его гулом толпы гостей, эксцентричный миллиардер-меценат выглядел не менее эпатажно, чем в прошлый раз. Тогда, когда я видел его на аукционе. Вот только в тот раз он был весь в золоте и пушистой белой шубе на голое тело, из которой показушно выпирало волосатое пузо. Сегодня Скрипач выбрал иной образ.

Более всего он походил сейчас на… киберфеодала. Стилизованный под старые доспехи костюм, причем явно усиленный экзоскелетом; широкий пояс с крупными бляшками драгоценных, вероятно, камей. В прошлый раз Скрипач показался на публике лысым, сейчас же его длинные черные волосы были стянуты серебряным обручем, в котором также сверкали крупные красные камни. Этакий… Филипп Стенгер — неожиданно вспомнил я имя кровавого барона из игры Ведьмак 3. Филипп Стенгер из будущего, нарядившийся в кибердоспехи с преобладанием темного цвета.

Еще в прошлый раз Скрипач выглядел тяжелым и грузным, с усталым одутловатым лицом. Сейчас же его масса лишнего веса наоборот, как будто показывала запасы здоровья в этом странном человеке. Кроме того, он сейчас смотрел на мир обычными глазами — а вот в Африке вместо одного глаза у него был яркий имплант.

Окружавший Скрипача в предыдущую нашу встречу неоновый китч ушел, уступив место сдержанности. Причем показательной темной сдержанности: как и в прошлый раз, Скрипача сопровождала стайка девушек. Вот только в прошлый раз все они были ярко неодеты, а сейчас напоминали отряд амазонок. Все затянуты в кожаные наряды, также стилизованные под доспехи. Подчеркивающие, впрочем, изгибы фигуры. Да и оружие — короткие копья с широкими листовидными наконечниками, сопровождающие Скрипача девушки несли без явно видимого умения. Но роль охраны прекрасно выполняли и неасапианты, которые вроде глаза не мозолили, но вокруг их присутствовало достаточно много.

Кроме амазонок, в свите Скрипача присутствовала еще одна дама. Невооруженная, и привлекшая мое самое пристальное внимание. Это была женщина в длинном, в пол, черном платье, полностью открывающем спину и не только. Даже грудь не слишком прикрывает — ткань двумя узкими полосками спускалась от шеи, создавая глубокое декольте. Очень глубокое — ниже пояса. Платье было сшито таким образом, что полностью можно было увидеть раскинувшуюся по плечам и спине женщины живую татуировку черно-красного дракона.

В первый раз, когда я видел эту даму, на «благотворительном» балу в Республиканском дворце Высокого Града, дракон был красно-зеленый. И в тот самый первый раз, когда я видел эту даму, я пообещал Зоряне ее убить.

— Это Илона? — поинтересовался я у Николетты.

— Да.

Удивительное дело. Какое неожиданное и просто дьявольское совпадение.

Во второй раз — когда я видел Илону Маевскую в особняке Скрипача в Африке, убить ее у меня не получилось. Мы довольно быстро с Самантой особняк покинули, отправившись в саванну на сафари. И вот сегодня я вижу ее уже в третий раз.

Илона Маевская привлекла не только мое внимание. И не только из-за смелого наряда и живой татуировки во всю спину. На поводу Илона вела… животное, так скажем. Тоже, наверняка, искусственно-магического происхождения.

Это был большой и массивный, размером с дога, только шире намного, короткошерстный пес. И еще у него было три головы. Пасти всех трех голов были стянуты шипастыми ремнями намордников, но даже несмотря на это, в щерящихся пастях были видны выступающие клыки, а глаза горели багровым отсветом.

Скрипач, он же сэр Холден, между тем прошел через двор и поднялся на крыльцо. И оттуда начал вещать, приветствуя собравшихся. Обычные дежурные слова приветствия, экспрессивная жестикуляция, сдобренная привычными грубоватыми шутки. Да, в какой наряд он не облачается, стиль общения все же не меняется — абсолютно также он разговаривал с гостями и на аукционе в Африке.

Скрипача я сейчас не слушал. Все больше смотрел на Илону. Как она двигается, как улыбается: широко и как по мне, даже отталкивающе. Она вообще красотой, в привычных рамках, не отличается. Высокая, но худая и нескладная; широкоплечая и с очень узкими бедрами. Лицо неправильное — черты вроде европейские, а вот разрез глаз азиатский. И, учитывая все возможности косметической хирургии, ведь не корректирует внешность. Харизмой и энергетикой берет?

Илона вдруг, после очередной шутки Скрипача, громко засмеялась, запрокидывая голову и даже высунув язык. В прошлый раз она так делала, чтобы продемонстрировать пирсинг на языке. Сейчас пирсинга я не увидел, зато хорошо заметил, что язык раздвоенный.

Может она этой самой инаковостью берет? Вероятно. В мире одинаковых идеальных людей, в которых превращаются имеющие власть и большие деньги, такие вот неординарности наверняка

пользуются повышенным спросом и вниманием.

— …сегодня, дорогие гости, вы сможете увидеть и даже купить самых разных необыкновенных животных и существ! — закончил свою вступительную речь Скрипач, в приветственном жесте широко расставив руки.

— И убить их! — едва не сорвавшись на визг, крикнула Илона. И опять довольно неприятно для слуха захохотала, широко открыв рот и высунув раздвоенный язык.

Увидеть, купить, и даже убить. Вот для чего сегодняшний ужин, и предварительная демонстрация волколака, гарпий и трехголового пса-цербера, с горящим магическим отсветом глазами. Паноптикум какой-то — с некоторой долей брезгливости подумал я. Чем только дитя не тешится, когда времени и денег достаточно. Каких только развлечений не придумывает.

Судя по тому, как сжала мою руку Николетта, судя по ее эмоциям, испытывала она похожие чувства.

— Сеньорита Агилар! Девочка моя любимая, ты стала такой взрослой! Как я рад тебя видеть наконец на своих мероприятиях! — закричал вдруг Скрипач, послав воздушный поцелуй Николетте.

Николетта, реагируя на возглас Скрипача, обозначила вежливую улыбку и едва кивнула. Для нее обращение Скрипача оказалось неожиданностью, но не обескураживающей. Судя по реакции, его она знала и раньше общалась.

— Кто это с тобой, душенька?

— М… Драго, Младич, — едва не ошиблась Николетта, чуть не назвав меня Массимо. И тут же оцепеневшая от сознания собственной ошибки, но быстро с собой справившаяся. — Варлорд Драго Младич, мой спутник и хранитель.

— Оу-оу-оу, ваше благородие! — поклонился персонально мне Скрипач. — Я счастлив приветствовать вас в своей скромной обители! Николетта, крошка моя, для тебя и твоего охранителя я готов предоставить отдельный прайс, почетную ложу и право первоочередного выбора! Все для тебя, красавица!

Николетта снова вежливо и без особой заинтересованности кивнула. Интересно, откуда она знает Скрипача?

— Завтра расскажу, откуда я его знаю, — мстительно шепнула мне на ухо Николетта, когда Скрипач обратился к другим гостям.

В этот момент я окончательно успокоился насчет Николетты. Если она и приговорена — то точно не сегодня. Слишком уж громко ее здесь и сейчас приветствовали. Между тем еще несколько человек получили персональные приветствия, после

чего Скрипач обратился ко всей массе гостей.

— Добро пожаловать в Фантасмагорию! Прошу за мной! — провозгласил он, и повернувшись с широким жестом, направился в замок.

Гости с небольшой задержкой двинулись следом. Большая часть, как я видел, были эмоционально спокойны. А вот некоторые возбуждение и волнение скрывали — явно впервые на подобном мероприятии. Кто-то, кстати, на нас оглядывался, исчезая в проходе в башню донжона. Все же представление Скрипача обеспечило нас всеобщим внимание.

Общая толпа, с клубящимися над ней светлячками-провожатыми, двинулась к широким дверям донжона. Мы с Николеттой не торопясь двинулись следом — к нам, кстати, новый светлячок так и не прилетел. Но вместо него наперерез нам из темной ниши шагнули сразу несколько фигур.

Трое. Все — неасапианты, каждый с мечом за спиной. Выхватить который, с их скоростью и реакцией — дело мгновения.

Николетта, почувствовавшая мое возросшее волнение, крупно вздрогнула. Я смог сохранить бесстрастный вид, но находился сейчас в состоянии крайнего напряжение. Что если мою тайну раскрыли, и сейчас начнутся очень большие проблемы?

Николетте, это уже понятно, опасность — здесь и сейчас, как говорит предчувствие, не грозит. А мне? Вот насчет меня если — ожидание раскатов грома и духота готовой разразиться все сильнее. Напряжение — как у натянутой струны, и я уже готов начать убивать в любой момент. Даже чувствовал, как подушечки пальцев левой руки трогает тепло близкого Огня.

Огонь-то близкий, вот только это не вилла Джона Линдена, и в противниках у меня не пять с половиной корпоратов. Я сейчас в замке, нашпигованном неасапиантами и самыми разнообразными тварями, в том числе и человеческими.

— Мадемуазель Агилар. Господин Младич, — произнес ближайший из неасапиантов, не подозревающий о том, что может в любой момент превратиться в горстку пепла.

Поклонившись, он жестом предложил следовать за ним и повел нас в обход донжона. Я, шагнув следом и уже почти формируя на руке файербол, решил — если двое двинутся сейчас за мной, начинаю действовать.

Николетта, чувствуя мое напряжение, едва могла держаться на ногах — мне кажется я даже вживую слышал, как гулко стучит ее сердце. Неасапиант удалился уже на десяток шагов, мы шагали следом, а двое его спутников шагнули обратно в тень ниши.

На меня накатил адреналиновый отходняк — до слабости в

ногах. Еще и с пониманием того, что вдруг по протоколу они должны были нас втроем проводить, а я бы сейчас здесь устроил Ад и Израиль в Геенне огненной.

Вот неудачно бы получилось.

Провожатый повел нас в обход донжона. Зайдя за угол, мы оказались у подножия узкой винтовой лестницы, скрывающейся в тесной арке прохода. Лестницы настолько узкой, что подниматься по ней приходилось по одному.

К счастью, при подъеме ничего экстраординарного не произошло, и лестницу мы преодолели благополучно. После чего вышли на небольшую площадку, где неасапиант остановился, ожидая нас, после чего открыл дверь, куда мы с Николеттой и шагнули.

В помещении, где мы оказались, одна из стен отсутствовала, открывая вид через балкон галереи на аукционную площадку. Открытое пространство было едва подернуто маревом пелены — закрывающей ложу от ненужных взглядов.

На сцене уже происходило движение — Илона, активно жестикулируя, довольно экспрессивно произносила яркую речь, приветствуя собравшихся. Слова ее доносились сюда глухо, словно через ватную пелену. И с нашим появлением звук вообще почти выключили — по жесту руки одной из присутствующих здесь дам.

В приватной ложе в ожидании нас находились трое — Доминика Романо, Эмили Дамьен, и неизвестный мне мужчина. Высокий, черноволосый, с аристократическим профилем. Держался он с врожденной статью — такую еще называют царственной. Сцепив руки за спиной, он стоял вполоборота к столу с дамами, невозмутимо разглядывая происходящее в аукционном зале. На наше прибытие незнакомец даже бровью не повел.

И ото всех трех, кстати, я не чувствовал направленных эмоций. Абсолютная пустота, как в студенческом холодильнике — настолько сильна их ментальная защита.

— Сеньора. Мадам, — продемонстрировал я два вежливых поклона, не заметив третьего гостя. В ответ не заметив, так сказать.

Эмили Дамьен, которая определенно здесь и сейчас за главную, коротким, но весьма понятным жестом дала понять, что сейчас разговор будет проходить без лишних расшаркиваний.

— Присаживайтесь, — показала Дамьен на стулья напротив.

Доминика и сама Эмили уже расположились с одной стороны стола, мы с Николеттой устроились с другой. Стол, за который мы сели, был интересной формы: треугольник, расширяющийся к

балкону ложи. Так что мы — Доминика и Эмили, Николетта и я, сидели и друг напротив друга, и в то же время вполоборота к балкону. Так что каждый мог без неудобств наблюдать происходящее на сцене.

Впрочем, меня гораздо сильнее беспокоило происходящее здесь и сейчас. Потому что пока мы садились, я заметил несколько безмолвных фигур неасапиантов в тени стен. Также в эргономичных доспехах; только вот эти были в полной и усиленной магией боевой броне, с оружием наготове.

«Не нравится мне это», — с интонациями Геральта произнес внутренний голос.

Как бы сейчас не случилось, что моим приключениям на Занзибаре настал конец. Ожидание чего-то плохого лично для меня усилилось многократно — действуя на мозг словно заводная игрушечная обезьянка, долбящая металлическими тарелками.

«Что-делать-что-делать-что-делать…» — мысли метались в голове, как с силой вкинутый катапультой в игровой стол пинбольный шарик.

Мысли метались, а вот никакого решения ситуации не приходило. Появилось обреченное осознание того, что я реально и крепко попал.

«…мы в заднице», — подсказал внутренний голос окончание старого анекдота, и я невольно даже усмехнулся. Усмехнулся, потому что ничего больше мне не оставалось.

Да, я могу сжечь весь кабинет, но я не могу войти в скольжение. И четверо — или сколько их там, пятеро? — неасапиантов в техномагической броне по разным сторонам ложи — это приговор.

Глава 8

— Максим Аверьянов, до элиминирования Источника владеющий третьего серебряного ранга, — начиная беседу, коротко произнесла Эмили Дамьен.

Произнесла спокойным голосом, но очень внимательно на меня глядя.

— Так, — просто ответил я.

— После гибели своего единокровного брата, Антона Аверьянова, пошел против решения клана и требовал наказать избежавшего ответственности убийцу.

— Так, — снова произнес я, заполняя выжидательную паузу.

— Не получив согласия, вызвал на дуэль главу клана, князя Михаила Власова. Одаренного владеющего, официально обладающего шестым золотым рангом.

— Так.

— В ходе дуэли сумел выжить, оказался в клановой тюрьме. С помощью матери, украв часть казны клана, сумел сбежать в Высокий Град, где, справедливо опасаясь преследования, элиминировал Источник. И для конспирации, чтобы совсем избежать ассоциации с одаренным, заменил руку на бионическую, после чего сбежал в Занзибар.

— Так точно, — блеснул я оригинальность, ответив на русском.

— Итак. Максим… Или Драго, как тебе будет угодно? — очень похоже повторила Эмили Дамьен: такой же самый вопрос, даже точь-в-точь таким же тоном, задавала мне во время похожего допроса Доминика неделей ранее. Только вот тогда нацелившие мне в спину оружие неасапианты рядом не стояли.

— Зовите меня Драго.

— Итак, Драго. Ты знаешь, какой у тебя на самом деле был ранг?

— Нет.

— По ощущениям?

— Не знаю. Мне довольно легко давалось сложное, на простое я внимание не обращал.

Доминика внимательно посмотрела на Николетту, та — встрепенувшись, не сразу, но подтверждающе кивнула.

Эмили Дамьен смотрела мне прямо в глаза. Но за Доминикой и Николеттой, за проверкой Доминики, она краем глаза наблюдала. Потому что продолжила только после того, как Николетта кивнула.

— Скажи мне, Драго. Слышал ли ты когда-нибудь о том,

чтобы третий серебряный ранг вызывал на дуэль шестой золотой и оставался в живых?

— Нет, — не покривив душой, ответил я.

— В Европе тебе было душно от мира. Мир к тебе никаких симпатий не испытывал. И ты прилетел на Занзибар, — подхватила нить разговора-допроса Доминика. — Прилетел сюда, для того чтобы… чтобы что? Ты даже, от нечего делать, решил сделать клоаку престижным для жизни районом. Просто потому, что можешь.

— Так.

— У тебя расписана довольно впечатляющая программа. Расскажи о ней мадам Дамьен.

Эмоций я по-прежнему ни от кого не чувствовал, но мне уже было и не нужно. Я все понял — они забавлялись.

Когда ты живешь под облаками, на самой вершине мира, очень сложно найти себе достойное развлечение. Отстрел одаренных и созданных монстров из сказок — детский сад, по сравнению с игрой с людьми. А уж игра с загадочными людьми… коим, как ни крути — загадочным человеком, я и являюсь.

«Все это придает большую прелесть разговору»

На меня сейчас смотрели презирающие всю шелуху мира глаза Онегина и скучающего Печорина. Взгляд ходящих среди людей богов, поднявшихся над мирской суетой. Им было просто интересно вести беседу со мной здесь и сейчас.

Я, чувствую — предчувствие меня не обманывает, что приговорен. Но обе эти… женщины, давая отсрочку вынесения приговора, пока наслаждаются игрой.

Николетта, услышав эти мои мысли, с трудом сохранила самообладание.

Я настороженно ждал. Николетта, до дрожи, боялась. Доминика и Дамьен забавлялись — явно недооценивая опасность. Впрочем, им об этом знать необязательно.

Только неасапианты ждали спокойно и бесстрастно. Им ни скука, не неудобство ожидания неведомы. Ну и что с незнакомцем, я не знаю — он так ни разу на нас и не обернулся. Стоящий у марева пелены мужчина внешне так и не показывал признаков утомления беседой. Впрочем, не показывал он и признаков интереса.

— Драго? — нарушила паузу Доминика.

— Да-да, простите. Моя программа весьма обширна. Думаю, с чего начать, чтобы и раскрыть тему и не тратить слишком много вашего времени. И…

Больше, больше слов — все еще лихорадочно думая, как суметь скрыться отсюда, и как суметь при этом не погубить

Николетту, я растекался мыслью по стеклу.

— …и-и-и, — замялся я, понимая, что хороших вариантов нет, и игру пока ведут вот эти двое, что напротив.

Мне это не нравилось, и… и вообще, какого хрена?

— Вот эти ребята, — ткнул я большим пальцем за спину над плечом. — Зачем они все здесь? И почему так пристально смотрят на меня, контролируя каждое движение?

— Эти ребята ответственные за то, чтобы ты не наделал глупостей, — коротко рассмеялась мадам Дамьен. Как есть забавляется и играет, я не ошибся.

— Видишь ли, так получилось, что мы знаем о тебе немногим больше, чем ты даже можешь о себе представить. И если ты не тот, за кого себя выдаешь… у тебя, весьма возможно, возникнут серьезные проблемы, — еще раз улыбнулась мне Дамьен.

С молчаливым вопросом я посмотрел ей в глаза, разведя руками — мол, так чего ждем, давайте проверим. В ответ Дамьен покачала головой.

— Если ты все же пройдешь проверку, мы планируем полагаться на тебя в самых разных ситуациях. Поэтому мне хочется видеть, как ты ведешь себя под гнетом опасности. Зная, что от смерти тебя отделяет лишь тонкая грань.

Меня после этих слов волной раздражение накрыло. Был бы я один, показал бы ей сейчас гнет опасности, и всю тонкую грань в виде яркого файербола. Знают они обо мне, больше чем я сам… Обо мне вообще опасно лишнее знать.

Николетта, кстати, в момент смертельной опасности один раз уже в аватар огня перекидывалась. Может у нее и сегодня получится?

«Может не надо?» — услышал я ее тщательно подавляемые мысли.

«Э, нет, торопиться не надо», — в унисон ей подсказал мне внутренний голос голосом уже с интонациями актера Этуша.

Это я от того злой, что у меня велосипеда нет — согласился я и с Николеттой, и с внутренним голосом. Ввергнуть происходящее в огненный ад я сегодня еще успею, надо попробовать миром дело решить.

— Под гнетом опасности мы улыбаемся и машем, — подтверждая слова, я широко улыбнулся. — Хорошо, я понял. Насчет моего плана действий… с чего начинать, с начала? — глянул я на Доминику.

— Начни с… с чего бы тебе начать? — очень необычно, как будто бы натянуто, улыбнулась она мне в ответ.

Очень это странно, потому что уж Доминика то свои эмоции контролирует прекрасно.

— Про твой метод кнута и пряника мадам Дамьен я рассказала, когда тебя рекомендовала. Расскажи, как ты собираешься справиться с проблемой наркотиков.

— Легко. Мне предстоит масштабная, но быстрая и простая работа: контролируемая легализация тяжелых наркотиков. С персональной помощью и предоставлением бесплатных веществ всем стоящим на учете зависимым, а также масштабной заместительной терапией — заменой грязной нейрохимии организацией доступа к виртуальной реальности для всех. Доступная среда.

— Расшифруй, — кивнула Доминика, которая мою программу действий читала.

— Наркотики предоставляются каждому желающему при условии постановки на учет. Один или два раза в день, в пункте выдачи. Постановка дозы происходит с помощью специально обученного медицинского сотрудника. Проблема грязной нейрохимии решается достаточным количеством виртуальных капсул, также с постановкой на учет каждого желающего. Естественно, все это при выполнении наблюдаемыми определенных условий — которые по мере увеличения легальных наркоманов, при выходе их из темных переулков, будут становиться все строже, приближаясь к нормам обычного общества.

По мере того, как я говорил, Дамьен внимательно за мной наблюдала. Она слушала, но больше обращала внимание на мои эмоции — на то, как я веду себя под гнетом опасности.

— Контролируемая легализация помогает добиться сразу нескольких целей. Первое — полностью исчезает такая сфера, как уличная наркомания и, самое главное, вызванная ей уличная преступность. Наркоману больше нет нужды идти на криминал, чтобы заработать себе на очередную дозу. Второе, как следствие — повышение уровня жизни наркоманов; потому что теперь время, необходимое на поиск дозы, человек тратит уже на поиск еды и увеличения собственного достатка. Третье — повышается общий уровень здоровья населения района, так как наркотики в пунктах выдачи чистые, в отличие от разбавленных дилерских…

Размеренная речь заученной программы текла спокойно и фоном — сам же я все прокручивал один за другим варианты силового решения проблемы, если что-то сейчас пойдет не так.

— …кроме всего прочего, становится ниже процент опустившихся наркоманов, которые занимаются проституцией ради дозы. Но это уже другая история, история легализации проституции. И, наконец, четвертое: самый главный результат. Результат, достигаемый контролируемой легализацией,

открытым учетом и контролем — это уничтожение теневого наркобизнеса, в который вовлечены не только криминальные элементы, но и служащие администрации протектората люди, а также нечистые на руку сотрудники полиции.

— Которые будут определенно против потери своих доходов, — приподняла брови Эмили Дамьен. Вот не слушает почти суть, а в корень зрит сразу — не мог не отметить я.

— В условиях, когда законы защищают преступников, тем более преступников в погонах, которые контролируют оборот наркотиков, подобное реализовать действительно сложно. У меня же, пока район сохраняет красный уровень криминогенной обстановки, ситуация гораздо проще. Всех упырей, кому не понравится новая реальность, я просто убью.

Это, кстати, было уже импровизацией. Все, что я рассказывал до этого момента — рабочая модель легализации тяжелых наркотиков из моего мира, реализованная в Швейцарии. Поэтому я и был абсолютно уверен в успехе. А вот насчет «всех убью» — это уже мое ноу хау. Впрочем, у швейцарцев на реализацию, а самое главное — на прием обществом этой программы, ушло больше двух десятилетий. У меня же времени гораздо меньше. Но я и аргументы могу приводить гораздо более действенные.

После моих последних слов, кстати, Эмили и Доминика переглянулись. Причем Доминика смотрела, как мне показалось, с чувством гордого превосходства — мол, я же тебе говорила. Надо же — гордится что ли мною? Очень похоже.

«Посмотри, там мальчик такой губастенький», — спуская с небес на землю, подсказал мне вдруг внутренний голос с интонациями Ирины Салтыковой, которая впервые увидела Данилу Багрова в телевизоре.

Вовремя подсказал. Не нужно забывать, что они сейчас со мной играют.

Как кошка с мышью.

— Мне импонирует твоя уверенность в себе, — кивнула Эмили Дамьен. — Вот только скажи нам, дорогой Драго. Чем ты руководствовался, когда вызывал на дуэль князя Власова? Этой самой уверенностью?

— Да.

— Не зная своего истинного ранга, вызвал серьезного противника, без оглядки на опасность для жизни…

— Знаете, Эмили, за свою жизнь я понял одну важную вещь. Иногда надо просто сказать: «Какого чёрта?» и сделать шаг.

В ответ на мои слова госпожа Дамьен легко и заразительно рассмеялась. Доминика подхватила ее смех. А вот третий присутствующий, наблюдающий за ходом аукциона удивительных

тварей внизу, снова даже бровью не повел.

В отличие от дам, мой настрой авантюриста его оставил равнодушным.

— Ты прибыл в протекторат, — продолжила Дамьен, — за очень короткое время оказался в центре событий, и настроил против себя немало могущественных людей. Но… несмотря на это, единственная аугментация, которая у тебя есть — это бионическая рука. Ни имплантами, ни стимуляторами ты не пользуешься.

— Так.

— Есть только одна причина, по которой человек в твоем положении откажется от возможностей усиления организма, — подытожила Дамьен. — Эта причина: надежда на возврат дара. Так?

— Так.

Доминика посмотрела на Николетту, и девушка подтверждающе кивнула.

На самом деле, я, конечно, планировал вернуться в мир как Артур Волков, вернув себе дар владения в полном объеме. Но сказанное мною именно сейчас было все же полуправдой: серьезных препятствий к установке имплантов я пока не видел. Более того, чтобы не быть статистом — как в случае, когда мы с Войцехом наведывались в гости к Лучано Стабене, импланты мне реально нужны. А после моей легализации, после повышения социального статуса, возможность их установить у меня уже была.

Медлил я с этим, опасаясь лишь слежки через установленные импланты. Смотреть нужно, что именно себе ставишь, ведь контроль пользователя такой, что десятой Виндоус даже и не снилось. А времени или Накамуры рядом, чтобы решить проблему, у меня просто не было.

— Ты хочешь вернуть дар. И ради этой возможности ты готов еженощно рисковать жизнью, подвергая себя опасности, будучи неконкурентоспособным среди аугментированных людей и нелюдей, — частично повторила мои мысли Дамьен. — Ты же видел неасапиантов за своей спиной?

— Да.

— Каждый из них может легко лишить тебя жизни. Обладая гораздо большими возможностями реакции, чем ты, без дара владения и без усилений организма. Это же насколько большой потенциал должен быть у твоего дара, что ты готов раз за разом ради возможности его вернуть ставить свою жизнь на кон?

С этой стороны, кстати, я на происходящее не смотрел. Минус мне, с занесением. Но, как говорит дядюшка Абрам, таки

да. Если не знать, что меня сюда отправил Астерот, и не знать, что я после смерти могу возродиться, то действительно — мои действия выглядят как минимум опрометчивыми. Особенно с условием доступных аугментаций, от которых я в условиях опасности для жизни отказываюсь. В этом плане действительно — потенциальный дар, который я якобы хочу вернуть как Максим Аверьянов, должен быть уж очень высокого уровня.

Только теперь я понял, куда именно клонит Дамьен. Понял даже до того, как она задала следующий вопрос:

— Разговаривал ли ты со своей матушкой, задавал ли ты ей вопрос, кто твой настоящий отец?

Вот это подача. Причем с той стороны, с которой в общем-то, и на дуэль вызывают. В мире одаренных.

Эмили Дамьен — сама в недавнем прошлом одаренная, внимательно посмотрела на меня и кивнула, прикрыв глаза. Словно бы говоря — знаю, все знаю, но мы не в мире одаренных. Кивнула, и так и осталась сидеть с опущенной головой и прикрытыми глазами.

Мое удивление после этого оказалось крайне велико. И вовсе не потому, что Эмили Дамьен просто презрела нормы общения. Ошарашило меня в происходящем то, что после ее вопроса, на фоне удивления его беспардонностью, я неожиданно вошел в скольжение.

Время для меня словно остановилось; мысли текли неспешно, а реальный мир замер, давая мне возможность обратиться к глубинам памяти. Эмили, кстати, так и сидела с опущенной головой и закрытыми глазами. Доминика рядом с ней, положив подбородок на локти, и краем глаза разглядывая меня. Замер и незнакомец, повернувшийся ко мне своим точеным профилем.

С чувством, наверное, даже наслаждения вернувшимися возможностями, я — как эхо вопроса Дамьен, вспомнил картинкой мыслеобразов давний разговор с Анастасией. Разговор, состоявшийся в окрестностях Слонима — когда мы с княжной убегали по лесу от преследователей. Мы тогда сидели под сенью раскидистых ив у излучины реки, неподалеку от придорожного кафе, где впервые встретили дядюшку Абрама.

Княжна в тот момент плела магический полог, и у нее не очень хорошо получалось — ее отвлекали мои мысли. Которые — после отброшенного княжной полотенца в охотничьем домике, свернули на определенную дорожку. Я сейчас будто вживую увидел Анастасию: усталую, измученную и раненую. Бледную как полотно; и белизну ее кожи подчеркивали иссиня-черные волосы цвета воронова крыла.

Тогда, закрывая тему отброшенного в сторону полотенца,

Анастасия мне объяснила довольно подробно некоторые вещи. Вслух рассказав о том, о чем вслух говорить в общем-то совсем непринято. Я сейчас это увидел и услышал. То, как Анастасия говорит мне усталым ровным голосом:

«Соотношение мужчин и женщин среди одаренных сейчас еще меньше, чем один к четырем. Потому что убивать друг друга, давнее развлечение именно для мужчин. И если я, как ты недавно выразился, выберу роль провинциальной аристократки, жених уровня Аверьянова, которого ты недавно так спокойно прикончил… между прочим еще больше увеличивая разрыв полового соотношения, это тот максимум, на который я могу рассчитывать. Потому что более выгодные партии разбираются совсем на ином уровне, еще до момента рождения. А отвечая на твой вопрос: да, низкоранговая клановая пешка, выращенная специально на выданье как товар, не заикнется с претензией сохранила ли я для него свое самое ценное и единственное. Теперь понятно?»

«И этот среднестатистический условный низкоранговый Аверьянов, приобретенный родом как муж, не будет возражать если первый ребенок не будет на него похож?.. Первенцы ведь не подвергаются генетической коррекции?» — спросил я ее тогда.

«Ты сейчас озвучил вещи, о которых вслух не говорят. Совсем. Осторожней, подобное может стоить тебе слишком дорого».

Речь тогда шла больше о старой аристократии. Сейчас же я, используя легенду Максима Аверьянова, принадлежу к молодой, новой клановой знати. Но суть та же: первенец обладает максимально большой потенциальной силой. Но только у женщины — для мужчин это правило не работает. И за элитными, высокоспособными во владении даром производителями, в одаренных родах и кланах идет самая настоящая охота. Торг.

Вот оно в чем дело. Эмили Дамьен сейчас намекает, что я должен знать, кто мой отец. И отчего я — зная кто это, могу представлять свой потенциал. В принципе, учитывая мое громкое выступление здесь, на Занзибаре, вполне рабочая гипотеза. Единственная рабочая даже. Если, опять же, не знать о ритуале сохранения души и об Астероте.

Остановившееся в моменте скольжения время постепенно возвращалось к привычной скорости течения. И когда Эмили Дамьен наконец открыла глаза, когда я услышал свое размеренное дыхание, ответил:

— О том, кто мой настоящий отец, матушку свою я не спрашивал.

Сказал ровным голосом, делая вид что мне крайне неприятна эта тема. И не скрывая особенно эмоций — потому что к

подобному вопросу отнестись легкомысленно не мог бы ни один одаренный. Да и не одаренный тоже — и взглядом я показал, что если бы не пять неасапиантов за спиной, я мог бы быть менее вежлив в ответе.

— И ты об этом даже не догадываешься? — невозмутимо поинтересовалась Эмили.

Предсказуемо поинтересовалось — потому что я настолько возрадовался от возвращения возможности скольжения, что ответил так, что мой ответ можно трактовать по разному. Ведь если я (как Максим Аверьянов) не спрашивал матушку, это же не означает, что я не знаю, кто именно «мой» отец.

— Нет, я об этом… человеке не знаю и не догадываюсь. О своем высоком потенциале я осведомлен без этого знания.

Доминика коротко глянула на Николетту. Николетта кивнула, подтверждая мои слова.

— И ты не пытался об этом узнать? — поинтересовалась Доминика.

— Зачем? — коротко спросил я, уже интонацией давая понять, что больше вежливости не будет.

Доминика и Эмили переглянулись понимающе.

— Ты знаешь, я из Флоренции, — посмотрела на меня Доминика. Снова, с очень странным выражением посмотрела.

«Знаю», — чуть кивнув, взглядом ответил я.

— И мои старые добрые друзья помогли мне с информацией о том, кто именно твой отец.

Вот. Так бы сразу, теперь врубился. Старые друзья, надо же — почти успокоился я. Это и мои «старые друзья», как предполагаю. Астерот его зовут, Алессандро Медичи в этом мире. Сразу как-то спокойно стало — Астерот, если это он, меня не…

После своих слов Доминика коротко посмотрела на мужчину, который по-прежнему уделял не слишком много внимания происходящему в комнате. Он даже ни разу не обернулся, наблюдая за аукционом по продаже тварей и праву их убить.

Но после взгляда Доминики, словно очнувшись, безмолвный до этого момента незнакомец вдруг обернулся и подошел ближе. На меня за все это время он даже ни разу не посмотрел. И по-прежнему демонстрировал ко мне полное равнодушие. Я, сохраняя хорошую мину при плохой игре, также на него не смотрел. Хотя очень сильно хотелось.

Какой-то элитный производитель? Да наверняка.

«Я твой отец, Люк!» — моментально подсказал внутренний голос.

Наверное, присутствующий здесь незнакомец, будь он из моего мира, и будь у него плоское чувство юмора, тоже мог бы

так сказать. Тем более внешне подходит — черный весь, насупленный как ворон. Шлема только массивного нет, и дышит не так надсадно.

На столешнице уже стояла небольшая коробочка. Довольно древний прибор, судя по пластику — лет сорок девайсу, не меньше. Хм, этой штуке сорок-пятьдесят лет на вид. Что-то типа экспресс-теста ДНК? Наверняка. Почему такое старое? Да по той же причине, по которой я не хочу устанавливать импланты в корпорации — это опасно уходом информации на сторону — мелькнули у меня мысли.

Совсем краем мелькнули, потому что я опять не знал, что делать. Потому что ни моим отцом, ни отцом Максима Аверьянова незнакомец быть не мог. Ведь Максим Аверьянов — фигура мифическая, мы его с Власовым на коленке почти придумали. И уже усилиями Фридмана этот призрак в Сети оброс информационным мясом.

Ладно, когда они узнают, что я не Максим Аверьянов, что-нибудь придумаю, я знаю в этом толк — я ведь просто бог критического планирования. Придумаю, вот только что?

Убить и всех? Я, может быть, даже смогу — тем более что возможность скольжения ко мне вернулась. Может быть смогу — ключевое слово. А дальше? Стоит ли доводить до эскалации сейчас, тем более если старые друзья Доминики — это герцог Медичи, в чем почти уверен? Может получится договориться? Давайте мне эмпата или полиграф, я вам все расскажу… хотя стоп, эмпат же здесь — Николетта. Другое дело, что Доминика ей не доверяет. Ей не доверяет, но на меня по-прежнему смотрит как-то… по-особенному, словно хочет что-то сказать.

Незнакомец между тем положил палец в выемку прибора, подождал секунду, после чего раздался звуковой сигнал. Руку сразу после этого из прибора он убрал.

— Сейчас ты положишь палец в тестер, и мы узнаем, действительно ли ты тот, за кого себя выдаешь. Действительно ли ты Максим Аверьянов, — хищно улыбнулась мне Эмили Дамьен.

При этом от меня не укрылось, как напряглась Доминика. Она что, готовится к активным действиям, когда результат будет отрицательный? Определенно да. Но и поза, и взгляд Доминики таковы, что своей целью она держит отнюдь не меня. Она больше следит за незнакомцем и Дамьен. И она вполне готова убивать — я, теперь, на пике напряжения, это реально чувствую…

Когда все будет плохо, Доминика готова мне помочь? Вообще не понимаю, что происходит…

Подняв руку, я положил ее в выемку прибора. Теперь понимаю, что чувствуют приговоренные, когда их ведут на

расстрел. Ноги руки работают, но не получается действовать — из-за осознания полной безнадежности и тщетности усилий.

Палец легонько кольнуло, и почти сразу на дисплее появилось цифровое сообщение:

99,99%

Цифры были зеленого цвета. Отрицательный результат когда, прибор наверняка показывает значение в 100 %. И скорее всего красным, а не зеленым.

Сначала я даже сразу не понял, что это значит. А потом ка-а-ак понял.

На меня словно лавина понимания обрушилась. Так, что горло пересохло моментально настолько, то я даже вздохнуть не смог. Из плюсов произошедшего кстати было то, что я мог не сильно скрывать свои эмоции. И испытываемое потрясение можно было не удерживать за броней бесстрастного вида.

«Старые друзья ей из Флоренции подсказали» — краем глаза посмотрел я на расслабившуюся и успокоившуюся Доминику. Да, этот товарищ может — складывая просто паззл дьявольских совпадений. Не зря он меня на Занзибар отправил.

Был и еще повод для удивления. После положительного результата убивать ни Дамьен, ни незнакомца — а именно это она собиралась делать, моя эмпатия меня не обманывает, Доминика больше не собиралась.

Так… — беззвучно выдохнул я, чувствуя, как подрагивают руки.

Принимавший участие в тесте мужчина на меня по-прежнему внимания не обращал, глядя как на пустое место. Вернее даже совсем не глядя; есть люди, которые показательно не смотрят в иных ситуациях, а этот просто не замечал меня.

Получается, что герцог Алессандро Медичи скормил корпорации пустышку, что Максим Аверьянов — ребенок от Георгия Романова? Гулял, наверное, господин Романов в бурной юности, раз прокатила такая версия флорентийского герцога. Вот же… нехороший человек, если мягко. И я сейчас не про герцога. А про вот это тело, которое якобы погибло за несколько дней до нападения на принцессу Елизавету.

Так и безразличный ко всему происходящему, Георгий вопросительно глянул на Эмили Дамьен, после чего она ему коротко кивнула.

— Благодарю тебя, — произнесла она, поднимаясь. Поднялась и Доминика — Георгий, пожав им обеим руки, предсказуемо не посмотрев ни на меня, ни на Николетту, вышел

из комнаты.

Когда за ним закрылась дверь, я уже осознал еще один уровень подноготной происходящего. Мы сейчас находимся в замке «сэра Джона Холдена», в форпосте мертвого мира, накрытом невиданной силы магическим куполом. Защитой, через которую, наверняка, не проникнуть Изнанке живого мира — настолько сильна магическая энергия, влитая в купол.

Это место, где Елизавета — как ангел-хранительница, не смогла бы меня сопровождать, как и в Инферно. Поэтому она, королева Темного мира, могущая чувствовать значимые события, и не знала, что Георгий жив.

И он, якобы погибший, скрывается именно здесь, выходя из Инферно. Якобы погибший, и еще он — скорее всего, был причиной гибели Елизаветы. В этом я тоже теперь практически уверен.

Он сидит здесь, за границей мира и наверное в Инферно, потому что боится Елизавету? Но он может и не знать о том, что она выжила. Ждет чего-то? Готовится? Вот это, наверное, ближе. Вот только чего он ждет? Не просто же так он сидит здесь, ожидая пока по реке проплывет труп врага?

— …тебе, как сотруднику оперативного департамента, необходимо в самом срочном порядке установить себе дежурный набор имплантов. Не волнуйся, это не помешает тебе, в будущем, вернуть возможность владения силой.

Это Доминика говорит. Пока я отходил от шока потрясения нового знания (время для него пришло, как выразился бы Астерот), Доминика продолжала мне что-то рассказывать и указывать. Причем озвучивая такие вещи, которые в общем-то вслух говорят не всегда и не при всех:

— Мадам Дамьен рекомендацией сегодня же подтвердит твой статус варлорда. У тебя есть три недели — на проведение боевого слаживания отряда. По истечении этого срока на острове планируются значимые события — мы планируем вернуть утраченные корпорацией позиции. И твой отряд нам в этом пригодится. Уточненное и подписанное мною задание получишь на личный терминал, убедительно прошу не пренебрегать сроками выполнения.

Про занятия с Николеттой Доминика даже не упомянула. Тайна от Дамьен? Определено.

Как в тумане я попрощался с Эмили Дамьен и Доминикой, и мы с Николеттой вместе поднялись из-за стола. Я двигался с трудом, на ватных ногах — едва-едва сохраняя приемлемый внешний вид. Настолько меня поразило и произошедшее, и полученные знания.

И ведь Доминика еще… я явно видел, она готова была, на пике напряжения, снести Дамьен голову. За меня. Вот было бы прикольно, если бы она сделала фальстарт, и убила бы Дамьен, а после вдруг хоба — положительный результат. И Доминика такая — ой, Жора, прости, это я что-то случайно, я не хотела… Рука дрогнула…

Так, это от волнения мне всякая дичь уже в голову лезет.

Когда мы покидали замок сэра Джона Холдена, под чьим именем на Занзибаре скрывался Валентин Скрипач, аукцион за право купить и убить самых разных фантастических тварей еще продолжался. Во внутреннем дворе здания не было ни живой души, как и за стенами крепости — куда мы вышли с задержкой, ожидая пока поднимут решетку. Видимо, в протоколе мероприятия наше раннее отбытие предусмотрено не было.

Вокруг не было никого, не считая неасапиантов охраны, но их за «живые души» считать сложно. Нас никто персонально не провожал — опять же из-за нашего неожиданного отбытия. Зато конвертоплан на посадочной площадке уже ожидал.

Это был не тот, что доставил нас сюда. Перед нами стояла необычная, приземистая машина. Даже сейчас, на земле, корпус конвертоплана был подернут маревом, искажающим взгляд — контуры расплывались, глазу не за что ухватиться. Даже глядя прямо на конвертоплан, все равно не получалось сфокусироваться на деталях. Но и в сером полупрозрачном мареве было видно, что под стелс-пеленой скрывается стремительная, хищная машина. Это уровень высшей лиги, простые таксисты на таких не прилетают… Приз за пройденную проверку?

За широким, склоненным под углом к земле крылом с турбореактивным двигателем опустился трап. С которого быстро сбежали два корпората и замерли, глядя на нас зелеными огоньками глаз, скрытых опущенными забралами.

Это были не неасапианты, а живые люди. Бронекостюмы и шлемы для человеческих тел, не для наших ближайших родственников — неандертальцев. И чем-то мне эти оба охранника… против шерсти. Держатся они как-то неуловимо не так, как ведут себя корпораты.

Такая живая охрана — тоже приз за пройденную проверку?

Обернувшись к Николетте, я поймал ее взгляд.

«Твой эскорт?»

Расширенные в удивлении глаза девушки оказались для меня сюрпризом.

«…!» — выругался я, когда один из бойцов, прибывших на конвертоплане, шагнул к нам.

— Да не стой ты, шевели булками уже, — донесся его глухой

голос, когда он попытался схватить меня под локоть.

— Руки убери, варвар! — отмахнувшись, негромко воскликнул я, глядя в темное глухое забрало. И разочарованно покачал головой: — Вот где таких берут только?!

Николетта, которая поначалу едва не отпрянула, сейчас, чувствуя спокойствие моих эмоций, осталась на месте.

— Пойдем, все в порядке, — потянув за собой девушку, я поднялся на борт. Валера и второй, пока неизвестный «корпорат», зашли следом. Трап за нами сразу же начал подниматься, двигатели загудели громче.

Ну ладно, хоть этот отморозок прилетел, теперь уж повеселее будет.

Глава 9

В салоне конвертоплана Николетта сдержанно, но весьма внимательно осматривалась по сторонам. Она уже поняла, что забирают нас совсем не корпораты из Некромикона. Но мое спокойствие она чувствовала, поэтому сильно не переживала.

Я тоже осматривался, но с интересом другого плана. Изнутри конвертоплан выглядел не менее внушительнее, чем снаружи — где даже полупрозрачная размытая стелс-пелена не скрывала хищные очертания. Причем здесь, внутри, вижу, что это совершенно новая машина, вот прямо муха не садилась. На некоторых местах и углах даже защитная пленка еще снята.

Надписи в салоне на французском. Да и по узнаваемым под пеленой очертаниям корпуса конвертоплан очень похож на штурмовые машины армии Французской Республики. И конвертоплан этот не просто новый, только с завода, но еще и современный. Даже можно сказать суперсовременный — в гимназии мы изучали вооружение стран Большой Четверки, я такого точно не видел, запомнил бы.

Причем это летающий командный пункт. По обстановке салона вижу — с дополнительным связным и штабным дооборудованием; командно-штабная машина с сохранением вооружения. При этом несмотря на зубастость, машина не армейская. Скорее высоких корпоративных стандартов частных военных компаний: салон обустроен с большой долей комфорта и удобства.

Но пусть салон и комфортен, он явно имеет двойное назначение — как на парусных кораблях XVII века, когда в богато убранной адмиральской или капитанской каюте при боевой тревоге открывался оружейный порт, и в него выкатывалась укрытая в углу ветошью пушка. Тут также: можно и переговоры переводить важные, причем с самыми разными персонами, и отделение десантников перевозить и высаживать где нужно. При внешнем комфорте здесь присутствует необходимая для десантно-штурмовой машины функциональность — вижу вон и люки в полу, и спрятанные в стенах дуги креплений для бойцов, и места под контейнеры с вооружением.

Трап за нами между тем полностью поднялся, с шипением закрывая дверной проем. Раздался легкий гул, салон перемигнулся предупреждающими красными отсветами, и пол едва-едва подтолкнул в ступни, чуть наклоняясь — машина пошла на взлет.

Помогая сохранить равновесие Николетте, я повел ее по

салону. Двигаясь к комфортабельным креслам рядом с удобным столом на четверых персон, явно предназначенного для важных переговоров. Или как возможный отсек для брифингов — с блоком тактического анализатора под столом и проектором на весь борт.

Напротив Николетты, которую я усадил в одно из кресел, сразу приземлился Валера. Он уже был без шлема. Второй боец «корпорат» шлем только снимал. Доспехи мужские, это точно не Эльвира… Интересно, кто второй? — подумал я, теряясь в догадках. Вторым оказался Модест. Поздоровался он со мной коротким кивком. При этом чуть прикрыв темные глаза с длинными черными ресницами, которые больше подошли бы девушке. Глаза, которые казались еще темнее на его аристократически бледном лице. Я коротко отсалютовал Модесту, после чего обернулся к Валере и сделал ему знак чуть подождать.

Мягко и успокаивающе тронув заволновавшуюся Николетту за плечо, прошел через весь пассажирский отсек. Открыл дверь, заглянул в кабину. Ну да, за штурвалом поручик Файнзильберт, кто бы сомневался. На месте штурмана расположился Накамура, глядя в пространство невидящим взглядом. Он сейчас определенно не здесь, а в Сети — взгляд отсутствующий, на висках таблетки датчиков.

Место стрелка занимает Семенов — постоянный напарник Накамуры. В основном его прикрывающий, когда японец уходит в глубины Сети. Остальных бойцов бешеного взвода и самого штабс-капитана Измайлова не видно, но думаю они тоже недалеко от Занзибара. Если уже не на острове.

Поздоровавшись с парнями в пилотской кабине, я вернулся в салон, усаживаясь за переговорный стол.

— Ну ты… — обращаясь к Валере, негромко протянул я. Даже и не зная с чего начать.

— Ну я… — выжидательно произнес он, тщательно сдерживая триумфальную улыбку.

— Ну ты честно сказать… удивил. На чемпионате тормозов ты точно занял бы второе место.

— А почему второе? — заполняя возникшую паузу, с неприкрытыми интересом спросил Модест.

— Потому что почему вы так долго-то? — не стал я уж прямо обзывать Валеру тормозом.

— Я в тебе не сомневался, — осуждающе покачал головой Валера.

— А я вот в тебе сомневался и надеялся, но ты не удивил. Раньше не мог догадаться, где я и что делаю? Я тут столкнулся с некоторыми проблемами, между прочим.

Валера, вместо ответа, начал неторопливо снимать перчатку доспеха. Когда освободил руку, выставил из сжатого кулака средний палец, поцеловал подушечку и показал мне неприличный жест. После этого также неторопливо начал перчатку надевать обратно.

— Варвар, — прокомментировал я его перфоманс. — Николетта, позволь представить. Это мой друг, зовут Валера. Наследный принц персидской династии, будущий король всего российского, а может и не только российского, Ближнего Востока. А вот этого господина (Модест коротко поклонился) зовут Модест Петрович, доверенное лицо владеющего рода Сибирских князей.

Валера после этих слов обжег меня взглядом — расстроившись, что я его без отчества представил. А я на самом деле просто не помню точно, Георгиевич он или Григорьевич. Георгиевич, скорее всего — процентов на девяносто пять, но в пять процентов попадать не хочу, чтобы еще сильнее не обидеть. Подумает ведь, что я специально ошибся.

— Валера, Модест Петрович. Знакомьтесь, Николетта Агилар, одаренная с безграничным потенциалом. Моя ученица, прошу любить и жаловать.

«Ученица?» — явно удивились оба.

Я подождал немного. И еще подождал.

«С безграничным потенциалом?» — чуть погодя дошло до обоих.

— Сеньорита, — умело скрывая удивление, склонил голову в приветствии Валера.

— Госпожа Агилар, мое почтение, — одновременно с ним произнес Модест.

— Так, ладно, — пресек я формальности. — Мы вообще куда летим?

— Если долго куда-нибудь лететь, куда-нибудь прилетишь, — многозначительно произнес Валера. Губы сжаты в тонкую линию, смотрит над моим плечом — ну точно обиделся.

— И куда мы прилетим?

— Куда-нибудь да прилетим. Занимайте места согласно купленным билетам.

Взгляд по-прежнему над моим плечом, губы по-прежнему сжаты. На варвара обиделся, явно. Ну так нечего бесстыжие средние пальцы по сторонам показывать.

— Валер, ну слушай, недостойно королевского достоинства демонстрировать столь детскую обиду. Так мы вообще сейчас куда?

— В Момбасу.

— В Момбасу? — не сразу понял я что это вообще такое.

— В Момбасу.

— В Момбасу, — недоверчиво произнес я, когда понял.

— Да, в Момбасу. Это там, где Бивни Момбасы, цветущие бананы, порт Четырех корон, Форт, Спаси его и Сохрани, Иисус! Момбаса, город такой, Артур, на восточном побережье Африки. Совсем недалеко отсюда.

— Артур? — не сдержала удивления Николетта.

— Артур? — выразительно посмотрел на меня Валера.

— Артур, Артур, — кивнул я Николетте. — Сколько лет уже Артур.

«Чуть позже все объясню»

«Завтра?» — весело спросила Николетта, уже даже не ожидая ответа.

— Понял, летим в Момбасу. Бивни, бананы, форты, Малайка Фирт, — пощелкал я пальцами. — А зачем?

— Форты в Кронштадте, а в Момбасе Форт, — прервал меня на полуслове Валера. — А кто такой Малайка Фирт?

— Не такой, а такая. Топ-модель, Малайка Фирт. — флегматично произнес Модест, который явно посмотрел по имени в дополненной реальности. Шлем он снял, но глаза его голубая полоска визора все еще закрывала. И судя по слабому отсвету, у него сейчас включен режим аналитика.

— Мисс Британская Африка двадцать тринадцать, — добавил Модест чуть погодя.

Но вообще интересно, что Малайка Фирт и в этом мире топ-модель — я-то ее по прошлой жизни помню.

— Окей, летим в Момбасу. А зачем нам туда?

— Затем, что как я слышал, тебе как сотруднику оперативного департамента корпорации Некромикон поступило указание в течении двадцати четырех часов поставить себе личный терминал и набор имплантов по протоколу 13-1-1.

— Ух ты… какой хороший у тебя слух.

— Не жалуюсь.

— И я себе импланты в Момбасе буду ставить?

— Да.

— И как я это потом аргументирую? Почему именно Момбаса, а не корпоративная мастерская небоскреба в Занзибаре?

— Придумаешь что-нибудь.

— Чет не думается никак.

— Никак не думается?

— Нет.

— Не обманывай. Я слышу, что-то скрипит. Так всегда бывает, когда ты куда-то сильно думаешь.

Теперь уже моя очередь пришла покачать головой, а Валера в

ответ расплылся в довольной улыбке.

— Ну ладно, ладно, я за тебя все уже придумал.

— Что-то я уже начал опасаться.

— Не стоит. Я тысячу раз уже так делал, пока ты в специальных олимпиадах участвовал, — Валера вдруг повернулся к Николетте и лучезарно улыбнулся: — Ваш мастер-наставник, сеньорита, просто не всегда оперативно успевает решать проблемы, мне постоянно приходится ему помогать. Пос-с-стоянно.

— И что ты придумал? — прервал я его.

— Установку имплантов в Момбасе ты объяснишь весьма просто: скажешь, что у тебя такой непритязательный вкус, что ты готов довольствоваться самым лучшим.

— А ты мне самое лучшее вот так возьмешь подгонишь? В Момбасе? — с сомнением поинтересовался я.

— Да, в Момбасе есть филиал Origin Dynamics, там тебя уже ждут.

Надо же, а я и не знал, что там их филиал есть. Но вообще да, неплохо. Очень даже неплохо: Origin Dynamics — один из самых известных и авторитетных производителей имплантов и аугментаций на рынке. Причем это не массовая продукция, а девайсы для избранных. Нечто вроде Bugatti в мире автомобилестроения.

— Ждут конкретно меня? — задал я вопрос с подтекстом.

— Да, как Драго Младича ждут, — правильно понял Валера. — Говорю же, я все организовал.

— Ты.

— Я.

— Ты организовал, — выжидательно посмотрел я на Валеру.

— Я организовал.

Выдержав паузу, глядя в его ясные глаза, я чуть погодя наклонился и выразительно посмотрел в проход салона, в сторону двери кабины пилотов.

— Не придирайся к словам. Ну не организовал, указал общий вектор, — понял намек Валера.

— Ты как обычно. А вот это вот… — покрутил я пальцем, и развел руками, подразумевая и конвертоплан, и корпоративные доспехи Валеры и Модеста, да и вообще все вокруг. — Откуда дровишки?

— Ты знаешь главу департамента имиджевой инвестиционной деятельности?

— Кого? — вслух переспросил я еще до того, как уловил импульс от Николетты. Она главу этого департамента определенно знала, а вот мне ничего должность не сказала.

— Глава имиджевого инвестиционного департамента. Корпорация Некромикон, филиал Занзибар, — раз за разом произносил Валера короткие фразы, не видя в моих глазах понимания. — Итон Харди-Боулз? — уже в отчаянии от моего искреннего непонимания добавил он.

— А, твердояйцевый! — вспомнил я едва не выкинутого вчера вечером в окно корпората в галстуке. — Его знаю.

— Конечно знаешь, — удовлетворенно кивнул Валера, возвращая спокойствие дирижера беседы. — Еще бы ты его не знал, господин Харди-Боулз после вашей встречи на балконе был вынужден обратиться к психотерапевту для снятия посттравматического стрессового расстройства…

— Так, стоп. Вопрос: откуда обо всем этом знаешь ты?

Понятно, откуда Валера мог узнать о внутреннем распоряжении, пусть даже по оперативному департаменту корпорации — у него вон Накамура в пилотской кабине сидит. Но случившееся со мной, Келли-Хьюзом и Харди-Боулзом, я уверен, ни в каких отчетах не фигурирует. Это уже уровень сплетен, причем сплетен среди своих, узкого круга. Такое ни из одной корпоративной базы не вытащишь, только по старинке, личным контактом.

Валера между тем в ответ на мое удивление довольно улыбнулся.

«Маша?» — только и спросил я беззвучно.

«Маша», — подтвердил Валера.

Контакт с Машей — это хорошо. Потому что контакт с Машей — это то, что мне нужно. Теперь и вся подноготная появления Валеры на конвертоплане Некромикона почти ясна.

Значит Валера не только додумался подтянуть Николаева, но еще и отправился к Маше, озвучив предположение в том, что я сейчас на Занзибаре. Маша же через своих агентов в Некромиконе узнала последние новости, в том числе и сплетни о обмакнутом головой в унитаз Келли-Хьюзе и обиженном Харди-Боулзе, которые точно разошлись по этажам среди избранных. Как говорится, скажи по секрету, ведь об этом знают всего двое — я и весь филиал корпорации Некромикон в Занзибаре. Скоро, правда, такими темпами развития событий вокруг подобный уровень тайны приобретет информация о местонахождение на Занзибаре меня как Артура Волкова.

Но это уже не страшно. В условиях, которые поставил мне Астерот — отправляя на Занзибар, четко оговаривался один важный момент. Такой, что я сам не должен никоим образом афишировать свое присутствие — как Артура Волкова, на Занзибаре. Не должен дергать за ниточки старых связей. Но вот

насчет того, что старые связи сами придут ко мне — никаких ограничений не было. А в том, что они придут, рано или поздно, я даже не сомневался.

Потому что дядюшка Абрам от Моисея Яковлевича, Вася, Гек — это те, через кого меня легко вычислить. Условно легко, конечно же: понятно, что легенды всех троих хорошо проработаны, но вопрос моего обнаружения — дело времени. Тем более что сам Астерот отправил их сюда, причем даже сильно заранее передо мной. И очень хорошо, что первым меня нашел Валера, а не, допустим, епископ Бергер, который на меня наверняка немного обижен.

При всем при этом очень похоже, что хотя время раскрытых карты пока еще не настало, но оно вот уже совсем рядом. За порогом буквально. Как там сказала Эмили Дамьен? Через три недели Некромикон начнет возвращать утраченные позиции? Вот этот дедлайн тот самый и есть, наверняка. Потому что когда заваруха начнется, мне точно не получиться не вскрыться.

— Слышишь, скрипит что-то? — негромко спросил Валера у Модеста, воспользовавшись моей задумчивой паузой.

— Все ясно, продолжай, — одновременно с ним произнес я.

— О, уже не скрипит. Закончил думать? — усмехнулся Валера.

— Валер, шутка, повторенная дважды, в два раза смешнее не становится.

— В каждом правиле есть свои исключения. Мне вот она все больше и больше нравится, я думаю даже в третий раз она в три раза смешнее станет. Тем более скрипит все громче и громче…

— Говори уже, пожалуйста.

— Спасибо. Итак, господин Итан Харди-Боулз после встречи с тобой немного расстроился. Впрочем, я его понимаю — ты вообще человек немного сложный. Из-за переизбытка чувств и невыносимых моральных страданий господин Итан не удержал в себе эмоции, и еще до контакта с психотерапевтом позволил себе несколько нелицеприятных высказываний в общественном поле как насчет тебя, так и насчет сеньориты Николетты, — кивнул моей спутнице Валера. — Узнав об этом, ты конечно же подумал…

— Я подумал?

— Ну я подумал, что ты подумал бы, не тупи и перебивай по пустякам. Так вот, ты конечно же подумал, что за такое вызывающее поведение нужно этому Итану твердо щелкнуть по его боулзам. Физический гештальт, поболтав его с балкона на галстуке, ты уже закрыл. А так как ты у нас особенный, по два раза по два раза шутки ты никогда не повторяешь не повторяешь,

зашел ты с другой стороны. Ты нагло, своими грязными сиволапами, — Валера в этот момент даже подняв руки показал, как именно нагло и какими липами, — влез в систему департамента корпоративных отношений и управления имуществом. И вот этот конвертоплан, только две недели назад поставленный на Занзибар, и предназначенный личным транспортом Итону, как главе инвестиционного департамента, ты переписал на себя. На нужды своего отряда варлорда, уже числящегося как подразделение оперативного департамента. Разумеется, ты провел операцию не слишком чисто, оставляя следы. Чтобы не догадались, насколько умелый у тебя теперь в штате отряда теперь есть специалист, — кивнул в сторону пилотской кабины Валера. — Отлично я придумал?

— Зашибись, — кивнул я. Без иронии — это Валера на самом деле неплохо придумал. Изучил уже мои повадки и манеру действий. Вот прямо даже можно сказать, что не просто неплохо, а хорошо.

— Вот только…

— Вот только что?

— Вот только я хорошо тебя знаю, и чувствую какой-то подвох.

— Какой подвох?

— В том то и дело, что пока не знаю. У тебя вечно все через не те туннели проходит, каким бы план хорошим не был. Кстати…

— Что?

— В Момбасе же находится головной африканский офис Британской Южно-Африканской Компании.

— И?

— А Британская Южно-Африканская Компания — конкурент Некромикона. Я — варлорд из оперативного департамента, представитель силового ведомства корпорации. А как ты знаешь мировую корпоративную этику, оперативникам на чужую территорию лучше без согласования не соваться, если не хочется проблем.

— Вот именно.

— Вот именно что?

— Вот именно из-за этого мы летим туда на этом конвертоплане. Потому что господин Итан выбил его себе для полной свободы — здесь шестой класс скрытности. По документам он на нем собрался имиджевые проекты летать продвигать в красные зоны, и чувствовать себя при этом в безопасности. Так что учитывая нашего японца, нас там никто не обнаружит.

— Риск ради риска?

— О нет. Никто не подумает, что под самым носом у британских корпоратов ты встретишься с нашей общей знакомой.

Вот оно что. Ну тогда да, все вообще красиво получается — и Маша явно свое присутствие в Момбасе не афиширует. Тем более что там скорее всего и не она сама будет, а болванку куклы с личным сообщением для меня пришлет. Ну, я так думаю, что рисковать Маша не станет.

— Ладно, посмотрим. Может и не выйдет все как обычно, когда ты планируешь, — не стал я прямо говорить Валере, что очень у него все неплохо получилось. Сам Валера только улыбался, все прекрасно понимая.

Некоторое время помолчали. Вопросов было много, и я даже не знал, с чего начать.

«Массимо», — мысленно позвала меня Николетта.

«А?»

«Так ты объяснишь, почему Артур?» — спросила она уже со всей серьезностью.

«Это… очень долгая, и сложная история. В двух словах не описать»

«Мне это важно»

«Объясню, обещаю. Но чуть позже, когда…»

— Артур? — протянул вдруг Валера.

— А?

— Это… — сделал он движение глазами, показывая то на меня, то на Николетту.

— Да, — заранее ответил я.

— Это то, о чем я думаю? — все же спросил Валера.

— Да, это мыслеречь.

— А как?

— Это… очень долгая, и сложная история. В двух словах не описать, — повторил я вслух то, что только что мысленно сказал Николетте. И услышал, как девушка негромко фыркнула.

— Ты же отказался от дара? — все еще недоумевал Валера.

Подняв руку, я сформировал на ладони небольшой огненный шар. Валера и Модест оцепенели, ошарашенно глядя на настоящий истинный Огонь.

— Я отказался от дара. Но дар не отказался от меня, — многозначительно произнес я, раскрыв ладонь. Шар вспыхнул, и по всему салону прошлась волна жара.

«Охренеть», — беззвучно произнес Валера.

Модест промолчал, но выглядел он не менее ошарашенно.

— Да, ребят, я полон сюрпризов, — усмехнулся я, и добавил уже другим голосом: — Ладно, Валер, дай мне посмотреть

протокол установки имплантов. У тебя же есть?

— У меня-то есть. А почему у тебя его нет?

— Так получилось. Давай, давай, времени мало. Сколько тут до Момбасы лету осталось, четверть часа?

Пока я изучал переданный мне Валерой на таблетке носителя протокол, остальные завели вполне обычную беседу, начав как обычно с погоды.

Слушая краем уха, как Валера тренируется в комплиментах Николетте, параллельно пытаясь ненавязчиво узнать про безграничный дар, я довольно бегло, но выборочно вдумчиво глянул протокол установки предназначенных для меня имплантов. И немало удивился. Потому что набор усилений мне предполагался весьма ограниченный. Самое главное в нем — по итогу нетронутыми оставались все энергетические каналы моего тела.

Очень это странное совпадение. Настолько странное, что таких совпадений просто не бывает. Опять тень Алессандро Медичи, незримо влияющего на мою жизнь?

Вполне возможно.

Все чаще встречаясь с результатами действий флорентийского герцога, я прекрасно помнил и держал в уме, что о нем говорил Астерот: герцог Медичи не его аватар, а лишь действующая в его интересах личность. Но при всем при этом флорентийский герцог прямо вмешался при моем прибытии на Занзибар, подкинув дозированную информацию Доминике Романо, откровенно выводя ее на меня. Вмешался он и сегодня, закинув в самую верхушку корпорации дезинформацию насчет меня. Причем встроив ее в мою же, мною созданную, липовую легенду Максима Аверьянова.

Мог он также вмешаться и с протоколом имплантов, оставив мне энергетические каналы? Однозначно мог. Тем более что я не вижу никого другого, кто мог это сделать. Надо бы мне с этим загадочным герцогом, конечно, поговорить… вот только когда и как вообще это организовать? По е-мэйлу запрос отправить? Хм, а почему бы и нет…

Пока я думал, как бы мне встретиться с герцогом, Модест организовал закуски и напитки, которых в конвертоплане штатно оказался богатый выбор. Ну точно не для армии машина. На столе было всего так много, что в процессе раздумий и ознакомления с протоколом я перекусил. Причем у меня неожиданно проснулся зверский аппетит, так что я, наверное, даже немного переборщил. Так, что когда на проекционных экранах по бортам показались огни Момбасы, и через пару минут мы приземлилась во внутреннем дворе корпусов комплекса Origin

Dynamics, вставал я с некоторым трудом.

После еды я впал с состояние сонной умиротворенности. И проходя через проем выхода, не вошел в габарит и врезался плечом.

— Ты чего это? — удивленно поинтересовался Валера.

— Я в порядке. Это просто у кого-то слишком узкие двери, — оправдывающееся добавил я в ответ на внимательный взгляд.

«…нет, это просто кто-то слишком много ест», — тут же подсказал внутренний голос, заставивший меня встряхнуться.

Пока спускался по трапу отметил, что конвертоплан уже стоит без активной стелс-системы. Лишь по серым, в городском камуфляже пластинам брони то и дело пробегали голубые змейки. Говорящие о том, что стелс-система не полностью отключена, а находится в спящем режиме. И в любой момент конвертоплан вновь может исчезнуть, став сгустком полупрозрачной пелены.

Сейчас в системе скрытия необходимости не было — нас после приземления и без этого накрыло куполом безмолвия. Компания Origin Dynamics, как сказано в рекламных пресс-релизах, которые еще не всякий может прочитать, превыше всего ценит желания и запросы своих клиентов. И если клиент хочет сохранить инкогнито, компания ему это обеспечит, отвечая за исполнение желания своей репутацией. Деньги, правда, за это тоже немалые берет.

Модест остался ждать нас в конвертоплане. Из салона на площадку вышли мы втроем — Валера, я и Николетта. Девушка ждать в неизвестности меня не желала. Я хотел было попросить ее остаться, но Николетта проявила твердость и мысленно мне напомнила, что я вообще-то ее телохранитель.

Кроме того, из кабины с небольшим опозданием вышел Накамура, присоединившись к нам. Встречающих не было, а путь нам указывали красные линии по полу. Зайдя в разъехавшиеся перед нами двери, пройдя немного по светлому коридору, мы подошли к лифту.

Окружающая обстановка напоминала антураж космической станции — село-белые металлические панели, мягкая подсветка, отсутствие окон. После поездки на лифте, примерно через полминуты, мы оказались в отдельной, предназначенной для нас операционной лаборатории. Которая антуражем еще больше напоминала космическую станцию.

Никто из персонала компании по-прежнему нам не встречался. Но в этом не было необходимости: системы установки имплантов и аугментаций в операционной стояли полностью роботизированными. Выбирать же и получать консультацию по

выбору мне тоже не было нужды — протокол установки у меня с собой, уже утвержденный.

Дежурная смена людей рядом, конечно, была, но по нашему оплаченному пакету с опцией «инкогнито» показаться они могли только в случае какого-либо форс-мажора с оборудованием.

Едва зашли в лабораторию, световые указатели разошлись. Мне полагалось пройти в помещении для изменения организма, или как это называлось «улучшения возможностей». И занять массивное операционное кресло. Моим спутникам система навигации показала путь в комфортабельную зону ожидания. Переговорная и комнаты предварительной подготовки и демонстрации улучшений оказались незадействованными — консультации нам сегодня не нужны.

Валера, галантно предложив Николетте руку, двинулся вместе с ней в зону ожидания. Я же прошел в операционную, в сопровождении Накамуры. Едва за нами закрылась дверь, начал раздеваться — чувствуя, как увеличивают температуру системы климат контроля, чтобы я не испытывал неудобств прохлады. Накамура между тем уже пододвинул к операционному креслу широкий стол от стены и уже раскладывал на нем свой массивный кейс с оборудованием.

— Контроль, — только и сказал Накамура, быстро вскрывая панель операционного кресла и подсоединяюсь к системному блоку под ним.

Мне и без его пояснения все было ясно. Устанавливать все что нужно буду я, но вот Накамура здесь для того, чтобы в моем организме не оказалось ничего лишнего. Доверяй, но проверяй, как говорится — пусть это и Origin Dynamics.

Пока я раздевался и забирался в кресло, Накамура на мою огненную татуировку на плече внимания даже не обратил. Как будто такие магические татуировки он каждый день видит. Хотя после демонстрации огненного шарика Валере татуировка пробилась пламенными линиями, по которым бегали огненные змейки также, как совсем недавно голубые по броне конвертоплана.

Едва я положил руки в углубления массивных подлокотников, откинулся на спинку и опустил голову на подушку, кресло моментально подстроилось под меня. Ощущение, словно огромные мягкие руки меня обняли. Перед глазами загорелся большой и изогнутый проекционный экран, на котором тут же отобразилось мое тело — полупрозрачное, испещренное сеткой кровеносных сосудов и органов. И отдельным, серо-стальным цветом, выделялась бионическая рука, а также ее соединение с телом вплоть до плечевого сустава.

На проекции перед моими глазами один за другим, с небольшим временным лагом, начали появляться интерактивные блоки разделов меню установок аугментаций. Появлялись постепенно, чтобы я мог прочитать название каждого раздела. Всего десять: Кожа, Кровеносная система, Иммунная система, Нервная система, Суставы, Скелет, Операционная система, Оптическая система, Личный терминал, Бионические протезы.

Вообще появление пунктов, в стандартной процедуре, как правило было настроено в строгой очередности — от последнего к первому. В ситуации, если бы я лег в кресло в полностью чистом от имплантов состоянии, последним в очереди к появлению, и первым к ознакомлению, появилась бы возможность установки Личного терминала. Как стартовая опция вживления аугментаций в человеческий организм.

Но у меня уже имелась в наличии бионическая рука, поэтому раздел «Бионические протезы», в красной рамке, сейчас перекрывал все остальные. Не поработав с ним, к остальным допуск я получить не мог. Это все потому — просмотрел я оповещения, что у меня стоит бионический протез качеством ниже среднего. И что уровень установленной аугментации не соответствует протоколу 13-1-1, его необходимо заменить.

Без задержки я раскрыл предложенный список бионических протезов и искусственно выращенных конечностей. Искусственно выращенные руки в фильтре сразу убрал, оставив в поле зрения только протезы. Да, протокол установки имплантов не предполагал нарушение сетки энергетических каналов; но с заменой правой руки на протез она у меня уже была нарушена. Да и время создание в биореакторе искусственной руки составляло более суток, а столько времени у меня сейчас нет.

Кроме того, без одаренных восстановить руку, конечно, можно, но вот энергетические каналы — нет. А еще, это уже личное, мне необходимо оставить инструмент для использования меча вождя кровавых бурбонов. Так что вот так, пока без возврата настоящей руки.

Пару раз промотал список протезов вверх-вниз, оценивая стоимость и заявленную функциональность. Выбрал второй с дальнего (самого дорогого) конца списка, производства «Toyoda Industrials». Разница в стоимости с самым дорогим протезом от «Grapple» существенна, больше чем в два раза, а вот в функциональности никакой.

Выбрав бионический протез подтвердил решение, и предварительно утвердил установку. Потом подписал несколько согласий, и только после смог убрать из поля зрения меню бионических протезов. Еще раз перед этим контрольно

подтвердив решение.

Следующим в списке стояла установка личного терминала. Здесь важна мощность вычислительного процессора, поэтому я скосил глаза на Накамуру. Он взглядом показал мотать список, и жестом остановил меня на личных терминалах от «Toyoda». Ну… в принципе да, если у меня и рука от «Toyoda Industrials», имеет смысл. Тут уж выбрал самый дорогой и самый лучший.

Следующим пунктом значились оптические системы. Здесь по протоколу к выбору мне полагались только нанолинзы — установка глазных имплантов не была предусмотрена. На глаза наносилась тонкая газопроницаемая пленка, при помощи которой перед взором проецировалась дополненная реальность операционной системы личного терминала. Что довольно странно — все же глазные импланты по быстродействию у нанолинз выигрывают. Ненамного, на исчезающе малые значения, но все же. Я на это еще в конвертоплане внимание обратил. Пусть ненамного выигрывают, но в высших лигах мелочей не бывает.

Странно все это.

Линзы выбрал от Paragon — я же за самым лучшим пришел. Предварительно подтвердил установку пакета драйверов на личный терминал, и уже под линзы также подтвердил установку операционной системы. Здесь выбора не было, протокол безальтернативно предлагал Solaris, с корпоративным пакетом от Некромикона.

И когда уже согласился с предлагаемой операционной системой, просмотрел названия предустановленных в ней по моему протоколу корпоративных пакетов. В конвертоплане корпоративный предустановленный пакет не отображался, увидел я его только сейчас. И на некоторое время увиденные названия ввергли меня в глубокую задумчивость: **Terra**; **Africa:** East Africa, South Africa, Middle East; **Limbo**, **Inferno**, **DeusEx**.

Корпоративные пакеты с массивом данных для оперативных действий в различных регионах. Регионах планеты Земля, и, как понимаю, не только. На Земле — конкретно в Африке, в южной, восточной и на Ближнем Востоке, а еще в Лимбе и Инферно. Что такое пакет DeusEx я правда без понятия — разъяснений пока никаких.

Вот как оказывается просто все… Получается, что мой персональный корпоративный протокол подразумевает деятельность в иных мирах? Лимб и Инферно?

Ну не бывает таких совпадений, как знал.

Получается, что так. Очень интересное кино.

Теперь становится понятна и избирательность структуры усилений организма по протоколу 13-1-1. Ведь в мертвом мире

Инферно не работает большинство электроники, а бойцы сражаются в техномагических доспехах. Соответственно, по плану протокола, в моем теле не должно быть ничего лишнего и слишком сложного. И пусть здесь, на планете Земля, при прочих равных я буду проигрывать кому-то с более широким набором аугментаций и имплантов, то в новых мирах возможности моего организма, судя по всему, будут выведены на максимальный уровень.

Однако.

Откровение оказалось настолько удивительным, что бионические усиления суставов и скелета я выбирал машинально, просто ожидая одобрения или советов от Накамуры. Впрочем, после установки личного терминала и бионической руки от «Toyoda Industrials», усиления скелета и суставов взял от них же. После чего у меня появилось финишное окно согласия — усиление кожи, кровеносной, иммунной и нервной систем мне по протоколу не полагались.

Прежде чем нажать финальное согласие, я скосил взгляд на Накамуру. Он коротко мотнул головой, показывая, что еще не время. Около четверти часа японец потратил на последнюю настройку и донастройку моих улучшений. Я даже подремать успел, и вздрогнул, когда Накамура мягко тронул меня за плечо.

Ну, поехали — мысленно выдохнул я, подтверждая. Коснулся пальцами интерактивной клавиши «Начать», подтвердил согласие, еще раз подтвердил согласие биометрической проверкой. После почувствовал легкий укол, и решил поймать и запомнить миг провала в наркоз. Не поймал — темнота навалилась сразу всем своим восприятием. Вот только произошло это как обычно уже в тот миг, когда я пришел в себя.

Не было никакой тяжести, вязкости и спутанности мыслей, как бывало со мной после наркоза в прошлой жизни. Я свеж и бодр — вероятно, благодаря стимуляторам. И открыв глаза, я посмотрел на мир уже через призму собственной дополненной реальности.

Совсем не так, как это было недавно через визор бронекостюма Варриор. Более, что ли, цивильно. Даже не цивильно, и цивилизованней: никакого калейдоскопа интерактивных окон и меню дополненной реальности. Это уже тренд десятых годов XXI века — курс на сдержанный минимализм и простоту.

От интерфейса старого бронекостюма Варриор стандартный интерфейс программы Solaris отличался примерно так, как яркий аляповатый дизайн сайтов начала нулевых годов в моем старом мире отличается от современной лаконичности главной страницы

гугла.

Из дополненной реальности со мной сейчас лишь мягкая, едва заметная голубая подсветка на периферии зрения. Только она свидетельствует о том, что я вновь стал полноправным членом цифрового концлагеря. Вернее, избранным его членом — благодаря протоколу и работе Накамуре, уверен, что при нужде большой брат видеть меня сможет только тогда, когда я сам этого захочу. Другое дело, что исчезновение меня с радаров само по себе действие сродни пожарной сирене, но все равно имеющаяся возможность радует.

Судя по часам на стене напротив, отсутствовал в реальности я четыре с половиной часа. Неплохо. В смысле неплохо, что так мало — все же усилений в мой организм закинуло очень немало, и без магических компонентов восстановления точно не обошлось.

Постепенно начиная ощущать себя, и привыкая к новым возможностям, я зацепил взглядом с периферии зрения мягкую подсветку дополненной реальности. И вытащил меню личного терминала. Также ненагруженное, простое и лаконичное. Олег, кстати, так не умел — он все больше ручками, на виртуальной клавиатуре личного терминала работал. Я же, после тренировок с Андре, в идеале освоил управление глазами и мысленным импульсом. Поэтому мне даже руки были не нужны, все глазами свободно делал.

После того как закончил предварительные персональные настройки дополненной реальности, по предложению операционной системы поднялся из кресла, для калибровки новых двигательных возможностей.

Осторожно поднялся. И осторожничал не зря — сделал бы это рывком, мог бы улететь в противоположную стену. Именно об этом меня предупреждали некоторые всплывающие окна — бионические усиления скелета и суставов в любой момент могли мне придать скорость, сравнимую со вторым уровнем скольжения. Большинство одержимых, конечно, могут двигаться быстрее, но вот одаренные, которым скольжение недоступно…

Нервная система у меня никак не изменялась, поэтому к новым скоростям и возможностям организма пришлось привыкать самостоятельно. Помог Накамура, который подключился к моему личному терминалу и помог с калибровкой. После того как я вновь начал двигаться, уже осознавая свои скорости и возможности, выскочившее перед глазами оповещение предложило мне снова занять место и закончить с настройкой программного обеспечения.

Что я, собственно, и сделал. Теперь уже получив полный

доступ к меню личного терминала. Которое почти повторяло то программное обеспечение, которым пользовался Олег в Высоком Граде. Поэтому сложностей никаких не возникло — я сейчас как на велосипед сел после долгого перерыва. Пробежавшись по пунктам первичной настройки, большинство описаний и пояснений к функциям смахивал прочь — все знакомо. Также промотал большое количество предупреждающих окон — оповещающих об изменившимся формате взаимодействия с миром.

Единственным глобальным отличием от программного обеспечения, которым пользовался Олег, было наличие доступа к меню модели моего организма, визуально похожего на модель медицинского сканера. При активации модели в дополненной реальности я полностью видел свое тело — полупрозрачный силуэт, с сеткой кровеносных сосудов и серо-стальным отображением имплантов.

Силуэт мой сейчас был полностью в зеленых тонах. Это уровень сохранности организма и уровень здоровья — догадался я. Пару раз переключился между разными режимами — один из них выкрасил большинство мышц и имплантов в оттенки красного и лилового, близко к фиолетовому. А это уровень подготовки организма — 146 % от базового корпоративного норматива, посмотрел я пояснение.

Кроме того, в одной из вариаций просмотра от моего силуэта расходилось множество веток… ммм, развития? Сфокусировавшись на одной из них, подсвеченной желтым светом новизны, я прочитал что это ветка Выносливости организма. И множество ее показателей, судя по желтому подсвеченному свету новизны, видоизменились после вмешательства в мой организм.

У меня повысились все уровни выносливости: глобальной, локальной, анаэробной, аэробной, координационной, динамической, статической. И стоило только сфокусировать взгляд на любом виде и подвиде Выносливости, как от него тут же бежали, рисуясь, направляющие линии к силуэту, к каждой отдельной группе мышц. Большинство показателей пересекались с другими, а некоторые были интегрированными — например показатели силовой выносливости.

Даже бегло рассмотрев представленную информацию, я поразился не только новым возможностям своего организма, но и возможностями его дальнейшей тонкой настройки. Ключом к которым было наличие у меня энергетических каналов — весь набор имплантов, как и программное обеспечение, интегрировалось с ними. Это тот самый пакет Deus Ex — «Бог из…». Бог из машины, если в контекстном переводе.

Я не зря посещал лекции в гимназии Витгефта в Елисаветграде, которая на весь мир славится своими целителями. И видя сейчас, насколько мой организм теперь «открыт», прекрасно понимал: любой даже самый слабый маг зеленой, природной школы Жизни, выведи ему этот экран, сможет настраивать мои физические возможности, усиливая их еще больше от моего нынешнего состояния. Пусть кратковременно, наполняя силой энергетические каналы, но черт его знает до какого порога меня сейчас можно усилить…

Интересно, технологии применения подобного протокола в корпорациях уже широко распространены, или нет? Ведь усиление по этому протоколу может сделать из слабого, «грязного» или пустого одаренного настоящую машину. А при наличии зеленого мага рядом — машину для массовых убийств. Речь об убийствах одаренных, конечно же.

Так, стоп-стоп-стоп. От появившейся догадки мне едва дурно не стало.

Мне сейчас, даже без учета возможностей пакета Deus Ex, установлены усиления организма, не подразумевающему вмешательства в организм с нарушением энергетических каналов. Лишь бионические усиления, выводящие возможности человека на уровень возможностей одержимого. Пусть и не очень сильного одержимого. Вот только есть нюанс: одержимых на планете — небольшое количество. А людей, имеющих энергетические каналы, но готовых отказаться от магии и за оплату или даже за идею пожелающих изменить свой организм для того, чтобы разрушать старый, устоявшийся мировой порядок, можно набрать много больше.

Одаренные правят этим миром вот уже сотню лет. И сейчас считается, что возможная опасность для их власти — одержимые, или озаренные. Но главная опасность, как я теперь уверен, это бородатые гики-инженеры, которые уже перевели геном в цифру и готовы штамповать или улучшать сколь угодно много человеческих организмов до разной степени силы и выносливости… А почему я думаю, что они только готовы штамповать? Может все уже давно началось. Может? Мда, я всегда был оптимистом. Пессимист говорит: «Мы падаем», оптимист: «Мы летим!»

При этой мысли эхо давних событий наложилось на новые знания и новые встречи, состоявшиеся совсем недавно.

Есть элементарный путь развития, который получили люди вместе с даром владения четырьмя основными стихиями. Есть Универсальный путь развития, который освоили после. Третьим был путь Происхождения, который находит владеющих сам, по

праву рождения.

Три основные пути развития для homo deus, человека божественного. Причем это самое божественное человечество, некоторая его часть — в лице не надеющихся на попадание на Олимп, постоянно искало новые пути. Не могло не искать.

И вот теперь я вижу результат этих поисков: еще один, четвертый путь развития, с усилениями обычных человеческих способностей. Усиливающих эти возможности пусть не на уровень самых сильных владеющих, но… В единстве сила. Если таких как я будет много, даже боюсь представить какой сюрприз могут получить владеющие этим миром одаренные.

Тем более что выбравшие этот путь к хозяевам мира симпатии явно не испытывают. Ведь этот четвертый путь для тех, кому в сороковых годах полагалось становиться лабораторными крысами для исследований. Таких, как Бланка Рыбка, она же Линда Ружичка, она же Алиса Новак. И толчком к находке этого пути послужили исследования сороковых годов, благодаря которым произошел прорыв в евгенике и генетике. А еще последующие события в Дагомее, о которых — как рассказывала мне Маша, договорились после забыть, назвав биотерроризмом. Те самые события, которые стали предтечей появления гидры корпораций.

Этот, какая ирония, «четвертый» путь предназначен для «четвертых» детей. Не обладающих даром, но обладающим ярко-выраженными энергетическими каналами. Для тех, кто — в отличии от обычных людей, находились вплотную с божественными возможностями, но были их лишены. И не только лишены, а более того — своими жизнями им было предложено оплатить возвышение так называемых «чистых» детей.

Кроме того, это ведь самый подходящий, вернее даже запасной путь для тех, кто выбрал неправильную дорогу развития в даре владения. Путь для таких, как Марьяна — уткнувшихся в потолок владения, пройдя по неправильной дороге.

Сколько в мире таких вот, как Марьяна, выбравших неверный путь? И сколько «четвертых детей», причастных к владеющей аристократии, которые обладают энергетическими каналами, но не обладают даром владения? Много, уверен. И я даже уже знаю, где именно сейчас эти найденные, выпестованные и усиленные корпорацией «новые люди четвертого пути» могут находиться. А еще, даже не догадываюсь, а просто знаю, кто их настоящий командир и предводитель. Тот, кто выбрал темную сторону, отказался от дара, жены и новорожденного сына, выбрав возможность стать властелином целого мира.

«Я твой отец, Люк!» — сипло и совсем невовремя подсказал

внутренний голос.

Не сказать, что я могу принять его выбор, но понять мотивы конечно вполне возможно. Другое дело, что насколько ему нужно было раздвинуть собственные моральные границы принятия. С этим ведь жить приходится, от такого не убежишь.

Глубоко вздохнув, пытаясь собраться сам и собрать мысли в кучу, я выпрямился в кресле. Чувствуя при этом некоторую неправильность происходящего. Осмотрелся по сторонам, скользнул взглядом по Накамуре, опять по сторонам, еще раз глянул на Накамуру.

Японец, который вот только что, вот в этот самый миг, прямо на моих глазах изучал показатели проекций сразу двух мониторов, исчез. Там, где только что находился Накамура, присев на краю стола расположился флорентийский герцог Алессандро Медичи, облаченный в строгий темно-синий мундир.

Глава 10

Передо мной был первый владеющий даром гонфалоньер справедливости новой эпохи, глава Торгового союза, возрожденного в городе Амальфи. Герцог Алессандро Медичи — тот, в чьем облике обычно пребывал Астерот во время наших встреч в Междумирье. Но то, что сейчас передо мной не Князь Тьмы, я уверен. Потому что во время наших встреч я всегда чувствовал от него сильную, нечеловеческую ауру могущества. Сейчас же подобного ощущения не было. Обычный человек передо мной. Ну, не совсем обычный, конечно, один из сильных мира сего, но не владыка тысяч миров.

— Что происходит? — поинтересовался я вместо приветствия, не скрывая настороженности.

— Пространственно-временной карман, — пояснил флорентийский герцог. После его слов я окончательно уверился в том, что это не Астерот, а именно Алессандро Медичи. Иная манера разговора, совершенно иная аура моего восприятия.

— Кто-то управляет элементарными стихиями, кто-то идет универсальным путем, кто-то безальтернативно владеет даром Происхождения, — продолжил говорить герцог, поясняя мне происходящее. — Ну а я решил посвятить развитие собственного дара во владении Временем. У нас с вами его — времени, теперь довольно много для того, чтобы вдумчиво и предметно побеседовать. Мы сейчас находимся в созданном мною пространственно-временном кармане. Предполагаю, что в подобный, только размером много меньше, вы вместе с Сергеем Александровичем спрятали полученные вами на арене в Инферно Кровавые мечи. Правильно я предполагаю?

На вопрос я отвечать не стал, пытаясь осознать себя в изменившейся реальности без времени.

— Не волнуйтесь, — спокойно произнес герцог Медичи. — Нам, и конкретнее — вам, сейчас ничего не грозит. После нашей беседы вы вернетесь в тот самый миг, из которого попали сюда, ко мне.

Снова я не стал никак комментировать слова неожиданного собеседника. Словно бы предчувствие подсказывало, что лишних слов мне сейчас не нужно.

— Вы готовы к разговору? — немного озадаченно поинтересовался Медичи.

— Готов, — просто ответил я.

Повисла небольшая пауза. Флорентийский герцог внимательно меня осмотрел, после белозубо улыбнулся и жестом

пригласил присесть напротив. И когда я занял предложенное кресло, он покатил по столешнице в мою сторону небольшой шарик. Я его машинально поймал. Отметив, насколько быстрее без контроля стали мои естественные движения — практически незаметные глазу. Но когда посмотрел что у меня в руке, едва-едва вздрогнул. Потому что это оказался глазной имплант, причем моделирующий обычный человеческий глаз.

— Это глазной имплант доверенного лица Маши Легран, — пояснил герцог. — Имплант присланного ей к племени Гамамбилу частного советника, которого вы захватили во время штурма резиденции, или логова, как будет угодно, каннибалов. На самом деле, конечно, советника захватили мои люди… вернее, нелюди, да не суть. Сделано все было быстро и чисто, ни один анализ информации в импланте, и ни один даже самый умелый некромант не сможет докопаться до истины. Тем более что агент Маши Легран был парализован во время вашего штурма резиденции каннибалов еще до того, как успел идентифицировать моих людей.

— Нелюдей, — поправил я.

— Непринципиально, — вновь улыбнулся герцог. Он внимательно на меня посмотрел, ожидая комментариев или вопросов. Но я по-прежнему молчал. Словно что-то удерживало меня от моего обычного многословия. Не что-то удерживало вернее, а предчувствие — нашептывая, что сейчас нужно слушать, а не говорить.

— Из полученной из импланта информации хотел бы выделить одну важную деталь. Совсем неподалеку от этого места, в предместьях Момбасы на северном берегу Мтвапа-Крик, находится конспиративная база Карателей Легран. Да-да, созданная прямо под носом службы безопасности Британской Южно-Африканской Компании. И на этой базе содержатся важный пленник Карателей, работающий на корпорацию Nkr.com. Небезызвестный для вас, между прочим, пленник.

Флорентийский герцог снова сделал паузу, я снова молча ждал продолжения.

— Это Степан Мотов, — произнес герцог Медичи, не дождавшись моего вопроса.

Вновь я промолчал. Правда, кивнул благодарно — давно, если честно, хотел со Степаном встретиться.

— Обладатель импланта знает об этой базе и об этом пленнике, потому что именно он и занимался его захватом и транспортировкой. Вам, наверное, будет интересно знать, что Степан Мотов весьма ценен для корпорации Некромикон. Своими, так скажем, специфическими знаниями.

«Какими же?» — безмолвно спросил я, вопросительно подняв бровь в предназначенной для вопроса паузе.

— Степан — это вербовщик, один из, который занимался поиском жертв для открытия врат и порталов в иные миры. Конкретно — порталов в Инферно, открываемых с помощью крови. Жертв для открытия стационарных порталов, коих, кстати открыто уже три. И местонахождение одного стационарного портала вы, молодой человек, предполагаю уже знаете.

— Замок сэра Джона Холдена?

— Именно так.

— Остальные два?

Спросил я еще до того, как подумал. И предчувствие — в том, что лучше удержаться от вопросов, меня не обмануло. Видимо, лучше было все же молчать.

— Мне не жалко для тебя этого знания, но в критический момент оно может оказаться гибельным. Причем не только для тебя. Всему свое время, — произнес герцог Медичи, который вдруг обратился ко мне на «ты». И во время этих его слов в моем восприятии проявилась уже знакомая аура. Сейчас прозвучали слова не флорентийского герцога, а непосредственно Астерота.

«Время этого знания еще не пришло для тебя», — эхом в моей памяти прозвучали похожие слова архидемона, однажды сказанные им в его замке в междумирье. И едва я сейчас услышал ответ на свой вопрос, как меня вдруг словно затянуло в водоворот и перекрутив как выжимаемую простынь, отбросило на несколько секунд назад.

— …конкретно — порталов в Инферно, открываемых с помощью крови. Жертв для открытия стационарных порталов, коих, кстати открыто уже три, и местонахождение одного вы, молодой человек, предполагаю уже знаете, — снова говорил флорентийский герцог Медичи.

— Замок сэра Джона Холдена? — снова задал я вопрос, находясь в своем теле в роли наблюдателя.

— Именно так.

После ответа герцога контроль над телом и сознанием ко мне полностью вернулся. И следующий вопрос, который недавно бросил меня во временную петлю, заставив Астерота проявиться поверх своего местного аватара, я задавать не стал.

— Предполагаю, что по вашему плану мне сейчас нужно явиться на конспиративную базу Карателей и забрать пленников? — спросил я вместо этого.

— Это не столько мой план, сколько ваша необходимость, молодой человек, — ответил флорентийский герцог.

— Охрана базы Карателей против не будет?

— Конечно будет, — кивнул Алессандро Меличи, словно не замечая моего сарказма. — Но у вас есть козырь.

— Какой же?

— У вас уже имеется моя рекомендация, благодаря которой вы прямо сейчас можете нанять группу отряда Зарганс. Двадцать бойцов которого, по чистой случайности, находятся на яхте «Эскалада», вставшей сегодня на якорь на рейде Момбасы. И конечно же, все двадцать бойцов отряда Зарганс имеют полный комплект экипировки для проведения необходимой вам специальной операции.

— В чем ваш интерес в происходящем?

В ответ на этот вопрос флорентийский герцог открыто и искренне рассмеялся.

— Молодой человек, — вздохнул он. — Вы вот, прибыв на Занзибар, решили облагородить помойку, на которой оказались. Почему вы решили это сделать? Не любите, когда за окном вашего дома грязно?

— Не люблю.

— Я тоже не люблю. Вот только видите ли, по роду деятельности и силе своего влияния я считаю домом весь обитаемый мир. И также, как и вы, я хочу не только привести пейзаж за окном в порядок, но и не дать никому затоптать изумрудные лужайки газонов и разогнать играющих детей, лишив меня их звонкого веселого смеха. Абсолютно те же мотивы что и вас, лишь в несопоставимых масштабах. Такое объяснение вас устроит?

— Да.

— Отлично. Вернемся к делам более насущным. На базе, когда вы расправитесь с охраной, в которой если что нет ни одного живого человека, сплошь неасапианты, вас будет ждать Маша Легран. У Маши к вам накопилось достаточно вопросов, а также есть предложение, удивляющее своей новизной. От которого, от этого предложения, не скрою, вам будет сложно отказаться. Теперь более предметно возвращаясь к вопросу моего интереса…

Герцог Медичи поднялся. Отойдя от стола, он активировал большую проекцию карты мира. Черно-белой карты. И по велению жестов герцога, который сейчас действовал словно лектор в аудитории, карта началась заполняться цветами.

Большая часть Евразии окрасилась в зеленый цвет Российской Конфедерации, после по всей планете расцвели красные пятна владений Британской Империи. Северную, частично Южную Америку, а также часть Европы осветил голубой цвет амбициозного Трансатлантического содружества.

Сопоставимого по размеру территорий с предыдущими двумя.

Немного подождав, словно давая мне рассмотреть масштабы трех империй, герцог жестом заставил окраситься в синий территории Европейского союза, со всеми своими немногочисленными сохранившимися колониями.

Снова дав мне немного времени понаблюдать за дополнившейся изменениями картой, герцог приподнял правую руку и вокруг его кисти закрутился серый вихрь. Резкий жест и серая лоскутная мгла оказалась брошена на карту, растекаясь стальными щупальцами по всему миру. Протектораты и территории — понял я сразу, немного удивившись картинности и даже некоей наигранности демонстрации.

— Да, несколько эпатажно, — позволил себе легкую улыбку герцог, — но работает вместо тысячи слов.

— Не могу спорить, — только и кивнул я. — Впечатляет.

— Великие державы вот уже сотни лет ведут свою Большую игру, для того чтобы решить, кто из них имеет больше прав единолично владеть этим миром. Именно поэтому, как Первый гонфалоньер справедливости, я пригласил вас сюда, для того чтобы рассказать о том, как делаются дела.

— Пригласили? — не удержался я.

Флорентийский герцог посмотрел на меня так, словно я его сильно расстроил.

— Молодой человек. Я хоть и повелеваю временем, в меру сил, но все же привык экономить ненужные слова. Если вам будет угодно, не пригласил, а с помощью тех людей, которых вы знаете как Доминика Романо, Маша Легран и Сергей Николаев, я организовал нашу с вами встречу, соблюдая инкогнито как ваше, так и свое собственное.

— Все несколько сложно, вам не кажется?

— Нет. Видите ли, мой статус Первого гонфалоньера справедливости, и ваш статус очевидного наследника трона Российской Империи приковывают к нам слишком много ненужного внимания…

— Оу, — во время этих слов герцога воскликнул я негромко, не сдержав удивления. Впрочем, на мое удивление герцог внимания даже не обратил.

— …и нам с вами совершенно не нужно, чтобы о нашей встрече узнали. Да, ради этого, предупреждаю, я даже организую утечку информации, и о вашем вояже в Момбасу станет известно сразу после вашего отсюда отбытия. Для того, чтобы заинтересованные люди действовали в цейтноте, пытаясь вас догнать, и не копали слишком глубоко. Таким образом, факт нашей с вами встречи останется достоянием лишь моим, и

вашим.

— Насчет очевидности меня как наследника есть некоторые сомнения.

— Молодой человек, — вновь с некоторой даже укоризной произнес флорентийский герцог. И вздохнул. Подождав немного, словно думая, как продолжать разговор, вскоре он продолжил.

— Видите ли, около полугода назад, в замке Бран что находится в Трансильвании, у меня состоялась важная встреча. Встреча, на организацию которой я потратил сил не меньше, чем на организацию нашей с вами встречи сегодняшней. Тогда я встречался с принцем Майклом Кентским, и с русским цесаревичем Алексеем. Последнего, совсем недавно, вы чуть-чуть убили. А без него, без наследника российского престола, тот состоявшийся важный, причем важный для судьбы всего мира разговор не имеет смысла. Именно поэтому мы с вами разговариваем здесь и сейчас. Я — как представитель торговой империи, вы — как очевидный наследник российского престола, который вы имеете шанс занять, причем в самое ближайшее время. Учитывая все вышесказанное, могу я рассчитывать на ваше внимание?

— Да.

— Отлично. Итак, продолжим. Как и сто лет назад, перед Великой войной, Франция, Россия и Британия владеют большей частью обитаемого мира. Мира, который создали итальянцы, — добавил герцог после небольшой паузы. И пояснил после моего непонимающего взгляда: — В одна тысяча пятьсот двадцать седьмом году Медичи покинули Флоренцию, а фра Николо Макиавелли покинул этот мир. Через пять лет после этого была опубликована его инструкция как править миром, под названием «Государь». В этом же году последний гонфалоньер справедливости Алессандро Медичи сложил свои полномочия, а должность была упразднена. Итальянцы окончательно оставили этот мир испанцам, французам, русским и англосаксам, в чем последние преуспели едва ли не лучше всех остальных, вместе взятых. Если бы не появление одаренных… кто знает, чем бы все закончилось, — многозначительно усмехнулся герцог.

После этой усмешки мысли у меня заметались. Не намекает ли Медичи сейчас на модель моего старого мира? Или все проще, и он просто усмехнулся? Спросить его, кто он сейчас — герцог или архидемон? Мда, умное решение будет. Аллесандро, а вы случаем не Князь Тьмы?

— После исхода итальянцев от штурвала управления миром прошло пять сотен лет. Сегодня реальных кандидатов осталось всего… трое. Как и сто лет назад. Тогда это были Британия,

Россия и Северо-Американские Соединенные штаты. Сейчас эти трое… — сделал паузу Медичи.

— Трое? — переспросил я.

— Трое, — подтвердил герцог. — Выскажете предположение?

— Британия, Россия, корпорации.

— Браво! — даже хлопнул в ладоши герцог. — Я в вас не сомневался!

Было бы чему сомневаться. Если число ограничено тремя, то ответ, с моей точки зрения, довольно прост. Британцы как рыба в воде чувствуют себя в управляемом хаосе, в который в преддверии второй мировой войны погружается планета. Русских ведет Император, аватар самого Люцифера. Ну а корпорации… корпорации есть корпорации, с Баалом во главе.

— Мое почтение, — еще раз выражая удовлетворение моим ответом, склонил голову герцог. — Именно так. Российская Конфедерация, Британская Империя и корпорации, которые мы уже называем Гидрой.

— Мы это кто?

— После окончания Великой войны, — проигнорировал мой вопрос Медичи, — было понятно, что все только начинается. В мире осталось сразу три центра силы, что очень много. Это, прямо скажем, неустойчивая система; три претендента — это уже конец стабильности. И с самого момента подписания мирного договора и Стихийного пакта все понимали, что следующая война не за горами. Закончив Первую мировую войну, мы уже начали готовиться ко второй. Все ждали большую войну, под стать Большой игре. При этом также все думающие люди прекрасно понимали, что во время Великой войны мы остановились на пороге Рагнарека. И поклонникам методов Винни и Вилли не давали разгуляться те, кто видел войну на уничтожение своими глазами.

Герцог прервался, будто бы ожидая от вопросов или комментариев.

«Вы не ответили на предыдущий вопрос: Кто это «мы?» — очень хотелось сказать мне. Но не хотелось вновь побывать в водовороте времени, поэтому спрашивать не стал.

— Винни и Вилли — это кайзер Вильгельм и сэр Уинстон Черчилль?

— Именно так.

— Очень интересно, внимательно вас слушаю.

— После Великой войны все ждали, когда наконец русский медведь и британский лев сойдутся в схватке. Но мы ждали… в предвкушении, — выделил герцог интонаций последнее слово. — Всем было понятно, что победитель будет править миром. При

этом никто не ждал повторения войны на уничтожение, когда с лица земли исчезали целые города, а огромные пространства становились безлюдными выжженными землями. Но как оказалось, ждали мы напрасно, мир из порядка шахматной расстановки погрузился в хаос.

Медичи повернулся к карте, и начал мне показывать на разные регионы.

— Британцы опоздали с аннексией Соединенных Штатов, русские промедлили в Афганистане, и пока никто из двух империй не мог решиться сделать первый шаг, случился Нарбоннский халифат. Утрачивающие силу и влияние, и не имеющие шансов в прямом столкновении держав французы переиграли сразу две великие империи. Их финт, когда они вместе с испанцами создали в Европе управляемый хаос, заполонив свои южные города мигрантами, оказался неожиданным для всех. Неожиданным в том числе и для меня, для Флоренции и для возрожденного Амальфи, — признавая собственный просчет, кивнул Медичи. — С помощью угрозы управляемого Нарбоннского халифата французы и испанцы создали Трансатлантическое содружество, и агрессивно превратили тройку претендентов уже в четверку. Но это была ошибка. Иезуитская ошибка, которая может стоить для нашего мира не меньше, чем кажущаяся выгодной Иуде сделка, приведшая его в Гефсиманский сад. До начала Нарбоннского Халифата мы заняли место в партере, собираясь наблюдать как русские и британцы воюют за право владеть этим миром, а сейчас вдруг оказалось, что наш амфитеатр находится в центре охваченного пожаром Рима.

Трансатлантический союз сейчас стремительно набирает силу. По прогнозам в течении нескольких ближайших лет на первые роли в нем должны были быть искусственно выдвинуты Соединенные Штаты… но наши прогнозы оказались неверны, и это происходит уже сейчас, после Салемской резни. Причем американцы выходят на первые роли в Содружестве уже не искусственно — уничтожение Инквизиции в Северной Америке серьезно повысило их авторитет. Радует лишь то, что на пороге хаоса мир пока держит то, что британцы жестко купировали сепаратистские выступления в Калифорнии и Канаде, а русские, после разрушения Елисаветграда, избежали катастрофы в Восточной Европе, еще и частично прирастая территорией Речи Посполитой.

Легким жестом итальянец заставил вспыхнуть отсветом территории Европейского Союза, привлекая к ним внимание.

— Вы спрашивали, кто такие мы. «Мы» — это Старая Европа,

которая со времен Древнего Рима является центром цивилизации. Мы — это Европейский союз, который уже давно готов согласиться на нероманский — русский или английский язык, в качестве языка официальных документов. Конечно, на мой вкус французский для этого подходит гораздо больше. Тем более что во времена оные и русская, и английская знать гораздо лучше разговаривала на французском, чем на русском и на английском, — вдруг улыбнулся герцог. — Но Трансатлантическое содружество обречено на поражение. Даже без Салемской трагедии французы и испанцы не имели шансов на успех, их стратегия предполагала игру вдолгую — на что у них сейчас просто нет времени. Война уже на пороге. Но мы, жители старого мира, не желаем участвовать в большой войне. Мы уже давно отошли в сторону, ожидая торжественного объявления победителя. Мы находились в готовности аплодировать и кидать шапки вверх на параде — вне зависимости от того, русская или британская гвардия будет снова входить в Париж. В случае прямого конфликта Британии и России у нас сохранялась бы эта возможность, с возвышением же Трансатлантического содружества Европа вновь станет полем битвы, а это неприемлемый для нас вариант.

При этом лидеры атлантов прекрасно понимают и то, что по количеству одаренных в грядущем и неминуемом конфликте преимущество будет не на их стороне. Дети же законодательно разрешенной ими полигамии просто не успеют вырасти. Вот только это понимание их не остановит — у Антанты во время Великой войны одаренных не было вовсе. И сейчас атланты всерьез готовятся к грядущей войне, делая ставку отнюдь не на владеющих стихийной силой. Тем более что одаренных не тау уж и много — Стихийный пакт ограничил численность владеющих даром, но ни одна из стран пока даже близко не подошли к границе.

— Да, одаренных почти три миллиона, но сколько готовы выйти на поля сражений? При этом среди готовых к бою в большинстве сейчас именно клановая аристократия, которая личные интересы ставит выше государственных. И если атланты предложат клановой знати послабления и большие свободы, кто знает, к чему это приведет?

— Кроме этого, у атлантов есть один вариант попробовать как минимум уравнять шансы. Что будет, если большая часть корпораций получит предложение стать равноправными субъектами Трансатлантического содружества? Ведь видя подготовку атлантов к грядущей войне, для нас не менее очевидно, что их кажущиеся свободы, с введением той же

полигамии, которая сейчас у всех на устах, скоро сменятся стерильным фашизмом — абсолютно всему нашему миру грозит стать территорией, находящейся вне юрисдикции Организации Объединенных Наций. Трансатлантическое содружество — слишком разнородное образование. И в случае победы во Второй мировой войне в содружестве есть только один претендент, на то, чтобы его возглавить — потери остальных членов будут слишком сильны. Да-да, речь именно о корпоративной Гидре. Мы по итогу выигранной атлантами войны можем получить весь мир — как один большой протекторат. Киберфеодализм под красивой вывеской торжества свобод. Liberté, Égalité, Fraternité — однажды это все уже было, когда Францию заполонили и едва не ввергли в пучину катастрофы свои же собственные внутренние варвары.

— Киберфеодализм, значит? — переспросил я.

— Киберфеодализм, — подтвердил герцог.

— У вас есть чувство слова, — не смог удержаться я.

— Прямо сейчас нам грозит Вторая мировая война, — не обратил на мой комплимент внимания Медичи. — Война в самом сердце Европы, и скорее всего это будет война на уничтожение. И кто бы не победил в грядущей сватке, это будет Пиррова победа. Тем более что развитие техники, генетики и биоинженерии уже привело к тому, что простые, рядовые солдаты корпоративных армий уже по силе сравнимы с одаренными третьего золотого ранга. А необычные, нерядовые солдаты имеют потенциал много выше. Вам ли после установки тринадцатого протокола этого не знать…

В ответ на внимательный вопросительный взгляд герцога я только кивнул.

— Забрав себе силу и власть над миром, одаренные почему-то решили, что кроме горстки одержимых у них не будет достойных противников в ближайшем будущем. Владеющие даром были усыплены осознанием своей силы, и не заметили противника, которого сами же и вырастили — Гидру корпораций. И борьба с этим противником — это уже вопрос жизни и смерти нашего мира, а также привычного нам порядка. При этом тем, кто понимает грозящую опасность, пока даже не по кому бить. Гидра уже выпущена, но у нее много голов. Кроме того, пока она управляется именно одаренными, и действует, в большинстве, в интересах одаренных.

Грядущая война, после состоявшегося прорыва демонов, это вопрос уже не послезавтрашнего, а завтрашнего дня. И этот вопрос — вопрос жизни и смерти нашего мира и старого порядка. Именно поэтому полгода назад я разговаривал с наследниками двух империй, как с будущими правителями этого мира. Тогда мы

с ними обсудили и подписали трехстороннее соглашение о сотрудничестве.

Герцог даже дыхание перевел.

— С наследниками двух могущественных империй, стоящих за сохранение старого порядка, мы, старая европейская аристократия, подписали Темный пакт. А в это же самое время, когда с наследниками русской и британской империй я обсуждал положения Темного Пакта, в окрестностях Замковой горы Себеж, во Псковской губернии, свои подписи под Восточным пактом поставили князь Юсупов, князь Разумовский и миланский герцог Франческо Бальтазар Сфорца.

Произнесенное имя заставило меня вздрогнуть. Вот и привет от Баала.

— Герцог Сфорца, первый одаренный кондотьер, известный под позывным «Баал», он же глава Лиги Севера, — пояснил Медичи, заметивший, но неправильно истолковавший мое волнение. Приняв его, видимо, за непонимание.

— Это были последние подписи под Восточным пактом, который на тот момент уже ратифицировали Французская Республика, Моравия, Силезия, Гасконь, Лига Севера, Речь Посполитая, а также главы восьми из десяти влиятельнейших корпораций Европы. За исключением…

— За исключением?

— За исключением двух — корпораций CMT и Nkr.com.

— Эти две корпорации, которые контролирует старая французская аристократия той самой Старой Европы?

— Именно так. План, который предполагался герцогом Сфорца по Восточному пакту, к счастью, не сработал. И прорыв демонов, который должен был послужить катализатором к началу Второй мировой войны, не состоялся. Но… ничего еще не закончилось, все только начинается.

— Начинается что? — спросил я, воспользовавшись небольшой паузой.

Сразу после этого вопроса меня вновь потянуло во временной водоворот, швырнув назад на несколько секунд.

— …и прорыв демонов, который должен был послужить катализатором к началу Второй мировой войны, не состоялся. Но… ничего еще не закончилось, все только начинается.

Короткая пауза, в которую свой вопрос в этот раз я не задал.

— Нам, Старой Европе, безразлично на каком языке будут печатать официальные документы — на русском или английском. Но, прежде чем русские и британцы станут решать, кто именно будет править этим миром, для начала нужно попробовать наш мир сохранить. Я прибыл сюда для того, чтобы обсудить это с

вами, и предложить подписать трехстороннее соглашение о сотрудничестве вместо цесаревича Алексея. Вы, молодой человек, согласны выслушать и обсудить условия, которые мы — Старая Европа, предлагаем вам — как одному из будущих глав титанов, для совместной борьбы против атлантов? Согласны ли вы обсудить путь сохранения нашего мира, обсудить… условия Темного пакта?

— Согласен, — кивнул я.

И сразу после этих моих слов меня вновь затянуло во временном водовороте, возвращая на недавно пройденный виток спирали.

— Но… ничего еще не закончилось, все только начинается, — услышал я слова Медичи, вновь вернувшись в собственное тело в роли статиста.

— Начинается что? — услышал я заданный собой же вопрос, заполнивший небольшую паузу. И снова ощущение зрителя пропало, и я полностью вернул контроль тела и разума.

— А вот что начинается, это теперь зависит от тебя, — улыбнулся мне уже Астерот, который сейчас вновь оказался под личиной герцога Медичи. — Как я тебе и говорил, будущее этого мира целиком и полностью зависит от тебя. Только от тебя, целиком и полностью.

— Ты говорил это без конкретики.

— Время этого знания настало для тебя, — широко улыбнувшись, произнес Князь Тьмы. — Ты уже достиг необходимой силы и влияния. Сейчас ты можешь, используя свое нынешнее положение, в самое ближайшее время захватить власть в корпорации Некромикон. И после, в огне второй мировой, ты можешь спроецировать влияние корпорации на все территории, протектораты и позже государства, по итогу полностью разрушив старую, Вестфальскую систему мира. Кроме этого, ты можешь выбрать иной путь. Пройдя по праву рождения, занять трон Российской, или Британской Империи. Выбирай, что больше нравится.

— Какие неожиданные возможности.

— Война — время перемен, знаешь ли. Тем более мировая война.

— Но… — услышал я что-то в интонации архидемона.

— Но оба этих пути, как ты не можешь не понимать, ведут к большой войне и большой крови. К очень большой крови, весь мир захлебнется.

— Печально, — произнес я, уже чувствуя, что дело дрянь.

— Кто же спорит, — усмехнулся Астерот. — Но есть и третий путь. Я тебе обещал, что тебе здесь, на земле Занзибара,

предстоит сделать самый сложный выбор в твоей жизни. И… видишь ли, в одной детали я тебя тогда обманул. Тебе придется выбирать, но выбирать не между добром и злом. Тебе придется выбирать между злом и злом, если использовать привычную тебе координат добродетелей.

— Меньшее зло? — начал я догадываться, к чему подводит беседу архидемон. Но как оказалось, догадывался я немного не в ту сторону.

— Именно, меньшее зло. У которого все же есть своя цена, — улыбнулся и даже щелкнул Астерот пальцами. — Ты не зря оказался здесь, на Занзибаре. Отсюда ты можешь создать точку фокуса, разжечь яркое пламя. Очень яркое, но ограниченное границами одной Танганьики. Большой крови не будет, но грядущий конфликт окажется настолько жесток и разрушителен, что ужаснет весь цивилизованный мир, убедив в неизбежной необходимости ограничить влияние корпораций. И это позволит сохранить Вестфальский порядок еще более чем на век. А это уже, в свою очередь, даст человечеству этой планеты так необходимое время, чтобы наконец повзрослеть и разучиться решать проблемы не только молотком и динамитом там, где достаточно лишь легкого и точечного усилия.

— Но опять же есть «но».

— Именно. Если ты спровоцируешь этот конфликт здесь, у тебя просто не будет возможности выжить. Видишь ли, ты можешь спасти этот мир от большой крови, но тебе придется пожертвовать для этого собой.

— В чем состоит моя жертва? — повело у меня холодком по спине. — Я не смогу возродиться в Месте Силы?

— Сможешь.

— Но? — спросил я, уже зная ответ.

— Артур, — улыбнулся Астерот. — Ты сам догадываешься, и даже давно догадался обо всем. Ты сможешь возродиться в Месте Силы, но ведь это будешь уже не ты. Это будет Артур Волков, который осознает себя в момент проведения ритуала по перемещению дара и частицы в клинок кукри. Это будет Артур Волков, который остался там, во время Бала Дебютанток. Тот Артур Волков, он же Драго Младич, которым сейчас являешься ты, умрет. Именно ты умрешь, вместе со всей своей прожитой с того момента жизнью.

В принципе то, что говорил сейчас Астерот, новым для меня действительно не было. Я на самом деле опасался этого — когда думал о том, что если умру, то возрожденный Артур Волков может не быть мной. И Астерот сейчас это подтвердил.

Если честно, умирать не хотелось. Вообще не хотелось. Но… в

глубине души я понимал, что не смогу отказаться от такого удивительного предложения.

Как говориться, в жизни иногда наступает такой момент, когда нужно спросить: «Какого черта?» и сделать шаг. Даже зная, что шаг этот будет последним — как шаг бойца, самоубийственно остающегося прикрывать отход основных сил. Или, наоборот, не сделать шаг — как не делали этот шаг мужчины, пропускающие вперед себя женщин и детей на шлюпки Титаника.

Астерот, все то время пока я об этом думал, смотрел на меня с легкой и даже, наверное, сочувствующей улыбкой.

— Ну… штош, — выдохнул я. — Morituri te salutant, — добавил я весьма полагающееся к случаю, видя ожидающий взгляд архидемона. Широко улыбнувшись, Астерот коротко мне поклонился.

— Но… ты, вместо себя, можешь отправить на смерть другого человека, — произнес Князь Тьмы перед тем, как исчезнуть. И уже через миг я осознал себя вновь слушающим флорентийского герцога, который излагал мне подробности Темного пакта.

В котором — в Темном пакте, все оказалось гораздо просто. Вот уже почти три десятка лет группа заинтересованных лиц старой европейской аристократии создавала в Гидре корпораций и государственных службах Большой Четверки свою агентурную сеть. Внедряя спящих агентов и Спящих. Прямого вопроса я задавать не стал, но по косвенным замечаниям герцога понял — герцогиня Мекленбургская, моя дорогая родственница, одна из ведущих персон в том самом «мы» Старой Европы.

Да, этим миром, в отличие от моего, правит не явная лажа, а тайная ложа — подумал я, узнавая методы и цели местного теневого мирового правительства. Которое уже три десятка лет работало над тем, чтобы предотвратить Вторую мировую. Сделав именно то, о чем мне только что говорил Астерот — собираясь спровоцировать локальный, но очень серьезный и разрушительный конфликт. Провести своеобразную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки, только сделав это руками корпораций. И сделав это еще до того момента, как набирающие силу корпорации смогут набрать ее достаточно для того, чтобы иметь шанс уничтожить старую государственную систему.

В ходе дальнейшего рассказа ни одной из личности персонально Спящих герцог мне конечно не раскрыл. Зато сразу трех «спящих агентов» косвенно, но подсказал — Доминика Романо, Эмили Дамьен и Маша Легран. Правда, после пары комментариев герцога мне хватило ума понять, что это не агенты старой аристократии в полном смысле слова. Та же Эмили Дамьен, как думаю и Маша, вела свою вела двойную, если не

тройную игру. Ставя не только на договор с аристократией Старой Европы, но и при проигрыше европейцев рассчитывая на возможность примкнуть к новым людям, к homo bionicus. И стать частью правления всеобщего мирового протектората.

Что самое обидное в происходящем — информация, к которой я стремился получить доступ с самого своего попадания в этот мир, с момента памятного разговора с графом Безбородко и ротмистром Демидовым, воспринималась мною теперь совершенно спокойно и отстраненно. Потому что я сейчас оказался даже не в роли политрука Еременко — который на знаменитой фотографии поднимает пехоту в атаку. Да, перед ним было чистое поле и немецкие пулеметы, но у него был хоть какой-то шанс выжить. У меня такого шанса нет.

Тускло как-то все вокруг стало. Контракт, который обязал меня прожить жизнь по законам божьим и человеческим, похоже заканчивается.

«Это была славная охота», — подходяще к настроению подсказал внутренний голос.

Глава 11

Когда флорентийский герцог закончил излагать положения Темного пакта и получил мое согласие в содействии, он откланялся и покинул операционную лаборатории. Выходя, герцог предупредил, что только покинув комплекс Origin Dynamics, он погасит пространственно-временной карман. И когда это случится, я вновь окажусь в потерянном мною ранее мгновении реки времени.

И действительно, когда через минуту карта с Большой четверкой и стальными пятнами протекторатов погасла, я вернулся в привычный бег времени, покинув миг безвременья.

Так, стоп. Покинул ли?

Осмотревшись по сторонам, я понял, что ничего еще не закончилось. Потому что снова увидел за столом напротив перед собой архидемона. Ну или архангела, кому как больше нравится.

— Еще раз повторишь? — вместо приветствия неожиданно произнес Люцифер.

— Повторю что? — недоумевая, машинально переспросил я.

— Ну вот это вот… Ave, Caesar, morituri te salutant, — усмехнулся в бороду Князь Света.

В облике русского царя он сейчас расположился на стуле, где только что сидел Астерот в облике флорентийского герцога.

Отбрасывающие меня назад временные петли — догадался я. Ручное вмешательство Астерота в мою беседу с флорентийским герцогом, в результате которого Люцифер получил пространство для маневра. И провести собственное вмешательство в реальность без последствий для себя.

Астерот, Люцифер… раз уж тут началась такая пьянка с ручным управлением реальностью, как бы еще Баал на огонек не зашел.

«Чет я очкую, Славик», — обеспокоено подсказал мне внутренний голос, за последнее время слишком уж активизировавшийся. От избытка событий, наверное. И с ним в сказанном, удивительное дело, я был согласен. Потому что с Баалом у меня отношения непростые, и одной только беседой наше общение — если он вдруг нарисуется, точно не ограничится.

— Артур, — окликнул меня Люцифер, заполняя паузу.

— Да, я могу повторить, — вспомнил я о чем только что шла речь. — А смысл?

Я действительно мог повторить знаменитую фразу. Ведь решение, в глубине души, я уже принял. Пусть особой радости оно мне и не доставило.

— Артур… — только и развел руками архангел Люцифер. — Не разочаровывай меня. Ты же много умнее, неужели ты еще не понял?

— Не понял что?

— У тебя, как тебе сообщил мой добрый друг и коллега Астерот, сейчас есть целых три пути. Правильно, я ничего не упустил?

— Да, правильно.

— Какие?

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем все это?

— Ну не проецируй на меня свое плохое настроение. Что, первый раз на эшафоте? — улыбнулся Люцифер. Так заразительно усмехнулся, что и я улыбнулся в ответ, вспомнив мем своего мира «В первый раз?» с человеком на виселице.

— Три пути, — повторил Князь Света. — Тебе же не сложно их озвучить?

— Не сложно.

— Сделай одолжение, прошу тебя.

— У меня есть три пути. Оседлать волну реконкисты Некромикона, и воспользовавшись своими старыми связями, по итогу Второй мировой войны возглавить Гидру корпораций.

— Первый путь, — кивнул Люцифер.

— Да. Также я могу заявить после свадьбы с Самантой права на трон Российской или Британской…

— Или не с Самантой, — перебил меня Люцифер.

— Что?

— Просто после свадьбы. Какая разница с кем — обозначить значит ограничить.

— Хорошо. Или свадьбы не с Самантой. Отказаться от брака с Самантой и взяв в жены одну из принцесс, или Анастасию, или Ольгу…

— Или Диану, — вставил Люцифер.

— Или Диану, — покладисто согласился я, крайне при этом удивленный.

— У тебя сейчас целых пятнадцать вариантов только династического альянса, — вслух прокомментировал мое удивление Люцифер, который веселился все больше. — На которые ты к тому же можешь наплевать с высокой колокольни, потому что никто тебе не сможет запретить мезальянс, а тогда вариантов уже на порядки больше.

— Пятнадцать, это если с Дианой? — удивился.

— Нет, с тремя будущими королевами. Если с Дианой,

династических вариантов еще больше, — усмехнулся Люцифер.

Он явно веселился. Я, правда, его настроения не разделял. Вот несколько неуютно себя чувствую рядом с веселым архидемоном. Ну или архангелом, кому как больше нравится.

— Выбрав один из пятнадцати вариантов, я могу занять трон Британской, либо трон Российской Империи…

— Скорее кресло президента Конфедерации, — вновь прервал меня уже открыто смеющийся Люцифер. — Во Второй мировой, на стороне какой из Империй ты бы не выступал, вся планета по итогу превратится в одну большую Конфедерацию. Такой уж ты сам по себе человек, другого ты в итоге не слепишь…

— Может ты сам тогда продолжишь? — уже не выдержал я.

— О, нет-нет, прости, — развел руками Люцифер. — Прошу, закончи, больше мешать не буду.

— Третий путь. Если через три недели, оседлав волну реконкисты Некромикона, я совершу акт несоразмерной агрессии в сторону одной из соседних корпораций, то на Занзибаре это спровоцирует большой конфликт. В ходе которого корпорации будут вынуждены применить все свое современное и до поры скрываемое оружие. И грядущий конфликт, который грозит удивить жестокостью и убийственностью применяемых средств взаимного истребления, пусть и не выйдет за границу протектората Танганьика, но поразит весь мир. Предполагаю, что после этого на планете воцарится статус-кво, с окончательным формированием Олимпа избранных, и соответственно еще большим ограничением боевых возможностей как рядовых одаренных, так и новых бионических людей.

— Все так, — кивнул Люцифер. — Значит, у тебя есть три основных пути…

— Да.

— И свой путь ты уже выбрал.

Отвечать я не стал.

— Мне казалось, что ты догадаешься сам, — развел руками Люцифер. — Но если я уже здесь… не могу тебе не посоветовать. Иди сразу по всем путям, зачем себе отказывать? Я же тебе уже сказал, что обозначить — значит ограничить, — широко улыбнулся Князь Света.

Сначала я не понял, что он имеет в виду.

А потом, под внимательным взглядом Люцифера, ка-а-ак понял.

— Но… все три пути, в рамках одного мира, во время войны…

— Война, война… война никогда не меняется. Если ты пойдешь всеми тремя путями, ты же не будешь воевать с самим

собой, — расхохотался Люцифер. — Артур, не разочаровывай меня, у тебя же аналитический склад ума!

Русский царь, в облике которого сейчас находился Князь Света, хлопнул себя по колену и поднялся, направившись к выходу. Но оказывается, он — как и Астерот незадолго до этого, раскрыл еще не все карты.

— Тем более, — добавил Люцифер, оборачиваясь уже от двери, — окончательно умирать, чтобы пройти все три пути, тебе, именно тебе, вовсе не обязательно. Не забудь об этом на своем эшафоте. И помни — звезда всегда покажет путь. Это будет тебе мой подарок.

— Подарок за что?

— За то, что ты раз за разом спасал мою любимую Настеньку. Это же очевидно! — развел руками Люцифер за миг до того, как пропасть из поля моего зрения.

Глава 12

Когда я вернулся в привычный поток реальности, Накамура все также внимательно смотрел в экраны мониторов. Но едва я осознал себя в прежнем состоянии, экраны вдруг ярко расцвели изменившимися показателями. Японец при этом настороженно вскинулся, совершенно не понимая, что происходит.

Я же, как это случилось и в прошлый раз, после спонтанного для меня разговора с Люцифером, почувствовал себя не очень хорошо. Даже можно сказать очень нехорошо: выкинуло обратно в привычный мир меня жестко и грубо. Словно бежал-бежал, и воткнулся на прозрачную стену. С размаху воткнулся, хорошо так, всем телом.

В глазах потемнело. Стоял бы я сейчас на ногах, не факт, что удержался бы. Но я сидел в кресле, к тому же в организме у меня уже личный терминал, который слегка подрегулировал гаснущее сознание стимулятором. В общем, как в прошлый раз, когда Саманта вытаскивала меня с площадки во время бала, совсем из реальности я не выпал. Хотя, по симптомам, собирался.

Удивленный Накамура лихорадочно пытался понять, что происходит, раз за разом соизмеряя мои показатели со своим планом хода событий. Японец просто не осознавал, как что-то может пойти не так, ведь буквально только что он все контролировал. Он у меня даже что-то спросил, пытаясь понять что произошло, но я успокоил его взмахом руки. Показывая, что все в порядке.

«Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам…» — мог бы повторить я слова, когда-то сказанные мне Анной Николаевной. Мог бы, но не стал, хотя и хотелось.

— Все под контролем, это я немного… — еще раз сделал я неопределенное движение рукой, не договорив. Накамура, спасибо ему за это, вопросов задавать не стал. Тем более телеметрия показателей моего состояния, судя по отсветам, возвращалась в норму.

И полностью вернулась уже через несколько минут. Еще раз все проверив, Накамура кивнул мне и выключил обе проекции мониторов. После отсоединился от медицинского кресла и стал собирать свой массивный кейс.

Перед тем, как выйти из операционной, японец показал мне на транспортный контейнер в углу. Это был предназначенный для меня, как для сотрудника оперативного департамента, и для варлорда на службе корпорации бронекостюм. Распоряжение получить бронекостюм «Ghosthunter» у меня также

присутствовало в списке указаний от Доминики. Я просто, на фоне более важного протокола 13-1-1, не акцентировал внимание на этом. Тем более думал, что костюм уж буду получать в башне Некромикона — а оказалось, пока я валялся в отключке, мне такой костюм здесь нашли. Ну, тем лучше.

Бронекостюм умещался в относительно небольшом кейсе. Раза в два меньше, чем транспортировочный кейс от экипировки Шевалье, в которых мы как во второй коже проводили кучу времени при подготовке к турниру; и много меньше, чем ящики с древним Варриором.

Собираясь познакомиться с костюмом поближе, я взялся за подлокотники и потянулся вперед, поднимаясь. Но снова словно в прозрачную стену влетел, резко остановившись. В этот раз, правда, без неприятных ощущений — остановился сам. Потому, что заметил на вмонтированной в левый подлокотник небольшой полочке перстень.

Это было массивное кольцо из красного золота, с квадратной печаткой. На которой на черном, вернее на темно-багряном фоне, алым багрянцем горел трехголовый дракон варлорда Драго Младича. Перстень был настолько искусно выполнен, и наполнен силой, что казался живым. Дракон в самом деле пылал алым пламенем, а темно-багровая поверхность печатки словно сочилась по краям небольшими капельками крови. Которые истончались и исчезали на золоте кольца.

Очень символизирующее действо. Вот просто «Пламя и Кровь» — девиз моего нового отряда, так искусно обыгранный в перстне.

Кто только мне этот перстень оставил? Люцифер или Астерот? Кто виноват, и что делать — два извечных вопроса. И в силу невозможности решения первого я сосредоточился на втором. Думал недолго, но весьма интенсивно.

По итогу раздумий глубоко вздохнул. Словно перед погружением в воду набрал в грудь воздуха, забрал с полочки перстень и надел. Легкий укол, последовавший сразу словно электрический разряд, прошедший по всему телу — это перстень интегрировался с моими энергетическими каналами.

Я поднял сжатый кулак, глядя как пламенеющим алым дракон начал пульсировать в такт ударам моего сердца. И, когда привычным (по прошлой, одаренной жизни) жестом я расправил ладонь, перстень исчез. Как и с ранговыми перстнями одаренных, все точь-в-точь также работает.

Появление перстня в какой-то мере уверило меня в том, что беседа с архидемонами — не плод моего воображения.

И кстати.

Поднял голову, посмотрел. Глазной имплант, переданный мне герцогом Медичи, лежит на столе — там же, где я его и оставил. Чтобы уже точно все проверить, открыл меню варлорда, посмотрел. В списке доступных мне наймов по региону действительно есть швейцарский наемный отряд Зарганс. Одно подразделение и вовсе находится рядом, на расстоянии семи минут подлетного времени после подписания договора найма. Денег, кстати, для подписания наемников переводить мне не требовалось — услуга может быть оказана с отсрочкой платежа.

Кроме того, у меня в личной почте висело новое, конфиденциальное письмо от пожелавшего остаться анонимным адресата. Открыв, бегло прочитал — это был протокол допроса специального агента Легран, внедренного в племя каннибалов. На допросе агент подробно рассказал, как организовывал и участвовал в похищении Степана Мотова, а также сообщил о местонахождении конспиративной базы и рассказал известные ему сведения о наличии там охраны и систем безопасности.

В протоколе допроса, кроме всего прочего, сообщалось о наличии на базе второго пленника. Но сообщалось так, что я между строк прочитал — меня там ждет Маша. Для того, чтобы сообщить нечто важное. И кое-что предложить. «Предложение, от которого сложно отказаться» — вспомнил я сказанное совсем недавно на этот счет герцогом Медичи.

Кроме того, еще одним вложением в письме был подготовленный план операции по захвату базы Карателей, на которой сейчас сидит в плену Степан Мотов. План я просмотрел, и без корректировок перекинул в собственное тактическое меню.

Вызывать швейцарских наемников пока не стал. Мне еще думать надо, и с Валерой побеседовать. Ну и переодеться, конечно же, в первую очередь. Так что весь интерфейс отряда варлорда, не закрывая его окончательно, смахнул пока в сторону, за границу зрения. И наконец поднялся с кресла, подходя к ящику с бронекостюмом.

«Ghosthunter» — гласила надпись на крышке ящика.

Хотелось мне, конечно, прокомментировать неожиданный подгон, но не стал. Вообще костюм, конечно, суперсовременный, на полном технологическом фарше. Но такой он, своеобразный. So so, как говорят англичане. Такое себе, своеобразное приобретение.

Костюм, разработанный американцами, в переводе назывался «Охотник за призраками». Призраками же во всем мире привычно назывались элитные снайперы, экипированные в броню со стелс-технологией. Этот же, костюм Ghosthunter, в первоначальном, армейском варианте предполагался для рейнджеров. Которые

сами, обладая незаметностью, должны были на поле боя выбивать снайперов-призраков.

Неоднозначное, надо сказать, планируемое применение ресурсов государства, потраченных на воспитание и подготовку высококлассных бойцов. Слив ресурсов, можно даже сказать. Нет, на гипотетическом чистом поле, предполагаю, призрак-снайпер один-в-один без вариантов проигрывал призраку-рейнджеру. Вот только ни одно боестолкновение не происходит на гипотетическом чистом поле.

И судя по специфике локальных войн и конфликтов этого мира, такой костюм первыми должны были разработать японцы, и назвать его более подходяще — «Камикадзе». Или, если бы разработкой руководили конфедераты, можно было бы его назвать «Голый штурмовик».

Но, американцы успели первыми. Зато большие деньги прокрутились, сколько людей наверняка работой обеспечены оказались; экономике плюс опять же — хмыкнул я своим мыслям.

В общем, охотников за призраков на полях боев не наблюдалось (хотя может быть я не прав и их просто не видно), а изготовленные для них костюмы остались. Оказавшись весьма востребованы, по своей специфике, в корпоративных войнах. Тем более что Трансатлантическое содружество весьма тесно на государственном уровне сотрудничало с корпорациями, так что невостребованные бронекостюмы разъехались по всему миру. После некоторой модернизации, а также облегчения и так легкой брони: в новом, корпоративном варианте костюма, не предполагалось ни шлема, ни перчаток, ни даже полноценной кирасы.

Открыв крышку, я внимательно осмотрел элементы доспеха. Ну да, облегченный вариант, который и не доспех почти — практически контактный комбинезон, помассивней лишь немного. Причем такой, что его, в принципе, можно носить под обычный деловой корпоративный костюм. Который здесь также был — аккуратная стопка из пиджака, брюк, и белой рубашки с расширенным воротником стойкой.

Понятно почему и деловой костюм комплекте идет — мой костюм, в котором я сюда прилетел, по размеру не подойдет. Этот же, который в комплекте, на размер, если не на два, побольше. И под меня сшит, судя по сопроводительной записке — которая отображалась на дисплее открытой крышки транспортировочного кейса.

Когда переоделся, оценил — не наврали, точно под меня делалось: легкий бронекомбинезон даже подстраивать не пришлось. Деловой костюм корпората тоже отлично подошел. И

теперь только высокий воротник бронекостюма, выглядывающий из воротника-стойки пиджака, да темная, словно змеиная кожа на тыльной стороне ладоней, говорила о том, что у меня под деловым костюмом суперсовременная боевая экипировка.

Едва застегнул последнюю пуговицу рубашки, услышал, как едва слышно гудит, разгоняясь, генератор силовых полей. Его максимально уменьшенные батареи были встроены на боку слева (справа место для скрытой подмышечной кобуры) и на спине, вдоль поясницы.

Кобура в комплекте тоже была, а вот оружие в контейнере отсутствовало — пустые слоты. Это все потому, что оружие, в отличие от экипировки, я обязан получить у оружейника корпорации, под роспись — оповестило меня сообщение, всплывшее в дополненной реальности.

Двигаться, кстати, по-прежнему было тяжело и непривычно. Новые возможности организма, к которым я еще не привык, новые скорости, новое мироощущение. Приходилось постоянно себя контролировать, буквально каждое движение. У меня от этого, еще пока переодевался, голова начала гудеть, а под бровями уже формировался и давил на глаза словно тяжелый ком грядущей головной боли.

Переодевшись, я отодвинул на периферию зрения многочисленные полупрозрачные окна оповещений, в которых был показан ход интеграции систем бронекостюма и моего личного терминала. После чего подхватил пустой транспортировочный кейс и вышел наконец из операционной лаборатории.

Вышел в новую, так сказать, жизнь. Причем с проблемами и вопросами гораздо более масштабными, чем тогда, когда почти пять часов назад я заходил сюда.

Эх, верните мне мои четыре утра, или во сколько я сюда прилетел — хмыкнул я.

Накамура в лаборатории отсутствовал. Видимо покинув операционную, направился в конвертоплан. Валера и Николетта нашлись в соседней комнате, с чашками кофе. Внешне ожиданием не утомлены; но, когда я зашел, оба выжидающе вскинулись, глядя на меня. Вопросов никаких задано не было, но у меня сразу в голове зашумело — настолько сильно воспринимал эмоции обоих.

Крайнее удивление, пристальное внимание, неподдельный интерес, долгожданное облегчение от окончившего ожидания — эти самые яркие ощущения, которые принадлежали и Валере, и Николетте, мешались в моем восприятии. И явно выделялись среди массы их других самых разных, как общих, так и нет,

эмоций.

Когда на меня лавиной восприятия навалилось сколько всего, я едва сохранил бесстрастный вид. Очень уж сильно меня шибануло многократно усилившимся восприятием. Как громкая музыка в машине, которая басами долбит так, что раскидывает мысли в разные стороны. Мне пришлось даже чуть прикрыть глаза, и быстрым ментальным упражнением собственное восприятие приглушить, закрывшись от окружающего мира практически полностью. При этом действии я почувствовал слабый укол в безымянном пальце.

Да, определенно это все перстень. Про который я, пока разбирался с костюмом, даже и забыл немного. Он словно батарейка, разгоняющая мне по энергетическим каналам живой огонь…

Так, стоп.

— Ничего что… — произнес Валера, показав двумя пальцами себе на глаза, после перекинув жест в мою сторону.

Вот и причина удивления. Видимо на это, на стихийный отсвет в глазах, и отреагировали удивлением Валера и Николетта.

— Светится, да? — догадался я.

— А ты сам не, не чувствуешь?

Сам я не чувствовал. Наверное потому, что у меня нанолинзы от Парагона, спектр зрения в нормальный вид подстраивают. Быстро найдя настройки, я отключил корректировку, и смотрел теперь на мир, который был чуть подкрашенный оранжевыми отсветами. Корректировку зрения снова включил, только теперь уже обратную — так, что нанолинзы привели мои глаза в привычный человеческий вид уже для сторонних наблюдателей.

— Вот, теперь как раньше, — прокомментировал изменения Валера. Он хотел еще что-то сказать, но увидев мой взгляд, промолчал. Я же сел за стол. Процесс изменения организма закончен, теперь нужно думать, что делать.

И принимать решения.

Причем думать и принимать решения надо так, чтобы потом не было больно за совершенные ошибки. При мысли об этом появилось понимание, что именно здесь и сейчас та самая точка невозврата, переломный момент. И именно сейчас мне нужно выбрать путь и решить, что и как делать дальше. После будет поздно.

Голова, кстати, болела все сильнее, а тупой груз под бровями все больше давил на глаза. Николетта вдруг поднялась, обошла меня с другой стороны. Села, придвинулась ближе, взяла меня за левую руку — и о чудо, от ее касания по всему телу прошла

словно прохладная волна, а головная боль тут же отступила.

«Спасибо» — мысленно поблагодарил я девушку.

Не знаю, как она это сделала, но сделала очень вовремя.

— Пять минут, — это уже вслух, в ответ на вопросительный и озадаченный взгляд Валеры. — Пять минут, пожалуйста, мне нужно подумать, — еще раз повторил я.

Опустив взгляд, я обхватил голову и уткнулся невидящим взглядом столешницу.

Так, ладно. Привет новая жизнь, я на перекрестке, и надо что-то делать. Причем от моих дальнейших действий, действий вот прямо сейчас, зависит судьба мира. Надо что-то делать и что-то решать. Вот только что?

Думай голова, думай. Причем думать надо хорошо — если сейчас ошибиться, потом думать уже не получится.

Подумал. Потом еще подумал. Потом еще подумал, и наконец решил что именно и как делать.

— Валер?

— Я.

— Нет, не ты. Мне нужен Модест… Damned, он может не справиться…

— Ты можешь перестать гундеть и сказать по существу?

— Нужно найти портальный артефакт.

— Портальный что?

— Портальный артефакт.

— А это что?

— Амулет, настроенный на владельца. У Ольги такой был — он связан с местом силы, и при желании владельца уносит его прочь.

«У Ольги?» — даже несмотря на почти полностью приглушенное восприятие, почувствовал я эхо мыслей Николетты.

— Эм… я не слышал о таких, — покачал головой Валера.

— Неважно. Ольга слышала, обратись к ней, и найди такой артефакт. Это срочно.

— Насколько срочно?

— Настолько, что можем не успеть. Свяжись прямо сейчас, как закончим, через Накамуру. Ольге, что это нужно мне, не говори. Это важно… нет, у меня с ней все в порядке, вопрос иной плоскости. Просто я не могу обратиться к ней прямо, как Артур. Не парься, просто прими как данность и меня не упоминай, — сумбурно объяснил я.

— Хорошо, — покладисто согласился Валера.

— Ники.

— Массимо?

— Вот этот вот… человек, так скажем, единственный в этом мире, кому я полностью доверяю. Никуда не отходи от него пожалуйста и выполняй все его указания. Он позаботится о твоей безопасности в ближайшие часы. Валер.

— А?

— Возвращайтесь на Занзибар, на виллу Николетты. Там держи оборону, и жди меня. Ники, пока я не появлюсь, отмени все рабочие встречи. Скажись больной и сиди дома, никуда не уходи.

— А ты?

— Мне нужно по делам, — достал я из кармана переданный мне герцогом Медичи глазной имплант, постучав им по столешнице.

— Куда?

— Встречусь с нашей общей знакомой, — перевел я взгляд на Валеру, и катнул в его сторону глазной имплант. — Как только, так сразу вернусь. Вы же, прямо сейчас, улетите отсюда на Занзибар, но в любой момент будьте готовы остров покинуть, вдруг что. Причем будьте готовы свалить как можно дальше.

— Вдруг что? — сдержанно поинтересовался Валера.

— Да я не знаю даже, честно.

— А если примерно?

— Помнишь вот это вот: «Вы уже мертвы» от Марьяны?

— Когда ты сказал, что пусть лошади думают, что у них голова большая?

— Да.

— И?

— Помнишь, мы тогда пришли к выводу, что дело… дрянь, так скажем?

— Да.

— Так вот. Дело не дрянь. Все гораздо хуже.

— А…

— Не сейчас. После встречи с Машей я тебе все расскажу.

«С Машей?» — снова услышал я эхо мыслей Николетты.

Не обращая внимания на девушку, которая сейчас хотела поймать мой взгляд, я в дополненной реальности открыл меню отряда варлорда. И подтвердил вызов подразделения отряда «Зарганс». После этого скинул на появившийся адрес план операции, который любезно за меня был составлен герцогом Медичи. Ну и отправил сообщение Накамуре, что сейчас к нам гости прилетят.

— Если столько предосторожностей, может быть расскажешь сейчас? — когда я закончил работу с меню в дополненной реальности, спросил Валера. — Ну, вдруг что.

— Без меня, если вдруг что, все сказанное просто не имеет

смысла. Считай, что я тот самый пятый элемент, — усмехнулся я. — Единственное что…

— Что?

— Николетта. Она уникум, и очень важна для этого мира. Береги ее.

— Хорошо, — собрался он подняться, думая что все закончилось. Рано собрался — все только начиналось.

— Подожди.

— Жду.

— Нож.

— Что нож?

— Нож у тебя есть?

— Есть.

— Давай.

— У тебя своего нет?

— Валер, как же ты иногда бесишь.

— Артур, как же ты иногда удивляешь. Как ты вообще из дома без ножа выходишь?

Николетта, глядя то на меня, то на Валеру, вдруг подняла руку и заставила материализоваться в ладони клинок, которым я совсем недавно пронзил ей сердце.

— Них-х…чего себе, — не сдержал удивления Валера.

— Отдал попользоваться, — криво улыбнулся я. — Валер, ну не тупи, давай чуть быстрее шевели мыслями и руками.

Достав нож одним слитным движением, Валера подбросил его вперед и вверх, перекидывая над столом в мою сторону. Пока нож летел, я немного остановил время, осматривая его. Стандартный армейский клинок конфедератов. Немного потертый, с черным вороненым лезвием. Не очень, конечно, хорошо подходит для задуманного — по красоте будущего артефакта, я имею ввиду. Но никаких уникальных коллекционных клинков рядом не наблюдается, так что придется работать с тем, что есть.

Вернув время в привычный бег и поймав нож, я сразу чиркнул себе по левой руке, заставляя вылиться капли крови на столешницу. Набрав небольшую лужицу, начал острием рисовать из нее лучи. Рисовал левой, «живой» рукой, так что получалось кривовато. Но в этом ритуале не нужно быть магистром каллиграфического начертания. Этот ритуал можно даже без пентаграммы исполнить, если уж совсем припрет: принцип действия не сильно отличается от механики клятвы на крови, а там вообще без начертания обходятся повсеместно.

Отрисовав наконец кривоватую пентаграмму, так что набежавшая лужа крови оказалась в ее центре, я воткнул туда же

нож. Реальность вокруг моментально начала плавиться. Мою левую, «живую» руку объяли красные лоскутья силы Крови, которые змейками спускались на нож, обвивая клинок. Сильнее обхватив рукоять взрезанной ладонью, я одновременно распрямил безымянный палец. И снял с него перстень, коснувшись им оголовья рукояти.

Перстень тут же стал плавиться, мягко становясь частью клинка. Лезвие которого из вороненого после этого стало темно-багряным, в цвет печатки. Причем лезвие клинка наливалось как будто живым светом. Трансформация закончилась быстро, и теперь в оголовье рукояти пульсировал отсветом алый дракон, единственный элемент, оставшийся на виду от всего вплавившийся в нож перстня.

И пульсировал алым дракон теперь в такт ударов моего сердца.

Все, сделано — клинок теперь связан со мной. Конечно, в иной ситуации глупо и опрометчиво создавать подобные артефакты: даже когда из ножа перстень будет удален, нож останется ниточкой, за которую можно потянуть. К примеру для того, чтобы меня гарантировано найти. Так что этот нож теперь мне лучше не терять. Если, конечно, я смогу получить и его, и свой новый перстень обратно.

— Саманте передай. Когда… когда свет погаснет, она знает, что делать, — постучал я по оголовью ножа, в котором пульсировал алый дракон. — Скажи ей только, что это надо сделать сразу и очень быстро. До того момента, как вот этот огонь, — постучал я ногтем по алому дракону в оголовье ножа, — запульсирует вновь.

«Чего …?» — услышал я эхо мыслей удивленного, так скажем, Валеры.

«Саманте?» — услышал я эхо мыслей Николетты.

— И еще… пусть Саманта свяжется с Анастасией…

«С Анастасией?!» — еще громче подумала Николетта.

«Чего-чего …?!» — еще громче подумал совсем озадаченный, так скажем, Валера.

— …то, что она должна сделать, нужно сделать именно на моем Месте Силы, в Елисаветграде.

Валера с расширенным глазами смотрел на меня, начиная понимать, что именно я только что сделал и чего именно хочу. Я же сам в этот момент в дополненной реальности увидел оповещение. Все, время — нанятое мною подразделение отряда Зарганс находится в зоне прямой и безопасной устойчивой связи. Это значит, что их конвертоплан уже приземлился под защитным куполом комплекса Origin Dynamics. Надо же, прибыли быстрее

чем через семь минут.

— Стой-стой-стой, — между тем даже замахал Валера руками. — Тебя же размотает, придурок!

— Все, я напишу, — покачал я головой, поднимаясь. И не имея никакого желания ни спорить, ни объяснять. — Прошу вас, ведите себя осторожно и берегите себя. Да, Валер, ящик захватишь, — показал я на транспортировочный контейнер из-под своего нового бронекостюма.

Не разменяваясь больше на прощания, кивнул ошарашенному Валере и успокаивающе сжал руку испуганной Николетте. После чего развернулся и вышел из комнаты. Быстрым шагом, почти бегом, покидая лабораторию.

Во внутреннем дворе стояло уже два конвертоплана. Один, приземистый, хищный и даже с виду стремительный — тот самый, на котором мы прилетели. Бывшая личная машина Итона Харди-Боулза, «позаимствованная», усилиями Валеры, «мной», на нужды собственных оперативных мероприятий.

Вторая машина выглядела более тяжелой и массивной. Десантно-штурмовой конвертоплан, рядом с которым выстроилось восемнадцать человек в полной броне, с оружием за спиной. И на броне бойцов, и на борту конвертоплана виднелись эмблемы в виде черного щита, на котором изображен силуэт белого гусем с красным языком и лапами.

Швейцарские наемники из отряда Зарганс. Привет-привет, давно не виделись.

Поднявшись по трапу конвертоплана швейцарцев, я на представленном командиром отряде планшете окончательно подтвердил найм биометрией. После, давая старт акции, уже в собственной дополненной реальности согласился с единственной предлагаемой ролью, участника-наблюдателя. И еще раз, уже отдельно, подтвердил как свое личное участие, так и обязательство следовать указанием командира операции — в случае нарушения которого наемники переставали нести какую-либо ответственность за результат.

После соблюдения всех формальностей все выстроившиеся на смотр швейцарцы погрузились в конвертоплан, и я также занял полагающееся мне место в десантном отсеке. Ожидая настройки под себя и под свои параметры тактической сети подразделения отряда Зарганс, к которой получил доступ. И которая получила доступ к моим показателям — это в обе стороны работает.

Сейчас, когда моя операционка уже интегрирована с личным терминалом, настройка происходила гораздо быстрее, чем совсем недавно, при первой установке. Тем более что костюм мой сейчас существует автономно — наш уже взлетевший с площадки

конвертоплан перешел в режим полной скрытности, и большинство систем просто не работает. И до конца операции в общемировую Сеть мне теперь выходить просто нельзя, такая возможность просто исключена.

Оглядывая устроившихся рядом вдоль бортов бойцов, я повел плечами. Не очень уютно себя чувствую; во-первых, новые особенности организма — у меня сейчас внутри словно кукловод живет, который то и дело дергает за ниточки, ограничивая движения. Причем справедливо ограничивая — по уму, после установки подобного протокола нужно только на реабилитацию и привыканию к новому телу пару дней. Я же сходу, прямо из операционного кресла, в блудняк очередной вписался. Вернее, меня вписали, причем сразу трое — герцог Медичи, Князь Тьмы и Князь Света.

Кроме того, понемногу чувствую, как с давлением на глаза под бровями снова усиливается тяжесть, предвестник головной боли. Возвращающейся после того, как Николетта отпустила мою руку.

Но более всего неуютно я себя чувствую из-за ощущения того, что я словно голый. В десантном отсеке конвертоплана два десятка бойцов, и все они в однотипных средних доспехах «Ландскнехт» в городском камуфляже. Только у двух скаутов бронекостюм в легкой комплектации, а три бойца отделения тяжелого оружия, наоборот, широкие и массивные, словно ходячие танки. Почти у всех наемников полностью глухие забрала, только у скаутов блестит зеленый отсвет глаз из-за темного, непрозрачного стекла; у каждого бойца оружие наготове. Я же в этой компании, в обычном деловом корпоративном костюме, пусть и с легким бронекостюмом под ним, смотрюсь случайным прохожим.

Еще и оружием не озаботился.

Забыл. Вот на самом деле забыл — с этими решающимися судьбами мира просто из головы вылетело. Ладно, не впервой. Прорвемся — сказал сам себе, стараясь погасить недоуменное раздражение на самого же себя.

Если совсем припрет, начну использовать стихийную силу. Хотя здесь это делать конечно очень не рекомендуется — Момбаса, как и весь протекторат Танганьика, свободная от магии зона. Такое незамеченным точно не пройдет.

Долетели до места минут за двадцать. Конвертоплан наш передвигался в режиме скрытности, бортовые экраны неактивны; тактическая сеть отряда, к которой я получил доступ, тоже глухая — только общая информация, никаких вестей из внешнего мира. И то, что мы прибыли, я понял когда в животе потянуло

невесомостью — конвертоплан рухнул с неба на нужное место. Практически сразу перед взором расцветилось активировавшимся отрядным интерфейсом, по ушам ударило командами на немецком.

Конвертоплан еще не приземлился, но часть пола исчезла — бойцы партиями исчезали из глаз, просто проваливаясь вниз. Я, опасаясь что и меня выкинут, даже взялся руками за дуги держателей, поглядывая на табло готовности устройства спуска моего места.

Опасался зря — меня принудительно десантировать не стали. Дуги плечевых держателей поднялись, только когда конвертоплан приземлился, коснувшись земли и едва качнувшись при этом.

В дополненной реальности, в ожившей тактической сети отряда, я наблюдал, что некоторые бойцы уже вошли в огневой контакт, передвигаясь по территории парка особняка, в котором оборудована конспиративная база Карателей. Другая часть уже захватила подстанцию, вырубая системы безопасности.

Когда система креплений полностью поднялась, освобождая меня, наемники уже вошли внутрь здания, полностью вырубив все системы безопасности и парализовав охрану. Перед взором у меня горело красным — на улицу меня пока не приглашали. И только через три минуты, когда здание было полностью зачищено и проверено, красная пелена моргнула зеленым, исчезая.

Возле трапа меня ожидали двое бойцов, назначенные личной охраной. В их сопровождении я прошел в здание, отмечая следы разрушений — хорошо ребята постреляли. В холле особняка один из наемников явно подключался к общей сети здания, остальные — видимые мною как вживую, так и на объемной миникарте дополненной реальности, занимали позиции, организовывая оборону. Сам я, в сопровождении тех же двух бойцов, выделенных на мою охрану, по указаниям тактической сети дошел до лифта.

На лифте не поехали, потому что во время захвата чужих зданий вообще на лифте лучше не кататься; спустились по лестнице. На минус третий этаж, где — судя по предоставленной мне герцогом информации, меня ждал Степан и второй якобы «пленник».

Несмотря на осознанное опасение — прилетел непонятно с кем непонятно куда, я в общем-то не сильно нервничал. Внутри жило стойкое предчувствие, что все под контролем, и все идет по плану.

«Сейчас все под контролем». - подсказал внутренний голос. Да, — согласился я с ним. Здесь и сейчас пока все под контролем.

Надеюсь, так и останется.

Третий подземный этаж по виду напоминал тюремную

лабораторию. Решеток правда не было, но все в темных, а не в светлых тонах, как только что было в лаборатории Origin Dynamics. Двери опять же, явно укрепленные, системы безопасности усиленные.

Если даже не тюрьма, то эксперименты здесь явно проводились, которые с нормами общечеловеческой морали скорее всего не стыкуются. Но корпорации вообще такой институт, сам по себе с нормами человеческой морали плохо стыкующийся.

В коридорах захваченной нами тюрьмы-лаборатории Карателей Легран горело дежурное освещение, все двери открыты, по полу тянется зеленая змейка. Это уже отображается в моей дополненной, показывая путь.

— Ждем, — приказал я сопровождающим, показывая оставаться в лифтовом холле, а сам двинулся вперед в одиночестве.

Глава 13

Пройдя по указующим путь стрелкам, двигаясь к первой отмеченной точке, оказался у двери кабинета местного руководителя. Не уверен, что именно руководителя — на французском надпись. Но увиденное среди прочих слово «chef» все же намекает.

Зашел в кабинет и хмыкнул, увидев созданную лично для меня картину: в рабочей зоне кабинета, на удобном кресле, расположился робот-андроид. Причем андроид расположился на кресле, поджав ноги и углубившись вниманием сразу в несколько мониторов. На которых застыла картинка горящего небоскреба в Хургаде. И когда я зашел, манекен повернул ко мне голову без лица. Без лица, но с небрежно нарисованной красной помадой улыбкой.

Очень говорящая сцена. Причем говорящая лишь для двоих человек в этом мире: ровно такая же обстановка была в комнате у Маши на ее вилле на Синае, куда я добрался через темный мир после вояжа в Хургаду. На той самой вилле, где у нас с Машей состоялся наш последний и весьма памятный разговор, про грядущее распределение ролей на Олимпе этого мира.

Я тогда, по итогу, страхуясь от неожиданностей и не имея желания складывать все яйца в одну корзину, передал корпоративной принцессе позвоночник многоликой Новак-Ружички-Рыбки. Передал после того, как Маша согласилась сыграть со мной на одной стороне.

И тогда, почти два месяца назад, когда я появился у нее за спиной «из ниоткуда», Маша точно так же, как манекен сейчас, сидела перед рабочими мониторами в точно такой же точно позе. И также наблюдала за горящим в Хургаде небоскребом.

Как я и предполагал, Маша не совсем идиотка…

«Про себя промолчим», — вставил внутренний голос.

…чтобы самостоятельно прийти сюда на встречу. Вместо себя она посадила в кресло андроида. Который, кстати, уже поднялся на ноги и подходил ко мне ближе. Наверняка хочет передать сообщение. Но прежде скорее всего последует проверка. Я снова не ошибся, андроид заговорил.

— Где состоялась наша последняя встреча? — голосом Маши поинтересовался андроид. Голосом, который сильно диссонировал с видом пустой болванки ожившего манекена.

— На Синае.

— Что ты мне подарил?

— Позвоночник, — я удержал смешок, вспомнив реакцию

Маши не переданную ей часть организма Бланки Рыбки.

— Куда ты меня позвал?

— Эм… на Олимп?

Кивнув, андроид-манекен протянул мне руку с выставленным указательным пальцем. Из которого выехала небольшая таблетка с данными, которую я забрал.

— У тебя есть тридцать минут, — уже механическим голосом произнес андроид. — Оперативная группа отправится на базу только по истечению этого времени. Или раньше, после того как ты базу покинешь. Твой приз в помещении двадцать-двадцать три, — закончил андроид, после чего застыл, как каменный.

Доли секунды, и после последнего слова в подмышечных и тазовых стыках андроида заискрило, из незаметных ранних щелей по всему корпусу потянул черный дым. Раздался сжатый, глухой хлопок, и выполнивший свое назначение андроид сломанной куклой рухнул на пол, полностью выгорая за считанные секунды.

Любопытство оказалось сильнее. Тем более с момента начала захвата базы еще пяти минут не прошло. Времени куча, так что я, даже не выходя из задымленного кабинета, вставил переданную мне флэшку в считывающий разъем личного терминала.

Для вас есть новое сообщение. Желаете просмотреть сейчас?

Для вас есть новое аудиосообщение. Желаете прослушать сейчас?

Аудиосообщение, боже, да что же это происходит? Аудиосообщение, как так? Неужто и в новом мире меня догоняет это зло, оказавшееся мультивселенским?

Справившись с первым удивлением, я открыл сначала сообщение текстовое. Просто потому, что на аудиосообщении висела плашка об уничтожении данных на носителе после прослушивания.

В текстовом сообщении было четыре файла разных протоколов. И сухая, поясняющая выборка о доступных и представленных мне во вложенных файлах вариантах найма ЧВК Карателей Легран.

Первый протокол подразумевал вариант возвращения на Занзибар с Мадагаскара каннибалов, наскоро обученных и усиленных десятком замаскированных под каннибалов специалистов отряда Карателей.

Второй, при активации, передавал мне в подчинение несколько оперативных отрядов, которые с этого дня будут находиться в постоянной боевой готовности. Несколько отрядов,

которые сейчас дислоцировались и на Мадагаскаре, на учебной базе Карателей, и на двух пунктах дислокации ЧВК на материковой Африке.

Третий протокол при активации поднимал по тревоге вообще все подразделения ЧВК Карателей Легран, даже европейские. И вся ЧВК Карателей по протоколу готова была выполнять мои приказы. Так что, если возникнет нужда, у меня окажется в подчинении частная военная компания из трех десятков одаренных пятого золотого уровня, и двух сотен подготовленных бойцов, с боевой даже техникой. Это еще не считая неполной сотни роты логистики, которых при нужде тоже под ружье можно поставить.

Может быть это не так много в масштабе локальных конфликтов, привычных этому миру; но вот в мире корпоративных войн — сила по-настоящему великая.

Да, ставки в розыгрыше билетов на Олимп этого мира настолько велики, что Маша просто готова отдать в мои руки управление своей недавно созданной армией. И она сейчас, удостоверившись что Драго Младич — это Артур Волков, готова мне помогать, ничего не спрашивая. Просто «приди и возьми» если нужно — вот в такой, немного неспартанской интерпретации.

Четвертый протокол, кстати, оказался безымянным. Его можно было просто активировать, а описания к нему просто отсутствовало. Интересно.

Смахнув в сторону текст, перекинув три протокола действий в меню отряда варлорда, а четвертый в личное, командирское меню, я включил воспроизведение аудио.

Аудиосообщение оказалось довольно интересное и продвинутое — перед глазами у меня появилась проекция Маши. Она, в моей дополненной реальности, выглядела как живая — а управленческий, форменный деловой костюм корпорации СМТ ей удивительно шел. Впервые в таком костюме, подчеркивающим руководящий статус, ее увидел.

— Привет. И не только от меня, — загадочно улыбнулась Маша. — Я все сделала, информации оказалось достаточно. Если хочешь дополнительно, — выделила это слово Маша, — усилить свой организм, все что необходимо уже есть на Мадагаскаре. Будешь на острове, активируй четвертый протокол, я тебя сама найду.

Послав воздушный поцелуй, фантомная фигура Маши исчезла.

Надо же. Аудиосообщение оказалось без долгих томительных пауз обдумывания, без мыканий и бэканий, без многочисленных

повторов одной и той же мысли, произносимой разными словами.

Просто идеал аудиосообщений — несколько секунд, и сразу гора информативной информации. Уложенная в пару предложений, а не растянутая в две минуты кастрированная мысль, вдогонку к которой отправляются еще дополнительно три аудиосообщения, содержащие в основном тяжелое задумчивое дыхание.

Просто прелестно. Особенно прелестно, учитывая смысл только что услышанного. Что как-то по двойному трактовать невозможно: в переданном мною Маше позвоночнике оказалось достаточно информации, чтобы она смогла Рыбку воскресить. И более того, Маша смогла наладить перенос сознания на цифровые носители.

И, если я хочу, могу прямо сейчас предложением воспользоваться. Как и говорил мне герцог Медичи буквально час назад. Спрашивать его я тогда не стал, опасаясь спросить лишнего, но именно это я и подозревал. Подозревал, как только услышал, что Маша готова со мной встретиться.

И именно основываясь на этом подозрении, а также держа в уме слова Люцифера о выборе сразу трех путей, я создал артефакт, связав нож со ставшим моим перстнем и передал его Валере. Это, как я и предполагал и предполагаю, та самая возможность выбрать сразу несколько иных путей, чтобы избежать участи спасительной для этого мира жертвы. Как и говорил Люцифер.

Валера должен передать клинок, в котором отражается эхо биения моего сердца, Саманте. А Саманта, если увидит, что огонек моего сердцебиения погас, должна с помощью кукри сразу меня воскресить. Воскресить того меня — того самого Артура Волкова, который остался в круге ритуала сразу после Бала Дебютанток.

Именно поэтому Валера так разволновался — он понимал, что я создал еще один маяк, который может просто разорвать мою душу, отправив в астральную бездну. Но Валера не знал о том, что у меня — только руку протяни, уже есть возможность войти в узкий круг корпоративной элиты. И получить себе цифровой блок сохранения сознания. Причем блок этот я мог и могу получить или от Доминики, если завоюю ее доверие; или вот теперь от Маши, которая разобралась с наследством Рыбки, спрятанном в добытом мною позвоночнике.

И если Саманта успеет воскресить того, оставшегося на Балу Дебютанток Артура Волкова, до того момента, как огонек в клинке вновь начнет пульсировать, то есть вероятность, что в этом мире окажутся…. Я, Артур Волков как Драго Младич, и «тот

я, тот Артур Волков», который остался в круге ритуала.

По крайней мере, именно так я понял намек Люцифера, наложившийся на появление на горизонте Маши с удивительным ко мне предложением, от которого невозможно отказаться. Тем более что возможность переноса своего сознания на цифровую копию я держал в уме еще в тот момент, как только прибыл на Занзибар. Не зря же Астерот как одно из условий моего сюда вояжа выставил полный отказ от дара. А то, что Эмили Дамьен ради получения цифрового бессмертия от дара владения также отказалась, я не забывал.

Идея моя, конечно… неоднозначная, так скажем. Но вот если все получится, мне действительно будет сложно воевать «с самим собой». Причем воевать с самим собой в буквальном смысле слова. И таким образом у меня получится пройти сразу два пути — получить возможность взять власть корпорациях, и после свадьбы «того Артура» с Самантой занять не последнее место в старом мире, сохранившем привычный государственный порядок Вестфальской системы.

— Не, ну дичь же, как есть, — даже вслух произнес я.

Я прекрасно понимал, что идея меня посетила, так скажем, не из разряда самых разумных. Но других, перед лицом поставленных архидемоном и ситуацией задач, пока нет. Тем более, что добавляет уверенности и оптимизма, у меня сейчас чувство, что я вижу на горизонте последствий своих решений настоящую возможность собрать флэш-рояль.

Похожее чувство у меня было, когда на заре карьеры я, на своем тогдашнем месте работы, оказался на пути дележки довольно крупных откатов. Тогда было весьма весело — самые разные люди из самых разных социальных групп меня хотели подчинить, посадить и даже убить. Решение я тогда тоже нашел довольно дикое, и при этом смог выйти совершенно сухим из воды — не считая потерянных нервов и веры в людей, конечно. И выйти с материальной прибылью еще.

Сейчас, несмотря на сопоставимый масштаб, внутри щекочет похоже ощущение предчувствие грядущей победы. Несмотря на очень опрометчивый план — в неординарности которого как раз и заключается главная сила. Удивлю, так удивлю.

Интересный в общем у меня сформировался план действий. В котором, несмотря на его отчаянную смелость и кажущиеся вдали брызги шампанского, я определенно что-то упускаю. Зудит вот что-то на задворках сознания. Словно писк комариный напоминания, которое никак не вычленить в мешанине мыслей.

— Да что я могу упустить? — спросил я вдруг вслух самого себя.

Я играю на одном поле с вечными архидемонами (или архангелами, кому как нравится), ведущими с начала времен свою игру в тысяче миров.

Мне целых тридцать пять лет, плюс пятнадцать от Олега, я этих дилетантов как два пальца об асфальт в стратегическом планировании уделаю. Кто они вообще против такого монстра геополитической игры? Пфф, сосунки. Что я упускаю, какой отличный вопрос. Который можно немного перекрасить в форму: «Что я вообще понимаю в происходящем?»

С такими мыслями я покинул задымленный кабинет с остовом манекена андроида, который уже в пепел превратился. И, переключаясь из задумчивости о будущем в восприятие настоящего, дошел до помещения двадцать-двадцать три.

Дверь была закрыта, на замке красный огонек, ключа не видно. Так что вошел я, просто выбив дверь ногой. С новыми усилениями оказалось несложно. Более того, переборщил даже — полотно двери перелетело через всю палату (камеру) и ударилось в противоположную стену.

— Степан! Май диа френд! — войдя, не удержался я от восклицания.

Степан был прикован широкими стяжками к больничной койке. Из одежды на нем лишь короткий, до середины бедер больничный халат без рукавов, напоминающий мешок с дыркой для головы.

На мое появление — когда выбитая дверь рухнула рядом с кроватью, Степан отреагировал, подняв голову. Ну, состояние действительности адекватно — оценил я его реакцию; веществами не накачан.

Степан настороженно за мной наблюдал, пытаясь сохранять спокойствие. Страшно ему было — я это хорошо чувствовал. Даже несмотря на почти полностью приглушенное восприятие. Очень уж густой у него страх.

— Дружище, ты не представляешь, как я рад тебя видеть! — сообщил я Степану, который после моих слов испугался еще больше.

— Да ты не бойся, — попробовал я его успокоить. — Корпорация Некромикон, отдел нравов… прости, оперативный отдел.

Когда я сообщил, что из Некромикона, у Степана мелькнула надежда. Но ее сопровождал и новый страх, который он пытался скрыть. Интересно, отчего это?

О! Вижу и догадываюсь, отчего.

— Так-так-так. Это что? — навелся я взглядом на очень заметно лежащую на прикроватном столе таблетку флэшки.

Степан замялся. На вопрос он отвечать не очень хотел. И из-за его волнения я уже уверенно догадался, что это именно за флэшка.

— Протокол допроса? — поинтересовался я.

Отвечать Степан не стал, только сглотнул.

— И что ты им рассказал?

— Все, что спрашивали, — неожиданно не стал отпираться Степан.

— Отлично, мой друг, отлично. Вернее, печально, — поправился я, пряча флэшку в карман. — Насколько я знаю, учитывая твою сферу деятельности, твой организм способен противостоять допросу. Ведь так?

В этот раз отвечать Степан не стал. Но я ответа и не ждал. Если он занимался вербовкой для жертвоприношений, то он действительно мог противостоять допросу. Причем не так самоубийственно, как Эмили Дамьен, с взорвавшейся головой; у него, при активации, могли были бы быть стерты зоны памяти. Восстановление которых — весьма долгий и опасный для допрашиваемого процесс.

Степан же предпочел опасности откровенность — вероятно в надежде получить предложение стать двойным агентом и сохранить себе жизнь. А у него ведь, кстати, как и у мадам Дамьен, как и у Бланки Рыбки и как у вообще всех причастных к грязным корпоративным тайнам должен по идее контролер стоять, который превращает голову в кашу в случае передачи секретных данных.

Должен стоять. И скорее всего стоит. Но, опять же, скорее всего Степан его отключил — или ему отключили. Те же ребята из ФСБ, на которых он до сих пор параллельно работает. Так что сейчас, по факту, сохраняя жизнь и рассудок, сливая Машиным людям Некромикон, пытаясь показать лояльность при допросе, Степан намеревался и вовсе стать тройным агентом.

И все это — его причастность и к Некромикону, и к жертвоприношениям, и тем более к ФСБ, делало его для меня просто кладезем знаний и очень важным козырем.

— А ты способный парень, Степан, — похлопал я его по плечу. — Ох и далеко пойдешь.

Я даже не соврал. Потому что он действительно парень способный.

Избавив Степана от приковывающих к кровати широких стяжек, я помог ему подняться на ноги.

— Давай, давай, дружище, поднимайся. Некромикон, Хреномикон… Только свисти, он появится, — даже напел я. — ФээСбэ! Давай-давай, в Москву, домой летим, — потянул я

Степана за плечо. — Контора своих не бросает!

Только сейчас Степан осознал, и почти даже поверил, что помощь действительно пришла. Он не сдержал облегченного вздоха, в глазах его появилась сдержанная радость.

— Я ничего не сказал…

— Да я знаю, знаю, молодец. Вставай уже, карета ждет, — поторопил я его, и мы вместе направились к выходу из допросного помещения.

Ноги Степана держали плохо, он при ходьбе опирался на меня. И я сейчас, даже не возвращая восприятие в полную силу, чувствовал его эмоции.

В которых преобладало сдерживаемое облегчение, несмелая радость и робкая надежда. Он все же, пусть не полностью, но поверил в то, что еще «не сегодня». Я этого и добивался. Потому что очень хорошо почувствовал, как его облегчение исчезло, сменившись глухой тоской.

У самого выхода я подсек ногу Степану и подтолкнул в спину — так, что он врезался лицом в стену рядом с дверью. Сил я, из-за сдерживаемых эмоций немного не рассчитал, так что в месте касания лица Степана со стеной осталась кровавая клякса. Но он даже боли почти не почувствовал; ее заглушило тоскливое понимание того, что радость от кажущегося спасения оказалась ложной.

Да, все его связи — причастность и к Некромикону, и к жертвоприношениям, и тем более к ФСБ, делало Степана для меня просто кладезем знаний и очень важным козырем.

Не жили богато, как говорится, нечего и начинать — не нужны мне такие козыри. Не такой ценой.

«Не нужна тебе такая машина, Вовка», — в унисон мыслям подсказал внутренний голос.

Есть предел человеческой выдержке — я ведь прекрасно помню, как умирал вместе с Олегом. Не первый раз на эшафоте, как подметил Люцифер недавно.

— Перед тем как ты поедешь домой, последний вопрос. Друг мой, — присел я рядом со Степаном. — Ты помнишь, кто такой Олег Ковальский?

— Да, — хрипло ответил он. Кровь из лопнувшей брови и разбитого носа заливала лицо.

— Отлично, что помнишь, — фальшиво, одними губами, на секунду улыбнулся я. — Кто тебе дал задание его убить?

— Это уже второй вопрос.

— Ах ты ж наглый сукин сын, — с восхищением произнес я.

Степан как раз в этот момент пытался приподняться, принять более ровную позу, облокотившись спиной на стену. Рука его

лежала на полу, очень удобно — и резким ударом кулака я расплющил Степану два пальца.

Он болезненно вскрикнул, прижимая искалеченную руку к груди, а я ударил снова. Открытой ладонью, по исказившемуся от боли лицу, наотмашь. Немного переборщил — щека стало красной, кожу как стесало. Бил тыльной стороной ладони, а у меня там почти до фаланг пальцев змеиные чешуйки бронекомбинезона.

— Это все еще один вопрос, Степа. Просто он сложносоставной. Итак, ты помнишь Олега Ковальского. Помнишь, как его убил…

— Я не…

Резко, входя в скольжение, я схватил баюкаемую руку Степана и приложил к стене. Еще один удар кулаком, и еще два пальца расплющились. А уже поврежденные и вовсе превратились в кровавое месиво.

«Лучше не ври», — посоветовал я Степану, только немного другими словами. — Май диа френд, — добавил я, изобразив на краткий миг еще одну фальшивую улыбку.

— Ладно, друг. Вопрос закончился, а у меня к тебе есть предложение. Ты сейчас говоришь мне, кто тебе дал задание убить Олега, а я дарю тебе легкую смерть. Либо же ты не говоришь мне правды, и тогда ты будешь молить меня о том, чтобы…

С этими словами я еще раз ударил в центр кровавого месива, в которое превратилось рука Степана.

Он, надо отдать ему должное, попробовал. Я был без шлема, и левой рукой — собрав все силы, он ударил. По глазам, старясь выключить меня одним ударом. Руку его я перехватил. При этом услышал хруст костей — кисть его выгнулась в запястье так, что тыльная сторона ладони коснулась предплечья.

— Кто. Просто скажи. Один правдивый ответ, и все плохое для тебя закончится.

— Это не…

— Кто, — дернул я его кисть в другую сторону.

Степан истошно закричал, и попробовал потерять сознание — надо же, умеет что-то. Такой возможности я ему не дал, вернув обратно.

— Кто?

— Ковальский!

— Я знаю, что он Ковальский. Кто дал тебе команду убить…

Степан истошно закричал — это я еще раз грубо взял его за сломанную руку. Степан уже не выдержал, закричал в полном отчаянии:

— Войцех! Ковальский!

Сложно все это. Вроде чувствуется, что не врет. Но…

— Олег умирал долго и не очень приятно. Это тоже было частью приказа Войцеха?

— Да.

Степан перед ответом замялся. На краткий миг, которого мне и без восприятия хватило понять, чтобы понять.

«Врешь, с-собака!» — со злостью подсказал внутренний голос.

Врал, действительно. Войцех, который также работал на ФСБ, предполагаю перед тем как «погибнуть» от рук одаренного мажора, дал указание Степану меня убить. Но он точно не давал указания сделать это так, как исполнил Степан.

Больше ответов Степана мне не требовалось. Это Олег, по юной наивности, мог не замечать происходящего. Я же в его памяти видел отношение к нему Степана: это была злобная, мелкая зависть. Практически ненависть, причем безосновательная. Степан ненавидел Олега, просто потому что. Наверное, потому что Степан вынужден присматривать за Олегам, как за особо важной персоной, а не наоборот.

Прямо Степан своего отношения, конечно, не показывал. Но он постоянно пытался Олега поддеть, якобы беззлобно. Беззлобно, но при этом стараясь Олега унизить — так, чтобы сам Олег этого не понял. Олег и не понимал — это для меня очевидно.

Общался с Олегом Степан всегда с широкой улыбкой. Но, несмотря на его открытую улыбку, его шутки всегда были злыми. На самой грани фола — то же постоянное используемое обращение Олега-друг, если переложить его на английский, на котором Степан в основном общался, было намеком на английское произношение Olega-frend, что созвучно с «олигофрен».

— Последний шанс немного пожить, Степа. Или рассказываешь все-все по обстоятельства смерти Олега, или я перестаю тебя слушать, — действительно последний раз улыбнулся я. — Твое решение…

Степан заговорил. Заговорил быстро и невнятно, захлебываясь словами и не успевая за мыслями, перескакивая с одного на другое. Он действительно был одним из исполнителей ФСБ, обеспечивающим воспитание Олега в нужном русле. Степан сам нашел Олега в школе, предложив подзаработать. И, при поддержке Войцеха, а еще шире — при поддержке надзирающего за Олегом ФСБ, не только затянул того в команду на Арене, но и постоянно вытаскивал Олега на полукриминальные дела. Или не на полу, а на вполне криминальные.

Сцена с вызовом на дуэль была полностью просчитана и организована. Олег по-своему психотипу не мог остаться в стороне, и должен был заменить Степу на дуэли. Но Олег не должен был эту дуэль выиграть — шанс такого был призрачно мал. И еще, как обычно, в планах подобного уровня присутствовало двойное дно — это убийство заинтересованные лица собирались использовать против аравийского принца.

Вот только все пошло не по плану, потому что Олег удивил. И с этого момента план пришлось менять — Степан получил приказ на прямое устранение. Которое и выполнил. Причем выполнил с чувством, с толком, с расстановкой.

Когда работа по надзору за Олегом закончилось, Степан перешел на иной фронт работы. Вербовка и поиск людей для корпорации. Рассказывая об этом, он все говорил и говорил, чутьем понимая — стоит ему замолчать, и он умрет. Но мне уже было неинтересно.

Степан все говорил и говорил, но я уже не слушал.

— Гнида ты Степа, лицемерная, — покачал я головой, вынимая из держателя в стене парализатор. — Для тебя это будет легкая смерть, поверь, — ответил я на мольбу в его глазах.

Не обращая внимания на визгливые крики, на которые перешел захлебывающийся словами Степан, я воткнул ему в бок парализатор. И довольно долго держал, постепенно увеличивая заряд мощности от самого минимума до опасного максимума. И держал так, пока Степан не умер.

Труп я подхватил за ремень и поволок за собой — не нужно мне, чтобы кто-то забрался в его мозги, и узнал каким образом Степа провел последние минуты жизни. Но едва вышел из камеры, подумал о том, что Степан уж очень большой, широкоплечий и вообще массивный.

— Да пошел ты в жопу, Степа, — передумал я забирать его с собой.

Отпустил ремень трупа, прошел к лифту. Взял у одного из наемников зажигательную гранату, вернулся в камеру. Поставил гранату на минутный таймер, и воткнул ее в горло Степану. Резким ударом вбил гранату глубже, и поднялся.

Все, эта история закончена — направился я к выходу из палаты-камеры.

По мере того, как поднимался по лестнице на первый этаж, бойцы Зарганс один за другим оставляли позиции, выдвигаясь к конвертоплану. Уже в проеме входных дверей особняка я услышал хлопок снизу, от которого весь дом вздрогнул. Ну, теперь ни один некромант до нашей со Степаном беседы не докопается.

Не в чем копаться потому что будет.

Конечно, в теории какой-нибудь астральный сноходец может залезть в воспоминания места — как я свое время ощутил эманации смерти в охотничьем домике. Но это уже теория из разряда высшей магии, такому астральному путешественнику лезть сюда необязательно. Если такие способности у него есть, он и так обо мне все что ему нужно знает.

Когда я занял свое место в конвертоплане, чуть больше десятка секунд потребовалось бойцам, прикрывающим отход, чтобы погрузиться в десантный отсек через широкий боковой проем. Последняя пара, скауты кстати, вообще запрыгивали с крыши, мимо которой конвертоплан пролетел. И сразу после того, как последние два наемника оказались в салоне, боковая дверь закрылась, громко загудели двигатели. Машина легла на крыло и в пологом развороте начала набор высоты.

Домой летим, — вспомнил я сказанную совсем недавно Степану фразу, когда конвертоплан выровнялся на курсе.

Тут то, в этот самый момент, подарок и прилетел. Причем за пару мгновений до попадания я успел услышать из кабины громкий предупреждающий крик. И почти сразу на периферии зрения в дополненной реальности загорелась красная рамка опасности. Которая, судя по всему, грозила нам со всех сторон.

Что я упустил? — задавал я сам себе недавно вопрос.

Не знаю, рабочая или нет появившаяся у меня дикая идея, с параллельным воскрешением «того» Артура Волкова в тот момент, когда цифровой слепок моего нынешнего сознания (если я его еще получу) будет находиться в миге безвременья между смертью физического носителя и последующем воскрешением. Не знаю. Зато знаю, что именно я упустил во всех недавних своих размышлениях.

Баал.

Если на кону уже такие ставки, что Астерот с Люцифером по очереди вмешиваются в реальность, почему третий претендующий на мир архидемон, или его аватар в лице герцога Сфорца, должен отсиживаться в это время в стороне?

Глава 14

Конвертоплан, буквально пару мгновений назад уверенно себя чувствующий в полете, словно споткнулся. Заискрила изоляция поверху, машина клюнула носом, ее рывком повело вбок, разворачивая — судя по всему, в левый двигатель прилетело. В животе на пару мгновений ухнуло невесомостью, но падение почти сразу остановилось и раздался громкий гул. Пол под ногами завибрировал: пилот пытался выровнять машину. У него даже получалось, пока не прилетела вторая ракета.

В этот раз попало сильнее — от близкого взрыва тряхнуло так, что в ушах зазвенело, а краски мира вокруг поблекли. Часть противоположного борта вырвало, и три бойца улетели прочь вместе с обшивкой. Конвертоплан уже падал; мелькнула в проеме синева неба, черный дым и языки пламени от горящего правого двигателя, показалась желто-коричневая земля снизу. Желто-коричневая, потому что снизу нарезанная сетка желтых и пыльных, не знавших асфальта дорог и коричневые от ржавчины жестяные крыши трущоб.

Перед глазами у меня вдруг перемигнулось кодами сообщений, загудела стелс-система бронекостюма, накрывая меня пеленой призрака. В салоне непрерывно заорала аварийно-предупреждающая сирена, в динамиках послышались каркающие команды, а меня вдруг рывком дернуло вниз. Принудительное десантирование — меня вышвырнуло в открывшийся в полу люк. Причем выкинуло только меня одного — остальные наемники остались в салоне.

Я как сидел, обхватив дуги плечевых креплений, так вместе с ними и вышел в люк в полу. Кресло, в котором я находился, являлось частью подвесной системы, дополненной дугами плечевых и ножных обхватов. Вот только спусковое устройство не сработало, и я, зажатый в кресле, просто полетел вниз в свободном падении.

Пролетел правда недолго — меня резко рвануло вверх; словно подсекаемую рыбу на леске. Это все оттого, успел подумать я, когда меня перевернуло и панорама трущоб сменилась на синеву купола неба, что пилот конвертоплана пытался удержать машину на месте. Левый двигатель еще коптил, гудели нижние, тормозные двигатели — я затормозил оттого, что падал быстрее, чем конвертоплан.

Трос кончился, мое падение прекратилось. Правда, ненадолго — потому что как раз в этот момент в машину, из переулков трущоб, прилетела третья ракета, уже полностью выведя из строя

коптящий левый двигатель.

Меня потащило было в сторону, но я уже отогнул стопоры плечевых дуг и самостоятельно рухнул вниз, благо до земли оставалось меньше десяти метров. Приземлился на ноги, но сильно не помогло — я прилетел на коричнево-серую жестяную крышу, которая подо мной прорвалась, словно картонная. Сокрушив в щепки несколько древних телевизоров и груду прочей бытовой техники, я рухнул на утоптанный земляной пол.

Оказался в магазине электроники — который находился в небольшой одноэтажной коробке халупы из пенобетона, жести, говна и палок — обычное дело для предместий африканских городов. Освещения нет, свет только естественный, из открытого дверного проема и дырки в крыше. Но глаза, вернее линзы от Paragon, мгновенно подстроились — оказавшись со света в полумраке, я видел все вокруг без проблем.

Костюм охотника за призраками тоже не подвел — постфактум я понял, что слышу как гудят генераторы щитов, которые защитили меня от повреждений разорванной жестяной крыши и вообще от последствий падения на груду телевизоров.

Нормально, живем пока.

Ресурса, правда, на сохранность после падения ушло немало — заряд батарей до 93 % просел. Да, это не костюм Шевалье, в который можно очередями в упор стрелять. Моя сохранность в этом костюме корпоративного призрака ограничена всего парой, или даже одним хорошим попаданием.

Пружинисто поднявшись, выбравшись из пластиковой кучи древней техники, я выскочил на улицу. Как раз успел увидеть, как конвертоплан падает на соседней улице. Прежде чем исчезнуть из моего поля зрения, он сбил два столба с пучком проводов, и рухнул, окутанный фейерверком искр.

Осматриваясь по сторонам, я не мог не обратить внимания на то, что сам, в стелс-пелене, стал прозрачным. Прямым взглядом меня сейчас, если не присматриваться, довольно сложно заметить. Тем более если я встану вот так вот, прислонившись к стене. Если же буду двигаться, то сторонний наблюдатель заметит только размытое пятно уплотнения воздуха.

Таких призраков, как я, хорошо обнаруживают объемные датчики. Вот только это не про сейчас история — в небе продолжали взрываться тепловые и не только ловушки упавшего конвертоплана. Смысла в них сейчас особого не было — если бы не активация моего призрачного режима. А так, взявшие контракт наемники, обязавшиеся доставить меня и туда, и обратно, контракт свой пытались отработать полностью, отвлекая внимания на себя и создавая помехи моему обнаружению.

В тактической сети в этот момент мне появилось предупреждающее сообщение, указывающее оставаться на месте и обеспечивать сохранение скрытого режима. В принципе, вполне разумно. Надо понять сначала что произошло, прежде чем куда-либо бежать.

Я сейчас на перекрестке, с которого стремительно разбегались люди — проскочил мимом водовоз, бросив тачку с десятком черных канистр с водой; с испуганным криком, уронив прилавок с фруктами, бежал прочь продавец. Визжали женщины, выбегая из парикмахерского салона — у одной из них вся голова в бигудях, на которые намотаны черные как смоль волосы.

Салон красоты, из которого они выбежали, находился в двухэтажном здании. Единственном двухэтажном в обозримом пространстве. Серая коробка, напоминающая тюремный барак, а ведущие в него открытые синие ворота больше похожи на заезд в гаражный автосервис. Но что внутри именно парикмахерская, сомнений нет: «City hair SALON», намалеванное белой краской от руки прямо на створке ворот, ошибиться не даст.

Второй этаж здания вдруг оказался в фокусе огня. Полетела каменная крошка, грохнуло несколько взрывов, плюнув серой пылью и дымом из окон. И из одного окна после очередного взрыва вылетела сломанная и окровавленная человеческая фигурка. Молодой чернокожий парень, в белой футболке с розовой пантерой, желтых шортах и в тапочках сланцах. На голове обруч визора, на шее ремень от переносного зенитного комплекса. Сам комплекс, отстрелянный, упал поодаль — после того как очередным взрывом вырвало часть стены здания.

Гибель этого стрелка я видел; кроме того, взрывы раздались на соседних улицах, а в тактической сети почти сразу появилась информация об уничтожении еще двух целей. Это выбравшиеся из конвертоплана швейцарцы подавили огнем места, откуда по нам стреляли. Причем понятно почему наемники проморгали атаку — по нам ввалили простые уличные парни со старыми комплексами ПЗРК, даже без систем умного наведения. Стреляли прямой наводкой, а все стрелки без бронекостюмов; поэтому в конвертоплане, двигающемся в скрытном режиме без активного поиска, просто не засекли угрозу.

Обычный экипированный боец был бы обнаружен в момент прицеливания, как и автоматическая установка. А вот против таких парней-самоубийц защиты, в скрытом режиме, по сути, нет. Причем те, кто по нам отстрелялся, может быть даже не понимали, что они самые настоящие смертники. Тем более что, я это вижу сейчас в тактической сети, ни один из швейцарцев еще не только не погиб, даже сильно не поцарапан. Даже у тех троих,

кто вылетел на улицу из конвертоплана вместе с обшивкой, показатели сохранности щитов брони в красную зону не опустились.

На место моего падения, кстати, ни один из швейцарцев пока не выдвигался. Меня выкинули раньше всех из конвертоплана и сейчас просто не привлекают ко мне внимания — догадался я.

Я шагнул обратно, в полумрак «магазина электроники». Ощущая, как протекают одна за другой секунды ожидания. Все трое из тех местных молодых парней, которым вручили по сотне другой фунтов, старый ПЗРК и сказали, когда и куда стрелять, чтобы стать героем и первым парнем на деревне, уже мертвы.

Вот только определенно, на этой атаке смертников еще ничего не закончено.

Понимая это, я еще раз внимательно осмотрелся, предполагая откуда прибудут гости. Вокруг, куда не взгляни, нетуристический район, одноэтажная Африка — слепленные из всего что нашлось под рукой одноэтажные коробки домов; везде желтая пыль улиц и повсеместные жестяные, коричневые от ржавчины крыши. И подходящего транспорта чтобы по-быстрому отсюда смыться, не видно. Не на валяющемся же на дороге мопеде водовоза, потерявшего свою тележку, отсюда сваливать. Уходить если только на своих двоих. Дворами, перебежками.

Что я уже и делал бы, если бы не ожидание указаний от командира подразделения наемников. Ожидание это, правда, только для меня растянулось на нескончаемую резину времени; а на самом деле, с момента падения конвертоплана и убийства смертников полуминуты еще не прошло.

С неба между тем уже падало целых три конвертоплана, теряя, словно сбрасывая, стелс-пелену от заранее раскиданных нашим конвертопланом ловушек. И к первой машине проявившихся охотников с земли, из черного коптящего столба на месте падения машины Зарганс, резво потянулось сразу три густых дымных нитки.

Из спускающегося конвертоплана охотников выстрелили чередой тепловые ловушки, едва заметные на фоне голубого неба, а сама машина словно встал на дыбы, резко уходя в сторону. Не помогло — сейчас ракетами ПЗРК управляла не автоматика, а операторы отделения тяжелого оружия. Так что все три заряда мимо ловушек пролетели. Две ракеты погасили щиты машины, скрывшейся в пламени внешних взрывов, а вот третья ракета цели достигла. Это я по показателям отрядной тактической сети увидел.

Превратившийся в огненный шар первый конвертоплан совсем неподалеку, разметав сразу с десяток небольших домиков.

Но вот два других уже приземлились. И из них десантировалось более пяти десятков бойцов группы захвата — все они отображались у меня в тактической сети контурами силуэтов. И эти силуэты, двигаясь короткими перебежками, уже охватывали место падения нашего конвертоплана полукругом. И, что еще немаловажно — силуэты все безликие: броня нападающих не распознается своей принадлежностью.

Мало кто может позволить себе подобное в этом мире. Здесь, по правилам ведения войны, комбатанты обязаны носить знаки различия. Конечно, можно делать как штабс-капитан Измайлов в Высоком Граде — без спросу взять попользоваться чужую броню. Подобным образом, прикрываясь чужими метками, делают очень и очень многие. Но чтобы вот так, действовать демонстративно в бронекостюмах без знаков различий, это нечто неожиданное.

Как будто правила ведения войны этого мира уже кончились.

Впрочем, несмотря на безликость силуэтов, тактическая сеть отряда успела подсказать ответ — судя по базе данных клана Зарганс, передо мной сейчас бойцы, внешне опознанные как кондотьеры одной из вольных кампаний Лиги Севера.

Не ошибся. Это действительно Баал сделал свой ход.

Вот как знал — мелькнула у меня мысль. И в этот же самый момент перед глазами перемигнулось, стрелка мне показала направление на Юг, к марине королевского яхт-клуба Момбасы, и из отрядной тактической сети Зарганс меня выкинуло, отключив.

Все, теперь можно бежать — словно сказало мне произошедшее. Причем, как гласило так и не ушедшее из поля зрения сообщение, при этом «всеми путями обеспечивать сохранение скрытого режима».

Одновременно с тем, как меня выкинуло из отрядной сети, раздалась густая стрельба. Уходящая при этом в сторону — наемники из Зарганс даже не думали ко мне приближаться. Наоборот — плотной группой они, пытаясь пробить кольцо окружения, уходили в противоположном направлении.

Когда нужно, я думаю быстро. Командир наемников сознательно откинул меня в сторону, а показательно защищали они сейчас одного из бойцов отряда. Одного из скаутов, чтобы охотники приняли того за меня. Вернее, думаю придумал это не сколько командир подразделения, а разработавший план тактический анализатор, план которого командир отряда просто подтвердил и принял к исполнению.

И пока швейцарские наемники схлестнулись с итальянскими кондотьерами, мне предлагалось, используя свои возможности призрака, покинуть поле боя. И направиться в марину, где меня наверняка ждет яхта Эскалада.

Другой вопрос, а не бахнет ли Сфорца по яхте, раз уж такая пьянка пошла? Не пора ли вызывать на помощь Карателей? Пока точно не пора — если я воспользуюсь связью, отправляя запрос от лица варлорда Драго Младича, меня точно засекут. Для этого надо хотя бы подальше отойти, а там уже посмотрим.

Обо все этом уже на ходу думал. Потому что из магазина бытовой техники я вышел на параллельную улицу, пройдя через хлипкую заднюю дверь. Стремительно перебежал пыльную дорогу, протиснулся в узкую щель между двумя неказистыми домиками. В двери одного из них торчал с десяток детских голов, которые с испуганным интересом наблюдали за поднимающемся поодаль дымом и слушали стрельбу. Меня они даже не заметили.

На следующей параллельной улице я увидел так кстати оказавшийся здесь небольшой микроавтобус. Ярко, как водится для этих мест, раскрашенный. Пробежав с десяток шагов параллельно не очень быстро едущему фургончику, запрыгнул на него сзади. Микроавтобус хоть и вырвиглазно яркий, недавно покрашенный — на мотив пальм-крокодилов-бегемотов, но достаточно ушатанный. Задний бампер отсутствует, но торчат ребра жесткости, на которые ноги я и поставил. Багажник на крыше поскрипел, но выдержал, когда я схватился за него руками.

Водитель, судя по тому, как микроавтобус притормозил, что-то почувствовал. Но останавливаться и выходить проверять что с машиной не стал. Наоборот, еще больше увеличил скорость. При этом на перекрестке чуть не сбив парня на потрепанном, одноцилиндровом тарахтящем мотоцикле. Тот, уходя от столкновения, не справился с управлением и въехал в лавку в доме, где под жестяным навесом на лотках лежали самые разные фрукты.

Испуганные крики продавца и возмущенные мотоциклиста заглушили несколько взрывов, раздавшихся совсем неподалеку. Потом последовала еще серия, повисло несколько секунд тишины, а чуть погодя перестрелка возобновилась с прежней интенсивностью.

Серьезно они там схлестнулись. В этом мире очень редко когда наемники друг с другом вот так воюют, чтобы совсем насмерть, в кровавую кашу. И судя по нарастающей интенсивности столкновения, кондотьеры герцога Сфорца планировали мой захват наскоком, но наскоком не получилось. И у них сейчас остается совсем немного времени, пока сюда не прибудут полицейские силы, и до кучи корпораты из британской компании. Не думаю, что корпорации BSAC, Британской Южно-Африканской компании, которая считает Момбасу своей вотчиной, понравится происходящее здесь и сейчас.

Микроавтобус, к которому я прицепился, между тем все дальше уезжал прочь от места боя. Еще больше увеличив скорость, водитель теперь почти непрерывно сигналил.

Я, аккуратно приподняв голову над крышей машины и осматриваясь, словно в ответ на собственные мысли увидел сразу два звена штурмовиков. Явно патрулирующие окрестности экономической зоны Момбасы и прибывшие сейчас на огонек. И в моем личном, автономном тактическом интерфейсе варлорда эти машины определились как конвертопланы BSAC.

И все четыре штурмовика сейчас, приближаясь с двух сторон, летели к месту столкновения. Летели, но не долетели — над нами в небе раздался объемный взрыв, и все погасло. Все, в смысле моя дополненная реальность погасла — а бронекостюм стал просто тяжелым доспехом, отключившись после электромагнитного импульса. Хорошо видимое мне, ближайшее звено штурмовиков как летело, так и продолжало лететь — но уже с грацией сильно брошенного кирпича. Коснулись земли штурмовики почти одновременно, в паре сотне метров передо мной, рухнув на жестяные крыши. Падением подняв кучи пыли, над которыми по ходу торможения упавших машин разлетались обломки хижин.

Вот это уже очень серьезно. Это уже оружие не локальных корпоративных войн — такое только армия применяет, и то не каждая. Точно, как я и подумал недавно: чем ближе к развязке противостояния, тем все меньше правил у столкнувшихся противников. Как бы сейчас не рвануло тут все, как в Хургаде недавно — мелькнула у меня холодком мысль. Тогда я ведь мог в темный мир сбежать, а сейчас…

А я и сейчас могу. Только руку протяни (левую, живую) и открой пространственный карман с кровавыми мечами, которые я добыл в поединке с бурбоном на Арене Инферно. И если моя догадка верна — насчет безопасного пользования клинка бионической рукой, то путь в темный мир я открою себе легко.

Микроавтобус, кстати, больше никуда целенаправленно не ехал. Мы приехали — снижая скорость, машина двигалась накатом, почти остановившись. Еще, что очень плохо, электромагнитный импульс вывел из строя не только мою тактическую сеть, но и отключил пелену призрака — так что меня теперь, на заднем бампере микроавтобуса, прекрасно видно. Это я заметил, потому что начал видеть свои руки и почувствовал на себе чужое внимание. Ну да, нечасто здесь, в этих районах, видят парней в корпоративных костюмах, тем более белых, катающихся на задних бамперах микроавтобусов.

Спрыгнув за выщербленый асфальт, я отбежал на обочину,

после свернул в соседний переулок. Держа примерное направление в сторону марины, я бежал, стараясь держаться более узких проулков. Причем на удивление, бежалось легко и приятно: тяжесть бесполезного сейчас бронекостюма уравновешивала новые возможности, так что мне приходилось меньше контролировать движения своего обновленного организма.

После очередного поворота я выскочил на вполне широкую улицу. Одноэтажные трущобы закончились, здесь уже более представительный район — двух-трех, и даже четырехэтажные короба когда-то белых, серых, и желтых зданий. Когда-то, потому что большинство из зданий сейчас были темно-грязного цвета, из-за застарелых потеков.

Да, я покинул одноэтажные трущобы, оказавшись в более респектабельном районе. Грязи, впрочем, здесь было побольше чем в трущобах — неподалеку автосервис, у которого десяток фургончиков подобных тому, на котором совсем недавно ехал; под стенами ближайшего здания горы застарелого мусора, вокруг кучи ржавых деталей, даже раскуроченный двигатель валяется, причем почти посередине дороги.

Под ногами брызнули грязные лужи, разбежалась стая собак, прянуло в сторону сразу несколько закутанных в черное дам, которые смотрели на мир через узкую сеточку бурки, закрывающей даже и лицо. А, нет, никаб это — оставляющий открытой щель для глаз. Просто кожа у дам черная, сразу я не разглядел.

А вот мне бы сейчас такой наряд не помешал — мелькнула у меня здравая мысль. В своем цивильном корпоративном костюме, с белоснежной непачкающейся рубашкой, я сейчас как наряженная новогодняя елка на пляже Копокабана. Внимание привлекаю безальтернативно.

Так, стоп. Впереди, по прямому направлению к марине, тупик. Именно там автосервис, и улица полностью перегорожена машинами и разнообразными постройками. Куда теперь? — осматриваясь, я замедлил шаг и остановился. Право, лево?

Заметившие меня закутанные дамы между тем, заполошно уходя с дороги, вернулись откуда пришли — под навес, на котором на лотках разложены самые разные вещи. На которые я очень внимательно посмотрел, но тут позади раздался властный оклик.

Развернувшись, увидел что меня держит на прицеле полицейский. Не из групп быстрого реагирования, не из центрального управления полиции, а простой сотрудник, ходящий по земле. Не в броне, в обычном мундире, причем

потрепанном и слегка засаленном. Местный участковый, вероятно. Его машина — видавший виды Фиат с массивной радиаторной решеткой, внешне очень похожий на угловатую Тойоту Краун, стояла чуть поодаль.

Направивший на меня оружие, кстати, весьма смел. Хотя и боится — сейчас, когда он увидел черный воротник моего бронекостюма, полицейский понял, что я парень очень непростой. И еще он, примерно понимая кого встретил, все больше осознает, что из своей штатной беретты максимум может мой доспех поцарапать. И то не факт.

Мог бы поцарапать и даже пиджак порвать, если бы мой бронекостюм сохранился в рабочем состоянии. Сейчас же, когда вся электроника выведена… Так, а в чем прикол? — соскочил мой взгляд на его машину, двигатель которой тарахтел, причем довольно надсадно. Надо же, не все вокруг вырубилось.

Сам я, кстати, уже послушно подняв руки, подошел к полицейскому ближе. Всего на пару шагов, но мне хватило — быстрым движением выбил у него из руки пистолет, забирая себе.

На безрыбье и рак рыба, как говорится. Мне сейчас и такое оружие сгодится.

— Пух, — сложив руку пистолетиком, выставив указательный палец, продемонстрировав я выстрел, целясь в полицейского. Он при этом едва не упал — у него от страха ноги подкосились.

Я тоже удивился. Но по другой причине — перед глазами у меня в этот момент появился полупрозрачный значок вращающейся огненного колеса с восемью загнутыми лучами. Значок задумчивого действия программы Solaris, которая у меня установлена, и значок, который говорит о том, что бронекостюм ожил и сейчас перезапускается.

Ну, вообще отлично. Я теперь и при броне, и при оружии и даже при машине.

— Оставайся здесь, бро, — сказал я полицейскому на английском, хлопнул парня по плечу и быстро сел в машину.

Когда включил заднюю скорость, машина ощутимо дернулась. Да, техника… Топнув по педали, я выехал из проулка, крутанув руль, чтобы развернуться. И едва нажав на тормоз, выругался. Потому что на перекресток, с воем сирен — разгоняя прохожих и мельтешащую стаю куриц, выезжало сразу несколько полицейских машин. Гораздо более современных чем та, в которой сейчас сижу я.

На тормоз я, кстати, нажимать передумал. Наоборот, вдавил педаль газа и обернувшись, опираясь рукой на подголовник пассажирского кресла, поехал задом и назад. Максимально разгоняясь под подвывание коробки.

Машина — зверь; двигатель хоть и тарахтит надсадно, кашляя как в свой последний день, но тащит отлично. Кроме того, сама полицейская лайба широкая как баржа, уверенно глотает неровности дороги. И управляется на удивление хорошо — я даже еще ни во что не врезался. Задел только массивными крыльями несколько раз шесты навесов, и развалил пару лавок, пытаясь вырулить на перекрестке, разворачиваясь.

Как раз в этот момент случилось две вещи. Во-первых, ко мне вернулась функциональность брони. А во-вторых, мне в капот ощутимо стукнула одна из догнавших машин преследователей — так что я потерял управление. Жестко стукнуло — это уже не местные участковые. Это из центра города полицейские, причем в бронекостюмах — обернувшись на краткий миг, увидел я красные огоньки глаз через лобовое стекло ударившей меня машины.

Это рассказывать долго, а вообще сразу после удара все произошло очень быстро. Моя баржа пошла в занос разворота, но его не завершила — правым передним колесом, сминая крыло, налетела на массивную кучу мусора. Скорость я набрал очень приличную, стукнули меня тоже хорошо — со скрежетом сминаемого железа машина взлетела в воздух, поворачиваясь вокруг своей оси. Ну и я внутри, вместе с ней.

Время вокруг замедлило свой бег; о это прекрасное ощущения скольжения в ускоренном для меня времени. Как я по нему скучал — успел подумать я. Наблюдая, как медленно-медленно вращается подо мной земля и надо мной небо.

Времени и возможностей терять не стал — зацепился за края проема открытого бокового стекла и выдернул себя из салона. Подгадав момент когда передо мной, уже совсем рядом, оказалась стена дома. К которой я подлетел на уровне между первым и вторым этажом. Прыжок, выдергивая себя руками, я совершил прямо из окна машины — и это прыжок сделал бы честь Валере в его форме оборотня. Так хорошо у меня получилось.

Прилетел я на чей-то балкон, перескочив через ограждение и тут же по инерции плечом выбив деревянную решетку — закрывающую балкон от комнаты. В деревянных обломках залетел в квартиру, перекатился, вскакивая на ноги. Время еще не вернулось к привычному бегу, так что я успел пригнуться — так что медленно летящий, заметный рой пуль прошел над головой, выбивая из потолка в замедленном мгновении зависающие воздухе пыль и каменную крошку.

Смотрящая в замершую картинку телевизора дородная женщина, которая находилась в комнате, открыла рот для испуганного крика только тогда, когда я уже выбегал из комнаты.

Но едва я покинул комнату, как вдруг передо мной стена и

пол исчезли, будучи объятыми пыльной пеленой. Из которой навстречу рванулись языки пламени. Время вокруг все еще двигалось тягуче; бежал я, как обычно, словно пробиваясь через толщу воды. И в замедлившемся движении времени пытался даже затормозить, чтобы не рухнуть в пропастью, потому что половина дома исчезла в мешанине взрыва. Это по дому сейчас отработали чем-то тяжелым. И подозреваю, сделали это неизвестные охотники, «глазами» полицейских увидев меня, и превратив часть строения в пыль.

Вниз я все же сорвался, причем падая все быстрее в мешанине кирпичей, каменной крошки и всполохов пламени — время возвращало свой привычный бег. Хорошо костюм в рабочее состояние вернулся, а то бы мне тут не очень хорошо пришлось.

Падение на краю взрыва стоило мне сразу трех десятков процентов энергии щитов, кстати. Прокатившись по кирпичной кладке, видя, как размываются очертания моего тела вновь активировавшейся стелс-системой, я вскочил на ноги и съезжая по куче булыжников, выскочил на тротуар.

Забегая в дом соседний, думал только о том, чтобы это мое движение не зацепили лишним вниманием. Если предполагается уничтожать каждый дом, в котором я нахожусь…

Впрочем, у обнаруживших меня охотников явно появились проблемы. Тактическая сеть заработала в полном объеме, анализируя события вокруг; и из информационных меток я узнал, что конвертоплан кондотьеров, который расстрелял только что дом, сейчас уже сам пытался уйти от ракет прибывших, в буквальном смысле, на огонек штурмовиков BSAC. Кроме того, со всех сторон раздавались пронзительный звуки сирен — сюда спешили полицейские силы Момбасы. Причем ехали они из центра города, где все полицейские в современной экипировке.

Невредимым и незамеченным, надеюсь, я проскочил через проходной подъезд дома. Выскочил на улицу, и стремительно побежал в узкий перекресток, по которому можно двигаться в сторону марины. Время окончательно вернулось к своему привычному течению; многочисленные звуки сирен — как сверху, так и снизу, стали громче. Громче стали и череда разрывов, и непрекращающиеся выстрелы.

На улице передо мной, юзом входя в поворот, высочила полицейская машина. Одна, и сразу вторая. По мне, кстати, уже стреляли. Причем непонятно откуда — я пару раз сбился с шага, пытаясь поймать равновесие после несильных, погашенных активными щитами попаданий. О которых сообщило красными оповещениями — сохранность щитов брони теперь менее десяти процентов.

Проход в переулок оказался перекрыт, и я забежал в ближайший дом. В спину дохнуло взрывной волной, краем глаза заметил, как пролетает по улице перевернувшаяся полицейская машина; все, пошла жара, все против всех воют и никто, кроме кондотьеров Сфорца, толком не понимает, что вообще происходит.

Скрываясь в очередном доме, я уже понимал, что бегать — в прежнем темпе сбегающегося зайца, мне осталось недолго. Обложили, потому что. И до момента, когда район превратится в выжженное огнем поле, каким когда-то едва не стала Хургада, совсем недалеко.

И думаю, пора отсюда валить окончательно.

Дом, в котором я сейчас оказался, был совсем… плохим, что ли. Как будто притон нежилой. Света нет вообще, под ногами грязь, вместо межкомнатных дверей покрывала. Сорвав несколько из них, я проскочил пару комнат. И в очередной остановился. Здесь полу стоял кальян, окно завешено масляной мешковиной, под потолком клубится густой чад со сладковатым запахом. Из колонки на полу долбит бодрая и крикливая уличная музыка. Громко долбит — поэтому внешний мир, с перестрелкой и взрывами погони за мной, для обитателей комнаты далеко и неслышимы.

Здесь находилось двое малолетних организмов, внешне похожих на подростков человека. Внешне похожих — потому что один из них как раз, со смехом, взяв за задние лапы бело-черного котенка, швырнул его в стену с широко размаха. Причем от этого действа обоим очень весело стало. Нет, я понимаю конечно, что когда интернетов нет, приходится развлекаться по-разному. Но это уже совсем за гранью.

Тому, кто кидал котенка, я сломал руку местах, наверное, в пяти. Если у него нет денег на бионический протез, ему не только котенка, вилки больше никогда в этой жизни рукой не поднять. Второй, смеющийся над действиями приятеля, остался безо всех передних зубов. Его кровь пришлась как нельзя кстати — поводив его лицом по полу, я очень, очень быстро нарисовал не очень ровный круг.

Быстрые вопросы требуют быстрых ответов — и ладонь я себе распорол об острый края порченного пулями доспеха. Даже не помню, когда именно в меня пули прилетели, которые на бедре нервущиеся брюки порвали и повредили одну из бронепластин.

Сжав кровоточащий кулак, я своей кровью замкнул круг из крови чужой, и вошел в скольжение. И взмахнул рукой, раскрывая ладонь, при этом словно пробивая ткань мира.

Надо же, сработало — рука наполовину исчезла, а под

пальцами я почувствовал рукоять футляра. Футляра от виолончели, который, с усилием, выдернул к себе из пространственного кармана. При этом услышал громкий, стеганувший по ушам звон — словно порвалась гигантская струна.

Скорее всего, звон этот услышал и Николаев. Я на это надеюсь, по крайней мере.

Рванув крышку футляра, я увидел изогнутые хищные мечи. Один из них, как и прежде, в печальном состоянии — словно изъеденный ржавчиной и кислотой; тот самый, который пострадал во время эксперимента. Второй, как и прежде, целехонький.

В момент, когда взялся за рукоять, честно сказать серьезно опасался за последствия. Но не настолько серьезно, как если бы делал это в спокойной ситуации, без охотников Баала на хвосте.

Опасался зря — ничего похожего на то, что было в первый раз, когда сущность лорда-повелителя пламени взбунтовалось, не случилось. Достав из футляра кровавый клинок, я сжал кулак левой руки, так что на широкое лезвие упало пару капель моей крови.

Тоже сработало — меч попробовал моей крови, и я почувствовал соединившую нас с ним связь. Причем слабо сказано — почувствовал; мне очень повезло. В том, что я недавно приглушил свое восприятие до минимума. Потому что, если бы оно оставалось на прежнем уровне, ментальной атаки подчинения попробовавшего меня на прочность клинка я бы скорее всего не выдержал. Или оказался бы в подчинении — даже без прямого контакта, или просто мозги бы сплавились, если бы сил на сопротивление хватило.

Вот так вот, дуракам везет.

Подчинить меня не получилось, и кровавый клинок словно бы успокоился. Мягким шепотом подсказывая, что мы теперь союзники, и он, до поры до времени, пока так уж и быть, признает мою власть.

«До поры до времени» — вычленил я не понравившиеся мне ощущения. Но времени на переговоры и раздумья у меня пока особо не было. Подхватив искалеченного котенка, я положил его в футляр от виолончели. Здесь, в этом доме он точно не выживет, а вот со мной… ну, спорно, конечно, но какие-то, пусть и небольшие, шансы со мной у него наверное все же есть.

Захлопнув и подхватив футляр со сломанным мечом и сломанным котенком, я сделал то же самое, что делал, перемещаясь в темный мир с помощью кукри. Только тогда я прокалывал ткань миров бросая кукри, а сейчас я границу мира

просто взрезал, открывая проход.

Надо же, сработало.

Одновременно с ударом я сделал шаг вперед, чувствуя, как пересекаю границу.

В 2005 году дома на этом месте не было. Район только строился, и я оказался на бетонной подошве фундамента, из которой торчали бетонные столбы с пучками арматуры.

Ну, здравствуй темный мир. Все вокруг привычно серое, небо темное. Чернильное. Воздух затхлый и тухлый, словно в сердце гиблого болота. Ни дуновения ветерка, ни привычного света, а в ушах словно ватная пелена.

Да, это я по адресу попал. Куда, собственно, и целился…

— Да, это ты по адресу попал, — эхом произнес кто-то позади меня.

Произнес по-русски, но с явным акцентом.

Обернувшись, я увидел прислонившегося плечом к одной из бетонных колонн герцога Сфорца. Он сейчас был в простом мундире кондотьера без знаков различий. Ну, не считая нашивки с позывным «Baal» на груди.

Приплыли — мелькнула у меня паническая мысль, после чего я крепче перехватил кровавый клинок.

Архидемон, глядя на меня с легкой улыбкой, нападать не думал. Но он и в прошлый раз не нападал, а взглядом отвлекал меня от надвигающейся опасности. Вспомнив об этом, я оглянулся по сторонам.

Надвигающейся опасности не было. Нет, я конечно в темном мире, но поблизости ни одной инородной твари и даже темной травы нет — я на пустыре, который только превращается в стройку.

Баал же, неожиданно, вдруг улыбнулся еще шире и картинно похлопал в ладоши. И не говоря больше ни слова, архидемон развернулся и пошел прочь. Уже на втором шаге его фигура окуталась серыми лоскутьями, а на третьем он просто исчез в серой дымке, почти сразу истончившейся.

Он мне похлопал. Поаплодировал — подумал я.

За что?

Не за то ли, что я достал и вернул в этот мир из тайника кровавые мечи, которые могут открывать дорогу между мирами?

Снизу в этот момент что-то заскреблось. Вспомнив о котенке, я открыл футляр от виолончели, доставая искалеченное животное. Котенок плакал, беззвучно мяукая, задние лапы его висели плетью — позвоночник сломан.

Так, ладно. Мечи, Баал, предназначение — это все чуть позже. Мне бы сейчас разобраться с насущными проблемами. И в

первую очередь выбраться отсюда, причем желательно к своим, а не к тем, кто против нас.

Убрав кровавый меч в футляр от виолончели, я занялся котенком. Пристроил его в снятый пиджак, уложив на сгибе руки. Аккуратно подхватил футляр с мечами и двинулся в сторону моря. Которое в этом мире черное всегда и везде, как и все окружающее. R

Глава 15

— На черном-черном море, на черном-черном острове, среди черного-черного леса, на черной-черной поляне сидело два черных-черных человека. И один черный-черный человек сказал другому черному-черному человеку: Да, Петька, зря мы резину жгли…

Рассказав котенку этот старый и несмешной анекдот, я вздохнул. Что делать с животным я не знал. И кроме успокаивающих поглаживаний и попыток приободрить голосом, из первой помощи никакого больше арсенала у меня не было. Животному же было очень плохо. И становилось все хуже: совсем недавно юный кот начал мурчать. Еще до того, как я начал его ласково гладить: кошки мурчат и от сильной боли тоже.

Вздохнув, я осмотрел горизонт. Все та же темно-серая пелена, в которой не видно ни огонька, ни луча обычного света. Кроме одного, на том месте я где сейчас. А расположился я на пляже, рядом с королевской мариной Момбасы. Здесь было пришвартовано много лодок, и первым делом, как сюда добрался, я прошелся по пристани в поисках. И почти сразу нашел катер береговой охраны, двигатель которого пусть не сразу, но завелся. Оживив двигатель, я зажег на катере люстру иллюминации и прожектор, направив его в небо вертикально вверх, определяя свое местонахождение.

В манипуляциях с катером мне, кстати, очень помог установленный протокол 13-1-1. Дополненная реальность здесь, в темном мире отражения, работала без сбоев — автономно, конечно же. Но на катер береговой охраны, на эту модель, у меня в массиве данных корпоративного пакета «Africa» присутствовала вся необходимая информация. И инструкции — одну из которых я активировал, после чего, чтобы его завести, просто действовал по указаниям всплывающих в дополненной реальности окон.

Кроме того, местные Занзибар, Момбасу и Мадагаскар, как и вся Африка, здесь, на темной стороне истинного мира, от оригинальных ничем не отличаются. Так что в автономной дополненной реальности у меня была сейчас и подробная карта, и представление о местонахождении.

На карту я сейчас и смотрел, разглядывая где я, где Занзибар, где Мадагаскар и сколько времени что туда что туда добираться на найденном мною катере — который из всех судов в королевской марине оказался самым быстроходным.

Я разглядывал карту и раздумывал, что сейчас делать. У меня сейчас, на выбор, было несколько вариантов действий. Но все…

не очень, прямо скажем, похожие на идеальные.

Еще раз глубоко вздохнув, пытаясь унять нервную дрожь, я поднялся и снова осмотрелся по сторонам. Все также, ни отблеска света на горизонте. Опустившись на колени, я снова присел рядом с котенком, продолжив его аккуратно гладить и пытаясь хоть немного успокоить голосом.

Первый вариант у меня сейчас — это подождать. Не очень долго, полчаса-час. Как раз пока все действующие лица с другой стороны — в истинном мире, разберутся, что происходит. Нейтрализуют последних кондотьеров и начнут понемногу успокаиваться. И вот тогда мне можно выйти обратно в истинный мир. Или прямо здесь, в марине, или вернуться в предместья Момбасы. И, оказавшись там, как можно быстрее постараться попасть на «Эскаладу».

Этот вариант авантюрен и опасен. Тем, что предлагает мне совершить акт личного героизма. Ведь когда я появлюсь, вопрос кто успеет первым — полиция Момбасы, корпораты из Британской Компании, или я сам сумею добраться до «Эскалады», откуда меня уже не выщепят. В теории не вцепят, по старым правилам — потому что падающие на Момбасу конвертопланы британцев я запомнил. И если кондотьеры Сфорца наплевали на все правила ведения войны, то они могут и яхту швейцарского клана на абордаж попробовать взять.

Второй вариант — это тоже подождать. Только ждать уже не полчаса-час, а если потребуется, побольше. Ведь футляр от кровавых мечей я забрал здесь, в Момбасе. Совсем неподалеку. И я хорошо слышал звон, раздавшийся громко, как звон огромной лопнувшей струны. Думаю, что это своего рода сигналка на пространственном кармане. Причем неважно — или сам Николаев ее поставил, или это просто ткань мира затрещала, когда я мечи достал. Но я практически уверен, что полковник уже знает: я забрал мечи. И должен меня искать.

Очень на это надеюсь.

Потому что если Николаев меня ищет, то он может и предположить, что скрываюсь я сейчас в темном мире отражения. Просто потому, что совсем недавно, когда я был прежним Артуром Волковым, я часто здесь скрывался, когда пахло жареным.

Вычислить же мое местоположение на карте Николаеву труда не составит. Даже если раздавшийся звон, когда я забирал футляр от виолончели, мою геолокацию ему не рассказал. Николаев может просто Валеру спросить, где тот последний раз меня видел. А если видел Валера меня последний раз в Момбасе, а над городом Момбаса поднимаются черные столбы дыма, то где

может быть Артур Волков? Угадайте с одного раза, как говорится.

«Эту мелодию я отгадаю с двух нот!» — подсказал внутренний голос фразу из знаменитого телешоу 90-х.

В общем, я уверен, что Николаев уже знает, где именно я нахожусь. И, если так, сюда — вполне вероятно, уже направляются бессмертные черные гусары, штампы-брауншвейгцы. Причем лететь им совсем недалеко — наверняка база штампов уже есть на Занзибаре или неподалеку. Или даже сюда, к берегам Танганьики, мог вернуться SMS «Heinrich von Preußen», он же Корабль Его Величества «Генрих Прусский».

В истинном мире, на его светлой стороне — универсальный десантно-штабной корабль Kaiserliche Marine, флагман III-й оперативной эскадры Германии, входящей в Европейские вооруженные силы, обеспечивающие интересы Европейского Союза в южной части Индийского океана. Здесь, в мире отражения, приватизированный для своих нужд принцессой Елизаветой.

И «Генрих Прусский», который уже Корабль не Его Величества, а корабль ее высочества, тот самый, который я не так давно видел в темном мире у побережья Крыма, когда встречался с Елизаветой в первый раз, уже мог вернуться в место своего постоянного базирования. Сюда, в южную часть Индийского океана. Тем более что оперативная база Kaiserliche Marine здесь совсем неподалеку, как раз в Танганьике.

Почему я думаю, что бессмертные штампы уже на Занзибаре в готовности, просто на всякий случай? Потому что Валера, когда отправлялся меня проведать, взял бешеный взвод штабс-капитана Измайлова. То есть, Николаев полностью в деле. А сейчас, после всего произошедшего, где Николаев, там и Елизавета. И моя ангел-хранительница, я очень надеюсь, нашла способ вернуться — физически или астральной проекцией, в темный мир, чтобы отправить сюда отряд штампов или парочку плавучих баз. На всякий случай.

Я в этом — в том, что она сделала это, почти уверен. Потому что Николаев человек такой — если что-то делает, то делает это серьезно и обстоятельно, предусматривая каждую мелочь. Вот просто не повезло ему, нет у него таланта кризисного управленца. Так что приходится ему сразу набело все планировать, стараясь учитывать все нюансы. «Любой подвиг — следствие чужой некомпетентности», — пару раз повторял мне полковник во время наших занятий. Я с ним кстати полностью согласен, вот только все никак стрелки на своем самурайском пути не могу переключить.

«Зато жизнь интереснее», — подсказал мне внутренний голос.

Не утешил, правда.

В общем, я почти уверен, что брауншвейгцы на Занзибаре. Не знаю только, как Елизавета может передать им информацию о том, что меня нужно найти в Момбасе — вот это самый тонкая часть плана. Надеюсь, они с Николаевым что-нибудь придумали. Потому что этот вариант для меня сейчас самый идеальный — от Занзибара Момбаса совсем недалеко, и если мои предположения верны, брауншвейгцы могу появиться здесь в самое ближайшее время.

В общем, второй вариант — ожидание удачи. И если он не срастется с предполагаемым прибытием штампов, то в тот момент, когда я решу, что ждать больше не стоит, он перерастает в первый. Шаг за границу и лотерея наперегонки — кто первее успеет, или я, или те кто против нас.

Ну и был у меня сейчас еще третий вариант — вариант действия. Причем вариант, который сулит гарантированный результат: я могу сейчас просто взять катер береговой охраны и доплыть до Занзибара. Но по времени это выходит очень прилично, часов шесть навскидку. И если я попаду на Занзибар, в тот момент, когда объявлюсь в истинном, светлом мире, Доминика сразу узнает о моем возвращении. В таком случае не факт, что я в ближайшее время смогу добраться до Мадагаскара — туда, где на базе Карателей меня ждет обещанное Машей «дополнительное усиление» организма.

А мне это «дополнительное усиление» очень нужно. И не только мне, а всему миру — если принять на веру все то, что говорили мне Астерот и герцог Медичи. Так что если я сейчас отправлюсь на Занзибар, то в копилке жертв будущей войны появятся первые бессмысленные.

Все же случайных людей в Момбасе погибло немало — не думаю, что после падений конвертопланов, разрушения зданий и активной стрельбы обошлось без жертв среди мирных жителей. Хотя очень на это надеюсь. И еще надеюсь, что обошлось без жертв среди участников — что все швейцарцы выжили. Все же если целенаправленно не добивать, класс используемых отрядом Зарганс бронекостюмов и экипировки позволяет сохранять жизнь оператору-пехотинцу даже в случае полной потери боевой эффективности. Да и холодные сердца никто не отменял.

Кроме того, до Занзибара на катере я, конечно, доберусь, но это все время-время-время. Это к тому, что в случае моего долгого отсутствия может случится все что угодно. Тот же Валера может на месте не усидеть. И если я в ближайшие часы не проявлюсь на горизонте, он ведь пойдет меня искать — а тогда от Момбасы вообще может камня на камне не остаться. В общем, этот самый

третий вариант, с заплывом в сторону Занзибара, гарантируя результат, не гарантировал успеха.

Катер я завел совсем недавно, и сейчас мучительно размышлял, думая каким все же путем пойти. Котенок между тем негромко, но протяжно мяукнул, напомнив о себе. И еще напомнив о том, что в происходящем есть один очень неприятный момент: ни один из вариантов не подходил котенку, которого я забрал с собой из истинного мира. Потому что он, насколько я понимаю в больных котятах, умирал.

— Эй, кот. Или кошка, если ты кошка. Потерпи немного, пожалуйста, — попросил я животное.

Котенок в ответ еще раз протяжно и жалобно мяукнул.

«Подожду» — решил я, надеясь на то, что вот-вот еще минута, или две, и кавалерия в лице черных гусар появится из-за холмов.

Не появилась. Ни через несколько минут, ни через четверть часа. К этому времени котенок в последний раз протяжно мяукнул, а после стал глубоко и надсадно дышать. Еще он перестал даже моргать — его зрачки расширились, а глаза уже не закрывались.

Я не специалист в больных животных, но похожее видел, и хорошим тогда это не закончилось. «Шанс один из тысячи» — в похожей ситуации сказала мне врач-ветеринар.

Очень обидным было то, что я, со своими способностями, могу сжечь целый город. И способности эти никуда не ушли — я хорошо чувствую на плече тепло ожившей татуировки. Открыв мечом границу между мирами, перешагнув ее, я оказался здесь в собственном физическом теле. Не так, как это происходило с помощью броска кукри, когда я оказывался здесь в виде слепка собственной тени. Я здесь в истинном теле. И жечь и разрушать могу начать прямо здесь и прямо сейчас. Вот только несмотря на собственное могущество, я не знаю как спасти одну маленькую жизнь.

Поднявшись, я снова в надежде осмотрелся по сторонам. И еще раз осмотрелся. Кроме поднимающегося вверх столба света от прожектора катера вокруг никакого больше света не видно.

Я могу жечь города, но не могу спасти котенка. И если я сейчас попробую спросить как это сделать у более опытного… существа, так скажем, думаю от меня не убудет. Аккуратно только нужно спрашивать. Предельно аккуратно.

Рана на руке уже не кровоточила. Поэтому, отогнув в сторону ткань порванных брюк, я снова резанул левую ладонь об острые края поврежденной набедренной бронепластины. Повернув руку ладонью вверх, так чтобы не терять кровь, я открыл футляр от виолончели и достал живой кровавый меч. Когда коснулся

рукояти, изогнутое алое лезвие приветственно полыхнуло.

Занеся левую руку над мечом, я сжал кулак и подождал, пока на клинок упадут, одна за другой, сразу две капли крови.

Я был наготове — вплоть до того, чтобы отбросить меч в сторону; но никакой ментальной атаки, и даже давления не последовало. Клинок словно соблюдал нашу недавнюю договоренность о ненападении.

«Чего хотел?» — неожиданно услышал я голос.

Надо же, меч научился разговаривать. Голосом, который раздавался только в моей голове, но звучал словно отовсюду. Как будто сонм шепота сразу тысяч голосов. Самых разных голосов, но при этом звучащих так, что звук этого голоса мне странно знаком.

«Знаешь как ему помочь?» — коротко глянул я на котенка.

«Знаю»

«Как?»

«Добить?»

Прикрыв глаза, я глубоко вздохнул.

«Добей, чтобы не мучался», — после небольшой паузы снова услышал я мягкий обволакивающий шепот кровавого меча.

«Мне наоборот нужно»

«Чтобы он не умирал?»

«Да»

«Чтобы животное еще больше страдало? А ты изверг…»

Я вдруг понял, почему голос мне знаком.

Кровавый клинок — живое существо. Но это абсолютно чуждая человеческой природе сущность. И, видимо, для того чтобы общаться, меч с помощью моей крови воспользовался эхом слепка моего сознания, создавая «виртуальный образ» для себя в человеческой системе координат. Поэтому я общался сейчас с чуждой сущностью, но при этом за образец представителя рода человеческого эта сущность взяла меня.

И я сейчас словно говорю сам с собой.

«Мне нужно спасти ему жизнь»

«Какое странное желание»

«Ты знаешь, как я могу это сделать здесь и сейчас?»

«Да»

«Подскажи»

«И что мне за это будет?»

«Большое человеческое спасибо тебя устроит?»

«Спасибо в карман не положишь. Давай о материальном»

«Давай»

«Подари мне одну человеческую жизнь»

«Каким образом?»

«Путем оставления моей физической формы в мягких тканях стороннего организма с доступом к кровеносной системе данного организма для возможности полностью выпить его жизненные силы»

«Мне нужно воткнуть тебя в человека и подождать, пока тот не умрет?»

«Именно так, юный падаван»

«Говори по-человечески впредь, пожалуйста»

«А я на каком это сказал?»

«Хорошо. В течении месяца»

«Неделя»

«Три недели»

«Твое животное уже скоро совсем мертвое будет»

«Две недели и погнали»

Думаю, в течении двух недель я уж найду способ найти того, чья жизнь стоит меньше жизни котенка. Если не связан законами, которые защищают не только тебя от преступников, но и преступников от тебя, это несложно.

«Принято. Скрепим договор»

«Руки пожмем?»

«Капли твоей крови к слову будет достаточно»

Вновь занеся кулак над клинком, я уронил еще одну каплю крови.

«Ты помогаешь мне спасти и вернуть котенка к полноценной жизни, я отдаю тебе взамен за это одну жизнь»

«О да» — раздался шепот клинка, когда капля упала и словно морозным узором растеклась по лезвию. Оставив на клинке яркий узор — как результат заключенного договора, как понимаю.

После это произошло… да ничего не произошло. Через несколько секунд я даже начал недоумевать, слушая тишину.

«А еще есть чего?» — поинтересовался клинок.

Хм. Судя по всему, в общении я очень неприятный человек. Как-то даже не задумывался раньше об этом.

«Нет»

«Ну… нет так нет», — словно бы вздохнул клинок, словно заставляя чувствовать меня виноватым.

«Я сейчас передам тебе… знание. Слушай»

Снова я напрягся, ожидая — ну а вдруг, ментальной атаки. Но клинок договоренность соблюдал. Перед глазами у меня появился мыслеобраз того, что именно и как я сейчас могу сделать.

Все оказалось до невозможности просто. Но — смотря с какой стороны смотреть. Водителю со стажем, допустим, проехать пару кварталов по мегаполису — это даже не стоящий внимания

вопрос. А для водителя новичка — это задача, которая может показаться вовсе невыполнимой. Вот так и мне: по идее, все показанные мечом принципы мне знакомы, только я нулевой практик в этом. И, несмотря на простоту, сам даже о таком додуматься не смог.

Ладонь у меня по-прежнему кровоточила, так что с кровью проблем не было. Отложив меч обратно в футляр, я, следуя его визуальной инструкции, создал небольшой шар истинного Огня. Совсем небольшой. После этого подвесил его в воздухе, и одну за другой, аккуратно, уронил туда несколько капель собственной крови.

Огненный шар сразу поменял окрас: к оранжево-пламенному отсвету добавились алые блики. И еще несколько капель моей крови упали в истинный Огонь. И еще.

Насыщал шар своей кровью я до тех пор, пока моей жизненной силы в истинном Огне не стало больше, чем стихийной энергии — до тех пор, пока алый свет свежей крови не вытеснил пламенеющий оранжевый. Это — преобладание Крови над энергией Огня, создается для того, что котана не убило стихийной силой.

Правда, измерительных приборов у меня не было, и что все готово, я прикинул на глаз. Когда решил что достаточно, присел рядом с котенком и правой рукой приподнял его голову. Пасть животного была открыта, он по-прежнему надсадно дышал, уже перестав мяукать. Мягким движением левой, как рисующий на холсте художник, я легонько задел кроваво-огненный шар. Делал это крайне осторожно — так как конструкция могла разрушиться. Причем осторожно вдвойне — я правша, и левой мне писать и рисовать не очень удобно. Но правой рукой я сейчас, по уважительным причинам, управлять энергией не могу.

Штрих за штрихом я растягивал шар Огня и Крови в тонкую линию. Словно оперируя водой в невесомости; действуя так, как будто аккуратно двигаю мыльный пузырь. Аккуратно, чтобы он не лопнул. Мне сейчас нельзя ошибиться — Кровь, конечно, сочетается с любой стихией, но с Огнем ее связь одна из самых хрупких. Это у меня от меча знание сейчас.

«Пламя и Кровь» — всплыл вдруг у меня в памяти девиз моего нового отряда варлорда. Ох и неспроста похоже это ж-ж-ж — мелькнула мысль на краю сознания.

Когда вытянувшаяся змеящаяся лента, в которую превратился шар истинного Огня и Крови, оказалась рядом с землей, я еще больше приподнял голову котенка. Превратившаяся в змейку чистая энергия скользнула в пасть маленькому зверю, проникая внутрь. Котенок расширил полыхнувшие оранжево-алым

отблеском глаза и громко, из последних сил, мяукнул. Практически закричал.

Ну да, неприятно. Очень неприятно и очень больно. Я прекрасно помню, как мне княгиня Анна Николаевна Тьму из организма выжигала. Так что представляю, что сейчас юный зверь чувствует. Ему даже хуже наверное — меня ведь тогда Анастасия дополнительно морозила, заглушая боль.

Сейчас механизм немного другой — моя кровь вдохнула в стихийный конструкт жизнь, и попав в чужое тело, симбиоз Огня и Крови, став условно живым существом, не хочет умирать. Не так прямолинейно, конечно, все на глубинной памяти ДНК, но что-то в этом смысле — как я понял по переданной мне мечом информации.

Я сейчас, кстати, пытаясь самому себе объяснить природу происходящего, похоже разгадал природу сущности Кровавых мечей — мелькнула мысль. Без особого интереса мелькнула, потому что все мое внимание было сосредоточено на звере.

Который снова громко, громче чем прежде, мяукнул и заскреб лапами. Глаза его вдруг полыхнули алым, потом пламенным, потом оранжево-алым отсветом; котенок сейчас, получив подпитку в виде моей жизненной силы, боролся за жизнь на пороге смерти.

Так, ладно. С этим я ничего больше сделать не смогу.

Пока котенок решает с судьбой, жить ему или умереть, у меня есть еще один важный вопрос, который лучше бы решить поскорее.

«Эй, ты здесь?» — снова взял я меч из открытого футляра.

Молчание.

«Слышь, ты, оружие! Я к тебе обращаюсь»

Меч по-прежнему молчал.

«Железяка ненасытная» — немного раздражено подумал я, выжимая из кулака каплю крови. Без которой, как понимаю, меч говорить отказывался.

«Чего хотел?»

«Для начала здравствуйте»

«От автора, «слышь ты оружие» подобное звучит слишком претенциозно», — ответил мне меч.

Хм. Немного странно общаться с иной формой жизни, которая для общения с тобой использует слепок твой психофизической матрицы. Но я в этом плане опытный. С внутренним голосом собственным постоянно разговариваю, так что мне подобное легче принять чем обычному человеку. Наверное.

«Ты слушаешь?»

«Да»

«Мне нужно обучиться создавать пространственные карманы»

«Зачем?»

«Для того, чтобы я мог тебя туда убирать, и чтобы только я мог тебя оттуда доставать»

«Нас»

«Тебя. Один меч я хочу отдать другому человеку»

Пространственный карман создавал Николаев. И показал он мне только, как можно получить к нему доступ. И я уже, пока сидел здесь и думал, глядя на черное зеркало воды, придумал оптимальное решение: один меч отдать Николаеву. А второй, как инструмент, я хочу оставить себе. Вот только с собой его носить не будешь — опасно слишком. А так убрал в пространственный карман, и не переживаешь.

«Так ты можешь меня этому научить?»

«Да. Но это будет очень дорого стоить»

«Сколько?»

«Много. Очень много»

«В принципе, я могу решить вопрос и без тебя», — мысленно пожал я плечами.

Я действительно мог. Николаев — если получится его убедить в нужности этого для меня и для этого мира, может показать мне как открывать пространственные карманы.

Меч некоторое время молчал. Молчал и я. Котенок только мяукал и скреб лапами землю. Кстати, скреб и задними лапами тоже — а учитывая, что недавно они плетью висели, «динамика положительная», как мог бы сказать какой-нибудь доктор на своем официальном докторском языке.

«Эй, оружие. Ты чего молчишь?»

В общем, с мечом мы договорились. И уже через четверть часа, заучив последовательность действий, я научился самостоятельно создавать пространственные карманы.

Пока учился, котенок уже полностью пришел в себя. И первым делом, даже не сильно осмотревшись, начал вылизываться. Ну, тут как у всех кошек: «В любой непонятной ситуации — вылизывайся».

Выглядел зверь, кстати, теперь немного не так как раньше. Он стал трехцветным — был бело-черным, стал рыже-черно-белым, причем с преобладанием рыжей шерсти. Из белого только очки на мордочке остались, и тапки на лапах. Остальное все — рыже-черный «городской» камуфляж. И отсвет глаз на свет у зверя перестал быть зеленым, как у обычных кошек. Стал алым.

Это я заметил, когда котенок, обладающий более чутким слухом чем у меня, обернулся, и у него в глазах отразился свет.

Свет от подлетающих прожекторов машин бессмертных брауншвейгских гусар, которые уже через пару секунд со свистом турбин упали с неба.

Глава 16

В своих догадках начет того, что универсальный десантно-штабной «Генрих Прусский» вернулся в Танганьику, я оказался прав. Потому что прилетели за мной уже знакомые летающие танки палубной авиации: узнаваемые широкие передние и задние оперения, угловатые корпуса, крылья обратной стреловидности с черными мальтийскими крестами.

Одна из машин заходила на посадку неподалеку (мне пришлось поймать испугавшегося котенка, чтобы не убежал), вторая зависла сверху, освещая пространство вокруг мощными прожекторами. Но светить особой надобности не было — я за все время пока сюда шел, и пока ждал здесь, ни одного безвозвратно одержимого, и даже ни одной гончей не видел.

Подхватив котенка и футляр от виолончели, я направился к приземлившемуся штурмовику палубной авиации. Пилотом был уже знакомый вахмистр, забиравший меня из Хургады. Он выбрался из кабины, чтобы помочь мне забраться на второе, пустующее место в продольной кабине.

— Ее высочество принцесса Елизавета здесь?

— Nein.

— Куда приказано меня доставить?

Вахмистр в ответ разразился длинной фразой на немецком, из которой я уловил, что есть приказ привести меня на корабль «Генрих Прусский», который сейчас у берегов Занзибара.

— Ясно. Значит так, слушай мою команду. Сейчас летим на Мадагаскар, куда конкретно на карте покажу. Там я выйду ненадолго, вы дождетесь меня, а уже после доставите на Занзибар. Но не на корабль, а высадите на острове. И после этого вернетесь на базу и доложите обо все произошедшем.

Очень долгие две, даже три секунды штамп-вахмистр смотрел на меня своими непроглядно черными глазами. Я уже даже волноваться начал немного, что вдруг поменялась реальность и теперь…

— Jawohl, — кивнул штамп, обработав входящую информацию.

Ну и хорошо. Хорошо, что указание принцессы Елизаветы слушаться меня как ее никто не отменял.

До Мадагаскара лететь предстояло полторы тысячи километров, которые мы преодолели чуть больше, чем за час. Я за это время даже поспал немного. Поспал бы и больше, но оживший котенок мешал, исследуя кабину и забираясь в самые неожиданные места. И используя меня как часть окружающего

ландшафта.

Когда впереди показались берега Мадагаскара, я показал на карте какое именно место мне нужно. Учебный центр Карателей Легран. Который, к удаче, находился в северной части острова — так что далеко лететь не пришлось.

На крышу главного здания, предварительно осветив ее прожекторами, штурмовик и приземлился. Под прикрытием ведомого, как водится. Причем, хотя крыша здания и дежурно освещалась прожекторами штурмовиков, никаких следов Тьмы и тем более одержимых тварей на ней не видел.

Некоторое время потерял на то, чтобы найти котенка — пока я координировал маршрут и выбирал место приземления, он забрался в укромный закуток кабины. Животное было не очень довольно, что мы уходим, но спорить со мной было бесполезно.

Постучав по летному шлему штампа, я привлек его внимание.

— Ждите меня здесь в течении… двенадцати часов, — прикинул я максимальное время отсутствия. — Если я к этому моменту не появлюсь, возвращайтесь на корабль и доложите обо всем произошедшем.

— Jawohl.

Подхватив футляр от виолончели, в котором снова сидел крайне недовольный этим фактом котенок, я выпрыгнул на крышу. Отошел подальше от штурмовика, спустился на смотровую террасу и вошел внутрь одного из кабинетов — судя по обстановке, явно кого-то из руководителей. Надеюсь, кого-то из самых высших руководителей проекта — потому что они редко на месте бывают. Так что есть немалый шанс, что после перехода я окажусь в пустом кабинете.

«Ну, погнали, помолясь», — приготовился я, выводя перед глазами интерактивное меню с активацией четвертого протокола, который отправила мне Маша.

Достав из пространственного кармана меч, я взрезал границу мира, переходя в истинный мир. Оказавшись «на светлой стороне», сразу же, без малейшей задержки, активировал четвертый, переданный мне Машей протокол.

Как оказалось, не зря держал меню активации перед глазами: едва я появился в кабинете как сработали датчики объема. Пронзительно заорала и ярко засветила красным сигнализация, упали вниз бронедвери, закрывая для меня входы и выходы. Но стоило только активировать протокол, как система признала меня за своего: бьющий по ушам визг прекратился, красный свет погас, а тяжелые пластины бронедверей поползли вверх.

Когда по глазам и по ушам перестало бить громкой светомузыкой, я осмотрелся. Ну да, кабинет высшего

руководителя. Сдержанная обстановка, при этом дорогущий антураж — та же античная ваза явно оригинал и кучу денег стоит. А вот это… ну-ка, ну-ка, — даже подошел я ближе.

На стене, за массивным дубовым столом, в рамках под стеклом развешаны желтые пергаментные листы. Судя по всему, оригиналы листов Виндзорского кодекса — манускрипта с рисунками научных работ Леонардо да Винчи. И на этих рисунках мастера были изображены детали человеческого организма с пояснениями.

Которые, правда, подробно рассмотреть я не успел: дверь распахнулась, и в кабинет, в сопровождение охраны, вбежала незнакомая женщина. Она была в бело-синем лабораторном костюме, видом напоминающим мой легкий бронекомбинезон охотника за призраками. Красивый наряд, в котором темным пятном на левой стороне груди выделялся черный щит с косым красным крестом Карателей — «придуманная» мною эмблема Болтонов.

«Алиса Дюваль» — представила незнакомку идентификационная подпись в моей дополненной реальности. Задействовав четвертый протокол, я видимо стал частью информационной системы Учебного центра. Причем приобретя расширенные права — потому что, судя по представленной мне информации, Алиса была директором исследовательской лаборатории Учебного центра ЧВК Карателей Легран. И более того, при желании, прямо сейчас, я мог увидеть ее расширенное досье. Не думаю, что подобный функционал доступен каждому сотруднику корпорации СМТ.

— Ваше благородие, — вдруг приветствовала меня переставшая быть незнакомкой женщина. Я ее и без этого обращения узнал — по глазам. Очень они у нее… узнаваемы. Очень узнаваемые глаза у очень интересной своей судьбой многоликой женщины, уже трижды перезагружавшей свое сознание в новое тело.

— Я могу по-прежнему называть вас Алисой? — улыбнулся я, намекая на ее многоликость.

— Как вам будет угодно, ваше благородие, — изобразила легкий поклон Алиса Новак, она же Линда Ружичка, она же Бланка Рыбка. Которая теперь, не продолжая традиции чешских имен, взяла себе фамилию на французский лад.

— Где Маша?

— В соседнем корпусе. Будет через несколько минут.

— Хорошо. Пока ее ждем, мне нужна вся информация по проекту.

— Может быть чай? Кофе…

— У меня мало времени.

— Как будет угодно. Пройдемте в лабораторию. Абсолютно вся интересующая вас информация только в закрытой зоне, на физических носителях, — пояснила Алиса в ответ на мой вопросительный взгляд и повернулась к выходу.

— Да, и…

— Да, ваше благородие, — обернулась Алиса.

— У меня тут есть животное… его нужно помыть, причесать, покормить, обработать от блох и паразитов и вообще сделать все то, что еще делают с котятами, — сказал я, доставая котенка.

— Кастрировать? — ничуть не удивилась Алиса появлению зверя из футляра для виолончели.

— С кастрацией, если это кот, думаю можно подождать.

— Поняла. Будет сделано.

— Только, Элис…

— Да, ваше благородие.

— Пусть все это делает надежный человек. Котенок немного особенный.

— Хорошо.

Котенка, уже выйдя из кабинета, передали личному помощнику Алисы. Мы же с многоликой дамой, в сопровождении охраны направились вниз. Пройдя три ступени контроля, оказались на минус третьем этаже, откуда спустились на лифте еще ниже.

Маша появилась, когда я расположился за рабочим местом Алисы и знакомился с описанием проекта. Ворвавшаяся быстрым шагом в кабинет корпоративная принцесса была в белом с синими вставками костюме руководителя — точь-в-точь в таком же, в котором и записывала ко мне обращение.

— Привет, — поднялся я ей на встречу, целуя Маше руку и этим жестом уже традиционно нарушая корпоративные нормы общения.

— Рада тебя видеть живым… здоровым, — после небольшой паузы оценила Маша мой порченный выстрелами костюм и бронекомбинезон. Чуть погодя она показательно хмыкнула. Я сначала не понял в чем дело, но Маша намекнула взглядом, что мы с ней сейчас не только как встретившееся черное и белое, но оба еще и в костюмах корпораций прямых конкурентов.

Ну да, забавно.

— Я готов к дополнительным усилениям, — не стал я терять время на лишние разговоры.

— Вот так сразу? — просто поинтересовалась Маша.

— Да. У меня очень мало времени и при этом очень много недоделанных дел.

— Ясно. Если хочешь, можем приступить прямо сейчас.

— Одаренные для этого нужны?

— Нет, мы уже научились все делать без магии.

— Хорошо, пойдем.

Лаборатория была уже подготовлена. Перенос моего сознания на цифровой носитель случился обыденно просто, заняв не больше тридцати минут — операционное кресло, наркоз, пробуждение. После которого в модели организма я увидел, что интегрированный с личным терминалом блок сохранения сознания уже находится в виде скрытого элемента бионической руки. Вдвое меньше времени заняло считывание всех параметров моего организма — для восстановления тела, если «вдруг что» случится.

После того, как все закончилось и последние проверки завершились, я поднялся с кресла и собрался на выход, прощаясь. Маша от такого поворота серьезно удивилась.

— Но ведь… — попыталась она меня остановить.

— У меня действительно очень, очень мало времени. Сергей Александрович уже летит сюда?

— Да.

— Леонид?

— Да.

— Попроси у обоих прощения за мой ранний уход.

Маша замялась. Она видела и понимала, что я очень тороплюсь. Но и отпускать меня сейчас прямо перед тем, как прибудет Николаев, ей явно не хотелось — чтобы не разбираться потом с полковником.

Мне же ну никак нельзя задерживаться — я это просто чувствую. И так отсутствую уже слишком долго, исчезнув из инфополя корпорации Некромикон и лично Доминики. Слишком серьезные ставки в этой игре, и с каждой минутой моего пребывания в недоступном для корпорации состоянии ко мне наверняка возникает все больше вопросов. Которые могут и за критическую массу перевалить.

— Передай Николаеву, что я нахожусь в шаге от того, чтобы взять реальную власть в корпорации. Пока только в Африке. И чем дольше я отсутствую сейчас, тем меньше мои шансы. Скажи, что у меня все под контролем.

— Он будет через двадцать семь минут.

— Ты же понимаешь, что в «здрасте-здрасте» разговор наш не уместится.

— Хорошо, — после некоторого раздумья кивнула Маша.

Удерживать меня не стали, и мы все вместе — Маша, многоликая Алиса и я, вышли из лаборатории и отправились

наверх. В тот самый кабинет, где я появился — это, кстати, оказался кабинет Алисы, судя по табличке на двери.

Футляр от виолончели, который я таскал за собой, вызывал вопросительные взгляды Маши, но спрашивать она ничего насчет него не стала. Я уже был готов уходить, но оставался последний пока нерешенный вопрос — именно с футляром от виолончели.

Если бы Маша попробовала меня задержать, я бы, наверное, сильно сомневался. И задержался бы-таки, дожидаясь Николаева. Но сейчас, когда получил очередное подтверждение, что корпоративная принцесса по-прежнему готова помогать мне, не спрашивая о деталях, решил ей довериться. И подхватив футляр от виолончели, в котором сейчас лежал один парный меч, испорченный нами вместе с полковником, я бухнул его на стол.

— Это тоже Николаеву передай. Только сама не открывай, это может быть опасно и для тебя, и для окружающих.

— Что там?

— Сильный магический артефакт.

— Хорошо.

Я развернулся к Алисе.

— Животное где?

Как раз в этот момент раздался звучный тыгыдым, и раскидывая в прыжках передние лапы, охотясь на невидимого и неведомого врага, в помещение мохноногим шаром влетел котенок. За которым бежал, безуспешно пытаясь поймать зверя, приставленный к нему личный ассистент Алисы.

Подхватив котенка, я сделал мягкий шаг, уходя с траектории бегущего секретаря. И подождал пока он, крайне смущенный, покинет кабинет. После я, под взглядами Маши и Алисы, запихнул за пазуху возмущенное животное и отошел в угол кабинета. Достал из пространственного кармана клинок, еще раз попрощался и взмахнул мечом, открывая проход в темный мир отражения.

Шаг, и вновь я оказался среди темно-серого безмолвия в безмолвной ватной пелене. В пелене темно-серого безмолвия, разбавленной лишь ярким светом прожекторов стоящего на крыше штурмовика. К которому я, не задерживаясь, и подбежал.

— На Занзибар, — скомандовал я, запрыгивая внутрь.

— Jawohl, — кивнул невозмутимый штамп-вахмистр.

До Занзибара добрались без проблем. Пролетая над островом, я заметил вдали огромный столб Тьмы. И прикинув расстояние и направление, понял — Тьма концентрируется примерно в том месте, где находится замок «сэра Джона Холдена».

Был, кстати, неподалеку и столб света — это «Генрих

Прусский», который принцесса Елизавета, сама или с подачи Николаева, отправила сюда на всякий случай. На всякий случай, который как раз сегодня утром и случился.

Мельком посмотрев в сторону корабля, над которым мы пролетели, помахав крыльями, я вернулся взглядом к столбу Тьмы на горизонте. Специалист по Тьме из меня, конечно, так себе. Но уверенно предполагаю, что массовые жертвоприношения для открытия постоянного стационарного портала, и концентрация Тьмы в этом месте, в темном отражении истинного мира, взаимосвязаны.

Штурмовик между тем уже оказался над виллой Николетты. Здание, как и учебная база Карателей, кстати, внешне оказалось абсолютно чистым. Да и внутри не чувствовалось опасности.

И вообще за все это время, за весь сегодняшний о-о-очень долгий день — в Момбасе, на Мадагаскаре, и теперь здесь, на Занзибаре, я не видел ни безвозвратно одержимых, ни гончих. Ни одной твари, как будто разбежались все. Более того, я ведь даже практически не видел темной растительности — ни похожих на черных змей лиан отвратного вида, ни даже черной травки.

Может быть это как-то связано с тем, что все эти места — территория протекторатов? И здесь зона, свободная от магии? Вполне себе версия, кстати.

Пока я об этом размышлял, летающий танк приземлился перед крыльцом виллы Николетты. Второй, как и полагается, облетал здание, освещая его и окрестности.

— Возвращайтесь на базу, доложите о произошедшем, — обратился я к штамп-вахмистру перед тем, как покинуть кабину. — После возвращайтесь сюда, в составе… полуэскадрона, — подумав, обозначил я численность. — И организуйте здесь, на этом самом месте, пункт наблюдения.

— Jawohl, — кивнул вахмистр.

Попрощавшись с пилотом — по привычке, как с живым человеком, я вошел в здание виллы. Прикинув, что время близится к вечеру, задумался, где переходить на светлую сторону — в спальне или в гостиной? Выбирал между этими двумя помещениями, потому что помню расположение в них мебели. И нет опаски шагнуть прямиком из темного мира в какой-нибудь шкаф.

Сделал выбор в пользу спальни. Потому что в гостиной может быть не только Валера или Модест, но и мало ли что, лишние люди. И как бы мне не удивить никого в момент перехода. В спальной же, надеюсь, сейчас никого нет.

Переходя границы миров, понял, что ошибся: в спальне была Николетта. И почувствовав за спиной постороннего, она

испуганно вскрикнула. И моментально развернулась в мою сторону, машинально вскинув руки, прикрываясь платьем.

Только что, судя по всему, снятым платьем.

Николетта находилась в спальне одна. В нижнем белье. Перед ней, на кровати, стоял открытый контейнер с бронекостюмом «Ghosthunter», с трилистником Некромикона на открытой крышке. Рядом, также на кровати, лежал уже вынутый из контейнера деловой корпоративный костюм.

И бронекомбинезон, и деловой костюм Николетты были в иной, отличной от моей расцветки: у меня — черно-зеленая, у Николетты — бело-зеленая. А белый, традиционно, один из цветов высшего корпоративного руководства.

— Привет, — поздоровался я, убирая кровавый клинок в пространственный карман.

— Массимо! — выдохнула Николетта и бросилась вперед. — Массимо, я так волновалась! — всхлипнула девушка, крепко обнимая меня. Но тут же отпрянула — потому что из-под пиджака раздалось возмущенное шипение.

— Ой, а кто это? — увидела Николетта выпрыгнувшего у меня из-за пазухи котенка. — Массимо, как ты здесь оказался? Что случилось? — тут же задала она следующий вопрос, почувствовав мои эмоции. В которых, кроме всего прочего, Николетта ощутила явные расстройство и разочарование.

Я же только вздохнул, не зная даже на какой именно вопрос отвечать сначала.

— Массимо… — чуть испуганно, не понимая отчего я расстроился, протянула Николетта.

— Ники. Я, когда уходил, сказал, что тебе грозит опасность. Ты сейчас, когда чувствуешь за спиной чужое присутствие, делаешь что?

Николетта моментально покраснела.

— Ты хватаешь платье, и стараешься прикрыться. Вместо того, чтобы схватить хотя бы оружие, — укоризненно произнес я.

Оружие, как я уже заметил в открытом контейнере, в комплекте поставки ее бронекомбинезона «Ghosthunter» присутствовало — сразу два пистолета, и компактный пистолет-пулемет.

Николетта после моих слов совсем зарделась, опустив взгляд.

— Это еще не считая того, — продолжил я, — что ты обладаешь великим магическим потенциалом. А ты, почувствовав чужое присутствие, даже не сделала импульса потянутся к силе, которая может тебя спасти. Но я не на тебя злюсь, не переживай. Тебя учу я, и эта реакция — моя ошибка. И вообще, я тоже рад тебя видеть, — прижал я расстроенную девушку к себе.

Николетта вздохнула, и вдруг смутилась еще больше — вспомнила, что она совсем не одета. Отстранившись, она застыла, не зная, что делать — или пытаться разобраться с бронекостюмом, который явно видела в первый раз, либо надеть платье и только потом разбираться с ним, либо…

— Массимо! Ты ранен? — вдруг заметила она мой частично порванный костюм, сквозь прорехи которого виднелся также потрепанный бронекомбинезон.

— Да все в порядке, — только отмахнулся я.

— А кот откуда? — показала Николетта на котенка.

— Оттуда, — также неопределенно ответил я. Неопределенно, потому что перед взором уже расцветило красным отсветом важных сообщений. Максимальной срочности — требующей от меня, если я сейчас жив, в сознании, и не бегу по канату над пропастью, при этом отстреливаясь от полчищ врагов, сообщения эти моментально прочитать и дать на них ответ.

Сообщений максимальной срочности было два, и оба от Доминики. В первом она требовала меня объяснить, что именно в данный момент происходит. Этот запрос был отправлен, когда мы с провожатым Валерой только-только из замка Холдена в Момбасу полетели. Во втором сообщении говорилось, что мне немедленно, как только появится возможность, необходимо явиться пред очи Доминики. Это сообщение, судя по времени, было отправлено, когда над Момбасой уже падали конвертопланы британских корпоратов.

Подтвердив получение обоих сообщений, я запросил локацию, куда мне нужно явиться для отчета. Ответ пришел практически моментально — Доминика ждала меня дома, на своей вилле.

— Я к начальству, срочно ждут на доклад, — сообщил я Николетте. — Котенка не забудь покормить, — показал я в сторону кровати, из-под которой уже слышалась возня. Как бы зверь не нагадил там — вряд ли его в Момбасе к туалету приучили.

Быстро приобняв Николетту, я легко поцеловав ее в щеку. Мыслеобразом передав «не волнуйся, все будет хорошо», после чего вышел из спальни. И сразу оказался в перекрестье взглядов Валеры и Модеста. Оба они, в полной броне — только с поднятыми забралами, расположились в креслах у камина и пили чай.

— Это ты как так? — вскинулся при виде меня Валера. И выругался — от удивления слишком сильно сжал ручку чашки, а в перчатках доспеха этого делать не следовало. Ручка треснула, чашка упала, звучно звякнув о щитки брони, чай пролился на

доспех Валеры.

— Это я вот так, — показал я ему намек на бросок кукри и не задерживаясь, направился к выходу.

— Эй, фью, — свистнул мне в спину Валера. — А ты куда? — спросил он, когда я на ходу обернулся.

— Туда. И да, — обернулся я на ходу, не останавливаясь и приближаясь к двери спиной: — У Николетты для тебя есть серьезное задание, нужно срочно помочь твоему брату по разуму. Не оплошай пожалуйста.

Оставив удивленных Валеру и Модеста в холле, я плечом толкнул массивные двери и сбежал по крыльцу. Гелендваген стоял там же, где я и оставил его вчера утром — в центре площадки перед крыльцом, у фонтана.

К Доминике я поехал, не задерживаясь — в очередной раз на все деньги собирая штрафы за скоростной режим на магистрали. И въезжал на виллу Романо не как в прошлый раз, через черный ход, а уже без конспирации, через главные ворота.

Проехавшись по петляющей, поднимающейся вверх узкой аллее, почти не снижая скорости и задевая при этом зеркалами густые кусты — гордость садовника, припарковался у ведущего на террасу крыльца. Кинул ключи дежурному дворецкому-неасапианту в ливрее, и легко забежал по лестнице, заходя в дом.

В холле здания никого не было. Вообще никого. Поднявшись на второй этаж, я прошел по галерее и подошел к комнате. В которой — в прошлый свой визит, остался на ночь, провалившись в пучину самого настоящего безумия.

Вот только в прошлый раз все было как-то проще, что ли. И не так… не страшно, нет. Просто игра уже перешла на качественно иной уровень. На уровень, где любое неосторожное слово может стоить жизни, причем не только мне. Поэтому я, если честно, сейчас немного волнуюсь.

Положив руку на ручку, я подумал несколько секунд, после чего открыл дверь.

Доминика стояла у распахнутого окна, любуюсь океанской гладью и баюкая в руке бокал вина. Волосы стянуты в тугой хвост, сама она — в отличие от прошлого раза, в деловом корпоративном костюме. Тоже белом.

Сегодня вот прямо вечер встреч с высокими корпоративными чинами. Просто вообще все в белом — хмыкнул я. Алиса, Маша, Доминика… Николетта, кстати, тоже белый наряд за какие-то неведанным мне заслуги получила. Один я в черном, еще и растрепанный, и немного грязный.

Доминика, едва открылась дверь, обернулась от окна и смерила меня долгим холодным взглядом. Совсем не так, как в

прошлый раз, когда она после моего появления уже была подготовлена ко встрече, «случайно» обнажившись.

Обжигающий взгляд Доминики я, конечно же, не выдержал. Не стал играть с огнем и потупившись, опустил глаза. После этого только прикрыл за собой дверь.

— Что это было? — поинтересовалась Доминика.

— «Это» это что? — подняв глаза, начал я второй раунд.

— Ты знаешь, о чем я, — отчеканила она с каменным лицом.

Стратегию ответов я продумал еще пока по магистрали ехал, так что вопрос меня не удивил.

— Если ты о моем визите в Момбасу, то, как оказалось, у нас во Флоренции есть общие знакомые, — внимательно посмотрел я ей в глаза. — Если ты о том, что меня на отходе попытались убить или захватить… я и сам не понял, что это было. У нашего общего друга из Флоренции, который в Момбасу меня отправил, можно и спросить. Мне ему написать?

Доминика, отставив в сторону бокал, подошла ближе, чеканя шаг невысокими каблуками.

— Не слишком ли ты забываешься, Максим Аверьянов? — надменно произнесла она, ощутимо ткнув мне пальцем в грудь.

Слишком уж надменно. Переигрывает.

Перехватив руку, я притянул Доминику к себе. Она охнула, на краткий миг порывисто прижавшись ко мне. Наши губы встретились — поцелуй получился жарким, но коротким. Доминика отпрянула практически сразу же, и громко возмутилась, попыталась вырваться. Продолжая ее обнимать, я вместе с ней сделал пару шагов, оказавшись рядом с трюмо. На него Доминику, заставив развернуться, и толкнул, только сейчас отпуская ее руку.

Охнув, Доминика — чтобы не влететь лицом в свое отражение, выставила руки вперед, опершись о зеркало. При этом весьма громко и зло комментируя мои действия на итальянском. Я же задрал до пояса ее тугую юбку. Вид конечно… божественный. Бедра, ягодицы, ямочки на пояснице — прямо сейчас в мрамор и в любой пантеон на выставку, чтобы смертные любовались. А еще на Доминике было красное ажурное белье, и чулки на подвязках. При этом наши взгляды — через отражение зеркала, встретились. Глаза Доминики расширились, она в очередной раз очень натурально возмутилась.

— Где ваша субординация, гардемарин? — что-то очень похожее по смыслу произнесла она на итальянском, при этом не до конца внятно выговорив фразу.

— С субординацией все в порядке. Ты начальник, я подчиненный…

Говорил я медленно. У меня возникли некоторые проблемы с бронекостюмом, который нужно было снять, при этом еще и Доминику удержать — лови ее потом снова.

Я справился. Все же не зря научился взглядом в дополненной реальности функционалом доспехов управлять. Так что, под итальянские ругательства Доминики почти без задержек избавился от лишней одежды и экипировки. Сдвинув далеко в сторону узкую полоску алой кружевной ткани, я заставил Доминику еще больше наклониться вперед.

— Утром и днем твое время, и как большой начальник ты имеешь своих подчиненных… — прихватил я ее за бедра и потянул на себя.

Доминика в ответ звучно охнула. И еще раз. Накрутив на руку хвост волос, я заставил ее изогнуться в спине, запрокидывая голову назад. Обернулась она уже с закрытыми глазами.

— А вечером и ночью мы с тобой меняем позиции, — закончил я, сказав именно то, что она хотела услышать. После чего перестал оттягивать ее голову назад за хвост волос, позволив Доминике себя поцеловать.

Целовалась она страстно, с наслаждением; с безудержным желанием, глухо постанывая и крупно дрожа. Извернувшись, меняя позу, Доминика опустила голову как можно ниже, широко расставив руки и вцепившись пальцами в края трюмо. Ненадолго — вдруг, широко распахнув глаза, Доминика вырвалась из моих рук. Но только для того, чтобы оказаться лицом к лицу — тут же напрыгнула на меня, обхватив бедрами и вновь прильнув в жадном поцелуя.

Сметя все с туалетного столика, я подхватил ее под ягодицы, усаживая на трюмо. Доминика ахнула, до крови прикусила мне губу. Вновь началось форменное безумие — в этот момент я уже умудрился порвать ей нервущуюся блузку.

Через трюмо, диван и рабочий стол мы наконец оказались на кровати. Вновь повторялся предыдущий сценарий — раз за разом Доминика старалась перехватить инициативу, показав свою власть, но раз за разом позволяла мне этого не допустить, покоряясь.

В прошлый раз, когда мы с ней провалились в форменное безумие, я не ощущал ее эмоций — тогда мои возможности эмпата еще не проснулись. Думал еще, что если Доминика играет, мне было бы очень комфортно. Сейчас же, после того как способности эмпата ко мне вернулись, я уверенно понял — Доминика не играет. Она на самом деле живет испытываемыми эмоциями.

Да, из-за таких женщин стены крепостей и возводят, или

разрушают, — думал я через несколько часов, перебирая рассыпавшиеся по подушке локоны Доминики. Наблюдая, как за окном наливается серой дымкой предрассветные сумерки.

Глубоко вздохнув, словно приходя в себя, Доминика перекатилась по смятым простыням с живота на спину и выгнулась, потягиваясь как кошка. Я невольно задержал дыхание — уж очень захватывающее зрелище.

Соскочив с кровати, Доминика вернулась с бутылкой минералки. Усевшись рядом, она начала жадно пить. Руки Доминику слушались не до конца, бутылка подрагивала и по ее подбородку, стекая на грудь, потекли струйки воды.

Напившись, Доминика отдала бутылку мне.

— Ты хотел изменить этот мир, — неожиданно сказала она.

— Да, — едва не поперхнулся я минералкой.

— Ты готов сделать это вместе со мной?

— Да.

— Я приведу тебя на самую вершину.

— Хоть в саму преисподнюю, — почти не покривил душой я.

— Мне нужно, чтобы ты убил трех человек.

Оу-оу, это становится уже по-настоящему горячо.

— Кого?

— Валентин Скрипач, Илона Маевская и…

— И?

— И Эмили Дамьен.

— Для тебя — все что угодно. Но в чем собственно план?

— Взять власть в корпорации.

— Ты возьмешь власть?

— Нет, ее возьмет Николетта… и ты. Я ведь не зря показала тебя твоему отцу.

— Он был не очень-то рад меня видеть.

— Ты этим расстроен?

— Ничуть. Его тоже потом придется убить?

— Да.

— Хм.

— Или они, или мы.

— Даже так?

— Если тебя это утешит.

— Я немного не про это. Убить их будет сложно.

— Нет ничего невозможного. В Занзибаре, в единственном дистрикте протектората Танганьика, проводятся подпольные бои мутантов. Ты слышал об этом?

— Конечно.

— Я не зря пригласила тебя на ужин и смотрины «у сэра Холдена». Посмотрел вокруг, осмотрелся?

— Особой возможности не было, но да. Осмотрелся.

— Над замком закрытый купол.

— Да, я заметил. Система ниппель.

— Что?

— Закрыт не только от взгляда снаружи. Туда дуй, оттуда… ничего, в общем.

Доминика рассмеялась низким, грудным смехом.

— Именно так. Ты уже понял, что именно надо сделать?

— Да, только я один не справлюсь.

— Ты будешь не один. С тобой будет несколько твоих человек. Мутант, которого ты выставишь на бой, и группа подготовленных бойцов, которым ты доверяешь.

— Все равно задача не выглядит очень реальной.

— Твоя группа будет не единственной, так скажем. Я уже не первый год работаю над этим, если что.

— Хорошо. Ты сможешь устроить приглашение?

— Нет. Тебя пригласит сам Скрипач. Вместе с твоим бойцом-мутантом.

— Он уже готов меня приглашать?

— Нет. Видишь ли, чтобы попасть к нему на арену, нужно хорошо себя зарекомендовать. Джанктаун, Третий дистрикт и Двадцать седьмая улица — вот районы, где проходят подпольные бои мутантов высшей лиги, из которой отбирают бойцов для элитных схваток. Если твой боец сможет одержать победы хотя бы в двух районах, есть шанс что Скрипач тебя пригласит. Я, по понятным причинам, не буду ему советовать, это опасно и для тебя, и для меня. Но я организую тебе участие в уличных боях. Твоя задача — сделать так, чтобы твой боец выступил настолько ярко, чтобы сам Скрипач захотел тебя увидеть в своем замке. Судя по параметрам твоего мутанта, сложности ему это не составит.

— Понял.

— Есть еще одна, очень важная просьба.

— Слушаю.

— Я больше не могу тебя контролировать.

Ответа не требовалось, и я промолчал.

— И я теперь, после вмешательства нашего… общего знакомого из Флоренции, не всегда представляю в полной мере, что именно и зачем ты делаешь. Мне это очень не нравится. И, что еще хуже, меня это очень сильно беспокоит.

Снова я промолчал, потому что ответа и не требовалось.

— Но я хочу быть в тебе уверена, — Доминика, привлекая внимания к значимости слов, даже приподняла руку, словно при клятве. — Самое ценное, что у меня есть в этой жизни — это

Николетта. И я прошу, не требую, а прошу, чтобы ты поклялся ее защищать.

Неожиданно.

— Не вижу проблем, — после некоторого раздумья произнес я.

— Я хочу, чтобы ты поклялся на Крови.

Вот как. Еще более неожиданно.

Причем, насколько я чувствую эмоции Доминики, она сейчас не лукавила насчет «самого ценного в этой жизни».

При этом что-то не сходится: я прекрасно помню, как Николетта мыслеобразами отлично дала мне понять, что Доминика смотрит на нее как на ресурс. Как на пустое место; словно на инструмент или даже как на корм — проанализировал я собственные воспоминания об эмоциях Николетты.

Очень странно и непонятно все сейчас происходящее.

А когда очень странно и непонятно, я — как и Доминика, кстати, всегда волнуюсь. Тем более волнуюсь, что события принимают весьма крутой оборот.

— Ты поклянешься? — поинтересовалась Доминика, внимательно на меня глядя.

Опасная женщина. И уже не в первый раз она ждет моего ответа в ситуации, когда от этого самого ответа зависит моя жизнь. Не нужно быть эмпатом, достаточно немного уметь в логику, чтобы понимать: если я сейчас откажусь, стану отыгранной картой, подписав себе смертный приговор.

Вопрос только в том, когда Доминика меня попытается убить — прямо здесь и сейчас, или после. Сама, или чужими руками. Или вообще она может слить меня Скрипачу в преддверии посещения замка. Думаю, что если откажусь, меня попытаются убить сразу за пределами ее спальни, как только я выйду за дверь.

— Я поклянусь. Но когда и как?

— Здесь и сейчас.

— Но… — неуверенно приподнялся я на локте.

Клятва Крови, и шире — Магия Крови, работает только у владеющих одаренных. Я, конечно, тоже могу ей воспользоваться — но Доминика ведь об этом не знает, и не должна знать.

По идее.

Мне, по моей легенде отказавшегося от дара владения, пусть и сохранившего энергетические каналы, чтобы воспользоваться силой Крови нужно Место Силы и хороший проводник из одаренных.

— Никаких но, — улыбнулась Доминика, перекатившись по кровати и доставая футляр. Открыв который, извлекла небольшой

ритуальный клинок.

Доминика, как погляжу, просто кладезь самых разных артефактов — сначала синий яхонт на Николетте, теперь вот клинок, от которого, едва он показался из экранирующего магию футляра, просто фонит стихийной силой.

— Готов? Не передумал? — поинтересовалась Доминика.

— Готов. Не передумал.

— Ты сейчас на собственной Крови поклянешься всеми силами оберегать Николетту Агилар на вашем совместном пути к вершинам власти в корпорации и в мире.

— Я сейчас на собственной Крови поклянусь всеми силами оберегать Николетту Агилар на нашем совместном пути к вершинам власти в корпорации и в мире.

— Руку.

Я протянул руку, и Доминика легко чиркнула мне по запястью. Показалось всего несколько капель крови, которые после легкого движения клинком Доминики — она зацепила их острием изогнутого лезвия и подняла их в воздух, образовали круг. Круг, ярко засветившийся алым; и по следующему жесту ритуального ножа, повернувшегося в горизонтальную плоскость. На этот алый круг левую раскрытую ладонь я и положил.

— Я, Драго Младич, первый своего имени, на собственной Крови клянусь всеми силами оберегать Николетту Агилар на нашем совместном пути к вершинам власти в корпорации и в мире.

Ритуальный круг полыхнул, почти сразу истончившись и исчезнув. Все, клятва принята — и теперь если я ее нарушу, меня моментально догонят последствия. От которых не факт, что блок сохранения сознания убережет.

— Спасибо тебе, — просто сказала Доминика.

Убрав нож в футляр, она снова перекатилась по широкой кровати. И положила футляр в открытый ящик тумбочки, звучно его захлопнув.

— Прежде чем отвезешь Ники на остров сегодня для тренировки… — обернулась ко мне Доминика, усаживаясь на кровати на колени.

— Да?

— Заедь в башню, и зайди ко мне в кабинет.

— Зачем?

— Как зачем? Субординация. Ночью ты трахал меня, а утром я, как твой непосредственный руководитель, буду трахать тебя. И за Момбасу тоже. Так что готовься, а пока… у тебя, до рассвета, есть еще немного времени, — Доминика после этих слов улыбнулась, и словно дикая кошка запрыгнула на меня, так что ее

волосы водопадом упали сверху.

Глава 17

Меня серьезно раздражала гнилостная, бьющая в нос сладковатая вонь из хаотично расставленных мусорных баков неподалеку.

Еще сильнее меня раздражали наши галдящие спутники, наряды которых переливались аляповатыми цветами, а руки-крылья мелькали в жестикуляции множества бесед. Спутники, который здесь, в темном злачном переулке Джанктауна выглядели яркой стаей попугаев.

Кроме того, меня направленно раздражал Вася, который крикливо пытался объяснить огромному охраннику, что мы пришли по персональному приглашению. Охраняющий вход в клуб Неон громила, который был на две головы выше Василия, на него лишь изредка лениво посматривал. Этот охранник меня тоже раздражал. Как и второй, расположившийся с другой стороны от заветной двери и медленно, равномерно двигая массивной челюстью, жуя жвачку.

Еще меня ужасно раздражали взгляды и возгласы компании людей позади, которая только что выгрузилась из двух такси. И не меньше десятка персонажей, разряженных еще ярче чем мои, привезенные с Полигона «уважаемые люди» с интересом смотрели, как мы всем кагалом сгрудились прямо перед входом, уткнувшись в преграду из двух массивных громил-охранников.

Только двое меня сейчас не раздражали — это Чумба и Патрик. Бурбон, со скрытым лицом капюшоном, стоял за моим левым плечом, внимания ничьего не привлекал, и вел себя в высшей степени образцово. Патрик, выполняющий роль телохранителя, стоял за правым плечом и на глаза мне вообще не попадался. И именно из-за этих моих спутников «уважаемые люди» из свиты Васи плотно окружая нас, старались все же при этом держать дистанцию.

Прибыли мы сюда, в тупичок Московского переулка Джанктауна, весьма большой, внушительной и галдящей респектабельной компанией уличной банды Полигона — у всех, кроме сопровождающих девушек, куртки городских охотников с белым демоном на спине. У некоторых даже, как знак особого отличия, глаза демона с красной подсветкой.

В тени членов уличной банды я и держался по согласованному ранее плану. Не собираясь изначально даже на минутку брать первую скрипку в дирижировании походом в ночной клуб. Официально возглавлял нашу столь многочисленную делегацию, прибывшую из Полигона в

знаменитый не только на весь Занзибар, но и на всю Танганьику ночной клуб Неон, Василий. Он вышагивал под руку со своей объемной дамой, которую, как я недавно узнал, звали Лиззи Джей Паркер.

Оба они во главе группы выглядели весьма приметно. Вася — тем, что по моему намеку не использовал попугайских мотивов в имидже. Татуировка в виде белого черепа на лице — единственный акт эпатажа, который он позволил себе на Занзибаре. Так что сейчас Василий был в сдержанной черной экипировке городского охотника, с белым демоном на спине и белым силуэтом черепа на лице, которые друг друга дополняли; кроме того, на высоком стоячем воротнике его куртки было написано «Samurai».

Я в шутку недавно посоветовал, а Вася вдруг взял, и сделал.

Подруга Василия — Лиззи Джей, юная, но уже не по возрасту внушительная дама, щеголяла статями, туго затянутыми в усыпанное блестками черное платье. Длинные волосы у спутницы Василия были заплетены во множество африканских косичек, и стянуты в хвост. Туго замотанный у основания, поднятый от макушки вверх и уже с высоты изгибающийся вниз, к спине. Если в туманном полумраке смотреть, то почти Сара Кэрриган, после того как она из облика королевы зергов приняла обратно человеческий вид. Только Лиззи Джей, наверное, по объему могла вместить в себя целых три оригинальных Сары. Три с половиной или даже может быть целых четыре — скользнул я взглядом по объемной фигуре девушки.

В руках Лиззи держала сумочку клатч, усыпанную блестящими камнями — не думаю, что настоящие бриллианты. Ну, по крайней мере я на это очень надеюсь. Все же Вася оперирует бюджетом Полигона, направляемым мной на содержание уличной банды. И не хотелось бы, чтобы он осваивал средства в сторону ситуативных подарков для подруги.

Василия и Лиззи Джей окружало полтора десятка свиты галдящих «уважаемых людей». Все они составляли ближний круг рулящего на улицах Полигона Василия, и напоминали рублевских бомжей. Ну вот честно, только чернокожие и блесток в одежде побольше.

Официально Василий сейчас, как глава уличной банды Полигона, пришел со своими ближними отдохнуть в клуб. Неофициальная, и главная цель нашего визита — я привел Чумбу на подпольные бои.

Я, Чумба и сопровождающий меня в качестве телохранителя Патрик держались в центре аляповатой и крикливой группы «уважаемых людей». Общий гвалт и галдеж которых, кстати,

постепенно сходил на нет — даже до самых твердолобых начинало доходить, что все идет немного не по плану. Потому что вот уже полминуты мы без движения стояли перед преградой из двух массивных громил-охранников, которые закрывали нам проход в клуб Неон.

Лишь один кадр, «уважаемый человек» с попугаистым золотым перьевым воротником на куртке, как назло расположившийся прямо передо мной, продолжал визгливо говорить что-то стоящему рядом с ним другому «уважаемому человеку». Вдруг послышался сдавленный вздох, раздавшийся одновременно с глухим звуком удара, и крикливый речетатив прервался на полуслове. Ну слава тебе господи. Вернее, спасибо Патрик — кажется, ирландец почувствовал мое настроение, и коротким тычком под ребра заткнул последнего оратора.

Василий между тем, уже вполне прилично освоившийся с ролью моей уличной десницы, главного на Полигоне, сейчас явно сдал и растерялся. Он откровенно спасовал перед непроницаемым безразличием охраны и похоже, не знал что делать. Но, надо сказать, охрана на входе, конечно, внушительная. Клуб Неон — своеобразное заведение, здесь могут встретиться гости самого разного социального статуса, от самого дна до самого неба. И если обладателям высокого рейтинга — главный вход и предупредительные администраторы, то таким как мы — закуток вонючего переулка черного входа.

Ворота черного хода охраняли самые настоящие гиганты. Без генетической коррекции, или без корректирующей хирургии и генной модификации явно не обошлось. Две самые настоящие глыбы, ростом ближе, наверное, даже к двум с половиной метрам. Просто башни из костей и мяса, при этом хорошо вооруженные. Пистолеты на бедрах, автоматы за спиной. Оба голые по пояс, и на плече у каждого по одному металлическому наплечнику, прикрепленному к портупее, перехлестывающей грудь крест-накрест, что внешне добавляет колорита. На орков из вселенной Вархаммера чем-то походят, кстати. Если б не бороды лопатой, и кожу им зеленую, так вообще вылитые.

Лиззи Джей, перехватывая у замявшегося Василия инициативу, неожиданно громко и внушительно заголосила. На африкаанс она сейчас что-то высказывала не желающим нас пропускать охранникам. Приободрившийся Василий подключился к подруге, на английском возмущенно втолковывая охраннику про наличие у нас приглашения.

Делал правда он это не совсем убедительно. И даже конверт с приглашением, который он достал. Охранника не заинтересовал.

Ох и не нравится мне все это.

Ночной клуб Неон — своеобразный клуб. Так как в нем встречаются все социальные слои, то всегда возможны некоторые случаи недопонимания. Которые максимально сведены к минимуму не только наличием серьезной охраны, но и порядком получения возможности в клуб попасть. Представители городского дна и уличных банд могут попасть в клуб, в верхнюю элитную зону — куда нам и нужно, только по приглашению действительных членов клуба. По приглашению действительных членов, которые за действия приглашенных отвечали. Так что если наша попугайская грядка нарулит себе и другим в клубе проблем — то отвечать будет тот, кто приглашение отправил. И мы, в первую очередь, будет отвечать перед пригласителем.

Правда, как показывает ситуация, в клуб еще нужно попасть.

Причем пропуск в клуб у нас был. И это даже не подделка — приглашение на самой настоящей, пахнущей духами гербовой бумаге с вензелями. В конверте, рукописно подписанным самой владелицей творческой мастерской Илоной Маевской. Ее личное приглашение, присланное после того, как на площадке Двадцать Седьмой улицы, а после в Третьем дистрикте Чумба быстро и жестко расправился с выставленными против него противниками. Как орехи щелкнул, даже не заметил.

Видеозапись подпольных боев официально не велась. Но на смертельном матче в Высоком Граде, в котором я участвовал вместе с Самантой, по идее видеозапись вроде как тоже не велась, но Марьяна Альбертовна мне потом нарезку видео демонстрировала. Так что предполагаю, что выступление Чумбы те кто надо — в данном случае Илона, увидела, и оценила — прислав на Полигон так нужное мне приглашение. Которое, в конверте, уже давно было в руках Васи, и он протягивал его для ознакомления охранникам. А они, в свою очередь, на конверт даже внимания не обращали.

Толпа прибывающих в клуб гостей позади нас становилась плотнее — только что прибыло еще пара компаний. И совсем немного времени, похоже, осталось до того момента, как со словами «мальчик иди отсюда, не мешай», громила-охранник попросит Василия и его попугаев, в толпе которых мы с Патриком и Чумбой, освободить проход.

«К гадалке не ходи», — подсказал внутренний голос.

Не было печали — посмотрел я, как громила по-прежнему демонстративно не обращает внимания ни на конверт в руках Василия, ни на возмущенные возгласы Лиззи Джей. Голос которой, кстати, звучал гораздо более авторитетно, чем у замявшегося Васи.

Сам я, кстати, по статусу сотрудника Некромикона вполне

мог пройти красиво через главный вход. Но как сотрудник Некромикона я сюда не шел — затесавшись в группу уличной банды Полигона. Неофициальный, так сказать, визит. И ведь сначала собирался через главный вход идти — но потом что-то дернуло, как почувствовал возможные проблемы.

«…» — устало выругался я, испытывая испанский стыд и за Васю, и за ситуацию.

И поморщился от очередного приступа головной боли. Вот она — причина моего злобного раздражения на всех вокруг и вообще на целый мир. Уже неделю, без одного дня, у меня сильно болела голова. Причем болела не просто сильно, а очень сильно. И это не купировалось болеутоляющими — боль являлась фантомной реакцией приспосабливающегося организма, усиленного имплантами.

После безумной ночи с Доминикой, уже ближе к обеду, во время выволочки которую она устроила мне перед всем начальственным составом оперативного департамента, у меня начала сильно болеть голова. Вернее, я тогда думал, что это сильная боль — как оказалось, сильная боль пришла к вечеру. И больше никуда не уходила.

Следующая ночь прошла для меня как во сне. Настолько было все плохо, что я даже иногда не разделял где реальность, а где сон — в который из-за сильной боли я проваливался как в бездну, но ненадолго.

Когда следующим утром понял, что головная боль уходить не собирается, уже даже к доктору собрался. Хорошо с дядюшкой Абрамом решил посоветоваться, к какому специалисту лучше обратиться, чтобы не оставить информационных следов. Старый еврей удивился моему незнанию, и просветил про особенности привыкания к усилению организма.

То, что со мной происходило — это естественная, как оказалось, реакция. Обычный человеческий организм не сразу принимал и осваивал новые возможности. Кроме того, для меня ситуацию усугубляли особенности протокола 13-1-1: ради лучших и оптимальных возможностей для освоения новых миров, при усилении организма не подразумевавшие калибровку нервной системы под изменившиеся реакции. И мой мозг с центральной нервной системой, как объяснил мне дядюшка Абрам, работали по-старому, воспринимая глубинной памятью мое тело прошлого образца. Я же двигался и существовал уже в ином состоянии, качественно измененном. И постоянно, ежесекундно, был вынужден контролировать каждые свои действия и движения.

К такому, к такой реакции организма, кстати, никто меня не готовил и даже об этом не предупреждал. Просто потому, что

считалось — это общеизвестно. Для всех тех, кто усиливал или только собирается усиливать свой организм с помощью имплантов.

В общем, по итогу о такой перспективе знали все причастные, кроме меня.

Я ведь парень уникальный: как в магии для меня оставались закрыты многие элементарные вещи, который «всем давно известны», так и после усиления организма неожиданным сюрпризом оказалось, что ждет меня самая настоящая пытка.

Олег об этом, как оказывается, тоже не знал — в его памяти я отклика не нашел. Зато нашел в своей памяти старой жизни: примерно о таком писал Эд Мэйси в своей книге «Апач», описывая будни пилота вертолета. И особенности привыкание организма к инструментам управления, в частности к моноклю с проекцией. Только Мэйси, говоря о преследующих пилотов головных болях, описывал лишь последствия информационной перезагрузки мозга, у меня же добавилась перезагрузка из-за физической рассинхронизации центральной нервной системы и изменившихся возможностей тела.

В общем, к такому испытанию меня жизнь совсем не готовила.

Способ избавиться от возникшей проблемы оказался весьма прост: банально перетерпеть. Правда, во всем этом наличествовал не совсем приятный момент. Чем сильнее изменялся организм, чем сильнее увеличивались его возможности, тем выше был шанс того, что боль не уйдет никогда. Только станет глуше, так что к ней хотя бы можно будет привыкнуть.

Но, даже если боль создаваемого нового организма совсем уйдет, то, как предупредил меня дядюшка Абрам, стоит дать себе послабление в нагрузках, выйдя из напряженного ритма на пару недель, а в отдельных случаях даже на несколько дней, как при форсаже организма, при долгой активности или на ответственном задании, головные боли моментально вернутся. В общем, мне теперь расслабленный пляжный отдых не грозит.

И еще теперь мне стали понятны мотивы Войцеха, который ежедневно вставал ни свет ни заря, начиная день с комплекса тренировок, причем тренировок отнюдь не простых разминочных. И, если день не включал в себя событийную насыщенность, утренним тренировочным комплексом себя как правило он не ограничивал. Я-то думал, что Войцех просто помешан на поддержании собственной физической формы, а оказалось вот оно что…

В общем, все причастные измененные люди о сопутствующих усиливающим имплантам неудобствах знали, но молчали.

Принимая как тот самый крест, который необходимо нести.

Я вот только не знал, а так бы еще десять раз подумал — мелькнула злая мысль.

Не раздраженная, а именно злая. Потому что с момента прихода головной боли я ни одной ночи не спал нормально. Даже с сильным снотворным я проваливался не в сон, а в мутное бессознательное состояние. Напряженный мозг просто не отключался, и я путешествовал в различные странные миры, порожденные бодрствованием во время сна разума. В одну из ночей накрыло так сильно, что вообще подумал, что не выдержу и поймаю невозвратную белочку.

Легче становилось тогда, когда чем-то себя грузил. Когда занимался магической теорией и практикой с Николеттой, да и вообще, когда сохранял концентрацию во время выполнения какой-либо сиюминутной задачи, все шло даже более-менее нормально. Но стоило только попытаться расслабиться, как мысли начинали путаться, меня периодически бросало в пот, пару раз даже накатывали панические атаки. И все это, на фоне непрекращающейся головной боли, накладывалось на копящуюся от бессонницы ватную глухую усталость.

От испытываемых неудобств я даже пересмотрел свое беспокойство по поводу «армии клонов» — по поводу возможности корпораций создать тысячи тысяч универсальных солдат, усилив их имплантами до уровня средних одержимых. Все же цена за получаемые возможности велика. Что неудивительно — глупо было думать, что возможности сошедших с небес богов можно получить «просто так».

Но успокоился я ровно до того момента, как вместе с Накамурой попытался разобраться в протоколе 13-1-1. Я за эту неделю во много пытался разобраться — из-за бессонницы времени у меня было просто в край завались.

В общем, обозначение «1–1» в индексе присутствовало не зря: мне накатили самую продвинутую версию. Для командного, так сказать, состава. Протоколы серии «13-2», как сказал Накамура после изучения вопроса, вызывали не столь сильный отклик организма, не говоря уже о серии «13-3». Причем боевая эффективность отличалась не слишком сильно. Так что, не успел я успокоиться насчет волнений об «армии клонов», как беспокойство вернулось снова. Усилившееся, на фоне тревожности стресса, вызванного бессонницей.

В общем, мое постоянное раздражение уже давно переросло в неуходящую, копящуюся в груди злость на весь окружающий мир. И в общении с любыми людьми мне приходилось с усилием сдерживаться, чтобы не срываться и не становиться самым

настоящим говнистым мудаком.

Спасение пришло, откуда не ждали. Не совсем спасение, конечно, облегчение небольшое, но это уже, на мой взгляд, немало. И случилось это буквально вчера, когда я нашел спасение от боли — с помощью Николетты. Когда во время тренировки я почти потерял сознание, и вырубился ненадолго, она неожиданно смогла мне помочь. И опытным путем мы выяснили, что Николетта, когда я полностью расслабляюсь, может своим успокаивающим прикосновением и легким ментальным натиском заставлять боль если не уйти, то угаснуть до такого состояния, что я на некоторое время перестаю ее замечать. Настолько хорошо это у Николетты получалось, что я вчера даже смог поспать целых три с половиной часа, ни разу не проснувшись.

Сейчас Николетты рядом не было. Зато, крепко обнимая, меня сопровождала уже привычная, вернувшаяся спутница боль, а под руку держала мерзкая злобная раздражительность — меня буквально бесил весь окружающий мир. Да я даже сам себя бесил — как сказал бы Виталик господина Мусанифа, книги которого я читал в прошлой жизни, бесил я сам себя до полного, сука, отвращения.

Вот прямо все вокруг вызывало жгучую ненависти — хотелось сжечь к чертям этот отвратный гнилой переулок, тупую охрану из двух громил, да и вообще весь славный остров Занзибар, гори он синим пламенем.

Как раз в этот момент накатил особо сильный приступ боли, от которого я поморщился. Дровишек во вспыхнувший ярче огонь злобного раздражения подкинул еще звонкий смех, раздавшийся из-за спины. Время ожидания становилось уже непереносимым, а каменные лица двух громил у входа никак не менялись. Более того — один из них, обернувшись ко второму, насмешливо проговорил что-то. Что-то, что даже не перевел мой переводчик личного терминала.

Но фраза была сказана на каком-то из звонко-шипящих восточноевропейских языков — чешском или сербском. И славянской памяти крови мне вполне хватило понять, что Василия только что назвали забавной обезьянкой.

Громилы хохотнули, а после тот, который отказывался обращать внимания на конверт у Василия в руке, перевел взгляд на Лиззи Джей.

— Máš dobré zuby, — сделал охранник комплимент спутнице Василия, и шуточно поклонился, осклабившись в бороду.

— Jo, tak velká prdel se špatnými zuby nevyroste, — ответил второй, и братья-славяне дружно грохнули хохотом.

«Добре зубы», «велка прдель», «невыросте» — знакомые все

слова легко сложились в смысл сказанного. И я легко перевел западнославянскую речь.

«Хорошие у тебя зубы» — сказал первый, а другой вторил: «Да, с плохими зубами такую задницу не наешь»

Они сейчас не просто нас не пропускали, но еще и делали из нашей компании посмешище. Показательно игнорируя конверт в руках у Василия.

Почему? Да потому что кому-то это выгодно.

И что сейчас? Уходить?

Мда.

Вообще, конечно, по уму — надо бы уйти.

Вот на самом деле — это будет максимально правильно и рационально. Но тот, кто готовил ловушку неудобного положения перед входом, наверняка учитывал менталитет уличной банды. И возможности пошатнуть авторитет банды, развернувшись от входа.

Приглашение у нас — от Илоны, есть. И тот, кто дал указание нас не пропускать, если мы уйдет, по-настоящему огребет реальных проблем — не стоит недооценивать авторитет господи Маевской на Занзибаре.

Я бы сейчас ушел, честное слово. Мне на пошатнувшийся авторитет плевать — я сам любой авторитет могу шатать что твой дом шайтан труба шатает. Но охранник только что оскорбил Лиззи Джей.

«Что эта мразина себе позволяет?» — возмущенно взвился внутренний голос.

Какая бы подруга Василия раздражающе-крикливой не была, и сколько бы ресурсов на ее прокорм и яркий имидж в бюджете Полигона не исчезало, но эта девушка — часть тех людей, которые считаются моими.

Тронув Чумбу за плечо и не оборачиваясь махнув Патрику, я шагнул вперед, протискиваясь между двумя бойцами из свиты Васи. Оба были в куртках с эмблемой белого демона, только один лысый — с татуировкой в виде широкой белой стрелки по всему черепу, от затылка до широкого носа, а голова второго увенчана густой копной африканских косичек. Выйдя из толпы, я подошел к преграждающим нам вход громилам. Василий, при моем приближении, облегченно вздохнул и посторонился.

— Шалом, православные, — произнес я, снизу вверх глядя в глаза ближайшему охраннику. Вблизи он казался вообще настоящей башней.

— Правая или левая? — не дожидаясь ответа на приветствие, почти без паузы поинтересовался я. Ответа от озадаченного громилы я, по-честному, подождал целых две, может быть даже

три секунды.

— Ну тогда и правая, и левая, — пожал я плечами. После чего быстрым, незаметным для обычного взгляда движением выхватил пистолет и прострелил обе ноги охранника. В коленях.

— Правая или левая? — тут же поинтересовался я у второго громилы.

Тот вопроса или не понял, или даже не услышал — из-за эха от сдвоенного выстрела, звук которого слился почти в один. Еще уже кричал первый охранник, который упал на бок и тянулся руками к ногам.

Больно, не спорю. Даже сочувствую немного.

Оставшийся громила потянулся было за оружием, а я поймал его взгляд и демонстративно подкинул свой пистолет вверх. И сам увел глаза следом за подброшенным оружием.

Громилы-орки на входе, конечно, сильные, но довольно глупые — примитивная уловка сработала. Причем даже ментальным импульсом помогать не пришлось, не говоря уже о ментальной атаке подчинения: охранник, взгляд которого я поймал, вслед за мной машинально посмотрел наверх. В этот момент я — в прыжке оттолкнувшись ногой от металлического наплечника лежащего на асфальте и ревущего от боли громилы, высоко подпрыгнул и хлопнул второму ладонью по ушам.

Переборщил немного — все же не совсем еще контролирую движения. Но не убил, точно. Хотя убить, наверное, было бы даже мне сложновато — там голова такая, что лобовая кость плавно переходит в затылочную. Но что-то внутри все же было. То, что можно было сотрясти ударом — потому что оглушенный громила, потеряв связь с реальностью, дернулся и застыл, словно парализованный. Постояв секунду, он — все сильнее разгоняясь, со всей высоты своего немалого роста рухнул лицом прямо в грязный асфальт, вытянувшись как болванчик. От удара громила пришел в себя, попытался подняться, но я (пистолет уже прилетел, и я его поймал) прострелил ему обе руки в запястьях. Чтобы не повторяться.

Одному колени, второму запястья — пусть никто не окажется обделенным.

Тот, у которого были прострелены колени, уже отошел от шока и боли, и тянулся к оружию. Пришлось немного ударить ему ногой в челюсть, чтобы не делал ненужных движений.

Второй, пытаясь подняться и вернуть контроль над непослушными руками,

— You motherfucker, come on you little ass… fuck with me, eh? — заорал он с сильным акцентом, брызгая слюной. Остановившись в крайнем недоумении, я расширенными глазами

посмотрел на него, даже замерев от неожиданности.

— Вот это прикол! — не удержался я от возгласа. Дело в том, что я слышал эту фразу, которая в русском весьма вольном переводе, гнусавым голосом Гаврилова звучала как начало знаменитого диалога: «Ублюдок, мать твою, а ну иди сюда, говно собачье!..»

Надо же, совпадение какое. Момент воспоминания даже заставил головную боль совсем отступить. Но минутка ностальгии закончилась и я, взяв из рук Василия конверт, открыл его и неторопливо достал лист приглашения. Присел на корточки рядом с орущим громилой, который все никак не мог справиться с простреленными руками, я продемонстрировал ему приглашение, поднеся лист к лицу.

Охранник по-прежнему орал, брызгая слюной, которая попала и на приглашение.

— Мультипаспорт, — произнес я, подергав листом перед глазами охранника.

Тот почему-то после демонстрации приглашения исчерпанным конфликт не счел, продолжив орать и материться. Поднявшись, я вернул конверт с листом Василию.

— Жди до прделе, кур-р-рва! — вернувшись вниманием к охраннику, выразил я на общеславянском свое разочарование неудавшейся беседой. И ударом ноги отправил поспать и его.

Свита из «уважаемых людей» Полигона уже давным-давно молчала, а после моего перфоманса замолчала и подпирающая нас со спины толпа. Отрезало, как бабка отшептала. А еще, судя по эмоциям, никто из тех, кто только что смеялся над нами, делать этого больше не желал.

Тишина стояла такая, что слышно было даже попискивание крыс за грудой мусорных баков поодаль.

— Искусство дипломатии, — негромко произнес я, обращаясь в Васе, — это не только доброе слово, но и очень быстрое дело.

Хоть говорил я и негромко, но мои слова в тесном переулке разносились весьма широко.

— Пойдем-пойдем, не стойте в проходе, — хлопнул я по плечу Василия. — И так уже опаздываем.

Глава 18

Нарушая все наши с Васей договоренности, вернее нарушая мои же, данные ему указания, я первым двинулся внутрь клуба. Вообще, по первоначальному плану, вперед должен был идти Василий. Как глава уличной группировки Полигона. Но он не только неубедительно выступил на входе, но и сейчас немного удивился моей беседе с охранниками, а потому подтормаживал.

Мда, ну не получилось у меня сегодня стать частью большой компании и вести себя незаметно.

Вот ведь незадача какая.

В темном, скупо освещенном коридоре звучало глухое эхо музыки. Сопровождающие меня Чумба и Патрик шли следом, не отставая. У меня в этот момент, стоило едва-едва расслабиться и отпустить вожжи концентрации после беседы с охранниками, накатил очередной приступ головной боли. В таком состоянии я и вышел в синий неоновый свет.

Эхо отката и так давило на брови изнутри, а после входа в клуб боль усилилась многократно. В тот самый момент, когда, пройдя по коридору черного хода, мы вышли на площадку верхнего зала, окунувшись в неоновое царство клубной ночи. Здесь нас буквально обволокла плотная громкая музыка, которая сразу придала моей спутнице-боли ритм, начавший долбить изнутри в черепную коробку.

Надо сказать, что открывшаяся панорама огромного, раскинувшегося сразу на три уровня клуба, расположенного в перестроенном пятиэтажном здании бывшего молла, впечатляла. Весь клуб, оправдывая название, был царством синего неона; и коридор черного хода привел нас на самый верх, на самый высокий уровень. С галереи которого можно было осмотреть почти весь огромный клуб, потому что перекрытия этажей после перестройки в большинстве отсутствовали.

На цокольном и первом этажах собиралась самая конченая шушера, доступ которой наверх, к нормальным людям, был закрыт. Туда, в самый низ, насколько я слышал не только приглашения не нужны были, но даже и вход бесплатный, только приходи. Зато посетители клуба, с нескольких галерей, могли на обитателей городского дна с интересом поглазеть. Как на специфический антураж.

Обычные посетители клуба тусовались в многочисленных помещениях и залах второго и третьего этажей бывшего молла. Нам же приглашение и черный ход открыли путь на самый верх, куда могли зайти только избранные. Мы сейчас оказались на

огромной, словно парящей в воздухе конструкции в виде широкой площадки. В ее центре располагался большой, не менее двадцати метров в диаметре круглый бассейн. И вокруг него, на разных уровнях — поднимающимися кольцами, и создающих словно амфитеатр, были расставлены столы. Между кольцами уровней были проемы, огражденные перилами — и практически не отходя от столов, при желании можно было наблюдать все то, что происходит на нижних этажах.

Оглядывая бассейн и окружающие его уровни со столами, я подумал, что амфитеатром парящая под крышей клуба конструкция и является. Уверен, что именно бассейн предназначен для боев мутантов, и когда вечерняя шоу-программа заканчивается, его просто осушают.

Наш столик, согласно схеме приложенной к приглашению, располагался далеко от входа, на противоположной стороне бассейна. Черт, как далеко идти.

Мне это все больше и больше не нравится.

По глазам били светящиеся в ультрафиолете белые элементы одежды, мелькающие вокруг; двигались тела, мелькали в танце руки-ноги, дефилировали по залу официантки — неся на себе только светящееся белым нижнее… а, нет, не белье. Официантки одежды вообще не носили, а грудь и «зона бикини» и них были измазаны белой краской, в большинстве в виде отпечатков ладоней.

Мужчины, вернее юноши-официанты, из одежды носили на себе только белые манишки с белыми же галстуками-бабочками. Впрочем, наряды гостей клуба своей фривольностью от внешнего вида официанток отличались несильно. Особенно внизу, на нижних этажах, видных мне сейчас с галереи амфитеатра.

Но и здесь, наверху, было на что посмотреть. Над большой чашей бассейна поверху шли несколько висящих мостов-переходов, висели клетки, в которых танцевали и занимались сексом разного пола люди. В подсвеченной голубым воде бассейна плескалось не меньше трех десятков человек. В том числе компания парней на желтых надувных уточках. На отдельном круге у них был закреплен большой кальян, к которому купающиеся по очереди прикладывались.

На краю бассейна валялись ярко светящиеся в ультрафиолете белые банные халаты, рядом раскинутые ошметки от лопнувшей резиновой утки. Видно, вся компания молодежи с уточек пришла в банных халатах, как в согласованной униформе — сделал я выводы из увиденного. И почему-то сразу понял, что это британцы — один из них как раз сейчас, голый, мочился с галереи вниз. Для того, чтобы у него получилось это сделать,

преодолев высоту стеклянного ограждения парапета, два его хохочущих друга, оба в банных халатах, приподняли его за ноги и держали на весу.

«Чарльз Спенсер младший» — подсказала мне дополненная реальность идентификацией как раз этого персонажа, только что закончившего мочиться вниз с галереи. Очень важная персона, которую я, как сотрудник оперативного департамента корпорации Некромикон, должен узнавать. И оповещение о личности данной персоны проходит мне даже поверху отключенного интерфейса дополненной реальности.

— Запомните, друзья: ссать в воду — признак дурного вкуса и отвратительного воспитания! — между тем закричал молодой представитель британской элиты, и с разбегу прыгнул в бассейн, причем в прыжке сделав сальто назад.

Мда.

Думаю, представители высшего света могут по изобретательности некультурного досуга дать фору собравшимся в самой низу представителям криминального городского дна. А нормальные обычные люди — глянул я вниз, на суету в зале, куда помочился Чарльз Спенсер младший, как всегда вынуждены терпеть рядом и тех, и других, очень часто одинаково конченых.

Сосредоточившись вниманием на плескавшейся компании, я запустил общую идентификацию. И среди списка имен увидел одно интересное.

«Винсент Уэлч».

Вот же тесен мир. Винни Уэлч, сын Эдгара Уэлча, начальника отдела кадров патрульной полиции Высокого Града. Винни Уэлч, который ввязался в мутную историю с наркотиками в частной школе, в результате которой Войцехом Ковальским и Анжелой Шиманской по приказу Эдгара Уэлча был убит сириец Башар, одноклассник Винни.

Винни Уэлч совсем недавно скрывался в Новой Шотландии, а вот гляди ж ты, куда занесло. На Занзибар, в компанию к Чарли Спенсеру младшему, сыну главы британской администрации отдельного автономного дистрикта Занзибар в составе протектората Танганьика.

Ладно, запомним на всякий случай — осмотрелся я в поисках пути к предназначенному нам столику. Работа мозга, направленная на воспоминания и сопоставления событий прошлого, понемногу закончилась, в синей пелене больше ничего интересного и захватывающего внимания я не видел, и вновь вернулось ощущение давящей из-под бровей на глаза боли. Все густое окружение, неоновый свет и мельтешение кривляющихся гостей накрыло меня, будто я отправился в путешествие за

границы сознания после приема психоактивных веществ.

Пока мы шли по клубу, по широкой дуге обходя бассейн, на нас постепенно начинали обращать внимание. Не оттого, что компания яркая — здесь таких и без нас хватало. Уверенно догадываюсь, что обращали на нас внимание вследствие разлета информации об устроенном мною на входе перфомансу.

На два уровня выше нашего места находилась отдельная ложа, в которой среди большой компании я заметил Илону Маевскую. Хозяйка арт-галереи и творческого центра собственного имени общалась, экспрессивно размахивая руками. На ней было белое, весьма смелое платье, которое из-за ее активной жестикуляции то и дело открывало взгляду намного больше, чем позволено открывать приличиями.

И как-то меня вдруг при виде Илоны злость взяла. Не она ли решила позабавиться на входе? Раздражение, вызванное неуходящей фантомной головной болью, словно собралось в кучу и заклокотало в груди негасимым огнем. До такой степени, что хотелось кого-нибудь убить.

«Параноидальный шизофреник заходит в бар…» — подходяще к случаю подсказал мне внутренний голос начало одного анекдота.

Ближе к столу я уже замедлил шаг, пропуская вперед Василия и его спутницу. Возвращаясь, так сказать, к первоначальному плану. И едва мы оказались за чертой, ограничивающей наше место, как — о счастье великое, долбежка музыки сошла на нет. Над нашим столом висел шумопоглащающий купол, не впускающий в ограниченное пространство громкие звуки. Если бы не мелькание белого сияния в плотной синей пелене вокруг, вообще прекрасно было бы.

К нашему столу, едва мы все расселись, подошли сразу четверо. Одним, возглавлявшим группу, был высокий чернокожий администратор клуба, в классическом костюме с белой бабочкой, остальные трое — Томми, белые наемники из ТРТР, Транспортной полиции протектората Танганьика, ЧВК корпорации Ганза.

Я впервые видел Томми, так сказать, вживую.

Все трое как на подбор высокие, подтянутые, голубоглазые — почти истинные арийцы. А, нет, арийцы на первом плане — два красавца из ларца, одинаковы с лица. Явно с отметками об изменениях внешности в генетическом паспорте. Третий не такой молодой, не такой лощеный. Держался он как будто в тени своих широкоплечих спутников — и это был седой и сухопарый мужик с красной, выдубленной кожей.

На техасского реднека похож, причем на классического. Или

даже не на реднека, а на героя вестерна. Шляпу-стетсон с загнутыми полями ему на голову, и вылитый Клинт Иствуд в зрелой молодости. А еще у него, как и у меня сейчас, и плечи широковаты, и под темно-синим корпоративным костюмом виден высокий, облегающий шею воротник легкого бронекомбинезона.

«Вольфганг Вернер» — подсказала мне дополненная реальность.

Вольфганг также был из тех, о ком у меня появлялись оповещения даже при отключенном интерфейсе. И как гласила пояснительная плашка, Вольфганг Вернер был специальным оперативником ТРТР. Да, очень серьезный дядька.

Администратор между тем, поправив бабочку, начал что-то мне говорить.

— Здорово, парни! — перебивая администратора, поприветствовал я троицу парней Томми. — Присядете? Место есть.

Наемники только переглянулись между собой, но ответом меня никто не удостоил. Их присутствие здесь и сейчас как предупреждение — чтобы я не вздумал повторить то, что исполнил на входе.

Клуб Неон — одна из локаций, обеспечение безопасности которой перешло от полиции Занзибара к Томми из ТРТР. И я уже почти уверен, что не Илона, а именно держащийся за спинами румяных амбалов Вольфганг Вернер — инициатор «недоразумения» на входе.

Вот только интересно, это его личная инициатива, или согласованная с начальством в Ганзе акция, чтобы унизить меня как члена уличной банды Полигона, и заставить выступить как оперативника Некромикона или даже как варлорда?

Сильных неприятностей из-за порченных охранников я, кстати, не опасался — все же первым не я начал, так что в своем праве. Но то, что начатые на входе качели продолжаются — факт.

Ладно, по ходу разберемся

— Ну нет так нет, — вновь оборвал я снова попытавшегося заговорить администратора. И только сейчас наконец обратил на него внимание: — И что вы нам готовы преподнести в качестве извинений?

«Извинений?» — шибануло моей фразой по восприятию администратора, вновь, уже в третий раз, оборвав начало его спича.

Он, кстати, я это чувствовал, всерьез боялся.

— Ты чего моргаешь, чучело? — еще больше ошарашил я опешившего администратора. — Твои долбоящеры на воротах не хотели нас пропускать, даже не пожелали посмотреть

приглашение. Кучу времени отняли! Кучу времени у меня отняли!!! — повысил я голос до крика.

— Извините, сэр, ваше поведение на входе…

— Рот закрой! — сделал я ладонь уточкой. — И сюда слушай, гамадрил. Я себя не на помойке нашел, чтобы как последняя шушера топтаться на входе оттого, что кто-то не может наладить работу контрольно-пропускной службы. Проваливай отсюда, и без владельца клуба или без полагающихся извинений не возвращайся. Или я свяжусь с госпожой Маевской и сообщу ей о том, что вы плевать хотели на нее, плевать хотели на ее приглашение, плевать хотели на ее репутацию, плевать хотели на сэра Джона Холдена и на правила поведения в приличном обществе! Ясно тебе?! Давай, давай, вали отсюда! — прикрикнул на него я, после чего администратор попятился.

Пока пятился, он с горячей надеждой косился на ребят из Томми, но они вмешиваться пока не собирались. Очень сильно расстроившись данным фактом, администратор в бабочке торопливо покидая границу круга тишины.

Седой и краснолицый Вольфганг Вернер громко хмыкнул. Видимо, он рассчитывал что я начну козырять статусом корпората, но так глупо подставляться я не собирался. Но никаких неудобств главный из троицы Томми не испытывал. Более того — происходящее, судя по смешинке в глазах, его ничуть не смущало, а даже доставляло удовольствие. Есть такой тип людей, которые в чужих неурядицах, когда остальные испытывают смущение или даже испанский стыд, видят повод для собственного искреннего веселья.

— Так что, парни? Компанию составите? — поинтересовался я еще раз.

— Угощаешь? — поинтересовался Вернер.

— Да за счет заведения, — махнул я с барского плеча.

— Ну если за счет заведения, то тогда мы не против, — широко улыбнулся он. — А заведение в курсе, что за его счет?

— Это абсолютно маловолнующий меня фактор. Пива?

— Пива, — кивнул Вернер.

Говорил он, кстати, несмотря на немецкие имя-фамилию, с гнусавым акцентом техасского реднека. И единственный из торицы Томми демонстрировал человеческие эмоции — двое румяных из ларца сохраняли полную невозмутимость.

Заказал я пару десятков бокалов, которые почти сразу принесли трое официанток. У одной из них была таких внушительных размеров грудь, которая, когда она расставляла бокалы рядом со мной, так интересно качалась налитыми перевернутыми куполами, что я невольно засмотрелся. Девушка,

едва заметив мое внимание, начала действовать показательно и специально медленно.

Еще, рассматривая ее, думал о том, что для того, чтобы прикрыть грудь краской, создавая видимость светящегося бюстгальтера, большинству официанток было достаточно одного отпечатка обычной ладони. Для того, чтобы сделать это для груди этой дивы, краски и отпечатков требовалось мно-ого больше.

Василий, кстати, на грудь обслуживающей меня красавицы тоже смотрел. Даже пялился, как заметил я краем глаза. А вот на Василия, хорошо видя направление его взгляда, в свою очередь очень внимательно смотрела Лиззи Джей.

Кстати, явно умная девушка. Она, как я раньше замечал, в естественной среде обитания никогда не сдерживалась от того, чтобы открыть рот и высказать собственное мнение по любому поводу. Причем делала это с громкостью, которая способна заглушить сирену пожарной машины. А вот сейчас молчала. По глазам и эху эмоций я прекрасно видел и чувствовал, что Лиззи готова устроить выяснение отношений прямо сейчас. Но, чтобы не подвергать сомнению авторитет Василия перед свитой уважаемых людей, сдерживала свою горячую натуру всеми силами.

Да, кого-то сегодня вечером ждет очень тяжелый разговор. Причем тяжелым он может быть в буквальном смысле — мне почему-то кажется, что Лиззи Джей Василию и перемкнуть может так, что мало не покажется.

— Господин желает что-нибудь еще? — положив одну грудь мне на плечо, в самое ухо прошептала обслуживающая мой край стола дива.

— Господин желает мир во всем мире, счастья для всех даром, и чтобы никто не ушел обиженным.

Смысл фразы дива не поняла, но вариант действий выбрала беспроигрышный: томно вздохнув, чуть наклонившись, она аккуратно прильнула ко мне, так что я сильнее ощутил тяжесть ее груди. При этом, опять же краем глаза, я заметил, как дернулся кадык сглотнувшего Василия, и как одновременно с этим полыхнули сдерживаемой яростью сощурившиеся глаза Лиззи Джей.

Продолжать беседу с официанткой я не стал, просто поднял руку и едва шевельнул пальцами. Она поняла моментально — тяжесть груди с плеча исчезла, и томная дива направилась прочь. Коротко проводив ее взглядом, я вернулся в реальность происходящего.

— Зачем ты прострелил ноги охране? — поинтересовался у меня Вернер, задумчиво покручивая бокал пива на полированной столешнице.

«Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде», — подсказал мне внутренний голос.

В этот момент со стороны бассейна, преодолевая даже шумовую завесу, раздался громкий крик Чарльза Спенсера младшего. Что он кричал, я не расслышал, но крик Спенсера, на фоне его недавних действий с парапета, навел меня на определенный лад поведения.

Не отвечая Вернеру сразу, я взял бокал с пивом и выпил его в несколько глотков. Объем детский, 0,33, так что получилось вполне легко, хотя газы ощутимо в нос ударили. Было бы 0,5, оказалось бы много сложнее.

Грохнув бокалом об стол, я посмотрел на сидящего напротив Вернера.

— Хочешь анекдот расскажу? — вопросом на вопрос, причем невпопад, ответил я. — Смотри. В баре, перед стойкой появляется парень и привлекает внимание бармена.

Тут я поймал взгляд Вернера и пощелкал пальцами, нативно показывая, как именно привлекает внимание парень.

— Бармен на него оборачивается, а тот парень такой говорит: Бармен, я хочу с тобой поспорить. Давай забьемся на триста фунтов, что я…

Мы с Вернером сидели через стол, и я резким жестом отправил свой опустошенный только что стакан по столешнице. Вернер его легко поймал, остановив прямо перед собой.

— …нассу в тот стакан, вон туда, и не пролью при этом не капли мимо, — закончил фразу я, и вытянув вверх руку, словно бросая баскетбольный мяч, показал сверху вниз через стол на пустой бокал перед Вернером.

Тот, явно не дурак, чувствуя, что стал не субъектом в рамках ситуации, а объектом моего бенефиса, едва-едва сощурил глаза. Но прерывать мой спич не стал.

Молчал, в ожидании.

Да, похоже он гораздо опаснее, чем я думал. Ну да ладно, не прерываться же на полуслове.

— Бармен озадаченно смотрит, а до стакана на столе метра три, не меньше. И бармен такой говорит: Значит, ты собираешься нассать в тот стакан, — еще раз показал я жестом-дугой на стакан около Вернера, — стоя здесь? И говоришь, что не прольешь при этом ни капли? И ставишь на это триста фунтов? Я тебя правильно понял? — добавив мимики к рассказу, сделал я круглые глаза.

— Именно так, отвечает парень. Бармен довольно улыбается, переглядывается со своими двумя вышибалами, — быстрым жестом показал я на голубоглазых братьев из ларца. — Те,

конечно, что-то помычали невнятно в предвкушении, и бармен такой говорит: молодой человек, считай что мы забились. Окей, тогда начнем, говорит парень и поднимается.

Вслед за словами я тоже поднялся и продолжил. Штаны расстегивать я не стал, просто показывал, оставляя остальным додумывать в меру собственного воображения.

— Парень вынимает болт из штанов, смотрит на стакан, думает про стакан, думает про болт, смотрит на стакан, думает про стакан, думает про болт…

Во время этих слов я постоянно то прикасался пальцем себе к виску, то показывал на стакан рядом с Вернером.

— …смотрит на стакан, думает про болт, стакан, болт, стакан, болт, стакан болт… и п-пуф!!! Н-начинает ссать! Он ссыт, причем ссыт на все что вокруг, ссыт на стол, ссыт на стойку бара, ссыт на стулья, ссыт на пол, брызгает даже на бармена, — показывал я, куда ссыт этот парень.

— Он ссыт вообще на все вокруг, кроме этого сраного стакана. А бармен, наблюдая за этим, крайне довольный смеется просто до посинения, ведь он стал на триста фунтов богаче! Он смеется, а у него моча по стойке течет.

Сделав небольшую паузу, я пальцем круговым движением показал, что именно и как обоссал парень. Показывал еще в основном на часть стола, которую они занимали. И ни одному из трех парней из Томми, кстати, мой жест не понравился. По эмоциям почувствовал.

А вот «уважаемые люди» слушали меня с живым интересом. Парень с попугайским золотым воротником, которого на входе Патрик тычком заткнул, даже рот приоткрыл.

Ну, таких благодарных слушателей грех разочаровывать, так что я продолжил.

— Ты идиот! — говорит бармен парню. Ты вообще конченый тупица, ты обоссал вообще все, кроме стакана! Ты мне должен три сотни фунтов, придурок! Три сотни! — даже для убедительности показал я три пальца. — Без проблем, дружище, одну секунду, — говорит парень. Он отходит вглубь бара, к бильярдным столам. О чем-то с ними шепчется, а после возвращается и с хлопком, с улыбкой, кладет на стойку триста фунтов.

— Какого хера ты лыбишься, говорит ему бармен. Ты только что проссал триста фунтов, идиот! А парень оборачивается и показывает на биллиардные столы. Видишь вон тех парней? Я поспорил с ними на триста фунтов с каждым, что обоссу здесь все вокруг, а ты этому будешь только радоваться!

Несколько секунд после того, как я закончил стояла тишина,

после кто-то из уважаемых людей хрюкнул. Раз, другой, раздался первый неуверенный смешок, а после грянул дружный смех.

— Обоссал всю стойку…

— А-ха-ха, моча по стойке течет…

— А он будет только радоваться…

— Триста фунтов с каждого… — гоготали сопровождающие Василия уважаемые люди, не знакомые с творчеством Тарантино.

Сам Василий, кстати, тоже смеялся. Грохотала хохотом и его внушительная подруга, так что аж платье вибрировало. Ну, вернее не платье, а то, что у нее под платьем.

Так.

Этот анекдот не должен был быть таким сильно смешным — я вообще на это не рассчитывал. Но не принял в расчет то, что «уважаемые люди» в некотором роде как дети, настолько их смешно рассмешить.

Как раз к тому моменту, как смеялись уже все мои спутники (кроме, конечно, Чумбы и Патрика), к нашему столу вернулся администратор. Едва он зашел за границу, как я сделал ему жест молчать и заговорил сам. Обращаясь при этом, правда, только к Вернеру. Который, как и двое его спутников сидели с каменными лицами.

— Видишь, друг мой, у нас у всех есть чувство юмора. Только вот никто из нас не понял шутки на входе в клуб, когда два организма почему-то не хотели нас пропускать, и не хотели даже посмотреть приглашение. Если это, конечно, была шутка… — посмотрел я на администратора. — Потому что шутку, даже не поняв, я могу принять. Если же это была ошибка, и о нашем прибытии просто забыли сообщить, тогда дело хуже. Для репутации владельца заведения. Ну а если кто-то решил просто помурыжить нас на входе, чтобы полюбоваться нашим поведением в неудобной ситуации… Но нет, я не думаю что тот кто это придумал настолько туп, чтобы подставить госпожу Илону, — обернулся я к столу, за которым сидела компания с Маевской.

Лучезарно улыбнувшись, со всем обаянием на которое был способен, я взмахом руки привлек внимание Илоны, и изобразил максимально куртуазный поклон, выказывая ей свое почтение. Илона, отвлекшись от одного из своих собеседников, реагируя на мой жест, прижала ладони ко рту и послала мне скромный воздушный поцелуй.

— Нет, я не верю, что этот кто-то был настолько туп, — обернулся я вновь к администратору. — Не верю, но недооценивать предсказуемость тупизны я давно отучился.

Отведя взгляд от внимательно смотрящего на меня Вернера, я

обернулся к администратору.

— И если представление с двумя гамадрилами было устроено, чтобы посмотреть на мое унижение, тогда я немного разозлюсь. И всю богадельню тут разнесу в хлам, сожгу и обоссу! Ты понял, пес?! — перешел я на крик, заставив администратора отшатнуться. — Ну так что, ты принес нам извинения? — после небольшой паузы очень тихим и ласковым голосом произнес я.

Видимо, администратор принес совсем не извинения. Судя по густой, осязаемой ауре страха принес он весть о том, что наше поведение неподобающее и нам стоит покинуть клуб. И пару раз он попытался о этом сказать — открывая рот, но при этом не в силах произнести ни слова.

Вернер вдруг резко поднялся — так, что его стул с грохотом опрокинулся. Кивнув администратору, Вернер даже не глянув на меня отошел от стола. Следом за ним поднялись румяные братья из ларца, уходя и даже не прощаясь.

Пиво их, кстати, все три бокала, осталось нетронутым.

Администратор, едва Томми покинули круг тишины, с облегчением рассыпался в извинениях, и в качестве комплимента от заведения предложил нам всем оплату всего счета. Ну, в этом я почти и не сомневался.

— Очень рад, что сеть заведений Неон согласна в течении полугода предоставлять бесплатное премиальное обслуживание всем ребятам с Полигона, — улыбнулся я администратору.

Тот едва заметно дернулся, замер на несколько секунд, после чего кивнул и фальшиво улыбаясь, еще раз рассыпался в извинениях. «Уважаемые люди», когда поняли, что теперь они могут гулять без денег сколько угодно в сети клубов, громко загомонили. Глядя при этом на меня восхищенно: прийти в клуб, прострелить ноги охранникам, рассказать анекдот и получить полгода бесплатного обслуживания — я прямо чувствовал волны обожания.

Которые меня раздражали до невозможности, вкупе с вернувшейся, вымораживающей до самых костей головной болью. Едва я сел за стол, взял в руки бокал с пивом — просто взяв, я не собирался его пить. Просто чтобы что-то подержать холодное — и очень хотелось бокал сейчас прислонить ко лбу.

Из-за пульсирующей головной боли меня все вокруг раздражало так, что я уже начал всерьез размышлять о том, что прибить кого-нибудь из уважаемых людей. На самом деле думал всерьез, при этом понимая, что это не в полной мере мои мысли; словно темная сторона разума захватывает мое сознание.

Эта мысль немного отрезвила. Но только лишь немного — потому что клокочущая раздраженная в груди злость никуда не

делась. И крикливо общающиеся «уважаемые люди», размахивающие руками и активно обсуждающие происходящее, меня сильно напрягали. Я уже десять раз пожалел о том, что решил выдвинуться сюда с делегацией уличной банды, а не отряда варлорда. На последнее, впрочем, мне практически наложила запрет Доминика. Намекнув, что отряд варлорда — это подразделение, законтрактованное корпорацией, и, если я прибуду сюда в группе отряда, это может принести лишних проблем.

Боль все сильнее давила на виски и брови с обратной стороны; казалось, что сейчас или череп треснет, или глаза лопнут. Очень мне не хватало Николетты, но вариант привести ее с собой я даже не рассматривал. Нечего ей здесь сегодня смотреть. Не для нее и место, и зрелище.

Причем неподходящее для нее зрелище даже без поединков. Которое даже без главного гвоздя программы сегодняшней ночи уже взгляд не радовало. Пусть и приглушенное неоновой пеленой, происходящее выглядело неприятно даже в сглаживающих грязь реальности красках синего.

Очень многие гости уже или полностью отъехали в иные планы реальности, или были готовы к этому — а сверкающие белым всполохи в густой синей пелене лишь добавляли сказочности происходящему. Вокруг, на всем пространстве парящего над клубом амфитеатра, царила форменная вакханалия. В которой островками спокойствия высились лишь некоторые столы — такие, как наш, накрытые куполами безмолвия.

Столы, за которыми сидели в основном одетые, причем в большинстве вполне цивильно одетые, гости. Но даже под куполами спокойствия хватало зрелищ: на столе Илоны разлеглась официантка, заваленная роллами и суши, которыми закусывали гости. И развлекались как могли, с помощью еды, напитков, в частности шампанского, и доступного к экспериментам обнаженного тела.

За столом неподалеку от нас расположилась компания Чарльза Спенсера младшего. Компания, в которой был и мой заочный знакомый Винни Уэлч. Больше десятка молодых парней, без сопровождающих девушек кстати, уже накупались в бассейне. Надев, в большинстве, банные халаты, они вернулись за стол. И совсем недавно часть из них бросками еды и тарелок сбила с каната проходящую над ними одну из воздушных акробаток. И сейчас двое занималось с ней сексом прямо на столе. Девушка, впрочем, сильно против не была, а удивительные способности управления собственным телом демонстрировала и в этой ситуации.

И это было только началом. Сразу после полуночи, после боя часов, вечеринка окончательно подошла к пику пьяного и наркотического угара. По сторонам я старался не смотреть особо — и неприятно, и ничего интересного. Потому что ничего особо удивительного для меня, бывавшего еще в трахтенберговском «Хали-Гали» в Питере, в общем-то не происходит.

Ничего сильно удивительного не происходит, но так и хочется закричать что есть силы: «Жги, Господи, здесь уже ничего не исправить!»

И если Господь не откликнется, сжечь все вокруг самому. Нахер.

Кстати, собравшаяся неподалеку компания Спенсера и Уэлча все же смогла удивить — сексом на столе занимались уже трое. Вот только акробатка компанию покинула — девушка снова была наверху, периодически показывая чудеса эквилибристики на канате.

Нет, я, конечно, в курсе о бисексуальности британской элиты, но вот не был прямо так к этому готов, чтобы это происходило практически на расстоянии вытянутой руки. И еще ведь парни втроем слаженно так двигаются, как будто практики тренировок у них было достаточно — то и дело косился я на компанию англоязычной молодежи.

Часть компании Спенсера, кстати, к мужеложству относилась явно отрицательно — сплетенные тела, когда заметили отсутствие девушки-акробатки в общем процессе, вскоре растащили под возмущенные крики общественного порицания. Одному участнику даже бутылкой шампанского в голову досталось в ходе разборки.

«Ну, не все с этим поколением потеряно», — с сарказмом подсказал внутренний голос.

Все когда-нибудь заканчивается, начало заканчиваться и мое мучение ожиданием. Не сразу, но постепенно, сразу после полуночного пика, вакханалия постепенно сходила на нет. Я отметил, что и синяя пелена уже не такая густая, и белый ультрафиолетовый отсвет не так сильно по глазам бьет. Освещение на площадке менялось, лишние люди из ночного клуба понемногу удалялись. Я видел, как одного за другим с площадки вежливо выводит охрана — в залы нижних этажей, где танцы, песни и пляски продолжались в полный рост.

В приглашении было предупреждение и об этом. Так что большая часть сопровождающих нас уважаемых людей отправилась на нижний этаж. За столом остался только Чумба, Патрик, я, Вася и Лиззи Джей, а также пара их особо доверенных спутников.

Одна за другой закрывались двери, отделяя главный зал от помещений остального клуба, и оставляя здесь лишь группы избранных приглашенных зрителей, собравшихся сохранившими адекватность компаниями. И когда закрылись последние двери, глухо загудело — из колец уровней выдвинулись щиты, закрывая пространство проемов, через которые с галерей было видно нижние помещения. Все, парящий амфитеатр полностью зарыт, в том числе от взглядов, от остальных помещений клуба Неон.

Как только гул выдвигающихся перекрытий стих, я, почувствовав на себе чужой тяжелый взгляд, будто невзначай обернулся.

Вольфганг Вернер. Отводить глаза он не стал, наоборот — с широкой улыбкой мне подмигнул. Этого только не хватало. Судя по взгляду, несмотря на общий расслабленный вид, настроен Вернер решительно. Ну да и вряд ли он собирался останавливаться на мелкой шалости с не пропускающими нас внутрь охранниками.

Ох чувствую, добром это все не кончится.

Синяя подсветка по-прежнему сохранялась, но уже не была настолько густой. Вода из бассейна тоже ушла, оставив на дне чаши надутые желтые уточки и утопленный компанией кальян. Несколько официантов в манишках спешно спустились в чашу будущей арены и торопливо вынесли все лишнее.

Все, амфитеатр изолирован, все лишнее из превратившейся в арену чаши бассейна убрано, и вот-вот начнется главное мероприятие сегодняшней ночи.

Глава 19

— До-о-оброй ночи уважаемые гости! — раздался из-под крыши зычный голос распорядителя арены.

Наконец-то. Как долго я этого ждал.

— …сегодня я имею честь приветствовать вас всех здесь, на триста тридцать второй закрытой ночи поединков Синей лиги!

В моем мире Синей лигой называлось нечто другое — хмыкнул я.

Организация подпольных боев Занзибара делилась на несколько лиг, из которых Синяя была самой элитной. Если, конечно, не знать о существование Черной лиги — которая даже в узких кругах была практически неизвестна.

Невидимый распорядитель между тем продолжал растекался речью по заранее утвержденному плану представления, рассыпаясь в комплиментах гостям, мероприятию, бойцам, да и себе тоже.

А вот, это уже про нас:

— …в белом углу ринга новичок Синей лиги — боец команды Полигон! Впервые на арене, агрессивная и пришлая тварь чужого мира…

Вообще Чумба не впервые на арену выходит, но предыдущие два боя были рангом пониже, в Синей лиге они в рейтинге даже не считались.

…костяной мутант из мертвых долин палящего зноем Инферно… Встречайте, бурбон Чу-у-у-ууууу-умба!!!

Английский язык, на котором говорил диктор, Чумба понимал не очень хорошо. Но свое имя не услышать не мог. Тем более заметив, что я отставил в сторону давно баюкаемый бокал с пивом и наконец-то вышел из-за стола.

Чумба поднялся из-за стола практически одновременно за мной. Поведя плечами, бурбон сбросил плащ. Под ним он был, не считая ремней портупеи, голым по пояс; из одежды на Чумбе сейчас только ботинки и сапоги из экипировки городского охотника. И еще широкий пояс, с металлической бляхой в виде черно-красной эмблемы с трехголовым драконом — эмблемой моего отряда варлорда. Сам Чумба, кстати, и попросил себе такой ремень.

Костяные гребни Чумбы, пока плотно сложенные, покоились на плечах и затылке, не топорщась. Без них, если не приглядываться, он напоминал обычного человека, пусть и крупного. Если, конечно, смотреть в густом тумане, ночью во время ливня или метели с десяти метров. Ну и если в хищное,

безносое лицо не заглядывать.

Над чашей арены, в которую превратился бассейн, выдвинулись две нависающие площадки — и на одной из них, по протоколу мероприятия, сейчас было мое место. Вот только пришли мы туда вдвоем с Чумбой. Наше появление было встречено сдержанным гулом. В основном потому, что Чумба сейчас шагал рядом со мной, а до этого момента сидел за нашим столом.

От громких криков я даже поморщился — меня скрутило очередным приступом фантомной боли. Это следствие того, что несколько часов жизни потрачены впустую, в наблюдении за оседающей пеной в пивном бокале.

Удивление зрителей, кстати, вполне понятно. Гладиаторы-бойцы Синей лиги классифицировались на три категории — измененные (они же мутанты) и твари; третьей, отдельной и самой малочисленной категорией были демоноборцы — люди, организм которых без необратимых изменений был усилен имплантами. Выходили на арену они, как правило, в техномагических доспехах. И вот как раз присутствие демоноборца за столом никого бы не удивило.

Чего не скажешь о подобном в случае не только бойца-твари, но и мутанта. Мутантами были направленно генетически созданные, или же измененные человеческие организмы. Не все из них сохраняли разум — большинство было преступниками, вычеркнутыми из этого мира, и на бумаге уже казненными. Основная их задача — развлекать публику, так что при изменении организма о сохранении разума никто не заботился.

И если мутанты, из небольшого их числа сохранившего разум, изредка, очень-очень изредка, могли сидеть за столом команды-участника в общем зале, то твари всегда содержались в клетках под ареной. И выходили на площадку арены через только после того, как решетка поднималась. Так что Чумба, который просидел весь вечер за нашим столом, смог аудиторию удивить. Особенно громко удивлялась этому компания британцев в банных халатах. Шум которой перекрыл голос распорядителя арены.

— В синем углу ринга, боец клуба Янцзы! Одиннадцать побед, четыре смертельных исхода, всего одно поражение… Встречайте, защитник нашего мира, демоноборец Пэ-э-эн Вэ-э-э-э-ээээймень!

Из-за дальнего и плохо видимого мне в мелькании прожекторов стола, с другой стороны чащи арены, поднялась приземистая фигура. Столы не зря конкретно указаны в приглашении: рассадка всех команд-участников такая, чтобы не оказаться рядом друг с другом.

Бойца команды противника издалека мне хорошо видно не было, но дополненная реальность услужливо подкинула окно ознакомления. Которое я, впрочем, сразу смахнул в сторону. Видел уже этого Пэн Вэйминя, и не раз. Причем максимально детально его самого и его ТТХ я рассматривал буквально вчера, на брифинге в кабинете Доминики.

Нам, а вернее мне, а еще вернее непосредственно Чумбе, сейчас предстояло стать инструментом корпорации Некромикон в общем, и Доминики в частности. Совершив акт укрепления дружбы и добрососедства с Чайнатауном. Именно в Чайнатауне, в одной из триад, обитал демоноборец Пэн Вэйминь — усиленный имплантами человек, причем находящийся не на последних ролях в триаде. Который, несмотря на свое высокое положение в иерархии, иногда баловал себя выходом на ринг. И одерживал всегда легкие и эффектные победы. Всегда, до недавнего времени, когда в бою с обычным мутантом он потерпел совершенно нелепое поражение.

Неожиданный апсет стал шокирующим сюрпризом для очень и очень многих. Но только не для Доминики — она, вернее ее аналитики, раскопали, что результат, для некоторых людей, явно был предсказуем. Согласно экспертизе видео, аналитики Некромикона предположили, что Пэн Вэйминь потерпел поражение не просто так.

Предположение подтвердилось после глубокого анализа видео и проведенного расследования. В результате которого версией специалистов Департамента было озвучено что вещества, которыми Пэн Вэйминь взбодрился перед боем, оказались более сильными, чем предполагалось. Так что вместо ожидаемой бодрости демоноборец получил зеркальный эффект. И случилось это совсем не просто так — налицо вырисовывалась явная подстава, причем от своих же.

Вот только сработало все не очень идеально. Мутант должен был Пэн Вэйминя прикончить, но в этом план дал сбой — демоноборец выжил. И после поражения расстроился настолько, что немного слетел с катушек. Расстройство Пэн Вэйминя оказалось настолько сильным, что некоторые его собратья по криминальному ремеслу попробовали на себе его выдвигающиеся из предплечий клинки. Как сообщила мне Доминика, счет шел на десятки убитых. Впрочем, опять же со слов Доминики, далеко не все погибли от клинков-когтей зря: один из виновников подставы демоноборца смерть свою точно нашел.

Ситуация, впрочем, просто так не завершилась: разъяренный неожиданным поражением Пэн Вэйминь после разборки оставил после себя слишком уж много трупов. Конечно, прямо никто

против демоноборца в триаде, учитывая строгую иерархию и его высокое положение, выступать не собирался. Но Доминика на то и Доминика, чтобы иметь подходы ко всем на острове, вплоть до максимально закрытых китайских триад. Тем более сейчас, когда Некромикону так важна поддержка в грядущей борьбе против Томми. Поэтому Доминика сообщила мне, что если Пэн Вэйминь неожиданно вдруг умрет, то никто в триаде горевать по этому поводу не будет, а скорее даже наоборот.

Так что Чумба сейчас выходил на ринг — по слитой для Пэн Вэйминя дезинформации, как явный андердог, а сам демоноборец шел восстанавливать собственную репутацию. Причем он сейчас явно заряжен на кровавый спорт — подумал я, когда противник прыжком, игнорируя и лесенку и протокол, спустился в чашу арены.

Только сейчас Пэн Вэйминь оказался на свету, и я рассмотрел его получше. Закован с ног до головы в эргономичные красные, техномагические доспехи — использующиеся, кстати, вооруженными силами Британской Империи для экспедиций в соседних планы нашего мира. Да, именно такие я в Инферно на британцах видел.

В правой руке Пэн Вэйминь держал меч-бастард, в клинке которого, ближе к рукояти, горели три напитанных силой самоцвета. Все три красные — усиление на Огонь. По идее, при должном умении, Пэн Вэйминь может даже с места не сходить, а перерубить Чумбу дальней атакой огненной плетки, силы в мече для этого достаточно. И умение, скорее всего у него было — двигался Пэн Вэйминь с грацией хищника, и выглядел серьезно опасным. Настолько, что я даже занервничал.

— Чумба, сделай это максимально быстро, — попросил я мутанта.

Кивнув в ответ, бурбон спрыгнул в чашу арены. Постояв немного на еще влажной кафельной плитке, Чумба немного подумал, и стянул с себя ботинки. Сделал несколько шагов, приноравливаясь, попрыгал. Пока он все это делал, лестницы вытянулись наверх, а прозрачное ограждение поднялось выше, для защиты зрителей. И оставляя поединщиков наедине.

— Команды, готовы? — раздался голос диктора. Который, кстати, все это время что-то говорил, я просто не слушал. Ответа от меня не требовалось — это была дежурная фраза.

Находящийся в синем углу Пэн Вэйминь после слов распорядителя вытянул вперед левую руку, и указующе показав на Чумбу, чиркнул себе по шее большим пальцем. Недвусмысленно показывая и предупреждая, что поединок до победного.

— Поединок… начинается! — произнес диктор под приветственные крики, и на весь зал раздался громкий удар гонга.

Поначалу никто ничего не понял. И только после нескольких секунд тишины раздался негромкий скрежет доспехов, и половина туловища Пэн Вэйминя со звучным шлепком приземлилась на кафель чаши арены. Ноги простояли чуть дольше. Но и они практически сразу упали сверху.

Чумба, который стремительным росчерком пересек арену, по пути разрубив противника, сейчас неторопливо, цокая когтями, прошел обратно, к краю чаши подо мной. Не задерживаясь, и также игнорируя начавшую выдвигаться лесенку, он выпрыгнул из чаши, возвращаясь за стол и стряхивая кровь с костяного меча. Гребни Чумба, кстати, так и не поднял — как я его и просил вчера, на брифинге у Доминики.

Гомон зрителей начал усиливаться, возвращаясь к прежним значениям, только когда китайского бойца унесли из чаши арены. Вся команда триады практически одновременно поднялась из-за стола и покинула ночной клуб — думаю, сегодняшняя ночь у них только начинается. Ночь, так сказать, сюрпризов. И передела влияния — природа, тем более природа в криминальных сообществах, не терпит пустоты. Которой, после того как Пэн Вэйминь откланялся из этого мира, возникло вполне достаточно.

После боя Чумбы в программе бойцовской ночи предстояло еще три боя. Перерыв между каждым занимал чуть больше, чем четверть часа, заполненные самыми разными активностями. В том числе, общением с представителями команд.

И, как следствие этого, едва я вернулся за свое место, как наш стол осветило направленным прожектором. И в свете луча, на тонком тросе страховки, сверху ко мне спустилась воздушная акробатка. Она, паря, замерла в позе прыгающей балерины, держа в руке довольно древне выглядящий микрофон. С проводом.

Ну да, на мероприятиях такого уровня современная техника не используется, во избежание. Поэтому все довольно консервативно.

— Дра-го! Дра-го! — послышался вдруг истеричный, визгливый крик. Обернувшись, я увидел, что это Илона поднялась из-за стола, хлопая в ладоши, отправляя мне сразу несколько воздушных поцелуев.

Видимо, выступление Чумбы, несмотря на дефицит событий, ей понравилось.

— Дра-го! Дра-го! — начали скандировать зрители почти по всей арене. Громко хлопая в ладоши и пьяно, невпопад к общему хору голосов, присоединилась и группа парней в банных халатах.

Один из них взобрался на стол, и с большой пятилитровой бутылкой шампанского зачем-то начал изображать рок-гитариста.

— Приветствуем победителя! Команда Полигон, Драго Младич! — добавил в общее скандирование громкости невидимый диктор.

Да, вот такая несправедливость — если боец мутант или чужая тварь, то проигрывает непосредственно мутант или чужая тварь. Если же мутант или тварь выигрывает, то победителем объявляется хозяин бойца.

После приветствия диктора слаженные крики смешались, тут же сменившись гомоном голосов. На который я отреагировал, подняв в приветствии руку с микрофоном и коротко поклонившись.

— Приветствуем, приветствуем! Драго Младич, или, как он сам себя называет, новый хозяин Полигона. Драго, сверхновой звездой вспыхнувший на нашем с вами острове друзья! — громко проговорил невидимый распорядитель арены. — Драго, прошу, общество просит вас рассказать о себе и о своей команде.

Гомон притих, все ждали от меня рассказа. У меня же, в очередной раз, накатил приступ головной боли.

Как же все вокруг меня раздражают.

— Прошу извинить, речи говорить я не сильно умею. Предпочитаю текстовые сообщения…

Я сейчас не шутил, но ответом мне был громкий смех. Видимо, кто-то подумал что я это в шутку попытался исполнить.

— О нашей команде могу сказать, что мы молодые, и нас много. О себе… если о себе, так вроде и так все что нужно хорошо видно. Я парень молодой, красивый, умный и еще очень скромный.

После моих слов на несколько секунд воцарилась тишина, вскоре разорванная восторженными криками. Понравилось, похоже, особенно насчет скромного.

— Драго, впечатляющее представление, впечатляющее начало пути команды. Нам всем понравилось, не так ли?

Зрители криками подтвердили, что понравилось. Одна из девушек со сдвинутых столов неподалеку даже завизжала, распахнув блузку и показывая бюстгальтер, при этом крича что готова познакомиться со мной поближе. Судя по чулкам и клетчатой юбке, студентка элитной частной школы. Судя по подругам и взрослой гувернантке, которые общими усилиями усадили ее обратно за стол, пытаясь образумить, так и есть.

— Драго, когда ваша тварь будет готова снова выйти на ринг?

— Его, если что, зовут Чумба. Выйти на ринг он готов в любое время.

— Драго, нет опасения, что вам может встретиться более сильный противник?

— Нет.

— Что, даже не важно, против кого выходить?

— Нет.

— Госпожа Илона, как я слышал, очень давно, с прошлого года, не может найти противника для своего бойца-демоноборца Парагона. Вы не опасаетесь встречи с ним?

— В данном случае я опасаюсь лишь расстроить госпожу Илону, — обернулся я к ее столу, коротко кивнув владелице творческой мастерской.

В ответ она вскочила со стула, и послала мне сразу три воздушных поцелуя.

Что ж, похоже приглашение в замок «сэра Джона Холдена» я точно получу, причем в самое ближайшее время. И мне скорее всего даже не придется ждать места в сетки тайной организации, где выступают по-настоящему серьезные соперники. Вот только Парагон — точно не соперник для Чумбы.

О Мартине Уолтере Рейли, выступающим от команды Илоны под именем «Парагон», информация у меня была. Доминика предоставила, вместе с имеющемся у нее досье на всех бойцов Черной Лиги.

Мартин довольно сильный боец, причем скорее всего слабый одержимый — очень уж быстро двигается для обычного человека. Но по боевым возможностям до по-настоящему сильных одержимых и монстров уровня Чумбы ему далеко. Именно поэтому Мартин в Черной лиге, после двух поражений подряд, на арену больше не выходит. Бойцы же Синей Лиги для него слишком слабые, серьезных соперников для него тут нет. Этого Парагона даже я смогу разобрать, думаю, со своим протоколом усиления даже без подготовки.

— …Драго?

«…!» — ответил я мысленно, потому что похоже задумался, и прослушал вопрос.

«…!» — выругался я мысленно еще раз, потому что вдруг увидел справа движение.

За три стола от нашего, на более высоком уровне, со своего места поднялся Вольфганг Вернер и ожидающе протянул руку вверх. Практически сразу же, реагируя на его движение, из-под крыши спрыгнула одна из акробаток. Прыгнула головой вниз и артистично расправила руки — словно в соревнованиях по прыжкам в воду. Спустившись на сдерживающем падение тросу страховки, акробатка замедлилась у самого стола и протянула Вернеру микрофон. Такой же древний как и у меня сейчас в

руках, с проводом.

— Ребята, девчонки… всем привет, — на английском заговорил Вернер. — Драго, — взмахом руки приветствовал он меня. — Ребят, простите что вмешиваюсь в сеанс самолюбования моего дорогого друга Младича, но он мне недавно анекдот смешной рассказал, хочу ему свой вернуть, чтобы не быть должным. Вы не против?

Судя по гомону, анекдот от Вернера ждали не очень сильно, но откровенно против никто не был.

— Драго, ты-то как сам, хочешь расскажу funny story? — на русском языке с ужасным акцентом поинтересовался у меня Вернер.

Отвечать я не стал. Только сделал шаг назад и присел на край стола, чтобы не стоять во время того, как Вернер пытается вернуть мне обраточку анекдота.

Но вообще не в анекдоте дело.

Дело в том, что дело дрянь — очень уж уверенно Вернер начал говорить.

И анекдот сейчас — просто приятная для него прелюдия. И если я откажусь от прослушивания funnystory, история на этом не закончится. Потому что у Вернера явно есть теперь, после выступления Чумбы, козырь в рукаве.

Мы это с Доминикой тоже обсуждали. Дело в том, что в моем участии в поединках было одно слабое место. Регламент организации бойцовских лиг включал в себя перечень возможных усилений организма для демоноборцев, параметры мутантов, а еще был список рас, которые можно привлекать к поединкам.

Бурбоны в списке были. А вот кровавые бурбоны — к племени которых относился Чумба, в списке отсутствовали. И если сейчас этот вопрос поднимется, может возникнуть проблема. Не слишком сложная, но правила — как ни крути, я все же нарушаю. Участие Чумбы в боях лиги было сродни тому, что на собачьи бои выставить в обход правил волка.

Можно, конечно, оправдаться… Но это ведь придется оправдываться. А именно сейчас делать этого не хочется — явно же видно, что Вернер что-то задумал. И явно не анекдотом хочет меня удивить. К тому же может он даже не насчет кровавого бурбона хочет мне предъявить, а что-то нечто другое.

Мало у меня скелетов в шкафу, что ли.

— В общем слушай, друг, — хлопнул между тем в ладоши Вернер. — Скачет ковбой на лошади по прерии, видит перед собой неширокую трещину в земле. Я ковбой, я перепрыгну! — кричит ковбой, разгоняется и перепрыгивает. Скачет дальше…

«Ах ты собака бешеная» — моментально понял я смысл того,

к чему ведет Вернер. Сам он сейчас, обернувшись вокруг, увидев и удостоверившись, что завладел вниманием слушателей, продолжил.

— Скачет дальше, и приближается к следующей трещине, шириной в два раза больше первой. Я ковбой, я прыгну, кричит он. И…

И…? — словно бы сказали внимательно притихшие слушатели.

— И перепрыгивает! — звучно хлопнул себя по бедру Вернер. — Скачет ковбой еще дальше и видит уже совсем широкую трещину, каньон настоящий. Я ковбой, я прыгну! — кричит ковбой. Вдруг лошадь резко останавливается, вот прямо копыта в пол, оборачивается и говорит: Ты ковбой, ты и прыгай!

В зале раздались сдержанные смешки, кто-то из уважаемых людей рядом со мной загоготал. Но очень быстро замолчал, поняв, что просмеял большую глупость. Пусть и с приглушенным эмоциональным фоном, всплеск ярости от Лиззи Джей я ощутил очень ярко. При этом у меня мелькнула мысль, что похоже еще немного, и Василий в банде будет выполнять только представительскую функцию.

Вернер в это время смотрел на меня, широко и удовлетворенно улыбаясь. На то, что анекдот оказался не очень смешным, ему было наплевать. Тем более, что смысл рассказанного им анекдота начал понемногу доходить до некоторых из зрителей.

Смысл того, что Вернер попытался унизить меня. За соседним столиком раздался низкий гул — все молодые британцы загудели, затеребили свои банные халаты. Да, несмотря на то что у некоторых из них есть серьезные недостатки в желании больше полагаться на задний привод, чем на передний, не могу не отметить, что они не только в этой скользкой теме шарят. И они все поняли наезд Вернера на меня сразу и без пояснений.

Обычному человеку подобный намек — как с гуся вода. Проигрывает боец, побеждает хозяин — все просто в Синей Лиге. Но я ведь — варлорд. То есть человек в анамнезе благородный, с титулом. И живу я немного по другим законам, с иным отношением к вопросам чести и репутации.

Поняли произошедшее в зале далеко не все. Но тем, кто еще не понял, объяснят чуть позже. Объяснят, как заносчивого варлорда Драго Младича Вольфганг Вернер с улыбкой макнул носом в собственную важность.

«Вот же пес, а!» — снова возмущенно высказался внутренний голос.

Вежливо улыбнувшись, я посмотрел в глаза Вернеру.

Это его основной наезд, или только прелюдия, как и рассказанная только что funny story? Выдохнув, отстранившись от происходящего, я усилил восприятие эмоционального фона.

Мда. Как и догадывался — дело дрянь.

Предвкушение Вернера ощущалось очень хорошо. Анекдот — ловушка. Причем вилка, ловушка двойная — промолчу я сейчас, будет повод для пересудов, как меня, назвавшего себя умным, сильным и красивым благородного варлорда, унизил корпорат из ТРТР.

А если же я начну сейчас оправдываться, и переводить стрелки что имел в виду своего бойца, Вернер может достать из рукава козырь расовой принадлежности Чумбы. Ну, или какой другой козырь — но продолжения Вернер ждет явно, причем с предвкушением выигравшего партию. Причем если я промолчу, козырь этот — расы Чумбы, у него останется. До следующего раза, так что Вернер, по его мнению, со всех сторон выигрывает, как ситуацию не поверни. «ABC-стратегия», как в покере — если заходить в игру, то делать это только с сильными картами.

Вот только Вернер немного не на того он напал.

«Никогда не воюйте с русскими — на каждую вашу хитрость они ответят непредсказуемой глупостью», — подсказал внутренний голос подходящую цитату из интернетов моего мира.

Непредсказуемой глупостью мой внезапный вариант решения проблемы мог показаться бы мне в привычном состоянии, но вот сейчас таковым не казался. Тем более что кого-нибудь убить мне хотелось все сильнее и сильнее. Настолько, что меня это — на границе холодного, нетронутого злым раздражением разума, затопленного головной болью, немного пугало.

— У меня немного туговато с юмором, ты, наверное, уже знаешь, — улыбнулся я Вернеру. Получилась не улыбка, а оскал — потому что совпала она с очередным приступом фантомной боли.

Божечки, Николетта, как мне сейчас тебя не хватает. Ну увидела бы ты вживую живое гомосексуальное порно на соседнем столе, ничего бы с тобой не произошло серьезного — думаю, в свои девятнадцать, с учетом воспитания в пансионе благородных девиц, ты и не такие ужасы видела.

Боль при мыслях о Николетте, причем при такой подаче мысленной беседы с ней, словно с невидимым собеседником, вдруг совершенно неожиданно отступила. И, скрывая удивление, я незаметно перевел дыхание.

— Но я, дорогой друг Вольфганг, как ты уже слышал, отличаюсь умом и сообразительностью. И догадываюсь, что ты хотел сейчас своим анекдотом рассказать, что я слишком

инфантилен и одновременно самоуверен, когда утверждаю, что мне не страшен демоноборец Парагон. Да все я понял, — жестом я прервал готового что-то сказать Вернера, и не удержался от укола: — Не стоит, не утруждайся никому не нужными оправданиями. Видишь ли, дело в том, что я за свои слова всегда отвечаю. Если говорю, что умный и красивый, значит так оно и есть. Спроси у знающих людей, они подтвердят. Госпожа Илона? — обернулся я к главенствующей над амфитеатром арены ложе.

Илоне мой заход понравился, и она широко и некрасиво, показывая пирсинг на языке, улыбнулась в предвкушении.

— Госпожа Илона, если вам не жалко своего бойца, то я могу не выставлять Чумбу, а выйти против Мартина Парагона на ринге сам, хоть прямо сейчас. Но, если что, прошу заранее простить за возможные нанесенные ему повреждения.

Зрители в зале загудели. Все громче и громче. Илона же, возбужденная и раскрасневшаяся от услышанного, даже подскочила с места, картинно заламывая руки. Похоже, кроме алкоголя в ней сейчас очень и очень немало самых разных веществ, усиливающих восприятие и эмоции. Хотя может она по жизни такая.

— Мартин, Мартин! — экспрессивно закричала она.

Широкоплечий мужчина в классическом костюме поднялся, по жесту Илоны подходя ближе. Она же схватила Мартина за руку и оттянула в сторону полоску платья, прикрывающую левую грудь. И приложила к груди ладонь своего демоноборца.

— Чувствуешь? Чувствуешь, как звонко бьется мое сердце?! — спросила Илона.

Судя по кивку, Мартин чувствовал.

— Драго! Я желаю победы своему бойцу, но искренне переживать буду за вас обоих! — отбросила руку Мартина Илона, захлопала в ладоши от возбуждения, совсем забыв о сбившимся на сторону платье.

Сам Мартин, больше не задерживаясь, скрылся в подтрибунном помещении. Переодеваться пошел. Я, отложив в сторону микрофон, который почти сразу забрала спустившаяся с небес акробатка, вытащил из кобуры пистолет и передал его Патрику.

«Мы воюем?» — спросил меня взглядом ирландец.

Судя по виду, он вполне готов начать разносить все здесь и сейчас.

«Бахнем. Обязательно бахнем, Патрик», — очень захотелось мне ему сказать.

«Нет», — отрицательно покачал я головой.

Бахнем, Патрик. Обязательно бахнем. Но потом.

Сняв пиджак и штаны, чтобы корпоративный костюм не испортить, я остался в бронекомбинезоне охотника за призраками. Который, при отключенной тактической сети, вполне подходил под параметры брони для использования на аренах Синей Лиги. А отключение таксети у меня, кстати, и не проверили.

Джентльмены верят друг друга на слова — ну надо же.

Не слишком торопясь, я спустился вниз, в чашу арены. Сопровождаемый гулом, потому что я не взял с собой оружия — которого официанты в манишках на выбор мне принесли довольно много. Но я с железными палками все равно обращаться не слишком умею, мне больше это в напряжение и помеху будет.

В данной ситуации без оружия как-то проще, а что делать — по ситуации разберусь.

Мартин, спасибо ему, сильно задерживаться не стал. Появившись из подтрибунки, двигался он быстрым шагом, явно уважая и свое и мое время. И надо сказать, облачившийся в броню демоноборец своим видом внушал уважение.

В чашу арены он спрыгнул. Здесь это что, традиция такая, лесенки игнорировать?

Лязгнули сапоги в кафель, и Мартин, он же Парагон, выпрямился. Плечи его были настолько широкими, что казались крыльями. Демоноборец был теперь облачен в полный, техномагический доспех и неплохо вооружен. В левой руке круглый щит, с шипом на умбоне, в правой моргенштерн. Ну да, с обычным мечом, если он не усилен как у Пэн Вэйминя, против демонов сложновато — не всякий костяной гребень даже перерубить может. А моргенштерн с длинными шипами — тяжело, надежно и сердито.

Усиленное оружие у Парагона в списке экипировки было, но против меня он решил его не использовать. Надеется на легкую победу?

Странный парень, я бы не был такой самоуверенный.

«Что?» — вкрадчиво поинтересовался внутренний голос.

Ну да, спонтанно спустившись в чашу арены, причем без оружия — мне ли рассуждать о самоуверенности.

Кстати, все то время, пока я избавлялся от пиджака и брюк, пока осматривался в чаше арены, пока сюда спускался Парагон, все это время происходящее комментировал диктор, находя яркий отклик у зрителей. Но внимания на шум я больше не обращал, отстранившись и сконцентрировавшись только на противнике.

Прекрасное чувство, когда можно не обращать внимание на

окружающее, и когда из-за максимальной концентрации отступает фантомная головная боль, на которую не действуют никакие болеутоляющие.

Сквозь ватную пелену, оградившую от меня все посторонние звуки, раздался гонг и поединок начался. Парагон бросился вперед без раскачки — прикрывшись щитом, он словно телепортировался вперед. Видимо, стараясь меня оглушить — щит стремительно приближался ко мне, но вот острие шипа умбона направлено в сторону.

Заметив это, я даже на фоне скопившегося раздражения расхотел сильно бить противника. На краткий миг — потому что, когда я пропустил Парагона мимо, обратным движением руки, коварным взмахом снизу вверх, он едва не насадил меня на острые жала булавы моргенштерна.

Усмехнувшись, я в несколько прыжков переместился к противоположному краю чаши. Поскользнулся, и едва не упав при этом — во второй раз избегая атаки Парагона лишь чудом. Так, по крайней мере, я надеялся выглядит происходящее — потому что собственное уклонение я в общем-то контролировал.

Выглядело для тех, конечно же, кто умеет смотреть. И кто через глазные импланты с помощью личного терминала сможет наблюдать ход поединка не параллельно со временем, а замедляя увиденное. Для остальных же наш поединок выглядел чередой росчерков.

Уклонившись в третий раз, я легко отбежал на несколько шагов, предлагая Парагону поиграть в догонялки. Вызов принят не был — против меня не идиот, прекрасно видит, что я его загоняю. Пусть доспехи на нем и облегченные, техномагические — не массивное железо, но ощущаются они совсем не пушинкой.

Да, бегать за мной Парагон не собирался. В подтверждение этого свистнул металл — это в меня полетел моргенштерн. Ловить я его не стал — пропустил мимо. И только когда булава, выбив крошку из кафеля, отлетела от стены мне в спину, я ее поймал. И тут же, перехватив, запустил обратно — целясь в забрало уже бегущего на меня Парагона.

Голову он все же прикрыл щитом. На краткий миг, теряя со мною зрительный контакт, но мне хватило. Я в этот момент длинным шагом прянул вперед, и прыгнул. Как Лю Канг почти, зависнув в воздухе — одной ногой подправляя и направляя щит, упираясь в его длинный шип, а второй ногой, поймав нужный момент, ударив ступней в нижнюю кромку щита. Вбивая этим верхнюю, противоположную кромку прямо в забрало Парагона.

Он попытался уклониться, но не получилось — верхний край щита попал ему в шею, как раз под забрало. Демоноборец еще

бежал — еще летели в беге вперед его ноги, а голова уже начал запрокидываться. Рухнув на спину, он проехался по кафелю еще пару метров, скрежетая доспехами.

— Почти не повредил, — коротко поклонившись, сообщил я Илоне.

Она уже вскочила на ноги, от восторга хлопала в ладоши. Что говорит о чем? Правильно, это говорит о том, что она все видела и поняла — вон большинство зрителей еще не врубаются, что произошло.

Что значит то, что Илона все поняла? Это значит, что смотреть в замедленном времени она умеет. А это непростое умение, и есть большая вероятность, что если Илоне доведется спуститься на арену, показать она сама может что-то посерьезнее, чем только что продемонстрированное Парагоном.

Ладно, запомним на всякий случай.

Илона что-то мне кричала, но в этот миг все в зале перекрыл громкий визг Лиззи Джей. Она, хлопая в ладоши, резво вскочила из-за стола, потрясая своими потрясающими объемами.

При взгляде на искреннюю радость Лиззи Джей мне стало вдруг очень тепло и приятно. И даже немного стыдно за иногда пренебрежительные мысли в сторону ее комплекции. Хорошего человека должно быть много, умный человек наверняка такое сказал.

И еще от подобных мыслей мне вдруг неожиданно даже легче стало. Воистину, красота и доброта спасут мир — потому что, когда я акцентировал внимание на благодарных мыслях в сторону Лиззи Джей, головная боль отступила.

«Только надо бы, чтобы красота и доброта были вооружены», — подсказал внутренний голос, заставляя вернуться в реальность.

Ничего еще не кончилось, все только начинается. Причем начинается самая дикая часть моего замысла.

— Вольфганг, друг дорогой! — крикнул я, подняв взгляд наверх. И слегка щурясь, пытаясь найти среди темных силуэтов Вернера.

— Вольфганг, я показал, что не только умею анекдоты рассказывать. Готов ли ты показать, что сам умеешь не только складно ртом работать?

Если уж пошел черед использования запрещенных приемов, то почему бы и не да.

На результат, если честно, я не особо рассчитывал. Но не стоит недооценивать предсказуемость тупизны — атакам которой ситуативно могут быть подвержены даже самые умные и мудрые люди.

Вольфганг Вернер, специальный оперативный сотрудник Транспортной Полиции Протектората Танганьика, стаскивая с себя пиджак, подошел к краю. Без задержек избавился он и от брюк. И подождав, пока окончательно опустятся прозрачные заграждения, он подошел к краю.

«Идиот!» — с интонацией Папанова подсказал мне внутренний голос.

«Заткнись!» — ответил я ему, не в силах поверить в невероятную удачу.

Вернер спрыгнул вниз.

Вот теперь счет шел даже не на секунды, на мгновения.

«Чумба!!!» — мысленно и истошно, со всей ментальной силой закричал я, находя взглядом силуэт бурбона.

Чумба отреагировал мгновенно — ничуть не удивляясь услышанному зову, он мягко и стремительно поднялся. Подходить к краю чаши бурбон даже не стал. Пробежавшись несколько шагов и оттолкнувшись, сделав это практически незаметно взгляду, Чумба взлетел в воздух и с скрежетом когтей приземлился рядом со мной. Причем приземлился, упав на одно колено, опустив голову. Демонстрируя свое повиновение.

У меня, в прошлой жизни в прошлом мире, был друг немец. Самый настоящий, еврей из Штутгарта. Так вот он, после пары прецедентов, любил в разговорах со мной часто повторять, говоря при этом на русском с ужасным немецким акцентом: «Говорила мне моя бабушка, никогда не пей с русскими!»

Не нужно было Вернеру соглашаться на предложенное мной пиво. Все, пошла жара: восприятие времени сразу ускорилось. Рот Вернера при «прибытии» Чумбы для меня только-только начал открываться. И его крайнее удивление от происходящего я уже чувствовал вполне осязаемо. Вернер, который для меня так все еще и открывал рот, просто не верил в то, что я сейчас делаю. Причем судя по отклику эмоций, он сейчас еще даже не знал — то ли возмущаться, то ли смеяться.

Я же, догоняя время, стараясь не упустить представившуюся возможность, очень торопился. Пока не очухался и не сбежал самостоятельно спустившийся в чашу арены Вернер, уже всерьез чувствующий запах жареного.

«Не сдерживайся», — мысленно произнес я, обращаясь к Чумбе.

Все, побоку внешний вид и степенную неторопливость. Нужно ковать железо, пока горячо и пока все не обломилось. Поэтому, все еще в ускоренном времени, я поставил ногу на плечо Чумбе, отталкиваясь — в этот момент бурбон еще и выпрямился. Меня как катапультой из чаши выкинуло. Причем прилетел наверх я,

почти снеся стол, за которым сидели студентки частной школы или пансиона. Одна из которых совсем недавно, распахнув блузку, предлагала мне оценить ее бюстгальтер.

Она как раз оказалась ближе всех ко мне и пьяно взвизгнула от неожиданности. Я же оперся о стол и обернулся к чаше арены, где Чумба уже расправил костяные гребни. Все же Вернер намного более серьезный противник чем Пэн Вэйминь, и достоин поднятых гребней кровавого бурбона.

— Эй-эй, постой! — кричал мне Вернер вслед. — Это не…

Слова его звучали для меня растянуто, медленно-медленно. Но ускорение времени заканчивалось, зрители начали понемногу озадачиваться происходящим; еще немного, и поединок может не состояться. Еще мгновение-два, и диктор придет в себя, или спутники Вернера вмешаются.

Но мне улыбнулась удача — совсем рядом, очень подходяще, катил тележку с едой официант. Пробило кого-то на плотный поздний ужин. Впрочем, после недавнего масштабного веселья, сие неудивительно.

Я выхватил с тележки поднос, накрытый выгнутой металлической крышкой, используемой для пафосной подачи еды. Сама еда внутри под крышкой тоже наверняка была пафосной, что-то из высокой кухни. Но полетела низко — прямо на пол.

— Поединок начинается! — громко закричал я и со звоном хлопнул крышкой по пустому подносу.

Вернер был профессионалом, и попытки что-то сказать прекратил и подобрался, чтобы встретить Чумбу. Он даже, по идее нарушая правила поединков, выхватил пистолет и начал стрелять.

У меня ощутимо екнуло сердце — я увидел, как пути попадают в бурбона. Время для меня замедлилось, и я прекрасно видел, как сразу две пули попадают Чумбе в нижнюю челюсть, дробя кость и пробивая шею. Я видел, как сразу три, уже четыре пули проходят через грудь Чумбы насквозь, вылетая из спины вместе с плотью и шлейфом крови. Но чтобы остановить бурбона, этого оказалось мало — Чумба уже оказался рядом с противником.

Руку с пистолетом он отрубил, а после насадил Вернера на костяные мечи, и врезался вместе с ним в стену. Наверное, не будь челюсть Чумбы в клочья разворочена выстрелами, он бы откусил Вернеру голову. Но вместо этого бурбон вырвал из его груди костяные мечи, и втянув их в предплечья, с ревом заработал когтями, превращая верхнюю половину тела Вернера в месиво.

Кровавые ошметки взлетали так высоко, что даже заляпали банные халаты молодых британцев, которые подбежали и навалились на ограждение парапета, наблюдая за расправой и стараясь не упустить малейших деталей.

Им было интересно, и никто даже не возмущался — Вернер ведь сам вниз спрыгнул.

Когда Чумба, немного пошатываясь, отошел от того, что недавно было Вольфгангом Вернером, в зале некоторое время стояла мертвая тишина. Которую вдруг нарушил скрежет шевеления — это поверженный мною Парагон, который так и валялся на разбитом падением кафеле, начал приходить в себя.

И только после очень долгих беззвучных секунд, раздались размеренные хлопки. Это Илона поднялась с места и подняв руки, истово хлопала в ладоши.

— Дра-го! Дра-го! — визгливо закричала Илона, и ее крики подхватили присутствующие зрители.

Ну теперь уж точно место на ближайший турнир в замок мне забронировано.

Если, конечно, я смогу сдержаться и не прибью Илону еще сегодня. Но я надеюсь обойдется без этого — сейчас под шумок можно удалиться с мероприятия. Сказать, что Чумбу нужно лечить (хотя бурбоны самостоятельно регенерируют бешеными темпами), или что мне самому лечиться нужно. Можно сказать, что я допустим палец в схватке с Парагоном ушиб.

В общем, надо скорее что-нибудь придумать, и делать ноги. Уходить отсюда, чтобы как можно скорее очутиться рядом с Николеттой и почувствовать ее успокаивающие прикосновений, от которых уходит тупая давящая боль. От которой, от боли, помогает еще, как я сегодня неожиданно выяснил, искренняя радость и доброта.

Вот только… место здесь такое, что доброта почти не водится.

Глава 20

Проснувшись, я даже задержал дыхание и прислушался к ощущениям. Осторожно, не в силах полностью поверить в происходящее — наслаждаясь чистотой сознания и отсутствием головной боли.

Господи, как же мне хорошо.

В такие моменты начинаешь понимать, что иногда счастье — это очень просто. Когда у тебя ничего не болит, ничего не давит тревожностью, не нужно усилием собирать мысли в кучу, и вообще все прекрасно, потому что наконец получилось банально полноценно поспать. Причем, судя по чувствующимся даже через закрытые глаза ярким лучам заглядывавшего в окна солнца, спал я точно не меньше пяти часов. Вероятно, даже побольше — первый полноценный сон за долгое время.

Открыв глаза, я чуть повернул голову, осматриваясь. Рядом тихо посапывала Николетта. Она спала на краешке кровати, примостившись с боку и положив мне руку на грудь. Спала в одежде — в простом легком платье, в котором меня и встретила, когда я вернулся из Неона. Это было в районе четырех утра — собачий час, самое неприятное для неспящих людей время. И самое неприятное для меня — именно на это время обычно пик моих фантомных болей и приходится обычно.

Вот и сегодня, к моменту возвращения на виллу Николетты, головная боль у меня периодически уже накатывала так сильно, что я мало что соображал. Но несмотря на собственное состояние, заметил и понял, что Николетта крайне взволнована и обрадована моему возвращению. И еще отметил, что она определенно не спала всю ночь, ожидая меня.

Волновалась.

Я даже помню, что пока она помогала мне раздеться и улечься на кровать, строго выговорил за ей бессонную ночь, как мастер-наставник. Правда она мои слова о том, что утром у нас в общем-то тренировки, она как я понял особо не слушала. Не впечатлилась авторитетом мастера-наставника, в общем.

Снизу неожиданно раздался звук, похожий на скрип несмазанных петель, и на кровать деловито запрыгнуло спасенное мною животное. Оу, это он (она) похоже так мяукнул просто.

Блеснув красным отсветом широко раскрытых глаз, юный кот или кошка вопросительно ткнулся мне холодным и мокрым носом в запястье, а после неуклюже рухнул, прижимаясь мне к бедру спиной. Подождал немного в недоумении, а после выгнулся и обернулся, снова блеснув алым отблеском в глазах и

выжидательно оглядываясь на меня. После того как я аккуратно почесал требовательное животное за ухом, раздалось неожиданно громкое — для котенка такого небольшого размера, мурчание.

Еще раз глянув на примостившуюся на самом краешке кровати одетую Николетту, я вдруг почувствовал прилив благодарной нежности. Захотелось и ее если не за ухом почесать, то хотя бы по волосам погладить. Потому что сегодняшним долгим и спокойным сном я обязан ей и только ей.

Обычно ее прикосновение и легкий ментальный натиск избавляли меня от боли ненадолго. Для долгого эффекта ментальный импульс нужно было поддерживать, а делать это постоянно у Николетты пока не получалось. Хотя она много раз безуспешно пробовала, сильно злясь из-за неудач.

Но видимо сегодня, когда я пребывал в состоянии крайнего болезненного утомления, у нее это получилось — поддерживать импульс долгое время. И Николетта смогла подарить мне много-много часов спокойного сна. Сама она, судя по всему, отключилась совсем недавно, провалившись в сон от усталости. Видимо как сидела рядом, так и отключилась, мягко свалившись в горизонтальное положение, даже не в силах собраться чтобы удобную позу принять. Потому что так как она сейчас лежит, скоро сама проснуться должна — с затекшей правой рукой.

Не желая ее пока будить, я попытался отстраниться. Не удалось — Николетта спала чутко.

— Ой! — почувствовав движения моментально вздрогнула она, распахнув глаза.

От ее громкого возгласа мурчащий котенок испугался и даже подскочил почти на полметра, при этом расставив когтистые лапы в разные стороны. Еще на лету лапы заработали в холостую — котенок еще не приземлился обратно, но уже бежал. И когда животное приземлилось и когти зацепились за покрывало, котенок стремительно рванул вперед и с громким тыгыдыком исчез из комнаты.

Это что же за демона я подобрал? — мысленно хмыкнул я.

Заспанная Николетта в этот момент, еще не понимая, что заснула и проснулась, отстранилась от меня и попыталась подняться. Неудачно — правая рука у нее все же затекла, да и лежала она на самом краю кровати.

Непослушная рука, на которую она опиралась, поехала, и Николетта еще раз ойкнула, потеряв равновесие. И упала бы, если бы я ее не удержал. Подхватил я ее из позы лежа, только одной рукой — вторую не вытащить, простынь мешалась. Но даже несмотря на мою поддержку еще не полностью проснувшаяся Николетта продолжила медленно, но неуклонно соскальзывать с

кровати. Поэтому, чтобы она не свалилась на пол, пришлось потянуть ее на себя сильнее, и через мгновенье девушка оказалась на мне.

Густые распущенные волосы водопадом упали сверху, полыхнувшие от неожиданности оранжевым отсветом глаза оказались совсем рядом. Несколько долгих мгновений мы просто лежали и смотрели друг на друга, а после Николетта закрыла глаза и мягко прянула вперед, попытавшись меня поцеловать. Я отвернулся, совсем чуть-чуть, так что губы Николетты мазнули мне по щеке. Девушка, моментально смутившаяся до состояния «провалиться под землю», снова попыталась отстраниться, желая в этот момент лишь одного — убежать далеко-далеко, на самый край света.

Ее эмоции ощущались мной очень хорошо. Также, как и сама Николетта отлично чувствовала, что ее чувства сейчас — для меня как открытая книга. Возможно даже мысли мои сейчас читала, я и не против. И от этого знания — от того, что я прекрасно чувствую ее эмоции, ее желание убежать куда-нибудь на далеко-далеко на самый край света, чтобы оказаться в полном одиночестве, еще более усилилось. Сдерживаясь из последних сил чтобы не заплакать от сильнейшей обиды и смущения, Николетта снова рванулась, уже сильнее, пытаясь освободиться. Но я вырваться ей не дал, наоборот крепче обнял и прижал к себе.

Николетта все же не выдержала безжалостной несправедливости этого мира, и уткнувшись мне в плечо, горько разрыдалась. Довольно долго мы так и лежали — она рыдала мне в плечо как в подушку, а я аккуратно и почти невесомо гладил ее по волосам. Наконец Николетта успокоилась, но продолжала прятать лицо у меня на плече, периодически шмыгая носом.

— Почему? — шепотом спросила она. — Ну почему?

Полностью вслух мучающий ее вопрос Николетта не озвучила, но я и так все прекрасно понял. Она с горькой обидой недоумевала, почему мы просто не можем сейчас переспать, без обязательств. Якобы без обязательств, на самом деле. И еще, что для нее было даже более обидным, Николетта не понимала, чем она хуже Доминики, в общении с которой я щепетильностью отнюдь не отличался.

Я ей уже один раз объяснял почему так происходит, в похожей ситуации. Причем объяснял подробно и аргументированно. Но в таких делах, когда понимания требует влюбленная девятнадцатилетняя девушка, все аргументы и факты пасуют перед девичьей влюбленностью так, как одноэтажные американские сабурбии пасуют перед натиском торнадо.

И сейчас, если мне повторить ей сейчас все то же самое, что я

говорил в прошлый раз в подобной ситуации, она просто обидится. Поэтому слова найти нужно другие. Правда, Николетта девушка умная, так что надежда есть. Тем более что сегодня я, думаю, Николетте могу сказать чуть-чуть больше, чем, наверное, даже нужно.

— Николетта.

— Массимо.

— Послушай, пожалуйста.

— Слушаю, — обиженно шмыгнула носом Николетта.

— Иногда, в стечении самых разных обстоятельств, особенно в случае таких неординарных, которые связывают нас с тобой, возникает чувство притяжения к другому человеку. Это нормально, и естественный процесс, который называется влюбленность. Но, если посмотреть на происходящее с высоты бесстрастных определений, происходящее — это всего лишь дофаминэргическая целеполагающая мотивация к формированию парной связи. Банальные человеческие инстинкты, которые зашиты в нашу ДНК. Память предков. Физиология.

— Не думай обо мне так плохо, я не…

— Я даже не собирался. Дослушай, пожалуйста, — сильнее обнял я попытавшуюся подняться разозлившуюся Николетту. — В русском языке есть такая присказка: любовь зла, полюбишь и козла. Ее иногда переиначивают в вид: любовь зла, а козлы этим пользуются. Ты девушка умная, и должна понимать, что не исключен вариант, что если мы с тобой прекратим общение, буквально через полгода-год, максимум два, при мыслях обо мне ты будешь думать: «Да что, черт возьми, на меня нашло?»

— Я не…

— Я еще не закончил.

Николетта еще раз, довольно громко, шмыгнула носом. Злость ее сохранилась, но она решила меня дослушать.

— У меня, как я тебе уже говорил, есть невеста. И если мы… в общем, я легко могу стать тем самым козлом, если предам те обещания, что давал ей. И для нее козлом, и для тебя козлом.

— Когда ты трахал Доминику, ты об этом не думал?

— Ты боишься умереть?

— Что?

— Простой вопрос. Ты боишься умереть?

— Да.

— Я тоже боюсь. Вот тебе и ответ. Доминика в приказном порядке предложила мне с ней переспать, и, если бы я отказался, я бы возможно умер уже давно. По крайней мере, она бы сделала все для этого — потому что выбрала меня своим инструментом. А когда инструмент перестает слушаться и начинает противоречить

владельцу, его выкидывают и меняют на новый. Не факт, конечно, что Доминика смогла бы меня убить, утомилась бы пыль глотать, но то, что у тебя был бы новый наставник — факт.

Николетта молчала, и я чувствовал, как ее злость уходит, и вместо нее пустоту заполняет горькая обида.

— Она в приказном порядке велела мне с тобой переспать, — негромко произнесла Николетта.

— Оу. Даже так?

— Даже так. Но ты не думай, я… я…

— Я все понимаю и так не думаю, — прервал я разволновавшуюся и замявшуюся девушку, которая хотела сказать, что действовала сейчас не по приказу Доминики. Хотела сказать, но не могла справиться с собой.

— А меня Доминика заставила поклясться на крови, что я буду защищать и охранять тебя, — произнес я, отвлекая Николетту от нахлынувшего смущения.

— На крови?

— Да. Магия Крови, по-взрослому.

— Оу. Даже так… — невольно скопировав мой недавний возглас, протянула ошарашенная девушка.

— Николетта.

— Да.

— Помнишь, ты спрашивала, кто такой Артур?

— Завтра уже настало? — одновременно и шмыгнула носом и усмехнулась Николетта.

— Артур — это я.

— Я уже догадалась, — усмехнулась Николетта.

— Артур Волков.

«И тогда я сказал: Гена Бобков — это я!» — подсказал внутренний голос.

— Артур Волков? — даже приподнялась Николетта на локтях, изумленно на меня глядя. Но тут же вспомнила о своем заплаканном лице, и сразу спряталась обратно.

— Артур Волков? Ты имеешь в виду Артура Волкова, который…

— Да. Варлорд Артур Волков, имперский князь Юсупов-Штейнберг, барон Делашапель.

Николетта даже дыхание затаила — услышанным она оказалась ошарашена до глубины души.

— Это очень долгая история, не спрашивай, — покачал я головой. — Сейчас лучше перейти к самой сути.

— Это т-ты. Артур Волков, который…

— Да, башню в Хургаде тоже я.

— Нет, я про турнир одаренных…

— Да, именно этот.

— А…

— Достаточно. В общем, ты поняла, кто я.

— Mamma mia! — не удержалась от восклицания Николетта.

Правда, время удивляться для нее еще не закончилось.

— Но есть еще один немаловажный момент. Я, как Артур Волков, кроме всего прочего одержимый, владеющий темными искусствами.

Николетта вздрогнула и откровенно испугалась. Невероятного усилия ей стоило сдержаться, чтоб не попытаться отстраниться от меня в испуге. Все же репутация у одержимых среди обычных людей… не очень хорошая, так скажем, и отношение соответствующее.

— Не переживай. Темных искусств сейчас со мной нет.

— А где они? — шепотом спросила девушка.

— Спрятал. В надежном месте, — усмехнулся я. — Не бойся, я на самом деле отринул дар владения, а способность повелевать Огнем ко мне вернулась только из-за встречи с тобой.

Николетта еще раз шмыгнула носом, потом приподнялась, отвернулась. Попробовала сначала привести себя в порядок, вытирая глаза. Я за это время сел на кровати, оперевшись спиной в изголовье.

Николетта, которая вытерла слезы, сейчас мысленно металась — с одной стороны, ей хотелось соскочить с кровати и отсесть от меня подальше. Но в то же время она задерживалась, и несмело ждала от меня действий. Разочаровывать ее я не стал, и притянул девушку к себе, усаживая на колени. Николетта так переволновалась, что вновь не сдержала слез. Правда, уже без рыданий — она доверчиво прильнула и снова спрятала лицо у меня на плече.

В молчании посидели еще немного, пока Николетта осмысляла кто я на самом деле. И только после того, как у нее первый шок нового знания окончательно прошел, я продолжил.

— Одержимые, как я тебе рассказывал, обладают гораздо меньшими возможностями защиты, чем одаренные. Но я не говорил тебе того, что у одержимых есть возможность создавать слепки душ. Это в своем роде сохранение, которое после уничтожения физического тела дает возможность одержимому возродиться в новом теле прежней личности.

Николетта молчала, но я чувствовал, как она волнуется. Чувствовал, как сильно бьется ее сердце, от осознания новых неожиданных знаний. Но это неудивительно — мало кого может оставить равнодушным информация о возможности человеческого бессмертия.

— Ситуация сложилась таким образом, что мы с моей невестой Элизабет, герцогиней Родезийской, которая больше известна под именем Саманта Дуглас…

Николетта снова отпрянула и посмотрела на меня с удивлением. Ясно почему — если она видела мое выступление на турнире Ольденбургского, то за и выступления на британском турнире за кубок Стенли наверняка следила. А команда Саманты соревнование за кубок Стенли выиграла.

— Мы с Самантой провели ритуал, и… в общем, если объяснять просто, мы отделили слепок моей души от меня. Отделили вместе с моим даром. Да, у меня, когда я прибыл на Занзибар, на самом деле не было дара владения. Я действительно отказался от него, но я не элиминировал свой Источник. Нож свой покажи…

Николетта, ошарашенная услышанным, расширенными глазами смотрела на меня. Услышав просьбу показать нож, она сначала не поняла, о чем речь. Но через мгновенье промедления вытянула руку, и заставила материализоваться в руке ставшим ее личным мой бывший клинок, который я воткнул ей в сердце во время жертвоприношения.

— У меня есть такой же, ставший частью моей астральной проекции. Нож, также подаренный богиней, только в обстоятельствах чуть отличных чем у тебя — это было во время Инициации в стихии Огня. В общем, в ходе проведенного нами с Самантой ритуала я высушил собственные энергетические каналы, осушил свое тело от магии, сконцентрировав средоточие Источника в своем ноже.

— И…

— И Саманта, разделяя меня и мой слепок души, отрубила мне руку.

— Прости, но я уже ее ненавижу, — пробормотала Николетта.

— В общем, слепок моей души, даже можно сказать часть моей души, связанный со мной клинок и заключенный в него мой Источник, остались на Месте Силы, где мы проводили ритуал. Я же, по физиологическому строению, стал человеком, ничем не отличающимся от отказавшегося от владения одаренного. И я создал себе легенду с маской Максима Аверьянова и прилетел сюда.

— Зачем?

— Зачем… сложный вопрос. Можно сказать, что прилетел спасать мир.

— Оу.

— Да, я сам крайне удивлен, но что есть, то есть. В общем, по нашему плану, если я здесь, на Занзибаре, умру, Саманта сможет

меня воскресить. Там, на Месте Силы, где мы проводили ритуал. Но…

— Но… — севшим голосом повторила эхом Николетта.

— Но у меня есть опасение, что если я здесь, в своем состоянии отказавшегося от дара владения умру, то из-за того, что мы разделили мое тело и слепок души, возрожденным окажусь не я. Тело и слепок души же разделены. Воскрешен окажется тот Артур Волков, сохранившийся, так скажем, на момент проведения ритуала месяц назад. Тот Артур Волков, память которого закончился на моменте, когда Саманта нанесла удар.

Николетта умная девушка, и сразу поняла, о чем речь. Она буквально вцепилась в меня, словно не желая никуда отпускать. Я даже почувствовал, как впиваются мне под кожу ее ногти. Николетта сейчас поняла, что если я умру здесь, и окажусь возрожденным где-то там, то для того «меня» она будет абсолютно незнакомым человеком.

— Я тебя не…

— Подожди, я еще не закончил. Так вот, я тебе еще не говорил, но когда после установки мне имплантов по протоколу вы с Валерой отправились из Момбасы обратно на Занзибар, я отправился к Маше Легран.

От упоминания этого имени Николетта вздрогнула.

— Не относить к этому так серьезно. И СМТ, и Некромикон — две корпорации, искусственно созданные руководством Французской Республики. Противовесы, инструменты — такие же, каким меня в своих руках видит Доминика. Это как правые и левые в ручном правительстве. Две внешне враждующие организации, которые своими действиями, причем скоординированными действиями, помогают настоящей власти достигать нужной цели разными путями. В общем, я давно знаю Машу, и когда вы вернулись на Занзибар, я посетил Мадагаскар и с ее помощью поставил себе новый слепок души. Цифровой блок сохранения личности.

Услышать о реализованном бессмертии — уже шок для любого человека. Николетта же за краткое время узнала о реализации бессмертия сразу несколькими путями. И еще она, так как была умной девушкой и чувствовала мои эмоции, начала догадываться. Слезы ее моментально высохли, и Николетта с надеждой на то, что поняла все правильно, посмотрела на меня.

— Я права? Скажи пожалуйста, я права?

— Да. Это уже не магический слепок души, а шаг к цифровому бессмертию. Этот блок находится здесь, — поднял я правую бионическую руку. А после через личный терминал

активировал проекцию модели организма, и на схеме показал, где именно и что представляет из себя вмонтированный в биопротез замаскированный блок сохранения личности.

— У меня есть теория. Когда я умру…

— Массимо! — завизжала Николетта, бросившись на меня и обнимая.

Я ее тоже обнял, усмехаясь от ситуации — от искренней радости влюбленной в меня девушки, испытанной ей при мысли о том, что я погибну.

— А тебе обязательно умирать? — прекрасно почувствовала мое настроение Николетта.

— У меня, прямо скажем, скорее всего нет выбора.

— Выбор есть всегда.

— Дело в том, что я — Артур Волков, и я одержимый. А у одержимых есть особенность, о которой не знает никто, кроме одержимых. Ну еще и ты теперь будешь знать. Дело в том, что в случае отказа от темных искусств все одержимые умирают в течении максимум трех месяцев. От темных искусств я отказался, отделив их от себя и разорвав связь, так что вопрос стоит именно так — не если, а когда. Это закон мироздания. Карма, бессердечная и неизбирательная.

Лучше так, чем пытаться объяснить про замыслы высших сил в лице самых разных архидемонов.

— Итак, когда я умру, Саманта воскресит меня, как Артура Волкова, с помощью магического слепка души на Месте Силы, где мы проводили ритуал. Мое же предположение заключается в том, что ты сможешь воскресить меня… позже. Воскресить меня, уже как вот этого меня, — постучал я себе по груди, — воскресить меня вот в этой самой версии.

Николетта, глядя расширенными глазами, просто сжала мои руки. И вдруг крепко-крепко обняла меня, и снова заплакала. Когда чуть успокоилась, она, все еще крепко меня обнимая, зашептала мне на ухо.

— Я никому тебя не отдам.

— Не забывай о том, что это всего лишь дофаминэргическая целеполагающая мотивация к формированию парной связи.

— Ерунду не говори.

— Знаешь, есть поговорка — хочешь рассмешить бога, расскажи ему о своих планах. Давай пока не загадывать настолько смело.

— Знаешь, что?

— Нет.

— А я знаю.

— Что ты знаешь?

— Богиня сказала, что ты будешь моим, — с победным видом посмотрела мне в глаза Николетта.

«Когда это интересно она такое сказала?»

— Она не одна богиня в этом мире, — пожал я плечами. — Могут быть другие боги, которые окажутся против.

Судя по тому, что Николетта по-настоящему испугалась, подобную возможность она не рассматривала. И пока она размышляла над этим, в глаза мне попал яркий солнечный луч, заглянувший в окно.

— Так.

— Что такое?

— Солнце уже высоко, а мы еще не на острове и еще не занимаемся.

— Тебе надо было выспаться.

— А тебе надо учиться, чтобы не стать бессловесным объектом в игре чьих-то интересов. Давай собираться. Но прежде… — я еще раз вывел проекцию модели организма и показал Николетте блок сохранения личности.

— Хорошо запомни нужную деталь моего организма. И когда со мной случится что-то нехорошее, чтобы вернуть меня к жизни тебе будет нужна Маша Легран. Или Алиса Дюваль — это заведующая исследовательской лаборатории на Мадагаскаре. Четвертый протокол, чтобы тебя на Мадагаскаре приняли за свою, я тебе сейчас, пока едем на остров, перекину. Только вот…

— Только вот что́?

— Только во́т что: полностью не доверяй никому. Ни одному человеку, кроме меня. Того меня, Артура Волкова, которого воскресит Саманта. И, прежде чем связываться с Машей, постарайся найти меня и расскажи мою историю. И, когда будешь согласовывать встречу с Машей, делай это в компании моего… друга, товарища и брата, — нашел я нейтральное определение для собственного двойника. — Но, если найти меня вдруг не получится, мало ли что, одна не рискуй. И к Маше обращайся в компании Валеры, он мне уже обещал оберегать тебя.

— Ты же сказал, что никому нельзя доверять.

— Я сказал ни одному человеку нельзя доверять, кроме меня.

— А Валера? Он не человек?

— Ну… как сказать. Ты его еще без грима не видела.

— …? — с немым вопросом посмотрела на меня Николетта.

Объяснять я не стал — если вдруг увидит, сама поймет.

— Если вдруг что-то помешает тебе встретиться с Валерой, найди Эльвиру Зарипову, обучающуюся Арктической императорской гимназии имени Петра Кузьмича Пахтусова. Правда, сейчас она скорее всего в Кузнецком остроге, в

резиденции Сибирских князей, и связаться с ней тебе будет непросто. Но это уже на крайний случай.

— Эльвира?

— Да, Эльвира Зарипова.

— А что она делает в Сибири?

— Она сибирская царевна, если что.

«Сибирская царевна?» — почувствовал я колыхнувшееся удивление Николетты. Она еще к Валере, принцу персидской династии привыкнуть не могла (с Самантой ей проще, Николетта уже не любила ее, не обращая внимание на титул), а тут очередная царственная персона в круге моего общения.

Но первое удивление быстро прошло.

«Какая такая сибирская царевна?» — чуть сощурились глаза Николетты.

— А почему я могу ей доверять? — задала она каверзный, по ее мнению, вопрос.

Не думаю, что Николетта настолько готова в реальности, чтобы услышать о связывающем нас с Эльвирой и Валерой Кровавом Союзе.

— Так, — выставил я в ее сторону открытую ладонь. — Нам пора на тренировку.

— Массимо, ты мне еще не отв…

— Разговорчики, боец!

Глава 21

— Н-ну… неплохо.

Николетта, которая стояла спиной ко мне и наблюдала, как спадают языки пламени, от неожиданной оценки даже вздрогнула. Ее длинные волосы были стянуты в тугой хвост, который взметнулся, когда она резко повернулась ко мне. На щеках появился румянец, руки сжались в кулаки — с оценкой она была категорически несогласна.

— Неплохо?!

Я же вдруг обратил внимание, что обтягивающий, красно-белый комбинезон боевого мага Николетте удивительно идет, и даже залюбовался. Да и вообще злиться ей очень к лицу. Николетта мои эмоции почувствовала, и раскраснелась еще больше.

— Как это неплохо? — перебивая собственное смущение, возмущенно поинтересовалась она.

— Н-ну… как тебе сказать, — даже чуть поморщился я. — Конечно, ближе к «не очень хорошо», чем к «неплохо». Но ты все же делаешь успехи, — сделал я девушке комплимент.

Не найдя что ответить, Николетта крайне возмущенно на меня посмотрела.

Действительно не понимает, в чем дело: на ее взгляд, огненный кратер, который она создала только что, уничтожая заданную мною цель — действительно замечательно. Но я ведь попросил сделать ее все аккуратно.

Как многому мне нужно ее обучить, и как мало у нас времени.

— Николетта.

— Массимо.

Кулаки по-прежнему сжаты, на щеках все-также яркий румянец — несогласна с оценкой и готова отстаивать свою позицию. Да, когда надо, характер проявить может; да и Огонь — такая стихия, что воздействует на владеющего одаренного. И мне кажется еще немного, и от ее обычной застенчивости и привычного смущения не останется и следа.

— У тебя безграничный запас энергии, которую ты может использовать без подпитки. Это хорошо, — загнул я большой палец. — У тебя уровень концентрации уже таков, что ты можешь оперировать невероятными объемами энергии, — загнул я палец указательный. — Да и вообще ты молодец и просто красавица, — загнул я еще по очереди средний и безымянный пальцы.

— Но… — протянула Николетта, глядя в оставшийся

отставленным мизинец.

— Но я только что попросил тебя уничтожить мишень аккуратно. А ты нарисовала пятиметровый кратер, — показал я в сторону воронки, в которой еще бурлила лава. — Причем нарисовала щедрым штрихом, — показал я на полосу выжженной земли рядом с эпицентром.

— Это аккуратно!

— Нет. Кроме того, твоя мишень практически стояла на месте и никуда не уходила.

«Практически на месте?!» — возмутилась Николетта, даже не зная что сказать. На самом деле, дроид конечно на месте не стоял, и двигался довольно быстро, но… довольно быстро для обычного человека.

— Да, практически не месте. Представь, что дело происходило бы в плотной городской застройке? Или в коридорах небоскреба? А если бы мишень не просто активно двигалась, избегая твоих атак, а атаковала сама? Представь, что на тебя напал убийца, пусть даже обычный неасапиант, у подножия Дестини-тауэр. Ты его конечно обезвредишь, но часть квартала могут просто перестать существовать после этого. Понимаешь?

— Но я не могу атаковать одновременно и быстро, и точно, и смертоубийственно сильно, как ты просишь! У меня не получается все сразу, это три несовместимых компонента! У меня получается или быстро и сильно, или точно и сильно! Я просто не могу…

— Ты можешь. Просто еще не научилась.

— Я не…

— Николетта.

— Девятнадцать лет уже Николетта, — неожиданно с вызовом ответила девушка.

Уф. Так, действительно начинаем огненный характер показывать.

— Николетта, медведей учат в цирке на велосипедах кататься. На одноколесном, заметь. Да что медведи, солдаты-срочники, в девятнадцать, между прочим, лет, на танке начинают ездить как профессионалы! Так что и ты можешь научиться, я в тебя верю. А ты в себя веришь?

— Верю, — насупилась Николетта.

— Отлично. Поэтому давай начнем сначала. Ты сама все прекрасно знаешь, что нужно делать. Не думай, как горит Огонь, он сам хочет гореть, справится и без тебя. Думай, как доставить его к цели и сделать это максимально быстро и аккуратно. Итак, я сейчас запускаю болванчика, и в нужный момент после моей команды ты должна его уничтожить.

Вытянув взглядом меню дополненной реальности, я заставил ожить последнего ожидавшего своей незавидной участи дроида. Механическая нескладная фигура дернулась, оживая, и вдруг с неожиданной прытью вскочила и петляя побежала прочь.

— Готова?

— Гото…

— Давай, — прервал я Николетту на полуслове. Причем сделал это в тот момент, когда дроид-цель добежал до такого места, что я перекрывал Николетте обзор.

Девушка не растерялась — скользнув в сторону, она в прыжке сформировала конструкт и бросила его в дроида. Мелькнул мимо плотный сгусток расплавленного воздуха, и бегущий прочь последний на сегодня из искусственных мишеней оказался объят огненным смерчем. Воронка закрутилась, загудела, жаром дохнуло так, что я прищурился и отвернулся, опасаясь за сожженные веки и брови.

«Ну как?» — торжествующе посмотрела на меня Николетта.

— Неплохо, — покачал я головой.

— Неплохо? — она мне сначала не поверила, что действительно неплохо, а не хорошо. Но почувствовала по эмоциям, что я не лукавлю.

На самом деле, конечно, хорошо, быстро, резко, эффектно и эффективно, но… опять же, смотря с чем сравнивать. Для серьезного противника Николетта даже при всей своей мощи пока не препятствие.

— Очень долго. Очень, — еще раз покачал я головой. — Тебе нужно над этим работать.

— Артур, мне кажется я и так двигаюсь на скорости предела человеческих возможностей. Ведь если делать быстро, то тогда у меня не получается…

— Тебе нужно поймать грань между реакцией и предчувствием. Это буквально доли секунды, исчезающие мгновения, но они решают. Слушай не меня, слушай себя — когда я открыл рот, дроид уже должен был гореть. Это звучит немного нереально, но это работает — причем работать должно именно твое предчувствие, а не удача угадайки. Предчувствие, которое ты должна научиться слушать. И я верю, ты этому научишься. Жалко только, что у нас дроиды закончились.

— Да, жалко, — ненатурально расстроилась Николетта. — С практикой на сегодня все? Можно искупаться…

— Нет.

— Как нет?

— Вот так нет. Нападай.

— Что значит нападай?

— Это и значит. Нападай. Давай, не стесняйся.

Развернувшись, я пошел прочь от Николетты, двигаясь в сторону выжженного ей шрама на теле острова. С кем-либо другим из одаренных так бы не сделал, но ее эмоции прекрасно чувствовал. Тем более что девушка находилась в полном смятении, не в силах предпринять в мою сторону любое агрессивное действие.

На ходу я подобрал остывшую покатую железку, оставшуюся после уничтожения Николеттой дроида, и подкинул ее в руку. Тяжелая, массивная.

«Тяжесть — это хорошо. Тяжесть — это надежно» — тут же подсказал внутренний голос.

Глубоко вздохнув, я напитал силой ментальные щиты — так что вообще исчез из зоны восприятия Николетты.

— Ты, в силе собственных способностей, пусть пока еще в потенциале, уже превосходишь большинство одаренных этого мира, — так и не оборачиваясь, произнес я, подкидывая железку. — Но, видишь ли, в чем дело: не очень умелый уличный боец, привыкший всегда бить наверняка, без оглядки на правила и раздумья о человеколюбии, часто может получить преимущество перед умелым мастером выставочных единоборств. Нож в печень, и никто не вечен, знаешь ли.

Ты сейчас, даже зная, что я сильнее тебя, не можешь нанести удар мне в спину — а именно этому, умению не сдерживать свою силу и не идти на поводу у эмоций, учат одаренных с малых лет. Тренируя умение убивать не задумываясь — все гимназии одаренных, это суть школы малолетних хладнокровных убийц. Ты уже можешь многое, но толку от твоей силы сейчас — ноль целых, ноль десятых, если ты даже не можешь атаковать меня.

Николетта внимательно меня слушала, и все прекрасно понимала. Она действительно не могла переступить через себя. Примерная девочка из пансиона благородных девиц, ей до хладнокровного убийцы — пока, очень далеко. Но, как я уже сказал, медведей в цирке учат на велосипедах кататься, и Николетту можно научить в перспективе сначала убивать, а потом переживать.

Если, конечно, я успею.

В очередной раз подкинув оплавленную деталь дроида, я вошел в скольжение и швырнул железкой в Николетту. Обычного человека подобный бросок разметал бы в кровавую кашу, но Николетта сегодня утром устанавливала щиты под моим руководством. Так что я в принципе знал, что делаю.

Пущенную мною железяку остановил третий, хорошо правда прогнувшийся, внешний круг щита. В полуметре от Николетты

полыхнуло, и встретившийся со щитом мгновенно расплавившийся металл разлетелся тонкой пленкой брызг. Но сила моего броска была столь велика, что Николетту отбросило на десяток метров, к самой кромке воды. И тут же позади нее раздался взрыв, выросший огненной воронкой — это я, сразу после броска, швырнул ей за спину небольшой огненный шар.

Николетта, еще даже не успевшая понять, что происходит, тут же полетела обратно, вперед. И только сейчас ее наконец включило. Слабо ориентируясь в пространстве, она отмахнулась. Получился у нее самый настоящий огненный шторм, который прошелся по пляжу широкой дугой. Если бы я не был, как и Николетта, адептом огня, мне бы пришлось очень несладко. Но я просто выставил руку, спрятавшись в огненный кокон, созданный словно встречный пал пожара. И едва переждав огненную волну, сразу бросил мощный файербол под ноги Николетте. Разлетевшийся по сторонам песок, плавясь и тут же застывая, начал превращался в ломкие острые шипы, которые отбросили Николетту еще дальше.

И тут она окончательно проснулась, разозлившись от метаний по сторонам. Уже в очередном полете, сейчас отброшенная спиной вперед, девушка окуталась пламенной аурой — у нее даже крылья выросли, как у богини Ники. И Николетта, на миг зависнув в воздухе, ударила в мою сторону сразу с двух рук. Воды моря разошлись, открывая самый настоящий рукотворный вулкан, из которого в мою сторону хлынула лава, сметая все на своем пути. Все, кроме меня — потому что я уже был за спиной Николетты. На бегу захватил один из оплавленных шипов, оставшихся в месте удара огня в песок, и напитав его огнем, швырнул Николетте под ноги. Я убивать уже умею, так что все же старался действовать аккуратнее — мало ли что. Просто играл с ней, чередой близких взрывов заставляя летать по сторонам как шарик от пинг-понга.

Вот только после последнего моего броска девушки на месте не оказалось — она материализовалась уже за моей спиной. Причем сделала она это, бросив нож и телепортировавшись. Не думая, что делает, действуя так, как я от нее и хотел — слушая себя, свое шестое чувство.

«Вот это ничего себе!»

Мое удивление и удовлетворение оказалось настолько велико, что эмоции пробились сквозь выставленные ментальные щиты. Николетта это почувствовала, и остановилась — за миг до того, как бросить еще одно разрушительное заклинание. И замерев, обозрела дело рук своих — приятный ласковый пляж перестал существовать, напоминая место извержения вулкана:

вокруг черный дым, плавящаяся и застывающая магма, куча головешек и выжженное пятно на месте бунгало.

— Очень неплохо. Даже, наверное, хорошо, — похвалил я Николетту.

Она, отходя от боевого запала, начиная осознавать себя, вдруг увидела горящие за спиной крылья, которые стали продолжением ее рук.

— Ты в порядке? — взволнованно спросила Николетта, только сейчас понимая, с какой именно силой атаковала.

— А подумать? — усмехнулся я. Но мучить девушку не стал — она и так взволнованна.

— Моя стихия, как и твоя — Огонь. А учитывая, что я тебя прекрасно чувствую, и двигаюсь намного быстрее тебя, то опасности для меня вообще не существовало. Максимум я бы споткнулся и мог себе ушибить что-нибудь.

Николетта, осознавая услышанное, сделала плавное движение, поведя плечами, заставляя огненные крылья исчезнуть. У нее это получилось так естественно и при этом грациозно, что я вновь невольно залюбовался.

— Ты же, не скрою, молодец — ты наконец научилась бить, не сдерживая силу. А с ножом — это вообще прекрасно, мне очень понравилось.

— Это я как будто не сама сделала. Мне опять помогла богиня, она как будто стояла за моей спиной, — произнесла Николетта.

Заставив материализоваться в руке клинок, девушка внимательно на него посмотрела. После вопросительный взгляд на меня, мой кивок и резкий бросок — после которого Николетта переместилась в пространстве. Не слишком далеко, все же с метательной техникой у нее не так все хорошо. Да и стандартный нож конфедератов не мой тяжелый кукри, который умело пущенный, вращаясь, летит гораздо дальше.

— Я хотел тебя сам научить этому, но прекрасно, что ты теперь сама умеешь подобное. И если ты почувствуешь опасность для себя, вспоминай свое недавнее внутреннее состояние. Кстати…

Еще было бы прекрасно научить Николетту перемещаться между мирами. Раз уж пошла такая пьянка. И я даже сейчас всерьез задумался, как это можно реализовать.

Конечно, портальный артефакт Валера для Николетты уже достал — сегодня-завтра должен приехать. Но, с другой стороны, у Ольги ведь тоже был портальный артефакт. Был, но никак ей не помог — когда нас, во главе с цесаревичем, атаковали нукеры инквизиторов и фээсбетменов. И несмотря на портальный

артефакт Ольга тогда не смогла сбежать.

Хотя вряд ли в атаке на Николетту будут участвовать столь серьезные силы, какие были задействованы тогда, когда цесаревич пытался убить и меня и Ольгу, чтобы избавиться от конкурентов в борьбе за престол. Или будут?

Что опаснее, пробовать учить Николетту перемещаться в темный мир отражения, или рассчитывать на то, что уровень противников не будет столь высок как тогда, когда портальный артефакт не помог?

Дилемма.

Пока я думал, с неба раздался свист двигателей.

«Что за… неожиданность?» — неприятно удивился я. Удивился, потому что у нас с Николеттой еще два часа до окончания тренировок, да и добираемся мы до ее виллы на катере. Приземляющийся здесь и сейчас конвертоплан в программу дня точно не входит.

Не нравится мне это.

Глава 22

Сбросив стелс-пелену при преодолении защитного купола, конвертоплан почти рухнул на пляж, замедлившись лишь у самой земли. По обшивке машины скользили многочисленные синие искрящиеся змейки, а боковая дверь сразу отошла в сторону. На песок пляжа выпрыгнул Валера. Принц был в черно-красной форме отряда варлорда Младича, с эмблемой на груди в виде трехголового дракона Таргариенов, которую Валера называл Змей-Горынычем.

Следом за Валерой на землю спрыгнул Модест, который, пока я мучился головой, окончательно превратился в Модеста Петровича и неожиданно взял на себя всю рутину «Драго Младича»: он и отчеты за меня писал в оперативный департамент Некромикона, и на Полигоне пару раз проблемы возникающие разруливал вместе с Василием, и с дядюшкой Абрамом постоянно на связи, и даже что-то подписать мне подсовывал насчет племени каннибалов, для отправки в профильный комитет ООН.

— Воу, — прокомментировал между тем Валера, осматриваясь вокруг. — Неплохо вы здесь все видоизменили… лекция по ландшафтному дизайну?

— Ты чего пришел?

— Ты ассистант свой смотрел?

— Нет конечно, он у меня в тихом режиме с начала тренировки.

Вообще, если бы было что-то действительно срочное, сообщение максимальной срочности, мне бы в дополненной реальности оповещением пришло. Но если Валера прилетел, значит дело того стоит. Поэтому спрашивать я ничего больше не стал, просто открыл меню личного терминала и начал просматривать сообщения.

— Однако, — только и высказался я удивленно.

Теперь причина прибытия Валеры стала ясна. Имелось одно сообщение, не максимальной срочности реагирования, но обязательное к выполнению сегодня: мне предписывалось взять с собой подразделение отряда варлорда и отбыть на материк, в один из логистических центров Некромикона в протекторате, для получения материальной части согласно приложенного к распоряжению списка. Причем список был довольно внушительный, и фигурировавшее в нем оружие и бронекостюмы — сплошь все новейшие образцы.

Распоряжение было подписано лично Доминикой. Посмотрев ее локацию, увидел статус «недоступна». Промотав внутреннюю

почту, увидел ее личное сообщение, что она отбывает на материк в связи со срочной необходимостью. Причем сообщение, судя по времени, отправлено незадолго после того, как я сам утром присутствовал на докладе у Доминики. И никаких даже намеков на предстоящий вояж на материк — ни на свой, ни на ее, озвучено не было.

Ох и не нравится мне все это. Потому что любые движения, которые я не понимаю, мне всегда очень не нравятся.

Пока я копался в списках почты, Валера передал Николетте небольшой амулет.

— Это то, что я думаю? — отвлекся я.

— Да.

— Куда ведет?

«Лиинахамари», — беззвучно произнес Валера.

Лиинахамари — Место Силы на Севере, в резиденции Ольги. Высокотехнологичный город-форт, выстроенный прямо в скалах на побережье Баренцева моря. Ну… хорошее место, безопасное.

— Николетта.

— Да? — немного взволнованно поинтересовалась Николетта.

Боевой азарт у нее ушел, и она вновь превратилась в смущенную девушку.

— Посмотри свой план мероприятий на сегодня.

— Эм… — развела руками зардевшаяся Николетта, показывая на остов сожженного недавно бунгало.

Некоторое время нам понадобилось, чтобы найти ее ассистант под завалами. Он лежал в сейфе, и в принципе почти не пострадал. Сейф, правда, под замену — он был жаростойким, но не до такой степени, чтобы противостоять мощи Николетты.

Когда Николетта оживила ассистант и открыла свое расписание мероприятий, никаких значимых изменений в ее рабочем графике не оказалось. Никаких новых предписаний, распоряжений и вызовов.

— Не нравится мне это, — уже вслух высказался я.

— Мне остаться с ней? — спросил Валера.

— Чувствую, что и мне с ней остаться нужно, — покачал я головой в задумчивости. — Что-то повисло в воздухе, и это не люстра, если ты понимаешь, о чем я. Да, еще нужно научить Николетту пользоваться амулетом…

— Прямо здесь?

— Подожди, дай подумать.

Предчувствие сейчас мне говорило, даже кричало, что указание отправиться на материк, в Танганьику за снаряжением для отряда лично мне — это лажа полная. Для получения

экипировки и снаряжения, пусть даже суперсовременного, достаточно рядовых бойцов отряда. У меня все профессионалы на контракте.

И еще предчувствие мне прямо говорило, что лично мне не стоит оставлять Николетту. Еще и Доминика так неожиданно исчезла — а ведь я сегодня утром был у нее, и ни словом, ни намеком даже об отъезде и моем задании она не обмолвилась.

Похоже, начинается. Вот только что начинается, я пока не понимаю.

— Модест Петрович, — вдруг произнес Валера, обращаясь при этом ко мне, и показав глазами на Николетту. Валера был в курсе отношения Доминики к Николетте как к предполагаемому ресурсу, и тоже сейчас начинал понимать, что дело принимает не очень хороший оборот. Вот только его слов я совсем не понял.

— Что Модест Петрович?

— Пусть лицом торганет.

Модест, который стоял рядом, заметно скривился — ему очень не понравилось выражение «торгануть лицом». Это он с нами просто в Хургаде не пил и не гулял, так бы не кривился столь недовольно.

— В смысле лицом торганет? — не уловил я мысль Валеры.

— Без смысла. Буквы сказанные в слова соедини, и пропусти через понятийный аппарат. Пусть Модест Петрович твоим лицом торганет, а мы с тобой с ней останемся, — показал он глазами на Николетту.

Модест при этих словах еще раз недовольно дернул своим длинным аристократическим носом.

— А, вот ты о чем, — понял я.

Валера сейчас предлагает надеть на Модеста мою маску, и как Драго Младича отправить за получением вооружения вместо меня.

— Да, вот я о чем.

— Модест Петрович не прокатит.

— Не прокатит, так протащит. Принципиально?

— Да.

— Почему?

— У нас слишком антропометрия разная.

— Непринципиально.

— Если все по высшему разряду секретности, может быть принципиально. У нас пять сантиметров роста разницы.

— Четыре, — поправил дотошный Модест.

Он, до этого момента молчавший, вместе с Николеттой водил взглядом вправо-влево, во время обмена фраз глядя то на Валеру, то на меня.

— Хм, — Валера задумался.

— Ладно, я знаю как сделать, — подумал я, что сам вариант замены вполне рабочий.

— Как?

— С чувством, с толком, с расстановкой, это же очевидно. Все, погнали, — показал я на конвертоплан.

Быстро погрузившись в салон, мы расселись за столом в зоне для брифинга. Я в командирском меню указал как цель виллу Николетты, и конвертоплан резво поднялся, уходя ввысь. Наверняка опять г-н Файнзильберт за штурвалом, только он так делает. Причем всегда.

— Сейчас мы летим на виллу, и вы вдвоем там остаетесь, — посмотрел я на Николетту и Валеру. Пока меня нет, смотри в оба, — попросил я Валеру.

— Все, мы на осадном положении?

— Считай, что да. Происходит что-то непонятное, и мне это не нравится. Я сейчас на Полигон, там разберусь с этой странной миссией и вернусь на виллу.

— Один?

— Ну… По идее, вдвоем-то мы с тобой должны будем справиться.

— Вдвоем мы вообще этот остров можем в тряпки разнести, — согласно, причем безо всякой бравады, кивнул Валера. — Если не сдерживаться, — тут же уточнил он.

— Николетта.

— Да?

— Отдай мне свой амулет. Так я буду чувствовать тебя и твое состояние.

Николетта кивнула, и дрожащими руками стянула с шеи амулет с красным яхонтом, в котором бился огонек ее сердца.

— Если что-то случится, и ты не будешь уверена действовать или нет, то лучше действуй. Хорошо?

— Да, — прошептала Николетта.

Донельзя взволнованная, она только сейчас начинала окончательно понимать, что несмотря на наше с Валерой спокойствие при обсуждении, началось что-то по-настоящему серьезное.

— Я буду рядом. Не бойся, — произнес я, сжимая руку Николетты. — И этот парень тоже, — кивнул я на Валеру.

— Этот парень… — буркнул Валера негромко.

— Валера, — посмотрел я на него.

— Артур… тьфу, или как там тебя… — Валера не был бы Валерой, если бы смог сейчас сдержаться.

— Я буду совсем рядом, но вы меня увидеть не сможете. На

всякий, чтобы ты в курсе был.

— Ты будешь там, — показал в сторону Валера.

Потом подумал и показал наверх. Потом еще подумал, и показал вниз.

— Угу, — только и кивнул я. — Именно там.

Николетта промолчала, но она поняла, что я буду за границей мира — видела меня уже, как я из ниоткуда появлялся.

— Тебе бы тоже не отсвечивать, по идее, — сказал я Валере.

— Это ты мне говоришь? Я вообще сама скрытность. Я — меч во Тьме, я — дозорный на стене, я…

— Валера!

— Да ладно, не гунди, я понял все.

К вилле мы уже подлетали, поэтому Валера, которого я прервал с клятвой Ночного дозора, которую он слышал от меня однажды, начал быстро избавляться от элементов брони. Вниз полетели наплечники, поножи, кираса, воротник горжета. Николетта единственная наблюдала за происходящим с немым вопросом.

Но чувствовал это только я — выглядела девушка при этом невозмутимо. И даже смогла сохранить невозмутимость, когда Валера, оставшийся в одном контактном комбинезоне поддоспешника, начал трансформироваться во вторую форму. Тело его подернулось размытой серой мглистой пеленой, и через пару мгновений на четыре лапы опустился черный ягуар.

Астральная пелена изнанки мира при этом никуда из его ауры не ушла, а более сгустилась. Когда же конвертоплан приземлился во дворе усадьбы, ягуар вовсе стал практически прозрачным, и исчез в Изнанке. Незримой тенью Валера выскочил в начавшую открываться дверь.

Прощаясь, я ободряюще обнял Николетту и поцеловал ее в щеку.

«Помни, если сомневаешься — лучше действовать, чем бездействовать», — еще раз мысленно повторил я ей.

— Я буду рядом, — это уже вслух, негромко и на ухо.

Кивнув, девушка нервно выдохнула и сбежала вниз по трапу, направляясь в сторону крыльца. Земля мелькнула в закрывающемся проеме, и конвертоплан лег на крыло — мы летели на Полигон, который я поставил следующей точкой маршрута. Времени было немного, и его необходимо было догонять, о чем я и попросил недавно Файнзильберта, сидящего за штурвалом. Накамура же уже готовил аппаратуру для создания маски моего лица.

До Полигона добрались быстро, причем конвертоплан завис прямо у крыльца главного коттеджа, ювелирно выдержав

буквально сантиметры при посадке. Выпрыгнув из машины, я быстрым шагом, в сопровождении Модеста, зашел в дом. Здесь уже, в гостиной, собрались все — дядюшка Абрам, Гек, Патрик, Войцех и Василий. Единственный не в полевой форме отряда варлорда, а в экипировке городского охотника с демоном на спине. И выглядел Василий, надо сказать, среди нас достаточно ярко.

Вся компания в сборе. Неудивительно — еще взлетая с острова, где мы тренировались с Николеттой, я объявил общий сбор, что неофициально приравнивалось к чрезвычайному положению.

— У нас проблемы, — сообщил я вместо приветствия.

— Да у нас это вполне естественное состояние, — меланхолично ответил Гек.

«Ты то мне и нужен, дружище» — посмотрел я на него. Потому что Гек и должен сегодня будет сыграть меня в поездке: как раз совсем недавно, когда что-то меня дернуло изучить комплект поставки доспехов для отряда варлорда, я обратил внимание что у нас с ним одинаковые рост и вес.

«Ты то мне и нужен» — еще раз мысленно повторил я, осматривая датчанина. Вслух же сказал другое, обращаясь уже к остальным.

— Я, как сотрудник оперативного департамента, получил задание особой важности: отправиться к черту на рога за каким-то левым вооружением и экипировкой, которую мне, как оказалось, нужно очень внезапно и очень срочно получить на материке. Зачем это нужно и что вообще происходит я не очень понимаю, так что будьте пожалуйста бдительны.

«Да у нас это вполне естественное состояние», — снова меланхолично ответил Гек. Правда, в этот раз он не вслух это сказал, но я услышал.

— …Дядюшка Абрам, наблюдайте внимательно за общественным полем не только нашего дистрикта, но и всего протектората Танганьика. Войцех, остаешься здесь, контролируй здесь Васю, чтобы не начудил. Чумба, — повернулся я к мутанту. — Остаешься с Войцехом, и действуешь по его указаниям. Патрик, Гек, вы отправляетесь со мной. Да, на связи меня не будет, так что не ищите. Если вдруг что — долго не думайте, действуйте по обстоятельствам. Я всегда поддержу, вы знаете. Вопросы?

Вопросов ни у кого не было. И никто тогда не знал, и никто не узнал, что всего одним указанием я повернул рельсы истории этого мира на другой путь. Вот так просто, действуя как обычно спонтанно и на ходу.

Кто знает, что было бы, если бы я не попросил Войцеха остаться, а забрал поляка с собой или отправил бы с Геком.

— Так, ладно, мы погнали. Поехали, — повернулся я к Геку.

— Поехали, — все также меланхолично кивнул Гек, без задержек поднимаясь.

Патрику говорить ничего не было нужны, он сохранял привычную невозмутимость и двинулся следом за нами. В конвертоплане ирландец, правда, невозмутимость потерял — увидев Накамуру и Семенова. Которые, едва дверь за нами закрылась, взяли Гека в оборот — усадили на одной из кресел и принялись лепить на лицо мою маску. Гек не протестовал, только внимательно на меня посмотрел, ожидая объяснений.

Патрик же во все глаза наблюдал за обоими бойцами, сразу почувствовав в них коллег, настоящих псов войны. До этого момента члены «первого состава», с которыми я начал путь на Занзибаре, с теми, кто прибыл сюда с Валерой, не пересекались — исключение составлял лишь Модест, который вплотную занялся администрированием вместо меня. Так что Патрик, узнав в конфедератах профессионалов самого высокого уровня, молчаливо выразил мне свое удивление.

Кроме того, Патрик также удивился, когда Модест поднял забрало. Мои слова о том, что началось, Модест воспринял вполне серьезно, и сейчас был готов ко всему — глаза его сияли серо-стальным отсветом стихийной силы. Так что Патрик с интересом, новым взглядом оглядывал и Модеста — не каждый день обычному человеку удается увидеть одаренного.

— За меня выступишь, — ткнул я между тем указующе в Гека пальцем. — Ты теперь господин Младич, зовут Драго. Ферштейн?

Гек в ответ только кивнул, показывая, что все понимает.

Пройдя в кабину, я дал указания Файнзильберту по курсу, после чего вернулся в салон. И отвлекая Патрика от внимательного осмотра конфедератов и не столь явного, но интереса к Модесту, тронул ирландца за плечо. Моментально, резко повернув голову, он тут же посмотрел на меня своими прозрачными глазами.

— Минуту внимания! — громко произнес я.

Внимание Патрика я уже привлек, и после оклика все остальные — Модест, Накамура, Семенов, Гек, черты лица которого уже немного изменились, и он сейчас стал словно моим отражением в кривом зеркале, повернулись в мою сторону.

— Гек, ты теперь Драго Младич. Но по возможности молчи и держи морду кирпичом, чтобы вдруг не спалиться. Говорить за тебя будет Модест Петрович, — повернулся я к Модесту. — Задачу я тебе на ассистант перекинул, изучи предметно и

действуй по обстоятельствам. Имейте ввиду, что мне очень сильно кажется, что данная задача — всего лишь способ удалить меня на сегодняшние вечер и ночь подальше от острова. Но, вполне возможно, что по пути туда или по пути обратно вас вознамерятся убить. Ваша первоочередная задача — этого избежать, абсолютно любыми методами. И если подобная неприятность случится, на выполнение задания миссии наплевать. Все ясно?

Все всем ясно не было, и я ответил на несколько уточняющих вопросов. Когда они закончились, на проекции дополненной реальности я уже видел, что маршрут конвертоплана подходит к нужной мне точке. И машина — как я и просил Файнзильберта, опустилась почти к самой земле. Я вытянул руку, чувствуя, как ладонь погружается в холод пространственного кармана, и сжал рукоять кровавого меча. Резкий взмах, и я шагнул вперед, в открывшийся проход между мирами. Вдогонку еще успел почувствовать удивление тех, кто остался в конвертоплане.

Упал я с высоты нескольких метров и прокатился по пляжу. Вновь вокруг уже привычный стоячий, словно болотный воздух сердца гиблой топи. И ни дуновения ветерка, полное безмолвие.

Вскочив, тут же осмотрелся. Да — совсем неподалеку яркий столб света, как раз на территории виллы Николетты. Никого из тварей темного мира рядом не было, но внутри, после осознания деталей перехода, поднялась волна беспокойства. Потому что для того, чтобы взрезать границу мира, мне только что пришлось приложить довольно серьезное усилие.

Что удивило: если в первый раз, в Момбасе, а после на Мадагаскаре меч проходил через границу мира как горячий нож сквозь масло, то сейчас все оказалось не так просто. В момент перехода клинок даже чуть запнулся, словно на мгновение застопорившись.

Энергия кончается? Определенно — глянул я на безмолвный меч, который уже не был столь ярко багровым, как раньше. Теперь клинок просто темный, матовый, с глубоко спрятанным внутри оттенком красного.

«Эй, оружие»

«И снова здравствуйте», — едко ответил меч.

«Скажи, тебя еще на один переход обратно хватит?»

«Бесспорно»

«Это да или нет?»

«Смотря куда ты хочешь попасть»

«Скажи, пожалуйста, хватит ли тебя еще на один переход отсюда в истинный мир. Да, хватит, или нет, не хватит?»

«Да, хватит. Если отсюда в истинный мир и обратно, то меня

еще на несколько переходов хватит»

«На несколько?»

«На несколько»

«А конкретнее можешь сказать, на сколько?»

«Конкретнее ты в гастрономическом отделе колбасу взвешивай. Переходы между мирами — дело непростое. Ретроградный Меркурий, Марс в Деве, Луна в оппозиции, это все сложные материи, знаешь ли»

Мда, похоже я в общении не очень приятный человек. Но меч немного успокоил. Хотя его энергия явно кончается, и надо его заряжать. Зря я Степана так быстро прикончил, ой зря. Хотя если бы я даже его с собой забрал, то пока по Момбасе от кондотьеров Сфорца бегал, то потерял бы. Так что не стоит сейчас об этом грустить.

С такими мыслями я прошел по пляжу темного мира, двигаясь в сторону светового столба, поднимающегося на вилле Николетты. Здесь, как и давал недавно указание, уже расположился форпост в количестве полуэскадрона бессмертных гусар.

Меня встретил уже знакомый вахмистр с черными глазами, и на немецком о чем-то доложил. Я ничего не понял, но в ответ дал указание действовать по обстановке, после чего услышал уже привычное «Jawohl!»

Осматриваясь, походил по территории виллы. Отчасти оттого, что делать было нечего, поздоровался персонально с каждым штампом-брауншвейгцем. Да, конечно, это штампы, существа неразумные; обычные машины для убийств, упрятанные в человеческую оболочку. Но я и в компьютерных играл о чувствах НПС заботился, а эти вообще как живые выглядят. В общем, когда обошел всех, поднялся на крышу главного здания и устроился в шезлонге на открытой террасе.

Теперь осталось только ждать. И наблюдать: амулет Николетты, изначально инклюз в синем яхонте, который после жертвоприношения превратился в яхонт красный, я держал в руке. И наблюдал в камне, как ровно и спокойно бьется сердце девушки.

Она сейчас не спит, бодрствует. Но спокойна, и явно ничего странного не происходит. Пока не происходит.

Валера где-то там же, рядом с ней, только в Изнанке мира. Может быть, он сейчас даже в том же самом месте, что и я — только находясь на одной террасе, мы разделены границами разных граней одного мира.

Так мы и ждали. Втроем, одновременно совсем рядом и недосягаемо далеко друг от друга — Николетта в истинном мире,

Валера в астрале, я в темном мире отражения.

Конечно, мне можно было бы сейчас вернуться обратно в истинный мир, посидеть с Валерой ночью на кухне, пообщаться и потравить байки.

Я думал над этим, причем серьезно. Но если за Николеттой Доминика или ее люди придут сегодня, то придут они явно подготовленные к неожиданностям. И наше с Валерой нахождение в усадьбе срисуют на подступах — все же не думаю, что предоставляя Николетте виллу, Доминика ее не подготовила должным образом. Так что либо нас сразу попробуют обезвредить — пока мы не видим нежданных гостей, либо просто выберут для акции другое время.

Вот только для какой акции?

Голова у меня, что удивительно, после помощи Николетты не болела с самого утра. И впервые за долгое время я задумался над мотивами Доминики. Без уничтожающей сознание головной боли это было довольно легко.

Тянулись долгие ночные минуты, я наблюдал за амулетом Николетты, слушая ее сердце, и размышлял.

Доминика относится к Николетте как к ресурсу. Как к кукле.

И при этом вытребовала с меня клятву Николетту оберегать и защищать. Значит, скорее всего, Николетту она рассматривает как кандидата для того, чтобы… подселиться, или даже занять ее тело и ее место в жизни?

Хм. Почему бы и не да. Но как? Создать двойника? Бред, я это почувствую. Так-так, постойте — но Доминика же этого не знает. Так что да, вполне вариант. Но обязательно отправлять меня для этого к черту на рога? Вызвать Николетту к себе в кабинет, дать мне указание подождать за дверью, там ее прикончить, да выйти в новой личности. К тому же у Доминики кабинет такой, на полэтажа, что там и биодеструктор, и биокорректор, и даже инкубатор может обнаружиться. Но опять же, мой вояж не вписывается.

Еще, по идее, Доминика может отправить Николетту на установку блока сохранения личности, и установить ей свой блок, с копией своего сознания. Вообще идеальный вариант, но опять же — это можно сделать без того, чтобы отправлять меня к черту на рога. Как будто я могу проконтролировать установку, что там за импланты ей ставят.

Еще реальным вариантом могло быть подселение души Доминики в Николетту в роли Спящей, но Доминика не одержимая и не одаренная. Тем более что для такой операции нужен способный одержимый, который находится на уровне магистра. Такой одержимый, как сэр Галлахер, или как

Максимилиан Иванович фон Колер…

Так, стоп. Герцог Алессандро Медичи. Аватар Князя Тьмы Астерота. Куда уж одареннее и темнее?

Валить надо. Прямо сейчас — не стоит искушать судьбу. Николетту нужно срочно забирать и прятать — с такими мыслями я вскочил с шезлонга. И едва-едва протянул руку, чтобы достать кровавый меч из пространственного кармана, как почувствовал на запястье прикосновение.

Обернувшись, вздрогнул — на меня смотрела богиня Кали. Лишь на краткое мгновение я успел окинуть взглядом ее облик, как потонул в непроглядно черных глазах, оказавшихся совсем рядом.

«Нет», — сказала богиня, останавливая меня. «Еще не время»

Через мгновение я стоял на террасе виллы, с вытянутой рукой. Богини рядом не было, и ее никогда рядом не было. Но в то же время я только что видел и слышал ее.

Послушать ее и остаться на месте? Или все же ослушаться, вернуться в истинный мир и отправить Николетту в безопасное место?

Это были лишние секунды раздумий: мотылек в инклюзе затрепетал, багровея — Николетта явно заволновалась. Я сейчас, даже через камень, почувствовал ее нарастающее беспокойство.

Буквально мгновением позже рядом послышался странный звук — как будто лопнула огромная струна, как будто треснула сама ткань мира. И звук раздался гораздо громче чем тогда, когда я достал мечи из созданного Николаевым пространственного кармана. И сразу после оглушающего треска мимо меня, по крыше, прокатилась объятая темными лоскутьями фигура.

Спрыгнув с террасы, я оказался рядом с Валерой. Он уже, приземлившись на четыре лапы, насторожился — готовый атаковать, но при виде меня быстро поднялся на ноги, принимая человеческую форму.

«…!» — на непереводимом языке междометий прокомментировал ситуацию Валера.

— Что случилось?

— Меня выкинуло из астрала!

— Как?

«Не знаю! Предполагаю, какой-то вытесняющий магию артефакт, и я удивлен этим до самой крайней степени…» — непечатно сокращая поток мыслей, передавая собственные догадки, уложился всего в пару слов Валера.

Он не договорил — потому что я вскинул руку, показывая замолчать.

Валера только что был в астрале, в Изнанке мира. И его

оттуда выкинуло — а я уже знаю одно место, причем здесь, на острове, которое словно колпаком накрыто. Это замок «сэра Джона Холдена». И каким-то образом сейчас вилла Николетты превратилась в такое же место — настолько изолированное, что Валеру даже из Изнанки выкинуло. И хорошо еще сюда, а мог бы вообще в инфернальную бездну отправиться.

Похоже, я недооценил Доминику. Но почему Кали остановила меня? Так, ладно — с вопросом кто виноват лучше после, сейчас пора действовать.

— Готов? — поинтересовался я у Валеры.

— Готов. К чему? — оскалился он. Старается выглядеть невозмутимо, но сам при этом бледный как мел. И трансформация закончена не до конца — глаза у него сейчас как у зверя желтые, клыки длинные и острые, черты лица хищно исказившиеся.

— Да черт его знает, разберемся по ходу, — только покачал я головой и выдохнув, взмахнул мечом.

И ничего. Вернее, клинок словно завяз в ставшем тягучем воздухе — я его словно в мазут погрузил.

«…!» — выдохнул я.

Не работает.

Выругавшись, понимая, что меч не работает, но не в силах остановиться, я попробовал еще раз. И в этот раз получилось даже хуже — клинок словно уже не в мазут погрузился, а врезался в мягкое дерево.

«Эй, оружие!»

«Чужой барьер, я не могу» — неожиданно я почувствовал самое настоящее удивление меча.

«Совсем не можешь?»

«Мне нужны силы»

— Ему нужна кровь? — поинтересовался Валера.

Видимо, с мечом я разговаривал так громко, что он все прекрасно слышал.

— Да, — сдержанно ответил я, проглотив ругательство.

— Возьми мою.

«О, я только за», — почувствовал я жажду меча. «Какой прекрасный экземпляр»

— Это может тебя убить.

«Я аккуратно» — промурлыкал голос меча в моей голове.

«Оставь лишние мысли, потому что ситуация критическая, и действовать необходимо как можно быстрее», — довольно резко сказал Валера, правда уложился всего в три слова.

В этот момент я вдруг почувствовал на плечах чужое касание. Резко обернувшись, встретился взглядом с богиней Кали. Она

стояла совсем рядом, чуть позади и едва не касаясь меня своим обнаженным плечом. И в этот раз кратким мгновением все не закончилось; вернее, все уложилось в мгновение, вот только богиня время остановила. И медленно наклонила голову, внимательно меня рассматривая своими бездонными черными глазами.

Как и прежде, она невероятно привлекательна — даже дыхание перехватывает. Как и прежде, она практически обнажена: длинные черные волосы, подчеркивая белизну кожи, лишь частично прикрывают высокую грудь. Из одежды на ней — только шкура черной пантеры, лапы которой небрежно перекинуты через плечи на манер шарфа.

Рассматривал убивающую демонов и повелевающую временем богиню я во все глаза — потому что, как в прошлые наши встречи, взгляд с нее не соскальзывал: здесь, в темном мире отражения, я мог смотреть на нее прямо.

Неужто здесь она существует в своем физическом воплощении? Вполне может быть.

Кали, дав время мне полюбоваться на себя, шагнула ближе. Снова глядя мне прямо в глаза. Я не оцепенел, как в прошлый раз, и не утонул во Тьме — но выдержать взгляд богини оказалось очень и очень непросто. Все же находиться рядом с бездной, которая всматривается в тебя — то еще испытание.

Вдруг Кали сделал движение рукой, и мысли вдруг вынесло из головы словно стылым порывом северного ветра. И не только мысли — я полетел спиной вперед, как летала у меня Николетта совсем недавно. Причем вылетел я из собственного тела, и теперь в роли безмолвного зрителя наблюдал за происходящим как будто со стороны: ощущение времени вернулось к привычному течению.

— Давай, не тупи! — поторопил меня Валера.

— Будет немного больно.

— Сильно больно?

— Это меч болью и страданием питается, ему кровью брызнуть недостаточно.

— Хватит меня уговаривать, давай уже, — попросил бледный как мел Валера.

— Медик! — резко обернулся я.

Один из штампов, закинув винтовку за спину, стремительно спрыгнул с соседней террасы и подбежал ко мне.

— Смотри за его жизненным состоянием. Как только все станет плохо, нужно прервать контакт и при нужде реанимировать.

— Jawohl! — штамп, глядящий на меня черными глазами.

— Когда я уйду, слушать его как меня.

— Jawohl! — снова кивнул штамп. Вместе с вахмистром, оба штампа взяли Валеру за плечи, в готовности если нужно оттащить. А штамп-медик ему еще в шею какой-то датчик воткнул.

— Валер, готов?

— Давай уже, не тормози!

Я со стороны сейчас наблюдал, как «я» раскрутил клинок, и с размаха воткнул его Валере в плечо. Это был стремительный росчерк — видимо «я» решил втыкать меч в Валеру в скольжении, чтобы контролировать кровавый меч. И едва лезвие погрузилось в плоть, как Валера пронзительно закричал. Любой бы закричал — кровавый меч потянул из принца энергию как будто насосом; действуя так быстро и жестко, что фигура Валера начала усыхать, лишенная жизненных сил.

«Стоп-стоп-стоп!» — закричал я, по-прежнему наблюдающий за действом в роли безмолвного зрителя. В этот момент вокруг меня взвихрилось пространство, погружая в царство серой пелены. Время действительно замерло, словно реальность на стоп-кадр поставили.

Я, воткнувший меч Валере в плечо, сам он с раскрытым в крике ртом, штамп-медик рядом взирающий в пространство дополненной реальности, отслеживающий жизненные показатели Валеры — все остановилось. И окружающее подернулось маревом пелены, словно плавясь исчезающей иллюзией.

Это было не будущее, и этого не произошло — богиня просто показала мне вариант развития событий, понял я.

«У тебя не получится» — осязаемым шепотом прозвучал голос богини у меня в голове.

«У меня не получится пересечь границу? Или не получится помочь Николетте?»

«У тебя не получится набрать энергии для того, чтобы открыть границу на живую сторону мира. Не получится, если ты не убьешь его», — встала рядом со мной Кали и посмотрела на замершего с гримасой боли на лице Валеру.

«Если его не убить, энергии окажется недостаточно?»

«Именно так»

«Ты сама можешь помочь мне вернуться в мир?»

«Не могу. Очень сильный противник»

Это кто же там в гости пришел? — всколыхнулась у меня в груди злость на самого себя, потому что я недооценил опасность. Также, как мы с Ольгой недооценили опасность тогда, когда нас атаковал цесаревич.

«Есть же еще варианты?»

Мысль о возможной гибели Валеры я воспринимал совершенно спокойно. Потому что чувствовал — если бы это был единственный вариант, богиня на меня время сейчас бы не тратила, пустив все своим чередом.

«Ты можешь отдать энергию своей жизни ему. И я открою дверь и покажу ему дорогу»

Глаза богини снова оказались совсем рядом, а я снова оказался на границе темной бездны.

«Он справится?»

«Должен справиться»

Надо же, даже богиня прямо не говорит о кажущемся определенным будущем. Какая неожиданно суеверная.

Валере никак нельзя умирать в темном мире отражения, тем более от кровавого меча — это будет для него истинная смерть. А вот для меня, с цифровым блоком сохранения сознания…

«Я согласен. Показывай, что делать»

«Ты сам знаешь, что нужно делать»

Окутывающее нас с богиней марево заволновалось, и я словно оказался в воронке водоворота — только крутилась она в обратную сторону. И я снова, как это бывает при обращении времени вспять, вернулся на несколько секунд назад от того момента, как меня оттуда вышвырнуло. И снова оказался наблюдателем в своем теле.

«…!» — выдохнул я.

Не работает.

Выругавшись, понимая, что меч не работает, но не в силах остановиться, я попробовал еще раз. И в этот раз получилось даже хуже — клинок словно уже не в мазут погрузился, а врезался в мягкое дерево.

«Эй, оружие!»

«Чужой барьер, я не могу» — неожиданно я почувствовал самое настоящее удивление меча.

«Совсем не можешь?»

«Мне нужны силы»

— Ему нужна кровь? — поинтересовался Валера.

Видимо, с мечом я разговаривал так громко, что он все прекрасно слышал.

— Да, — сдержанно ответил я, проглотив ругательство.

— Возьми мою.

«О, я только за», — почувствовал я жажду меча. «Какой прекрасный экземпляр»

Совсем недавно я сказал Валере: «Это может тебя убить». Сейчас я не сказал ничего — оборвался на полуслове, потому что полностью перешел из режима наблюдателя,

синхронизировавшись с рекой времени и став полноправным хозяином собственного тела и мыслей.

— Валер, прости, но я тебя оставлю, — произнес я, убирая кровавый меч в пространственный карман. — Мой блок сохранения сознания здесь, Николетта в курсе, — похлопал я себе по правой руке. — Все что останется от моего тела, перевезти на корабль и дальше действовать по указанию Елизаветы, или вот этого господина, — приказал я вахмистру.

— Jawohl! — невозмутимо кивнул штамп.

Выхватив из его набедренных ножен Kampfmesser, стандартный для Германской имперской армии иззубренный клинок, я щедро резанул себе ладонь. Перехватив руку удивленного происходящим Валеры, полоснул по ладони и ему, после чего наши руки сжались в кровавом рукопожатии.

Валера при этом на разрезанную чуть ли не до кости ладонь даже внимания не обратил. «Мать моя женщина» — беззвучно прошептал он. В его расширившихся, крупных сейчас звериных вертикальных зрачках, я увидел отражение богини Кали, которая материализовалась за моей спиной.

— Валера! Валер! — коротко врезал я ему оголовьем ножа в скулу, приводя в чувство.

— А! — не в силах отвезти взгляд от богини, все же пришел Валера немного в себя.

— Валера, сейчас ты оказывается на другой стороне, сеньора тебе покажет путь…

«Сеньора? Да что ты такое говоришь?..»

— …оказываешься на той стороне, и ломаешь будки вообще всем, кого увидишь, при этом совершенно не сдерживаясь. Ясно?

— Совсем не..

— Вообще не сдерживаясь, работай как в последний раз, или тебя просто прикончат. Ты готов?

— А ты?

— Ты готов?!

— Да!

— Ну… давай, Валера! Настало твое время, — вдруг полностью успокоившись, произнес я, крепче сжав его руку. Заметив краем глаза алое сияние силы Крови, объявшее наши кисти и запястья, я перехватил нож брауншвейгца обратным хватом.

Богиня Кали оказалась совсем рядом, встав позади и вплотную ко мне. Вокруг нас троих заклубилась серая пелена, и на затылке я почувствовал самое настоящее Дыхание Смерти.

Ну что, Артур, давай переводить игру на следующий уровень — обратился я к самому себе, вспоминая Саманту — в тот

момент, когда она во время ритуала нанесла разделяющий мою душу удар.

Глава 23

Николетта проснулась одномоментно, рывком — от неприятного ощущения, что реальность вокруг изменилась. Девушка как будто начала медленно опускаться в пустоту; словно она сейчас на краю пропасти, и неумолимо соскальзывает вниз по пологому краю. И даже после того, как Николетта судорожно вцепилась в покрывало на кровати, осознавая себя неподвижно лежащей, ощущение скатывания вниз, отдаленно напоминающее полет в невесомости, ее не оставило.

Прошло несколько секунд, и к огромному облегчению девушки мир вернулся к обычному состоянию. Вроде бы к обычному состоянию — Николетта неожиданно ярко чувствовала окутывающее ее тепло: сила стихии, Огонь, к которому ей во время тренировок с Массимо приходилось усилием тянуться, сейчас словно сам тянулся к ней. Даже руку протягивать не нужно. Заметные глазу потоки энергии сейчас окутывали ее, обвиваясь вокруг предплечий маревом змеек плотного горячего воздуха.

Не успела Николетта удивиться такой близости стихийной силы, как дверь в ее спальню рывком открылась. В комнате как-то сразу и вдруг оказались сразу трое неасапиантов. Николетта даже не успела заметить, как именно они зашли — уловила лишь размытую тень движения.

«…твоя мишень практически стояла на месте и никуда не уходила» — только сейчас Николетта полностью поняла смысл слов Массимо, когда он во время тренировок говорил ей о том, что Николетта двигается слишком медленно. Только теперь она поняла, что значит двигаться быстро.

Неасапианты, впрочем, не нападали. Двое остались рядом с распахнутой дверью, один подошел ближе, к кровати. Все трое неасапиантов были в бронекостюмах без знаков различий, но глазные импланты характерные для корпорации Nkr.com — белые, с зеленым агрессивным трилистником. Ни оружие, ни бронекостюмы не были Николетте знакомы — она еще ни разу не видела сотрудников корпорации в такой экипировке. Но неасапианты явно Некромикона — черты лица слишком уж узнаваемые.

Все трое вооружены. У тех двоих кто остался у двери оружие в руках — но на нее не направлено. Пока не направлено.

Главный в тройке неасапиантов между тем учтиво поклонился.

— Госпожа Агилар, прошу прощения за столь неожиданное

беспокойство. Вас ждет госпожа Романо, прошу следовать за мной, — неасапиант сделал характерное движение, приглашая Николетту на выход.

— Почему такая срочность?

— Дело чрезвычайной важности, госпожа, — склонил голову неасапиант.

Соскочив с кровати, девушка замялась. Она спала в одежде, но это был обычный корпоративный костюм. В нем она, в окружении вооруженных неасапиантов, чувствовала себя голой.

— Я могу переодеться? — поинтересовалась Николетта. Голос, к ее стыду, заметно подрагивал от сдерживаемого волнения и страха.

— Конечно. Но прошу вас, не более минуты, дело чрезвычайной важности и срочности, — произнес старший тройки неасапиантов.

В этот момент раздалось громкое шипение — из-под кровати вылетел котенок. Глаза его были ярко подсвечены красным, пасть раскрыта — разбежавшись, он прыгнул на неасапианта, атакуя его ногу. Тот легко поймал маленького зверя за загривок и поднял, удерживая на безопасном расстоянии от себя.

— Простите, сеньорита, но вашему питомцу я не нравлюсь, — попросил прощения неасапиант у Николетты.

«Ты и мне не нравишься», — мысленно произнесла она.

Неасапиант между тем прошел через комнату и закрыл животное в гардеробе.

Николетта в этот момент едва не начала действовать. Сначала она хотела активировать портальный артефакт, который дал ей друг Массимо Валера. Но не сделала этого — беспокоясь за котенка.

Когда же неасапиант закрыл дверь гардероба, Николетта едва не ударила по нему и его спутникам Огнем. Но сдержалась — использовать стихийную силу на собственной вилле — значит рассказать всему миру, что здесь живет незарегистрированный одаренный, нарушающий положения Стихийного пакта.

«Рано» — сказала Николетта сама себе. «Сжечь их я еще успею»

Девушка подошла к отдельному шкафу с собственной экипировкой. Резким движением — желая напрячь неасапиантов, пусть и с замиранием души от страха, она с разворотом выбросила на пол кейс с бронекостюмом «Ghosthunter». Резкость броска впечатление на неасапиантов не произвела — никто и бровью не повел.

Это немного успокоило Николетту. Если бы они вскинули оружие, она бы атаковала. А так — может действительно у них

задача проводить ее к Доминике.

Только для чего? Поговорить? Вряд ли. Николетте стало очень страшно, но она держала в уме, что Массимо рядом, и не даст ее в обиду.

Открыв крышку, девушка посмотрела на аккуратно уложенные элементы брони и со звучным щелчком крышку захлопнула. Не подходит — Валера предупреждал ее, что лишние девайсы могут сбить работу портального артефакта.

«Помни, если сомневаешься — лучше действовать, а не бездействовать», — услышала она вдруг словно вживую его голос.

Пора уже действовать, или еще рано?

Рано. Она сейчас выйдет из комнаты, и по пути использует портальный артефакт — решила Николетта, пусть ненадолго, но непроизвольно отсрочив начало собственных невозвратных действий.

Захлопнув крышку транспортировочного кейса, Николетта достала и выбросила на кровать свой обтягивающий бело-красный комбинезон боевого мага. Тот самый, который не оставлял равнодушным Массимо; пусть он и умело скрывал эмоции, Николетта замечала его бросаемые украдкой взгляды.

Мысли о Массимо помогли немного прийти в себя. Он должен быть рядом, и контролировать ситуацию.

Быстро переодевшись, Николетта синхронным хлопком ладонями по голеням заставила автоматически зашнуроваться ботинки и выпрямилась.

— Я готова.

— Прошу за мной, госпожа, — склонил голову неасапиант и направился к выходу.

«Я сильная. Я справлюсь», — сказала сама себе Николетта, выходя вслед за ним. Оба неасапианта у двери, пропуская ее вперед, почтительно поклонились.

«Я только оценю обстановку, и сразу уйду отсюда порталом» — решила она, еще ненадолго отсрочив бегство портальным артефактом.

Едва подумав об этом, со следующим шагом она оказалась на линии дверного проема. И вдруг получила сильнейший разряд парализатора, который заставил ее согнуться. Ноги подкосились, от жуткой боли потемнело в глазах, дыхание перехватило. Николетта, застыв как изваяние, начала падать, бессильно наблюдая как приближается паркет пола.

Не упала — неасапианты ее подхватили. Действуя теперь безо всякой предупредительности. И у Николетты не было даже сил крикнуть, когда ее руки вывихнуло в плечах. В этот же момент в лицо словно дохнуло стылым ветром. Одновременно со

щелчком на запястьях Николетта почувствовала, что ее отсекло от стихийной энергии.

Ей надели блокирующие магию браслеты.

Николетта снова была обычным человеком. Стихийную силу, клубящуюся вокруг предплечий, отсекло моментально. Произошедшее оказалось настолько обидно, что Николетта практически не чувствовала боли. Кроме того, она сгорала от стыда — ей как вживую представился укоризненный взгляд Массимо. Николетта вспомнила, как он с укоризной ее отчитывал, когда она совершала ошибки.

«Помни, если сомневаешься — лучше действовать, а не бездействовать».

Стало настолько стыдно и обидно, что Николетте хотелось взвыть. Но получилось лишь негромко зашипеть, когда неасапианты заученными движениями взяли ее в замок и повели вперед по коридору. Действуя теперь предельно жестко и вовсе без каких-либо сантиментов.

От их недавней предупредительности не осталось и следа: суставы жгло болью так, что была бы возможность, Николетта визжала бы от боли. Полубесчувственную стонущую девушку быстро провели через холл, и вывели ко входу в подвал. Длинная лестница, бесчисленные ступеньки — не на каждую у Николетты попадали ноги, и каждый раз, когда неасапианты не давали ей упасть, плечи взрывались вспышками боли.

Пытка лестницей, к счастью, вскоре закончилась, и Николетта оказалась в подвале с винохранилищем. Сюда она спускалась всего единожды, впервые осматривая виллу. Темное и пустое помещение с арочными сводами — вино Николетта здесь не хранила и не собиралась.

Сейчас одна из стен, с многочисленными бочками, просто отсутствовала. Как не было. И за этой стеной взгляду открывался огромный, тонущий в багряном полумраке зал. Длинный и вытянутый, ограниченный по бокам рядами колонн — помещение было похоже на неф собора Парижской богоматери, где Николетта была с Доминикой совсем недавно, буквально пару месяцев назад.

От удивления увиденным Николетта даже приподняла голову и несколько раз зажмурилась. Зал, открывшийся ее взору, по площади превосходил все главное здание виллы.

Такого просто не могло быть! Всю виллу, и винохранилище в том числе, проверяли новые люди Массимо, прибывшие с Валерой. Молчаливый японец, который не обнаружил ничего подозрительного, в подвале провел больше двух часов. Как он мог пропустить такой огромный потайной зал? — заметались мысли у

Николетты.

Ответ на вопрос пришел сразу, как только Николетта, ведомая неасапиантами, перешагнула границу входа в потайное помещение.

Это место не принадлежало этому миру. Оно даже ощущалось по-другому.

Границу перехода охраняли четверо неасапиантов, которые были в доспехах, очень похожих на средневековые — только в эргономичном и современном исполнении. Кроме того, не менее десяти неасапиантов стояло парами вдоль колонн, равномерно по всей длине зала.

Отконвоировавшие пленную Николетту неасапианты передали ее с рук на руки неасапиантам местным, в похожей на средневековую броне. «Местные» приняли ее также без капли учтивости, и грубо повели дальше, по долгой дороге боли среди бесконечных колонн.

Николетта шла согнувшись, но краем глаза видела, что ее ведут к огромному черному камню на кафедре. Ведут к жертвенному алтарю — никаких других идей и ассоциаций принадлежности камня у Николетты не возникло.

В конце зала, куда вели Николетту, было достаточно высоких стрельчатых окон, но они давали мало света, почти не рассеивающего полумрак. Света странного, багряного — как будто на улице небо выкрашено кровавым закатом. Кроме того, в зале — Николетта это не сразу заметила, было очень жарко. Не просто жарко, а очень жарко.

У алтаря Николетту встретило двое. Первой, не вызвав удивления присутствия, оказалась Доминика, ожидающая на каменной скамье у стены. Она была в простой черной корпоративной форме без знаков различий… Нет, не совсем в простой, отметила Николетта — в усиленной для нахождения в агрессивной среде корпоративной форме рядового сотрудника. В таком, внешне простом на вид костюме, можно было вполне комфортно работать в раскаленной пустыне или в холодных пустошах заполярья.

Доминика, когда Николетта оказалась неподалеку, порывисто поднялась, подходя ближе. Конвоирующие неасапианты по жесту Доминики заставили Николетту выпрямиться. Доминика, когда их глаза встретились, приветливо и белозубо улыбнулась дочери, сделав короткий приветственный жест.

Глаза ее, впрочем, оставались холодными и жесткими.

После того как Николетта получила возможность встать ровно, после того как ушла горящая боль из вывернутых суставов, она смогла полноценно осмотреться и рассмотреть второго здесь

присутствующего. Это оказался незнакомый Николетте мужчина. Высокий, явно без вмешательства в генетический паспорт — очень уж своеобразные черты лица: тонкий нос с горбинкой, близко посаженные глаза, бороздящие лицо морщины.

Неприятная, отталкивающая внешность. Неприятная и отталкивающая даже без учета обстоятельств первой встречи. И даже без учета устрашающей формы: на левой стороне груди черного с серебром костюма незнакомца горел глаз эмблемы Новой Инквизиции. Костюма, в отличие от облачения Доминики, не рядового сотрудника — незнакомец не маскировался, и судя по регалиям и мантии на плечах обладал очень высоким саном.

Смотрел инквизитор на Николетту цепко и неприятно, так что под его взглядом она почувствовала себя словно препарируемая бабочка. Впрочем, так оно и было — едва подведя девушку к алтарю, неасапианты грубо бросили, даже швырнули ее на камень. Николетта при этом весьма ощутимо ударилась спиной и затылком.

— Эй! Полегче! — резким окриком осадила неасапиантов Доминика. И добавила на итальянском насчет дьявольских отродий, которые гневят Господа своей тупизной.

Из дробных ругательств Доминики Николетта поняла, что жестким должен был быть только захват, во избежание попыток сопротивления, а теперь с телом Николетты нужно обращаться более чем аккуратно. Потому что — при этих словах Николетта оцепенела от надвигающейся паники, это уже тело Доминики.

«У меня же синяки будут!» — эхом раздалось в сознании Николетты только что услышанное.

— Позиция один, — раздался неприятный шипящий голос, принадлежащий инквизитору.

Жесткие и безжалостные руки неасапиантов растянули Николетту на камне, загремели подготавливаемые кандалы — которые позволяли обездвиживать жертв в разных позах. Позиция один, в которой оказалась Николетта, подразумевала сведенные вместе ноги, и расставленные в сторону руки.

«Как у распятого на кресте»

Одновременно с лязгом железа волна страха захлестнула Николетту, и она попыталась вырваться. Но ее рывок тут же был пресечен конвоирами — Николетта получила сильный удар в бок и рухнула на камень, больно ударившись затылком. Это вызвало еще один взрыв ругательств Доминики.

«Подите прочь!» — после того, как запястья и щиколотки Николетты оказались зафиксированы, прогнала Доминика неасапиантов. Сама она, поднявшись со скамьи, уже подошла к жертвенному камню ближе и посмотрела на Николетту.

«Массимо… где же Массимо…»

Доминика словно мысли ее прочитала.

— Твой обожаемый друг Массимо как-то однажды сказал: «Давным-давно, высокоградские улицы научили меня одному правилу: если драка неизбежна, нужно бить первым». Он научил тебя многому, а вот бить первым — к сожалению нет. Что? — отреагировала на попытку Николетты Доминика.

— Что происходит? — повторила вопрос Николетта, пытаясь поднять голову.

Она, справившись с паникой и оглушающей болью, сейчас пыталась хоть сколько-нибудь потянуть время. И задав вопрос, попробовала сфокусироваться на Доминике — взгляд после удара затылком о камень расплывался.

— Тебе лучше этого не знать, моя дорогая девочка, — улыбнулась Доминика. — Меньше знаешь, крепче спишь. Не нервничай и не переживай, свой шанс на жизнь ты уже упустила.

Николетта, услышав и осознав, что говорит ей Доминика, невольно всхлипнула.

«Где же Массимо?» — только эта мысль удерживала Николетту от последнего шага в объятия страха, зовущего в пучины панического безумия.

— Впрочем, у меня есть к тебе деловое предложение, — улыбнулась Доминика. — Ты мне расскажешь сейчас, каким именно образом Массимо спас тебя после уничтожения инклюза, а я попробую сохранить тебе полноценную жизнь.

Доминика врала. Николетта это прекрасно чувствовала.

— Когда он спас мне жизнь? — попробовала еще чуть потянуть время Николетта. Демонстрируя недоумение, она прекрасно понимала, что речь идет о случае, когда Массимо вытащил ее с того света, позвав на помощь богиню Кали.

Доминика не была эмпатом. Но опыта ей было не занимать, эмоции она могла считывать и по мимике. По лицу Николетты Доминика легко прочитала, что девушка ей не поверила и просто тянет время.

— Ну, нет так нет. Мне еще, в твоем теле, нужно многое успеть, — пожала плечами Доминика, потеряв к распятой дочери всякий интерес. — Монсеньор, можем приступать, — обернулась Доминика к ожидающему в темном углу инквизитору.

— Зер гут. Начинайте приготовления, дочь моя.

Голос инквизитора был еще более отвратительным, чем внешность — хриплый, шипящий. Это было последнее более-менее сознательное осознание — Николетта, утратив над собой контроль, забилась в кандалах и завизжала. Ее захлестнула волна панического страха, оставив лишь волю к жизни. Девушка

выгибалась и билась в кандалах — на ссадины от металлических оков она даже не обращала внимания.

Доминика нетерпеливо выругалась, позвала неасапиантов — и очень быстро через камень оказалось перехлестнуто несколько ремней. Теперь и голову по лбу, и живот, и бедра Николетты плотно прижимало к черной поверхности камня. Сама девушка больше не кричала и не дергалась — у нее кончились силы. Николетта даже дышала с трудом — ремни прижимали к камню ее сильно, безо всякой жалости.

После того как Николетта оказалась практически полностью обездвижена, Доминика прогнала неасапиантов и легко запрыгнула на широкий стол жертвенного алтаря. Возвышаясь над Николеттой, она разделась до пояса, после чего опустилась перед дочерью на колени и расстегнула ей комбинезон, отводя в стороны отвороты ткани. Довольно небрежно — так, чтобы оголить только область сердца, поняла Николетта. При этом Доминика сорвала с ее шеи портальный амулет.

Артефакт удостоился лишь короткого взгляда.

— Занятная вещица, — произнесла Доминика, после чего отбросила амулет далеко от алтаря. После этого Доминика села на ноги Николетты, на бедра, и начала примеряться. Николетта сначала не поняла смысла, а потом, ощущая очередную волну паники, поняла — Доминика примеряется так, чтобы когда она ляжет на девушку, их сердца оказались на одной линии друг с другом.

Пока Доминика устраивалась на Николетте, инквизитор, даже при отдаленном взгляде со спины вызывающий чувства вплоть до омерзения, поднялся и приблизился к алтарю. И едва он подошел, Николетта ужаснулась — у епископа теперь были полностью черные, заполненные настоящей Тьмой глаза. На его бледной коже, по вискам, бугрились черные змейки вен. От страха Николетта едва не потеряла сознание — ее вдруг замутило предательской слабостью.

— Вы готовы к переходу, дочь моя? — своим заставляющим стынуть кровь в жилах голосом поинтересовался темный инквизитор.

— Да, монсеньор, — ответила Доминика.

— Приступим, — хрипло прошипел инквизитор, вплотную подходя к столу алтаря со стороны головы Николетты — так, что девушка теперь смотрела на него сверху вниз. Она видела, что кожа инквизитора стала совсем белой, как мел, а крупные черные вены бугрились на лице все сильнее.

Инквизитор, глядя сверху вниз ей в глаза, обхватил ее лицо своими ладонями — холодными и неприятными, по ощущению

как сухая кожа змеи. От прикосновения инквизитора Николетту передернуло.

— Сейчас монсеньор убьет в тебе душу. А после… впрочем, после тебя уже не будет ничего интересовать, — на прощание сказала Доминика дочери.

Осознание сказанного погрузило Николетту в новую пучину страха, но именно это ей и помогло. По всему телу прокатилась горячая волна, девушка громко и пронзительно закричала. Вокруг дохнуло жаром — несмотря на блокираторы магии, Николетта смогла позвать стихийную силу. Блокираторы продолжали работать, но Огонь загудел совсем рядом; стягивающие ее ремни полопались, и Николетта снова забилась в металлических кандалах.

Инквизитор со злым возгласом отшатнулся. Пахнуло паленым — это вспыхнули волосы Доминики. Она от неожиданности сначала отшатнулась, но мгновенно пришла в себя — не обращая внимания на треск горящих и плавящихся волос, коротким ударом в висок сорвала Николетте концентрацию. Огонь вокруг сразу спал и уходящие языки пламени взвились под потолок в снопах искр.

— Bastarda! — в ярости заорала Доминика, щурясь и сбивая языки пламени с волос. Она морщилась от боли — на ее груди краснели яркие пятна ожогов. Николетта, которую мутило от удара, а перед взором все расплывалось, вновь рванулась, пытаясь вернуть контроль над Огнем. Но отшатнувшийся было инквизитор крепко, впиваясь ногтями в щеки, обхватил ее голову, заставляя девушку посмотреть себе в глаза.

Николетта сопротивлялась из последних сил, отводя взгляд, но черная бездна оказалась совсем рядом, затягивая ее в водоворот подчинения. Николетта почувствовала, как от накатывающей слабости отнимаются руки и ноги.

— Не отвлекайтесь, дочь моя, — шипяще произнес инквизитор.

Обращался он к ругающейся от боли Доминики, которая моментально замолчала. Николетта же, обездвиженная волей палача, едва слышно заскулила. Она, не в силах противиться притяжению залитых мраком глаз, почувствовала, как инквизитор вытягивает из нее душу; чувство было сродни тому, какое она испытывала, когда у нее удаляли зубы мудрости. Вот только сейчас чувство вытягиваемой из тела части организма было во много раз сильнее и объемнее.

Николетта забилась в последней агонии, увидела себя — словно со стороны, распятую на жертвенном камне. Наблюдаемая картинка понемногу серела и гасла, как вдруг вокруг что-то

неуловимо изменилось.

Инквизитор вздрогнул, и настороженно, словно хищник, вскинулся. Черты лица его исказились, верхняя губа поднялась — словно в оскале, обнажая неожиданно острые клыки; из глаз потянулись черные лоскуты Тьмы, а лицо потемнела.

Подняв голову, разорвав связь с глазами Николетты — с зеркалом души, Инквизитор прервал ритуал. Ее еще не рассеянную душу, ее вытесненное сознание, моментально вернуло в тело словно обратно отщёлкнувшей резинкой. Николетта рухнула обратно резко и безжалостно, словно с высоты в пару метров брошенная спиной на татами.

Несмотря на ошеломление, возвращением в тело она мгновенно воспользовалась — пронзительно закричав, вновь потянулась к силе Огня. Попытка, из-за блокираторов магии, получилась не лучшая из ее арсенала. Но небесполезная — полыхнуло даже сильнее, чем в первый раз.

Раздался взрыв, полыхнуло жаром. Беснующимся, не могущим воссоединиться с Николеттой Огнем попало даже по инквизитору, который отшатнулся в дыму горящей мантии и опаленных седых волос. Доминику же раздавшийся рядом с Николеттой взрыв с девушки просто снес: взметнулись паленые волосы, раздался испуганный вскрик, и сидящая на Николетте Доминика спиной вперед улетела с алтаря. Ее крик, впрочем, почти сразу же оборвался — она впечаталась в стену спиной.

В том месте, где она только что пролетела, рядом с алтарем вдруг появился темный портал. Из которого в зал влетело ужасающее существо — это был огромный, объятый лоскутами Тьмы хищник, глаза которой горели красным огнем. Стоявшие рядом три неасапианта, приведшие Николетту на жертвоприношение, тут же оказались порваны в клочья.

Инквизитор, больше не обращая внимания на тлеющую и горящую мантию, шагнул к Николетте. Она почувствовала его эмоции, пробивающиеся сквозь ментальные щиты, и с ужасом поняла — сейчас он просто хочет ее убить. Но в этот самый момент портал, из которого только что выпрыгнул черный хищник, видоизменился. Проход через границу миров прекратился в сформированное из Тьмы женское лицо. Страшное и пугающее — лицо молодой женщины, под красивым ликом которой постепенно проступали уродующие очертания черепа.

Во время искажения прекрасного лица в устрашающую гримасу раздался инфернальный крик — ударивший в инквизитора не хуже, чем конструкт магии воздуха. Брызнула кровь, и инквизитора отшвырнуло в сторону. Как раз к черному чудовищу, которое только что прикончило еще нескольких

неасапиантов.

Отброшенный криком богини инквизитор невероятно быстро вернул равновесие и остановился. Он попытался атаковать хищника — в его руке появились два темных клинка. Оба кинжала полетели в сторону черного монстра, на лету обрастая Тьмой и превращаясь в два оскалившихся черепа.

Заскрежетали когти, выбивая из пола каменную крошку. Как и кинжалы инквизитора, сотканный словно из самой Тьмы хищник ушел от первой темной стрелы резко затормозив, пропуская ее перед мордой, а от второй — тут же высоко подпрыгнув, на лету извернувшись. Словно поменяв для себя верх с низом, он приземлился лапами в потолок галереи, от которого и оттолкнулся, прыгая на инквизитора. Тот лишь вскинул в защитном жесте руки, по которым полоснуло когтями.

Обрубок руки упал на Николетту, девушку обдало горячей кровь. Получивший удар когтями инквизитор отлетел к стене — лицо его превратилось в кровавую маску. Когти хищника не только перерубили ему руки — от виска до челюсти у инквизитора тянулось несколько глубоких ран, в которых виднелась обнаженные кости. И прямо в ранах клубилась самая настоящая Тьма.

В оставшемся целым глазу инквизитора вдруг непроглядный мрак сменился белым Светом. Полыхнуло так, что озарило весь алтарный зал. Бросившемуся на инквизитора хищнику не хватило совсем чуть-чуть — он уже летел в прыжке, выпростав когти-кинжалы, но прямо перед инквизитором словно натолкнулся на невидимую стену.

Отлетев от удара прочь, черный хищник, проскрежетав когтями по полу — оставляя в кладке покатых булыжников глубокие борозды, остановился. Удар словно сдул с него клочья Тьмы — Николетта теперь видела, что это черный ягуар. Глаза которого еще ярче засияли красным отблеском Магии Крови, а мощные лапы почти сразу вновь окутались черными лоскутьями.

Инквизитор же в этот момент взмахнул оставшейся искалеченной рукой, словно закутываясь в плащ. Сразу после этого он исчез в коконе света, который вдруг ярко вспыхнул. Стены затряслись, с потолка посыпалась пыль, вздрогнул даже сам фундамент здания — кокон с инквизитором исчез сразу после вспышки.

Оборотень громко зарычал, лязгнув зубами в бессильной ярости, и вдруг поднялся на задние лапы. Его фигура подернулась маревом пелены, и буквально через несколько мгновений вместо хищника стоял Валера — друг Артура.

«Ты его еще без грима не видела», — вспомнила Николетта

слова Массимо.

Вспомнила к месту: вид Валеры ужасал. Лицо его приобрело пугающие черты хищника, приподнятые в ощерившейся гримасе губы обнажали длинные клыки. Глаза Валеры пусть и утратили алое сияние, но ярко светились желтым, а зрачки были звериными, вертикальными.

Превратившийся из хищного в человекоподобного зверя Валера вдруг бросил несколько заклинаний. Судя по звукам — а у рвущейся человеческой плоти и одновременно сминаемого железа своеобразный звук, предназначены заклинания были подбегающим с другой стороны зала оставшимся в живых неасапиантам.

— Падла! Мразь! Тварина!.. — через несколько секунд до Николетты, словно сквозь вату, донеслись ругательства Валеры.

— …у-у-у-ска, с-с-собака бешеная! С-скотина конченая, чтобы тебя при кашле наизнанку в кровавую кашу вывернуло, мразина! — в голосе оборотня чувствовалось настоящее бешенство, всепоглощающая клокочущая ярость схватки, которая для него еще не закончилась.

Валера ругался, не забывая действовать — он уже был рядом с Николеттой, и несколькими резкими ударами разрушил сначала блокирующие магию браслеты, а после легко сбил кандалы. Подав девушке руку, он помог Николетте подняться.

— Ты в порядке, в адеквате? — посмотрел он в глаза девушки. И невольно отшатнулся — взгляд девушки полыхнул Огнем.

— Относительно, — произнесла Николетта. Чувствуя, как у нее самой сейчас, как будто в оскале, приподнимается верхняя губа. Произошло это при взгляде на Доминику, которая уже понемногу приходила в себя и шевелила руками, пытаясь подняться.

Николетта краем отметила, что видит сейчас все в оттенках оранжевого — что означало, что глаза ее горят пламенеющим сиянием стихийной силы. Огонь, который был так рядом, сейчас заполнял ее, даря чувство могущества и облегчения. И усиливая ярость, вызванную недавним беспомощным состоянием.

В несколько шагов Николетта оказалась рядом с Доминикой и схватила ее за волосы. Резким рывком подняв, так и держа женщину за волосы, Николетта со всей своей силы ударила ее лицом в стену.

— Ну привет, — поздоровалась Николетта с матерью. И перехватив ее за руку, за запястье, потянулась к Огню. Ладонь Николетты оказалась объята пламенем, а Доминика пронзительно закричала.

Мелькнуло тенью, Доминика рухнула на пол, а Николетта почувствовала, как ее руку отбросило. Рядом оказались по-прежнему мерцавшие желтым глаза Валеры. В груди девушки полыхнула ярость, она ощерилась, но Валера не испугался.

— Ты сейчас в таком состоянии, когда не стоит делать некоторых вещей. Таких, о которых потом можно пожалеть, — спокойно сказал он.

Николетта вновь почувствовала, как ее верхняя губа снова поднимается в неконтролируем оскале по настоящему звериной ярости.

— Спокойно… спокойно… вечно вы все сначала жжете к чертям, а потом думаете… — продолжал успокаивать ее Валера, черты лица которого теперь больше напоминали человека, а не хищника.

— Вы это кто? — резко спросила Николетта. Заметив, что воздух вокруг нее плавится в жарком мареве.

— Адепты огненной стихии, — спокойно пояснил Валера, не обращая внимания на клубящиеся вокруг девушки языки пламени.

Николетта прикрыла глаза, ментальным упражнением приводя себя в порядок. И вдруг увидела себя словно со стороны — в распахнутом комбинезоне, который открывает залитое кровью нижнее белье, с расцвеченными ярким пламенем глазами и горящими за спиной огненными крыльями.

Сделав несколько глубоких вдохов, она вновь открыла глаза. Мир по-прежнему виделся ей в оранжевых оттенках, но не так ярко, как только что. И клубящиеся вокруг языки пламени опали — вместе с исчезнувшими огненными крыльями.

— Спасибо, — негромко произнесла Николетта, обращаясь к Валере.

Тот лишь кивнул машинально, даже, наверное, не восприняв благодарность Николетты. Он сейчас осматривался по сторонам, пытаясь понять, где вообще оказался.

— Мы в подвале моей виллы, — пояснила Николетта.

— Подвал твоей виллы в Инферно? — хмыкнул Валера, глядя в видное через окно багряное небо. Вдруг он хищно вскинулся — а лицо его моментально вновь приобрело звериные черты. Но лишь на пару мгновений.

— Свои, — коротко произнес Валера, успокаивая Николетту.

Она же только сейчас почувствовала чужое присутствие. И обернувшись, увидела у дальнего входа несколько фигур в черно-красной броне — охрана виллы из отряда варлорда. Валера пошел к ним, но Николетта не особо обратила на это внимание, сконцентрировавшись на Доминике. Которая, лежа у стены,

негромко постанывала, даже поскуливала от боли. Она баюкала обожженную руку — кожа и плоть на запястье после короткого касания Николетты были сожжены практически до кости.

— Ты можешь не стараться, — жестко произнесла Николетта, глядя на мать сверху вниз. — Я серьезно улучшила свои способности эмпатии, и сейчас прекрасно чувствую твои эмоции. И если будет надо, смогу прочитать и мысли.

Доминика, которая до этого момента действительно играла, прекратила жалостливо подвывать. Приняв ровное положение, она выпрямилась, прислонившись спиной к стене. Сухо сглотнув, она блеснула глазами, прямо глядя на Николетту.

— Не смотрела бы ты так, — отреагировала на прямой взгляд девушка.

Доминика, послушно опустила глаза. Но Николетта села рядом, и грубо взяла ее за подбородок, снова заставляя посмотреть не себя.

— Мы немного поменяли позиции. Теперь я сверху, так что или веди себя подобающе, или будет немного больно.

Доминика попыталась отстраниться. Медленно отстраниться, хотя на ее подбородке под пальцами Николетты появились красные пятна ожогов.

Николетта, тоже заметив это, убрала руку, заставляя себя вернуть самообладание. Внимательно глядя на Доминику, она краем глаза наблюдала за Валерой, который уже давал какие-то указания появившимся в зале бойцам отряда варлорда. Особой нервозности в его действиях не было, тем более что Валера, отдав несколько указаний, вернулся ближе к Николетте.

— Ты мне кое-что не договорила, — произнесла девушка, обращаясь к Доминике. — И лучше бы тебе отвечать честно и подробно. Иначе ты увидишь, как я научилась причинять боль.

Доминика, глядя в горящие огнем глаза Николетты, поверила.

— Ты не все мне рассказала перед тем, как начать жертвоприношение. Давай продолжим разговор.

— Как пожелаешь, — негромко произнесла Доминика.

— Что это был за ритуал?

— Сама еще не догадалась?

Рядом проскрежетало — коротко обернувшись, Николетта увидела спутника Массимо, мутанта Чумбу. Он сейчас, расправив костяные гребни, запрыгнул на одно из окон и смотрел вдаль.

— Рассказывай, — повернулась Николетта к матери.

— Я хотела юное тело, — усмехнулась и пожала плечами Доминика. — Это же очевидно.

Николетта сжала кулаки и глаза ее полыхнули пламенем.

Некоторого усилия ей стоило сохранить самообладание — все же ужас, испытанный на алтаре, ее все еще не отпускал.

«И никогда не отпустит», — мягко прошептал Николетте внутренний голос.

— Кто был этот… — видя замешательство Николетты, спросил Валера. При этом он не сразу нашел цензурные слова, чтобы охарактеризовать пытавшегося убить Николетту одержимого инквизитора, который умеет обращаться и к Свету.

— Кто был этот г-господин? — после некоторой паузы все же сформулировал вопрос Валера.

— Этот господин — епископ граф Бергер, — усмехнулась Доминика. — И вам, молодой человек, предстоит горько пожалеть о том, что вы позволили ему сбежать.

— Бергер… Бергер… — пробормотал негромко Валера, явно что-то вспоминая. — Бергер очень плохая компания, — вдруг выдал он неожиданно для Николетты фразу с такими эмоциями, которые она не смогла понять.

— Смысл тебе вселяться в мое тело? И что бы ты сделала со своим? — спросила Доминику Николетта.

— Мое тело превратилось бы в прах, прямо здесь. Заканчивая жизнь и карьеру Доминики Романо — я, вполне официально, погибла сегодня в результате покушения, совершенной диверсионной группой корпорации СМТ.

— Но… что бы ты делала в моем теле?

— В твое теле мне достаточно было бы просто подождать.

— Чего?

— Как ты знаешь, твой друг Массимо в ближайшее время должен посетить замок сэра Джона Холдена. И, по нашей с ним договоренности, он должен убить там некоторых человек, в том числе людей из правления корпорации.

— Как это связано со мной?

— Непосредственно. В ближайшее время будет происходить африканская реконкиста Некромикона, которая начнется здесь, на Занзибаре. В ходе корпоративной войны, по моему плану, погибнут самые влиятельные люди из правления. Ты же, моей волей, сейчас пятый человек в иерархии оперативного департамента. Уже четвертый, с моей официальной смертью, о которой по официальным каналам не объявят. Остальные три тоже должны умереть, а я, в твоем теле, получить неоценимый опыт оперативного реагирования, рычаги давления и самые широкие перспективы.

— Как все хорошо у тебя распланировано.

— Да, мне тоже нравилось.

— План только у тебя в голове, или есть на физическом

носителе?

— Конечно нет, — покачала головой Доминика.

Она, наверное, могла бы обмануть любой полиграф. Но не сильного эмпата, в которого после жертвоприношения богине Кали превратилась Николетта.

— Ты хочешь проверить, действительно ли я теперь умею делать по-настоящему больно? — устало поинтересовалась Николетта.

Доминика внимательно посмотрела на Николетту, словно увидев впервые.

— Давай так, это было два раз: первый и последний, — повторила Николетта фразу, которую часто использовал Массимо. — Сейчас прощаю, но следующая ложь обернется для тебя очень неприятными последствиями.

— Все детали у меня дома, на вилле Романо, в тактическом анализаторе. Данные зашифрованы, и никто кроме меня не может их достать.

Николетта только хмыкнула — она видела в деле японца, который с Валерой прилетел на Занзибар. И не думала, что шифры и защита тактического анализатора Доминики способны его остановить.

— Да, у меня есть подробный план того, что я собиралась сделать. Но, Ники, я советую тебе не пороть пока горячку. Подобные знания без опыта их применения — ничто. Я могу быть тебе полезной. Ты можешь отвезти меня тайно на мою виллу, закрыть в клетке и поставить стражу. Поверь, я смогу быть тебе полезной, и я помогу тебе пройти тот самый путь, который приготовила для себя…

Доминика не врала — Николетта это чувствовала. Она действительно готова была помочь Николетте сделать все то, что планировала сделать сама в ее теле. Доминика говорила полностью откровенно.

— …грядет большой конфликт. Сама ты не сможешь справиться со всем тем, что собиралась сделать я в своем теле. Ничего личного, это просто…

— Знаешь, что…

— Что?

— Помнишь, как-то в разговоре ты сказала мне, что когда я окажусь наверху, когда передо мной откроются все пути и невероятные возможности обладания властью, я обязательно скажу тебе: «Мама, спасибо тебе, за то, что была такой сукой».

— Прекрасно помню, — кивнула Доминика.

— Так вот что я хочу тебе сказать…

Николетта вдруг замялась. Ладони ее уже налились

пламенем, глаза полыхнули ярче. Она даже открыла была рот, но осеклась на полуслове.

— Скажи-ка мне пожалуйста… а ты на самом деле моя мать? — спросила вдруг Николетта.

— Я тебя не рожала. Но если брать вопросы крови, то да, ты моя дочь.

— Твой муж… Альфредо. Мой отец?

— Нет.

— Кто мой настоящий отец?

— Не думаю, что тебе стоит это знать.

— Не проверяй на прочность крепость моего терпения.

— Твой настоящий отец — герцог Франческо Бальтазар Сфорца.

Николетта застыла, кусая губы и осмысливая услышанное.

«Как?» — только и бился у нее вопрос в мыслях.

— Никто и не говорил, что это было просто, — усмехнулась Доминика. — Ники, еще раз — ничего личного. Ты уже на пути самой вершине, и с этого подъема тебе не свернуть. Сотни самых влиятельных людей мира захотят тебя столкнуть. И даже если ты решишь развернуться и уйти с этого пути, тебя просто уберут навсегда. Ники, поверь, я могу быть тебе полезной. И…

Николетта при этих словах матери вздрогнула, словно ее коснулось нечто отвратное. Мысль о том, чтобы продолжить с Доминикой общение, холодила отвращением сильнее, чем прикосновения ощущаемых как змеиная кожа рук инквизитора.

— Можешь. Но мне не нужна твоя помощь: дорогу молодым, и все такое. К тому же у меня есть Массимо.

— Он тебя бросил, — покачала головой Доминика. — Где сейчас твой Массимо?

— Знаешь, что?

— Что?

— Ты была права. Я действительно хочу сказать тебе: спасибо, что ты была такой сукой, — резко завершила разговор Николетта. С ее руки сорвался плотный и небольшой огненный шар, который влетел в грудь Доминики. Прожигая плоть, шар взорвался, превращая верхнюю половину тела в черную головешку.

— Мразь, — только и вымолвила эпитафией Николетта. Вздрогнув и передернув плечами, все еще чувствуя отвращение, она шагнула назад. Ноги ее подвели — от переживаний, запаха горелого мяса и паленых полос девушку замутило и она, словно пьяная, облокотилась на алтарь.

— Мне нужно поскорее увидеть Массимо, — сообщила она Валере. Но едва увидела, как он отвел взгляд, забыла обо всем.

— Где он?

— Понимаешь…

— Где. Он.

— Видишь ли, с Артуром никогда нельзя быть полностью в чем-то уверенным… но дело в том, что для того, чтобы дать мне возможность тебя спасти и преодолеть защитный барьер, которым этот… Бергер накрыл твой, дом, ему пришлось…

— Ему пришлось что?!

— В общем, Артур чуть-чуть умер.

Глава 24

Темнота. И пришедшее постфактум осознание того, что очнулся.

В голове небольшая спутанность мыслей, но это не мутная тяжесть неушедшего сна; ясность сознания полная. Сумбур как раз из-за этого, что все мысли, чувства, ощущения и эмоции навалились сразу и без раскачки.

Но самое главное в том, что я чувствовал — я жив. Это осознание наполняло меня самым настоящим восторгом. Я сейчас словно плавал в океане чистого, незамутненного счастья. Причем в буквальном смысле — меня как будто мягко покачивало, словно в колыбели. Может быть это такое ощущение после воскрешения? Хотя я не первый раз на эшафоте и раньше таких ощущений не было…

Но все же легкое недоумение от легкой качки многократно перекрывал восторг от вернувшихся тактильных ощущений. Как прекрасно чувствовать тяжесть собственного тела, ощущение простыни по голой коже, прикосновения доверчиво прижавшихся к тебе горячих женских…

Так, стоп.

Перед взором стоит красная пелена — так бывает, когда смотришь на яркое солнце. Или солнце смотрит на тебя. Так и есть — когда я открыл глаза, в глаза ударило яркое утреннее солнце. Лучи которого светили через небольшое открытое окно, на котором даже плотные шторки есть, вот только не опущенные.

От прямых солнечных лучей я сморщился и глаза сразу закрыл. Но перед памятью взора остались не только ярко-красные световые пятна, но и замеченный на краткий миг антураж места, где нахожусь. Антураж, осознание которого помогло сформировать образ окружающей меня сейчас реальности. И это явно не Место Силы, в котором проведен ритуал воскрешения.

Я сейчас в каюте яхты. Вот отчего присутствуют ощущение парения. Сейчас раннее утро, самый рассвет — сильного волнения нет, но все равно чувствуется, что мы не на твердой земле, яхта едва-едва покачивается.

Лежу я на спине, на широкой кровати. Даже на широком ложе — занимающим почти всю носовую каюту. Причем судя по размеру каюты, по угадываемым обводам корпуса, яхта размеров весьма приличных — минимум сорокафутовый круизер.

Но самое главное ощущение — я лежу в обнимку с двумя девушками. Нагими девушками. Да и сам я в наряде Адама, а накрывающая нас простынь сбита в сторону, к ногам.

В картинке памяти на миг открытых глаз я видел, что слева у меня на плече темные волосы, справа волосы светлые. Две головы на моих плечах, руки девушек переплелись, обе равномерно сонно посапывают.

Сейчас правда, судя по изменившемуся дыханию и ощущаемому мною короткому шевелению, яркое поднимающееся солнце, видимо только-только заглянувшее в иллюминатор, разбудило и девушек.

Кто-то вечером жалюзи забыл закрыть? Или это сделано специально, потому что привычка вставать с первыми солнечными лучами — это хорошая привычка?

На несколько секунд я даже задумался над этим вопросом. Просто потому, что думать над таким простым вопросом легче, чем над сонмом вопросов остальных, на которые у меня ответа нет.

Кали, Валера, темный мир отражения, клубящаяся пелена смерти… Николетта. Чем все закончилось? И самый главный сейчас вопрос: что, собственно, вообще здесь и сейчас со мной происходит?

Где я?

Девушка, которая лежала слева (которая с темными волосами, как подсказала картинка памяти), и которая меня обнимала (и которую я обнимал) вдруг пошевелилась.

— Свети-и-ик, — протянула она.

— Мм? — сонно ответила вторая, та которая справа и та которая со светлыми волосами. Потянувшись, она отлипла от меня и перекатилась на другой бок, завозившись в поисках простыни.

— Светик, сегодня твоя очередь завтрак готовить, — а вот эта девушка, когда проснулась, наоборот прижалась ко мне крепче.

— Мм, — снова не очень определенно и сонно ответила Света.

— Свети-и-ик. Ну вставай… Утро, завтрак, взять-взять! — я почувствовал, как та девушка, которая слева, перегнувшись через меня пихнула Светика в плечо.

Света. Светленькая.

Я ее помню. Юный и на вид наивный ангел, но с жесткой деловой хваткой — именно такой я ее запомнил за все то время, пока мы вместе работали.

А вот та, которая слева, которая сейчас лежит на мне и пихает Светика — это Вика. Роковая женщина. Ангел… ну, если не темный, то очень близкий к этому идеалу. Именно такой я ее запомнил за то время, пока мы вместе работали.

И давным-давно, в другом времени и пространстве, мы

втроем — Света, Вика и я, возвращались с небольшого мероприятия на работе, посвященному моему неожиданному увольнению.

Возвращались со смехом, шутками и прибаутками. А еще — также все трое, с некоторым возбуждением предвкушения продолжения банкета, который планировали совместно организовать уже у меня дома. Инициатором тогда выступила Вика, и она же уговорами не дала сбежать явно засмущавшийся перспективами Свете.

«Светик, если ты сейчас поедешь домой, ты будешь жалеть об этом всю оставшуюся жизнь!» — хорошо помню, как перегнувшись через стол в ресторане, заговорщицки громко шептала Вика.

Веселье нам, вернее лично мне (Олег, который оказался в моем теле, как понимаю тогда не потерялся), испортила в тот вечер Ангелина Владимировна. Финансовый директор компании из которой я увольнялся, и по совместительству демонесса, которая вынула мою душу из тела и отправила в далекое-предалекое путешествие, в котором меня перехватил Астерот.

Это что же получается, смерть в темном мире отражения вернула меня обратно в старый мир, в первое собственное тело?

По спине пополз холодок. Я не хотел сюда возвращаться… вернее, я хотел, очень хотел — мне все эти разборки, смерти и кровь порядком настоутомили. Но не сейчас — у меня еще куча незавершенных дел! И Николетта… И Саманта… И Анастасия и Ольга — ни с одной еще не договорил, не все обещания выполнил.

Да и судьба мира, если уж на то пошло, тоже не решена…

— Свети-и-к, — между тем протянула Вика. — Света… Светлана! — снова перегнувшись через меня, осыпав рассыпавшимся водопадом волос, грозно пихнула она ее в плечо.

Вздохнув, Света перекатилась обратно, прижимаясь ко мне. Глаз я по-прежнему не открывал, и почувствовал, как легкие поцелуи прошлись мне по плечу, по шее; ощутил, как Света мягко захватила губами, чуть покусывая, мочку моего уха; ощутил тяжесть груди девушки, которая, потеснив Вику, практически на меня взобралась.

А может быть… может быть все, вся та гиря воспоминаний о перерождении Артура Волкова — это бред воспаленного сознания?

И вечер все же слишком удался?

Но яхта?

Как я сюда попал?

Как-как. Все просто: взяли напрокат, и сейчас где-нибудь в

Финском заливе неподалеку от Питера…

У меня не было такого ни разу — чтобы вот так погулять, и несколько дней из памяти в минус. Но я неоднократно о таком слышал, а как говорила одна моя подруга — все когда-нибудь бывает в первый раз…

— Арту-ур, — между тем промурлыкала Света мне прямо в ухо. — А ты помнишь… ты помнишь, как недавно было двадцать третье февраля?

Хм. Из своей «прошлой» жизни, с момента падения на грязный кафель в туалете гипермаркета, я не помнил вообще ничего. И это было в августе. Воспоминаний о совместно проведенном с Викой и Светой двадцать третьим февраля даже близко не было.

Отвечать я не стал. Показывать что проснулся тоже.

Возникла долгая пауза.

— Артуу-ур… мур-мур-мур, — чуть громче зашептала Света и сильнее прикусила мочку моего уха зубами.

— П-п… помню, — не сразу справился я с хриплым со сна голосом.

— А помнишь, когда мы, в двадцать третье февраля, сидели в ресторане вечером, ты помнишь, что ты мне тогда сказал? — продолжила томно шептать мне на ухо Света.

Первоначальный ужас потери от того, что все привидевшееся мне о жизни в другом мире — бред, начал понемногу отступать. Ладно день-два потерять, но полгода?

Впрочем, остальные вопросы как были, так и никуда не ушли.

— Арту-ур! — требовательно прошептала Света, и еще раз сильно прикусила мне мочку уха, напоминая о себе.

— Наверное я сказал, что ты прекрасна как богиня? — предположил я беспроигрышный вариант.

— Не-е-ет! — одновременно возмущенно и довольно проворковала Света. — Ты сказал мне, цитирую: «Молчи женщина, твой день восьмое марта!»

— Да я не мог такого сказать.

— Было-было, я свидетель, — сонным голосом подтвердила Вика с другой стороны.

— Меня подставили.

— Артур, а ты знаешь, какой сегодня день на календаре? — снова заворковала Света.

— Эм… Двадцать первый год, но я не очень уверен.

— Две тысячи двадцать первый год, если быть точным. Месяц — март. Число — восьмое.

— Эм…

— Будь джентльменом, встань и иди приготовь своим

девушкам завтрак.

Спорить я не стал. Зевнув, и нещадно щурясь от яркого солнца, я приподнялся.

— Стой, — перехватила меня за руку Света, щурясь от солнца.

— Что?

— Артур, скажи что-нибудь, пожалуйста…

— Эм… что-нибудь, пожалуйста.

— Молчи мужчина, твой день двадцать третье февраля! — с победным видом ткнула мне пальцем в грудь Света. И, довольная, приземлилась на кровать, пряча лицо в подушке.

Детский сад — вздохнул я, и слез с широкого ложа.

— Арту-у-ур, — почти в один голос протянули девушки, когда я выходил из каюты.

— Что?

— Шторки закрой! — уже в унисон сказали они.

Прикрывая шторки, выглянул в иллюминатор. Нет, не Финский залив — таких высоких зеленых гор, с желтыми, выжженными солнцем обрывистыми склонами, вокруг него нет. Но даже без гор понятно, что не окрестности Петербурга — море южное. В Балтийском, даже летом большую часть времени похожем на расплавленный свинец, такой лазури не было и нет. И не будет.

Шторы отсекли солнечные лучи, в спальне воцарился комфортный полумрак, и я вышел из носовой каюты. И сразу уткнулся в душевую кабину. Даже две — справа, и слева. То, что нужно. Мне бы мысли в порядок привести, а во время утреннего душа это получается лучше всего.

Прежде чем зайти в душ, осмотрелся. Яхта, на которой я оказался, пусть и немаленькая, но не огромная океанская лайба — все довольно компактно. И от душевой кабины, которая сразу за выходом из каюты, хорошо видна кают-компания. Где на столе стоит две пустые бутылки из-под вина, высокие пузатые бокалы, тарелки с остатками закусок.

Да, вчерашний вечер явно не переставал быть томным, подумал я, откатывая в сторону створку душевой кабины и шагнув внутрь.

«Все возвращается на круги своя?» — поинтересовался в ледяном спокойствии внутренний голос.

Очень своевременный вопрос — подумал я, глядя в зеркало. Потому что из зеркала на меня, неожиданно — но, впрочем, ожидаемо, смотрел хорошо сохранившийся, свежий и бодрый старый я. Ну ладно, не совсем свежий — помятый чуть-чуть, да и небритость уже почти недельная. Но все же пусть и не агент «007»

в полном лоске, но далеко и не агент «7:00», придавленный тяжелым утром рабочего понедельника.

Опершись рукой на раковину, я внимательно себя старого рассматривал.

Да, тот самый «я», которым я был до того момента, как началась все эта история с переселением душ и путешествием между мирами.

Может это действительно глюк был? Сон плохой? А вчера просто выпили немного больше положенного? Попался некачественный винный продукт, и привет-пока память за последние полгода…

Ладно, надо что-то делать — постоять с открытым в удивлении ртом я еще успею, подобная опция всегда открыта.

— Я тебя не знаю, но я тебя побрею, — сообщил я собственному отражению, и открыл ящик в поисках триммера. Бритвами я не пользовался последние лет десять — слишком раздражительная кожа на шее. Триммер, кстати, сразу брать не стал. Рука застыла на полпути к полочке шкафчика.

Нет, ну а вдруг.

«Разбежался», — прокомментировал внутренний голос.

Я и сам в подобную возможность не верил. Но все равно, не в силах сдержаться и не проверить, поднял правую руку и попытался сформировать простенький знак Огня.

…! — позвал я падшую женщину.

И еще позвал ее раз неколько, глядя как на кончиках пальцев затухает небольшой язычок пламени.

— Ах-худивительное дело, — пробормотал я себе под нос ошарашенно.

Все еще не в силах поверить в происходящее, сформировал еще один небольшой отсвет истинного Огня. Сил в этот раз вложил побольше, поэтому ждать, пока Огонь рассосется сам, пришлось значительно дольше.

Бриться я не стал. И так играясь с Огнем прилично времени потратил — так что быстро принял душ и освежившись, направился на кухню. По пути осмотрелся в поисках одежды, и нашел валяющиеся за диваном мужские пляжные шорты и футболку.

На кухне, едва открыв холодильник, громко хмыкнул.

— Если к вам пришли гости, а у вас ничего нет, пошлите человека в погреб, пусть принесет два фунта ветчины, дюжину яиц, фунт икры, красной или черной, и после приготовьте легкие закуски по следующему рецепту… — пока доставал продукты из наличия, цитировал я одну небезызвестную кулинарную книгу.

Подумав и прикинув план действий, приступил к

приготовлению завтрака. Вскрыв упаковку бекона, бросил шесть ломтиков на сковородку, закинул с десяток порезанных напополам помидоров черри, залил все это дело яйцами, после чего закрыл крышкой, оставив доходить до кондиции. Порезал два огромных спелых авокадо, не выкидывая вычищенные половинки, заполнил их порезанными кубиками мякотью и нашинкованными креветками. Достал мюсли, залил йогуртом, почистил приличных размеров желтый и сладкий даже на вид манго, помыл и порезал несколько золотых киви.

Когда выжимал лимон в мохито, послышался шум воды — кто-то из девушек встал и уже принимал душ. Это была Света. Потому что Вика тоже поднялась с кровати, но первым делом отправилась не в душ, а подошла ко мне. Я этого не видел — почувствовал, когда она обняла меня со спины.

— Вау, да ты просто полон скрытых талантов — прокомментировала Вика, тесно прижавшись ко мне грудью. — Может у нас теперь постоянно восьмое марта будет?

Я обернулся чтобы ответить, но вместо этого получил приятный поцелуй.

— Я купаться, — почти сразу отпрянула Вика, отходя к лесенке наверх и поднимаясь на палубу.

Одеждой она, кстати, так и не озаботилась. И судя по услышанному всплеску, Вика нырнула в море сразу, едва оказалась на палубе. Плавала она больше десяти минут — Света уже успела принять душ и прийти ко мне на кухню, восхитившись завтраком.

— У-ух ты! Может у нас постоянно теперь восьмое марта будет? — поинтересовалась девушка.

— Све-ет! — послышался голос Вики с палубы.

— А?

— Иди сюда!

— Зачем?

— Свет, ну скорее!

В проеме выхода я видел, как Вика, высоко подняв сцепленные руки, стоя на палубе с наслаждением потягивается, щурясь на солнце как довольная кошка.

— Свет, ну скорее же! — замахала она рукой.

— Да иду, иду! — протянула Света, выходя.

Через несколько секунд раздался ее короткий взвизг, и Света — с румянцем на щеках, залетела обратно вниз.

— Там катер с рыбаками неподалеку! — пояснила она причину своего смущения. — Пялятся на Вику, лопочут на своем!

Света еще возмущалась, а громко смеющаяся Вика зашла следом. Я как раз уже накрыл на стол и торопливо приводил

кухню в порядок после приготовления завтрака. Убрав вымытую сковородку в нижний ящик стола, резко встал. Не очень удачно — место незнакомое, так что вошел я прямо темечком в угол одного из навесных шкафов.

— Артур! — услышал я слитный, одинаково испуганный возглас девушек.

Перед глазами на миг вспыхнули радужные звезды, и тут же потемнело. И одновременно с этим время вокруг неожиданно, но уже привычно остановилось.

— Артур, — эхом к выкрику девушек произнес кто-то за моей спиной. Только совершенно спокойно, без экспрессии взволнованного крика.

Обернувшись, я увидел Астерота.

— Давно не виделись, — вместо приветствия произнес я.

— Скучать начал? — усмехнулся архидемон, проходя в кают-компанию и занимая один из диванов. И едва сев, показывав мне на место напротив.

— Чай, кофе? Может быть что покрепче?

— Может сразу к делу?

— Как угодно. Проходи присаживайся, — еще раз показал мне на место напротив Астерот.

Я прошел к столу. При этом я вышел из своего тела — мой двойник так и остался стоять на месте. Когда я садился напротив архидемона, невольно скосил взгляд на примечательную картину в другом конце салона яхты — «я», сморщившись от удара головой о шкаф, и две устремившиеся ко «мне» нимфы.

— Для начала поздравляю. Ты можешь считать наш контракт исполненным, — отвлек меня от созерцания Астерот.

Осознание услышанного — как и возможные последствия и следствия, дошло до меня не сразу.

— На справку-подтверждение могу рассчитывать? — поинтересовался я внешне невозмутимо, но при этом просто теряясь в смешанных чувствах.

— Да без проблем, — рассмеялся архидемон.

Прямо передо мной в воздухе соткалось изображение листа контракта. Того самого, в котором говорилось, что Князь Астерот обязуется обеспечить перемещение моего духа в иное тело, избавляя от участи мученичества в геенне огненной, куда я был отправлен демонессой из нижнего плана бытия, а Артур Волков в свою очередь обязуется прожить жизнь во вверенном ему теле, соблюдая законы божьи и человеческие так, как понимает их. И снизу — моя подпись.

Буквы на созданном листе вдруг поплыли — переписываемый текст начал видоизменяться. Прочитав, я усмехнулся — теперь

документ говорил о том, что является справкой, которая дана Артуру Волкову в том, что он полностью выполнил обязательства по контракту с Князем Астеротом, и стороны взаимных претензий и обязательств друг к другу более не имеют.

— Можешь оставить себе. Ты ведь уже знаешь, как открывать пространственные карманы, — усмехнулся архидемон.

Прочитав еще раз текст документа, я действительно попробовал. Лист, когда я его коснулся, обрел материальность и вскоре исчез, спрятанный мною в пространственный карман.

— И что дальше? Конец истории? — несколько растерянно спросил я.

— Что-то кончится, что-то начнется. Все пути открыты перед тобой, — пожал плечами Астерот.

— В смысле…

— В смысле живи как хочешь, — кивнул архидемон на замершего «меня», Вику и Свету.

— А Олег?

— А что Олег?

— Где он?

— В этом теле, — вновь кивнул Астерот на упавшего и замершего «меня».

— И… что с ним будет?

— Ничего.

— Что значит ничего?

— То и значит. Понимай буквально — совсем ничего.

— Его душа…

— Она исчезнет. Твой дух сильнее, и в привычном теле он вытеснит ее.

— Куда?

— В никуда.

— То есть получается, что я лишаю его жизни?

— Он этого даже не заметит. Уснул вчера, и больше не проснулся.

— То есть, если я вернусь в свое тело, его душа перестанет существовать.

— Да.

— А другие варианты есть?

Спросил я, держа в уме слепок своего оцифрованного разума. Потому что там, в темном отражении другого мира, где я своей смертью открыл дорогу Валере на светлую сторону, остался блок сохранения моей личности.

Если бы я был одержимым, эта смерть — на темной стороне, стала бы для меня окончательной. Но установленный с помощью Маши блок сохранения личности, если ей верить, безо всякой

магии. Поэтому то, что одержимому смерть, бионическому человеку — ехало-болело.

— Конечно, другие варианты есть, — улыбнулся Астерот. — Иначе зачем бы я здесь появился?

— Так может меня по-быстрому обратно, блок сохранения личности же остался… Он же остался? — с замиранием сердца спросил я.

— Да, блок остался. Но, видишь ли, в чем дело: есть мироздание. И в нем нет правил. Но в то же время есть правила, которые нельзя нарушать.

— И какое правило нельзя нарушать?

— Это не то, чтобы правило. Но в одном мире не может возродиться две ипостаси одной души. Для возвращения к жизни всегда вакантно лишь одно место, — еще шире, словно Чеширский кот, улыбнулся Астерот.

— То есть, сейчас Саманта в том мире воскресит меня, того меня, первого, использовав для этого кукри…

— Да.

— И после этого воскресить этого «меня», — коснулся я ладонью груди, — станет невозможным?

— Ты прав.

— Так а… тогда какие варианты для меня? Для меня, — вновь уточняюще похлопал я рукой в грудь.

— Разнообразные. Правда, всего два. Первый, — кивнул Астерот на компанию в другом конце салона, я уже озвучил: — Ты можешь остаться здесь, в своем прежнем мире в своем прежнем теле, вернувшись в свою прежнюю жизнь, которая никогда не станет прежней…

Астерот сделал паузу специально.

— И заплачу за это душой Олега, — произнес я то, что архидемон хотел от меня услышать.

— Exactly, как ты любишь выражаться на англосаксонском языке. Именно так.

— Или?

— Или ждать, — улыбнулся архидемон, даже не скрывающий наслаждения от беседы.

— Ждать чего?

— Того, что тебе, тому тебе, которого вернет к жизни Саманта, станет тесно в отдельно взятом мире, и ты его покинешь.

— То есть, если…

— Нет, — покачал головой Астерот, не дав мне договорить. — Игдрассиль, как ты его представляешь в виде Терры, ее отражений и связанных миров — таких, как уже

известные людям Инферно или Лимб, это единый мир. Имеет место неточность в формулировках — Инферно, Лимб, Изнанка, темное отражение — это не отдельные миры. Это все планы и отражения одного, истинного мира. И пересечение «тобой» границы между Террой и Инферно не даст возможность тебе, своему дублю, возродиться.

— На что же мне тогда надеяться?

— Помнишь, что именно ты мне как-то пересказывал о Колесе миров, как его представляют великие умы твоего нового мира?

— Конечно помню.

— От этого представления правда невероятно далека, вселенная намного сложнее. Но для простоты понимания, давай назовем это Сферой. Сфера миров, в которой таких колес пересекается тысячи. Представил?

— So so, — кивнул я, сделав неопределенное движение рукой. — Я простой сержант запаса, но все же не совсем безнадежен.

Астерот в ответ с удовольствием рассмеялся.

— Ах, как давно я не мог говорить со смертными как с равными, — даже покачал он головой, но сразу посерьезнел.

— Итак, Сфера миров. Она отнюдь не статична: движение — это жизнь, как ты знаешь, и миры тысячами колес двигаются по отношению друг к другу. И так получилось, что заканчивая тысячелетний цикл, еще ближайшие пятнадцать лет рядом с твоим новым миром, с миром где ты провел последний этап твоей жизни, находится мир соседний.

Для того, чтобы в него попасть, не обязательно преодолевать все непроходимые защитные верхние или нижние планы отражения истинного мира, все места обитания Светлых и Темных Альвов. Последние тысячу и еще пятнадцать лет эти два мира находились и будут находиться настолько рядом, что можно просто пересечь границу между ними. И более того, это уже однажды было сделано. Люди из твоего нового мира попали в этот соседний мир. В мир, который не является отражением или иным планом их истинного мира. Они попали в соседний мир, который — более того, не является даже двойником планеты-колыбели человечества.

Я вдруг догадался, о чем речь.

— Обнаружив туда путь, они назвали этот мир Альбион?

— Я в тебе не сомневался, — хлопнул в ладоши Астерот. — Именно так, его назвали Альбион. И в этот соседний мир отправилась экспедиция во главе с герцогом Родезийским.

— С отцом Саманты, — уточнил я.

— Это вопрос? — взметнул брови Астерот.

— Да. С этими путями Происхождения не всегда можно быть уверенным где отец, где мать, где брат с сестрой, а где муж с женой.

— Да, экспедиция с отцом Саманты во главе. И чтобы ты, именно ты, — показал даже в меня пальцем Астерот, — получил возможность вернуться к жизни в своем новом мире через блок сохранения личности, надеяться ты можешь только на то, что воскрешенный Самантой «ты» все же выберешь ее себе в жены и отправишься в Альбион на поиски пропавшей экспедиции. Ну, или что ты умрешь истинной смертью, чего я бы тоже не исключал.

— Но…

— Но?

— Но если в мире может быть только одна душа, то…

— То что?

— Если я, тот я, смогу вдруг вернуться из Альбиона обратно…

— Нет. Не сможешь. Дорога в тот мир — так уж получилась, это дорога в один конец, как прыжок со скалы. Или, как ты недавно говорил, система ниппель — туда дуй, а обратно потока воздуха нет. Ретроградный Меркурий, Марс в Деве, Луна в оппозиции, это все сложные материи, знаешь ли, — Астерот явно забавлялся.

— Ясно, — кивнул я.

— Подумать надо?

Что тут думать? Как будто я самого себя не знаю.

— Нет, не надо.

— Выпить?

— Нет.

— Точно?

— Точно.

— Ты так в себе уверен?

— Конечно. Если обещал жениться, значит не отступлюсь от своего слова.

— А ты уверен, что Саманта откажется от перспективы власти над миром для… для чего? Для путешествия в неизвестность?

— Не откажется.

Я помню, как и о чем мы говорили с Самантой. И помнил ее жгучее желание подготовиться, и отправиться по следам потерянной экспедиции своего отца.

— То есть ты веришь, что «ты» легко сможешь поменять власть над известным миром на возможность увидеть новые миры? — продолжил отговаривать меня архидемон.

Пфф, странный вопрос.

— Да. Если есть место, где еще не все острова давным-давно открыты, я не удержусь чтобы его навестить.

— Хорошо, — покладисто согласился Астерот. — Готов?

Обернувшись, я последний раз осмотрел «себя», замершего с гримасой боли после удара головой, Свету и Вику, которые с искренней заботой кинулись ко мне; посмотрел и на приготовленный завтрак — который, как это несправедливо, мне даже не попробовать.

Уже в который раз оказываюсь в роли остановленного перед самым призовым местом участника событий, оставляя вместо себя снимать сливки Олега.

— Конечно готов. К чему только? — вздохнул я.

— Ты готов к ожиданию в забвении? — улыбнулся Князь Тьмы.

— Да мне то все равно, промелькнет ведь как один миг.

— Я восхищен, — покачал головой архидемон.

— Да я сам… удивляюсь. Поехали, чего тянуть?

— Поехали, — эхом повторил Астерот. Кивнув мне на прощание, он артистичным жестом щелкнул пальцами.

И вокруг вдруг стало темно.

Послесловие

Этот отрывок вы прочли бесплатно благодаря Телеграм каналу *Red Polar Fox*.

Если вам понравилось произведение, вы можете поддержать автора подпиской, наградой или лайком.